UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00276186 4

Е.С.ГК.АГО.
Izmaĭlov, Aleksandr Aleksandrovich

А. Измайловъ.

Literaturnyĭ Olimp

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЛИМПЪ.

Левъ Толстой,
Чеховъ,
Андреевъ,
Купринъ,
Горькій,

Сологубъ,
Ясинскій,
Брюсовъ,
Саліасъ,
Соловьевъ.

Характеристики, встрѣчи,
портреты, автографы.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, собств. домъ.
Москва. — 1911.

LIBRARY
2 1974

PG
3011
I9

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЛИМПЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Левъ Толстой.

Патріархъ русской литературы 3
На стражѣ правды 15
Разрушеніе игры 27
Въ Ясной Полянѣ 37

Антонъ Чеховъ. 65

Погасшіе замыслы Чехова 86
Двадцать пять лѣтъ по ложному слѣду 123
Вѣра или невѣріе 133

Максимъ Горькій.

Русскій человѣкъ на духу 183
Куда надлежитъ мѣщанская душа 198
На чужихъ рельсахъ 210
У Горькаго на Капри 224

Леонидъ Андреевъ.

Къ звѣздамъ 235
Художественные ребусы. I. Оправданіе Іуды 251
II. Потемки души 262
III. Клиническая литература 275
На первомъ чтеніи „Разсказа о семи повѣшенныхъ“. 285

Ѳедоръ Сологубъ.

Загадки сфинкса 297
Чарованья красныхъ вымысловъ 326

Стр.

Александръ Купринъ.

Пѣсни земной радости 339

Валерій Брюсовъ 373

Іеронимъ Ясинскій 399

Графъ Саліасъ.

Романистъ на покоѣ 417

Всеволодъ Соловьевъ 459

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Вмѣстѣ съ великимъ Громовержцемъ Зевесомъ возсѣдаютъ на Олимпѣ и „боги меньшихъ племенъ“, и предъ всѣми ими одинаково останавливается съ золотой чашей вѣчно юная Геба.

Вотъ отвѣтъ автора тѣмъ, кто указалъ бы, что не всѣ имена, вошедшія въ эту книгу, равны въ чести, что мѣсто нѣкоторыхъ изъ нихъ на высокомъ Олимпѣ можетъ быть пререкаемымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ, вошедшихъ въ книгу, только слава великаго патріарха нашей литературы да Чехова стоитъ непреложна. Какъ бы ни громка была извѣстность другихъ именъ,—около нихъ сегодня еще шумитъ и воинствуетъ вражда, столь же пламенная, какъ любовь и поклоненіе.

Но у всѣхъ этихъ именъ есть или былъ свой часъ настоящаго успѣха. За всѣми ими неотрицаема своя доля безспорнаго просвѣтительнаго вліянія. Всѣ они способны интересовать, какъ писатели и люди. Всѣ они вписываютъ свою страницу въ наши лѣтописи.

Ко всему этому, эта книга только первый томъ большого начинанія, которое должно дать цѣлую галлерею великихъ и малыхъ въ литературѣ.

Книга эта писалась и печаталась, когда еще въ Россіи жилъ Толстой. Его смерть ничего не мѣняетъ въ статьяхъ о немъ. И закатившееся солнце есть солнце. Только вмѣсто счастливаго „есть“ читатель уже долженъ вездѣ ставить печальное „былъ“.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

ПАТРІАРХЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Какъ, вѣроятно, всякому пишущему, мнѣ не разъ въ жизни приходилось слышать отъ людей, «начинавшихъ» въ литературѣ и первыми неудачами приведенныхъ въ отчаяніе, такія слова:

— Испробовалъ все, и все неудачно. Теперь одна надежда на Толстого. Пойду къ нему. Какъ онъ скажетъ,—такъ тому и быть.

Я встрѣчалъ людей, попадавшихъ въ ужасные житейскіе «переплеты», измучившихся до предѣла въ нравственной борьбѣ. Они говорили:

— Вотъ поѣду въ Ясную Поляну.

Или:

— Вотъ напишу Толстому, спрошу совѣта.

И въ ихъ глазахъ вспыхивалъ огонекъ послѣдней надежды, и они писали, ѣхали, исповѣдывались. Я видѣлъ десятки интеллигентовъ, для которыхъ заѣздъ въ маленькую тульскую деревню былъ страстною и вѣчною мечтою жизни.

Начинающему неудачнику изъ самоучекъ можно было бы просто возразить, что Толстой не передастъ ему таланта, если у него нѣтъ своего. Для каждаго нрав-

ственно измучившагося человѣка Толстой не могъ бы, если бы и хотѣлъ, писать спеціальные успокоительные трактаты.

Но въ этомъ довѣрчивомъ исканіи опоры въ великомъ старикѣ, но въ этомъ сознаніи, что есть тутъ, на родинѣ, кто-то мудрый и сильный, кто пойметъ, утѣшитъ, научитъ, въ этомъ тяготѣніи всѣхъ, отъ интеллигента до простеца, къ одной точкѣ, затерявшейся среди необъятнаго русскаго простора, — символизировалась великая тяга русской земли къ этому богатырю мысли, пророку и учителю современности.

II.

Именно такъ же всякій разъ, когда пролетало надъ Россіей что-нибудь большое, новое, страшное или радостное,—гораздо чаще, конечно, страшное, потому что уже давно Россія не знаетъ радостей, — наши взоры ожидательно скрещивались на маленькой географической точкѣ въ центрѣ Россіи, и мы взволнованно и жадно ждали, что скажетъ на наши сомнѣнія, на наши ожиданія яснополянскій мудрецъ.

И никогда эти надежды не были обмануты. Его слово, какъ Божій громъ, ударяло въ самыя основы зла, безстрашное, дерзновенное, принудительно убѣждающее.

Такъ прогремѣло его «Стыдно», заклеймившее порку крестьянъ въ XIX вѣкѣ. Такъ властно и мужественно говорилъ онъ правителямъ, политикамъ, революціонерамъ, капиталистамъ, говорилъ во время голода и войны, погромовъ, убійствъ и политическихъ казней, религіозныхъ преслѣдованій побѣдоносцевской поры, въ разгаръ плевенской вакханаліи политическаго произвола, когда самый юбилей его казеннымъ циркуляромъ строжайше предписывалось печати—замолчать.

Только ненадолго въ самые послѣдніе годы, между общественнымъ настроеніемъ и пониманіемъ вещей Толстымъ почувствовалась рознь. Говорили и писали, что Толстой осудилъ порывъ русской свободы. Теперь выяснилось, что здѣсь было больше недоразумѣнія и недопониманія, чѣмъ правды. «Я—противъ движенія, да еще освободительнаго! Что за нелѣпая вещь!.. Смѣшно, что чиновники вздумали вогнать въ карточный домикъ все огромное стремленіе народа къ обновленію жизни и овладѣть этимъ стремленіемъ»... Это онъ самъ сказалъ въ одной бесѣдѣ.

Съ философскихъ высотъ Толстой смотритъ черезъ наши головы, черезъ тревоги и борьбу нашего дня въ безконечно отдаленное, мечтаемое царство высшей правды на землѣ. А намъ больше всего дорогъ нашъ день, и насъ больше всего потрясаетъ вчера пролитая кровь...

III.

Эта роль мудраго, «вѣщаго», опоры, роль «старца» въ монашескомъ смыслѣ — есть то центральное, что прежде всего выступаетъ, когда назовутъ имя Толстого. Есть невыразимая радость въ сознаніи, что здѣсь, среди насъ, живетъ и мыслитъ этотъ великій духъ, бьется это удивительное сердце, спокойно и прекрасно совершаетъ свой путь въ вечернемъ свѣтѣ этотъ «могущій понять и научить».

Съ его именемъ за огромный вѣкъ срослось такъ много, съ нимъ такъ переплелись великія и прекрасныя, давно ушедшія тѣни, что онъ кажется какъ бы полубогомъ, взоръ котораго обращенъ назадъ, въ прошлое, хотя онъ и даритъ насъ, сыновей и внуковъ, привѣтомъ своей улыбки.

Такъ сила ободренія, объединенія, добраго внушенія всѣмъ членамъ семьи живетъ въ патріархахъ. Они мо-

гутъ быть слабы. Они могутъ не совсѣмъ раздѣлять порывы внуковъ. Но ими скрѣпляется и держится великій семейный союзъ.

Помню, во время одного разговора о пріемѣ Толстымъ многочисленныхъ къ нему паломниковъ одинъ человѣкъ сказалъ:

— Какъ, должно-быть, ему трудно позволять смотрѣть на себя. Вѣдь это то же, что изображать икону!

Икона, — это грубо, но въ чувствѣ интеллигентнаго преклоненія предъ творцомъ русской Иліады и Одиссеи, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то родственное съ обожаніемъ вѣрующаго.

Вся цѣлостная фигура великаго старика, это «онъ есть у насъ» — наполняли и наполняютъ насъ гордымъ и мощнымъ чувствомъ. Въ немъ у насъ живой «залогъ предъ Европой». «Если геній русскій могъ родить этотъ фактъ, — писалъ Достоевскій объ «Аннѣ Карениной», — стало-быть, онъ не обреченъ на безсиліе, можетъ творить, можетъ давать *свое*, можетъ начать *свое* собственное слово и договорить его, когда придутъ времена и сроки».

IV.

Мы можемъ быть гордыми тѣмъ, что отлившійся, кристаллизовавшійся типъ *представителя столѣтія*, какой скупо даетъ исторія, — для второй половины XIX вѣка дала человѣчеству Россія. Человѣкъ, сдѣлавшій это и самъ явившійся этимъ воплощеніемъ — живетъ съ нами.

Какимъ-то чудомъ двумъ-тремъ людямъ на протяженіи вѣка судьба даетъ назначеніе сосредоточить въ себѣ всѣ лучи столѣтія, всѣ порывы лучшихъ умовъ времени, всѣ благороднѣйшія стремленія сердца. Какъ чудесный драгоцѣнный камень, они испускаютъ изъ себя пламенные лучи, запечатлѣвающіе вѣкъ, на диво

другимъ вѣкамъ. Меньшаго размѣра люди вбираютъ въ себя тоску и порывъ одного-двухъ десятилѣтій. Глѣбъ Успенскій воспріялъ всю интеллигентскую жалость къ народу, Чеховъ вмѣстилъ въ себѣ всю тоску безвременья 90-хъ годовъ. Огромный и титаническій Толстой вобралъ въ себя почти всѣ лучи столѣтія, всѣ сомнѣнія и всѣ исканія его. Онъ такъ же типиченъ для XIX вѣка, какъ Златоустъ для IV, Винчи для XV и Вольтеръ для XVIII.

Это модели вѣка, микрокосмы, самоцвѣты, въ граняхъ которыхъ отражается все солнце столѣтія.

Перенесите Толстого въ вѣкъ Шиллера, или Шиллера въ вѣкъ Спинозы. Невозможно, нелѣпость, безсмыслица! Ребенокъ угадаетъ обманъ. Элементы бронзоваго вѣка въ періодѣ свайныхъ построекъ! Толстой— весь плоть отъ плоти прошлаго вѣка. Читайте его, изучайте по нему «героя нашего времени». Въ немъ все отсюда, — могучее и слабое, великое и ошибочное, красота и недочеты, апоѳеозъ идеаловъ человѣчности и казнь безсильному поколѣнію.

V.

За вѣкомъ великаго отрицанія пришелъ вѣкъ великаго порыва. Отъ отцовъ, начавшихъ Вольтеромъ и кончившихъ Эккартсгаузеномъ, пришло новое поколѣніе Толстого, съ наслѣдственнымъ скептицизмомъ, виноватостью предъ народомъ и унаслѣдованнымъ же исканіемъ Бога и правды.

Если смотрѣть, отойдя въ сторону, съ высоты прожитой Толстымъ огромной жизни,—кажется удивительно планомѣрнымъ, послѣдовательнымъ, стройнымъ и здоровымъ его развитіе и всѣ фазы его исканій, казавшіяся тогда, въ процессѣ, такими неожиданными, недоумѣнными, иногда болѣзненными.

Нѣтъ скачковъ, нѣтъ алогичности. Развивается то, что зачаточно покоилось въ самыхъ первыхъ мысляхъ, въ первыхъ литературныхъ опытахъ. «Вдругъ ударился въ религіозность, въ философію»... Но еще въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» у него былъ такой интересъ къ Богу и его правдѣ, къ исповѣди, къ юродивому Гришѣ, что только слѣпой могъ этого не замѣтить. Какое же «вдругъ»? «Кончилъ сплошнымъ отрицаніемъ существующаго»,—но какъ же могло быть иначе, когда уже ребенкомъ онъ весь ежился подъ малѣйшимъ диссонансомъ жизни, а юношей все переоцѣнивалъ?

Всю мучительную работу вѣка,—его сомнѣніе, невѣріе, его жажду возстанія, его переоцѣнку, отпаденіе отъ культуры, опрощеніе—все это пережилъ и воспѣлъ Толстой. И для переживанія у него была вся тончайшая чуткость нервовъ, и для разсказа—удивительнѣйшія слова, гипнотизирующее колдовство словъ, тайну котораго онъ унесетъ съ собой въ могилу, какъ унесли свою тайну Рафаэль и Корреджіо.

Человѣкъ эпохи проходитъ въ книгахъ Толстого цѣлой галлереей послѣдовательныхъ образовъ. Гдѣ-то Брандесъ дѣлаетъ обзоръ толстовскихъ портретовъ, приложенныхъ къ его сочиненіямъ, оттѣняя выразительность каждаго для извѣстной стадіи его жизни. Такъ можно было бы прослѣдить стадіи общественной жизни по толстовскимъ героямъ. Всюду за ними просвѣчиваетъ онъ самъ, его душа, скептическая, безпокойная, взыскующая. И Иртеньевъ, и Оленинъ, и Пьеръ Безуховъ, и Левинъ, и Позднышевъ, и Нехлюдовъ—все это самъ онъ и за нимъ вся исторія духовнаго раскрѣпощенія XIX вѣка. Никто у насъ съ такимъ правомъ, какъ Толстой, не могъ бы повторить слова Гете: «Всѣ мои произведенія—только отрывки великой исповѣди моей жизни».

VI.

Нужно было пережить эпоху отрицанія шестидесятыхъ годовъ и тоску послѣдовавшихъ десятилѣтій, чтобы дать психологическій ихъ синтезъ. Толстой вмѣстѣ съ Достоевскимъ всего рѣшительнѣе повернули русскую мысль въ область этическаго исканія. Безъ нихъ былъ бы преждевременнымъ, неяснымъ, непонятнымъ явленіемъ Владиміръ Соловьевъ, вся нынѣшняя философія религіи,—Розановъ, метанія Мережковскаго.

Для иностранца Толстой слишкомъ своеобыченъ, оригиналенъ, исключителенъ. Недаромъ его нескоро признали. Недаромъ напряженность его сомнѣнія и капризность его протеста противъ всего строя жизни—Нордау подвелъ подъ понятіе маніи и психоза.

На этой детали, между прочимъ, онъ строилъ свое положеніе о дегенератствѣ Толстого, занося его въ свое прославленное «Вырожденіе».

«Какъ нѣкій демонъ», Толстой подошелъ ко всей, вѣками сложившейся жизни и со всего сдернулъ расположившіеся красивыми складками покровы. «Смотрите: вездѣ маски, мишура, бутафорія». Онъ громко заговорилъ объ ужасахъ режима въ страшное время, когда люди боялись думать о нихъ про себя, и никому не снилось, что скоро откроются ворота Шлиссельбурга. Онъ подошелъ къ правящей церкви и назвалъ ее казеннымъ вѣдомствомъ господствующаго исповѣданія и служанкой государственности, когда еще твердыни казенной церкви казались неприступными, и предъ свѣтскимъ княземъ церкви въ мундирѣ митроносцы покорно гнули выи.

Онъ коснулся русской интеллигенціи и показалъ, какъ грустно не выходитъ ничего изъ самыхъ благонамѣренныхъ потугъ людей дряблаго поколѣнія, парази-

тирующаго на народномъ тѣлѣ. Посмотрите, какъ они неумѣло хозяйничаютъ («Утро помѣщика»), какъ жалки и безтолковы даже въ благородномъ порывѣ и протестѣ («Альбертъ»), какъ оторваны отъ живого нерва народной жизни! Какая сплошная ложь — укладъ свѣтскаго существованія съ грѣхомъ, похотью и глупостью («Соната», «Плоды просвѣщенія»)!

VII.

Истинный сынъ времени, Толстой не зналъ предѣла въ своемъ отрицаніи. Отъ осужденія очиновничившейся обрядовой церкви онъ перешелъ къ колебанію основъ современнаго христіанства вообще. Осудивъ культуру, онъ не остановился передъ безумной и неосуществимой задачей опрокинуть науку. Онъ усомнился во всемъ святомъ и поклоняемомъ. Самыя прекрасныя страницы исторіи показались ему легендами. Вспомнимъ, что онъ бросилъ писать «Декабристовъ», разочаровавшись въ великомъ историческомъ эпизодѣ. «Декабрьскій бунтъ, — написалъ онъ,—есть результатъ вліянія французской аристократіи, эмигрировавшей въ Россію послѣ французской революціи», а не явленіе, стоящее на чисто-русскихъ корняхъ. Онъ пережилъ медовый мѣсяцъ нашего прогресса 60-хъ гг. и далъ этой порѣ убійственно-саркастическую характеристику въ первой главѣ своихъ «Декабристовъ», а Петербургу, пробившему ледъ, усвоилъ уничтожающее имя... «ракетнаго заведенія».

Онъ обрушился на медицину и увидѣлъ въ ней только хищное шарлатанство докторовъ. Ему казалось, что «антропологію выдумали, чтобы больше получать жалованья». Астрономія вызывала его презрѣніе. Онъ отрицалъ науки, потому что, по его разумѣнію, онѣ служили правительствамъ и капиталистамъ, а не народу. Тэнъ для него былъ «просто тупой человѣкъ» и Шекс-

ширъ—посредственный писатель. Онъ билъ науку тѣмъ, что глупые люди трепещутъ передъ микробами, а спиритовъ морочатъ горничныя.

Такъ грандіозное сочеталось въ Толстомъ съ наивнымъ и слабымъ, какъ сочеталось въ людяхъ его вѣка. Михайловскій былъ очень правъ, говоря о толстовской десницѣ и шуйцѣ, — о силѣ большого человѣка и слабости его, низводившей иногда его протестъ до наивности и каприза. Въ этой двойственности образа Толстой перейдетъ въ исторію и предстанетъ на ея судъ.

У Толстого было много ошибокъ, но не ошибается только тотъ, кто ничего не ищетъ. И есть въ немъ черта, которая часто дѣлала даже самыя ошибки его увлекательными и противорѣчія трогательными.

Опережалъ ли онъ современность на четверть вѣка впередъ геніальнымъ прозрѣніемъ, ошибался ли въ томъ, что было ясно прозаической заурядности, — онъ былъ всегда искреннимъ, и что-то прямое, типично-русское, типично-мужицкое чувствовалось въ его напорѣ.

VIII.

Совершенно искренно поклонился онъ правдѣ народнаго чувства и на все сталъ смотрѣть въ ея озареніи. Выше природы для него не было ничего. Разумѣется, вѣчность и безсмертіе осѣнятъ въ его книгахъ именно тѣ страницы, гдѣ онъ больше всего непосредственный и наивный художникъ. Конечно, исторія эстетики запомнитъ его монографіи объ искусствѣ только какъ парадоксъ.

Истинное величіе Толстого, какъ художника, — въ красотѣ простоты, въ удивительной гармоничности съ природой; какъ моралиста — въ прелести искренности, въ пламенности исканія добра, въ этомъ опять созвучіи съ правдой, разлитой въ небѣ, плывущей надъ

лѣсомъ, надъ полемъ, надъ деревней, надъ Каратаевымъ, надъ Акимомъ.

Совершенно убѣжденно и вслухъ онъ заявилъ, что непосредственное творчество мальчугана, записывающаго быль, выше утонченнѣйшаго творчества Гете. То, до чего онъ доходилъ, какъ холодный теоретикъ и резонеръ, онъ самъ долженъ былъ отвергнуть на практикѣ. И я не могъ бы указать въ его біографіи болѣе прекраснаго противорѣчія, чѣмъ его дѣятельность въ голодный годъ, когда онъ добывалъ деньги для голодающихъ, — онъ, раньше осудившій деньги, какъ зло культурнаго разврата.

IX.

Я оглядываюсь на написанное: мнѣ почти вовсе не удалось сказать ничего о чисто-литературныхъ, художественныхъ достоинствахъ Толстого.

Трудно говорить сжато о писателѣ, у котораго каждая сторона его труда даетъ матеріалъ для цѣлой книги. Разумѣется, вѣчные образы останутся послѣ Толстого. Но объ этомъ уже написаны книги. Разумѣется, никто въ Россіи не былъ лучшимъ изобразителемъ психологіи озареній, «просіяній», порывовъ къ возстанію, — чего почти никто выразительно не отмѣтилъ. И характерно и многоцѣнно, что эти рѣчи звучали предъ поколѣніями людей, трагически кончавшихъ самоубійствомъ или спивавшихся.

Чисто-литературная оцѣнка была единственнымъ дѣломъ, возможнымъ въ подневольной странѣ въ отношеніи писателя, самовольно сбросившаго съ себя цензурное ярмо. Вѣдь еще всего только десять лѣтъ съ той минуты, когда позорнымъ соловьевскимъ циркуляромъ русской печати было строжайше запрещено отмѣчать юбилей Толстого, и только заграничная пресса гремѣла хвалами ему.

Литературная оцѣнка Толстого стала достояніемъ учебниковъ. Что-то большее простого писательства выступаетъ сейчасъ въ его образѣ. Порою кажется, что тамъ, впереди, когда умремъ мы, видѣвшіе Толстого лицомъ къ лицу, и исторія установитъ его въ перспективѣ маленькихъ людей и нашихъ маленькихъ дѣлъ,—ему предстоитъ участь облечься въ полулегендарные тона и увеличить собою рядъ тѣхъ великихъ и мудрыхъ, предъ кѣмъ преклоняется человѣчество. Что-то общее съ силуэтами древнихъ пророковъ, древнихъ мудрецовъ вродѣ Сократа, вродѣ нашего перваго философа Сковороды, есть въ Толстомъ,—въ его опрощеніи, въ его дерзновеніи, съ какимъ онъ въ вѣкъ холопства говорилъ правду, пророчествовалъ о Россіи, старался (хотя не могъ!) сторониться искусства, «украшенія» и «заманки» жизни.

Какъ тѣ, онъ, въ сущности, не принесъ на землю ничего новаго, кромѣ сіяющаго нравственнаго образа. Все его нравственное ученіе только возстановляетъ ученіе Христа. Всѣ положенія его морали не новы, потому что вѣчны и всегда покоились въ человѣческой совѣсти. Онъ только стряхнулъ съ нихъ пыль и пепелъ вѣковъ.

X.

Судьба Моисеевъ—не входить въ землю обѣтованія. Они видятъ ее съ высокихъ вершинъ и со слезами радости всматриваются въ ея прекрасныя дали. Но въ самую землю входятъ только ихъ дѣти и внуки.

Какъ бы уныло ни настраивала насъ дѣйствительность,—ясно, что Толстой уже дожилъ до такой рубежной грани, откуда можно видѣть новую Россію. Настоящее мутно, но въ синемъ туманѣ можно уже разсмотрѣть лучшіе дни. О нихъ мечталъ Толстой, пророчески

казня и обличая современность и въ творческомъ словѣ философски осмысливая наше бытіе.

Какъ публицистика въ критику, такъ наша русская философія ушла въ художественное слово. Гдѣ наши русскіе философы? Ихъ нѣтъ. Въ сокровищницу чисто-философскаго знанія Россія не вписала ни одного имени, достойнаго стать рядомъ съ Фихте или Спенсеромъ. Но у насъ есть Толстые, Достоевскіе, Салтыковы, схватившіе всю философію русской жизни въ художественные образы.

И оттого такъ фанатично, такъ напряженно всегда русское художественное творчество. Оно серьезно до страданія и религіозно, какъ молитва. Оно всегда—порывъ на высоты, къ синему небу, къ духовному Іерусалиму. Такъ рвался въ эту землю обѣтованія Толстой, въ біографіи котораго есть красивая символическая подробность объ его попыткѣ ребенкомъ летѣть по воздуху. И какъ тогда онъ упалъ изъ окошка и расшибся, такъ не разъ на протяженіи жизни ему приходилось падать и ошибаться. Но, повторяю, не ошибается только тотъ, кто ничего не ищетъ.

Лѣсковъ однажды сказалъ о задачѣ писательства: «Мы не кружево плетемъ, а идемъ войной на дьяволовъ». Вся жизнь Толстого есть именно такая борьба съ бѣсомъ обмана, съ ложью политики, ложью науки и ложью огражданившейся, очиновничившейся церкви, и его книги свѣтили намъ, какъ огонь маяка. И такъ какъ онъ самъ пламенѣлъ исканіемъ Бога и правды, то сквозь его отрицаніе, какъ сквозь отрицаніе Ренана, чувствуется глубоко религіозная дума, и отъ его книгъ, разрушающихъ и расшатывающихъ подгнившее, вѣетъ не смертью, а строительствомъ жизни.

НА СТРАЖѢ ПРАВДЫ.

I.

Левъ Николаевичъ сидѣлъ за столомъ въ своей столовой и говорилъ о молодой литературѣ. Тогда только что вышелъ разсказъ Леонида Андреева «Элеазаръ». Толстой еще не прочелъ его.

— А о чемъ разсказъ?—спросилъ онъ.

Я началъ въ самыхъ общихъ чертахъ передавать содержаніе фантастической новеллы молодого писателя.

— Элеазаръ—это Лазарь, евангельскій Лазарь, воскрешенный Христомъ. Андреевъ хочетъ угадать, какова была бы психологія этого человѣка, вкусившаго смерти, когда онъ снова вернулся въ царство живыхъ. Для него уже все умерло, ничто земное его не влечетъ, не радуетъ...

Толстой слегка поморщился. Широко разбросанныя грядки его бровей собрались и нахмурились подъ низенькой черной ермолочкой, дѣлавшей его похожимъ на стараго мудраго меламеда.

— Нѣтъ, не разсказывайте! Ну, какъ же это можно представить себя въ обликѣ человѣка, видѣвшаго смерть!.. Вѣдь это же нельзя! И значитъ, это не правда, а выдумка, сочиненіе. Какъ же это въ такомъ случаѣ можетъ быть мнѣ интереснымъ? Творчество есть правда.

Много времени спустя, въ разговорѣ съ Андреевымъ, мнѣ какъ-то случилось вспомнить эту частность бесѣды съ Толстымъ. Молодой беллетристъ улыбнулся и сказалъ:

— Представить себя воскресшимъ Лазаремъ трудно, ну, а скажите, развѣ легче почувствовать себя въ шкурѣ «Холстомѣра»?..

II.

Вотъ два діаметрально-противоположныхъ угла писательскаго зрѣнія. Есть писатели, для которыхъ реализмъ есть все. Нѣтъ искусства, кромѣ реализма. Реальное—это воздухъ, безъ котораго невозможно дышать. Нѣтъ смысла въ фантазіяхъ. Такъ было для Гоголя. Такъ есть для Толстого.

И рядомъ другой взглядъ, открывающій безмѣрный просторъ всѣмъ полетамъ фантазіи. Гюго былъ большой писатель, но въ огромномъ литературномъ багажѣ его не найти почти ни одного лица, которое можно было бы цѣликомъ пересадить въ землю дѣйствительности. Великолѣпныя, поучающія, плѣняющія фантазіи! Какой епископъ въ «Отверженныхъ», точно сейчасъ изъ сонма святыхъ! Какой классическій уродъ въ «Соборѣ Богоматери»—съ сердцемъ праведника!.. Изъ нынѣшнихъ русскихъ писателей, можетъ-быть, никто болѣе Андреева въ этомъ отношеніи не приближается къ Гюго.

Какъ художникъ, какъ философъ-моралистъ и какъ человѣкъ, Толстой весь сказался въ этомъ пятистрочномъ отрывкѣ изъ случайной бесѣды съ случайнымъ гостемъ. Толстой во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ синонимъ «правды». Толстой и «правда»—одно.

Взгляните подъ этимъ угломъ зрѣнія на всю жизнь, на всю художественную работу и на всю нравственную проповѣдь Толстого, и вы увидите удивительную, чисто-

Если мы увидимся здесь,
чего бы всем желать — то
увидимся — мы увидимся а
сообщимся — тамъ т. е. лес
тамъ, а вмѣстѣ земной жизни
ея вторая въ общемъ
и тѣмъ самымъ и тѣмъ самымъ
тотъ Христовъ, въ общемъ
съ К. будемъ видѣть здѣ
ужи въ общемъ высшей
жизни.

Автографъ Л. Н. Толстого.

геометрическую правильность чудеснаго образа писателя, которымъ, по недавнему выраженію Анатоля Франса, Россія можетъ славиться, какъ Эллада Гомеромъ.

Реплика Андреева остроумна, но она не вѣрна. Характерно, что даже въ «Холстомѣрѣ» Толстой остался именно величайшимъ реалистомъ. Его «Холстомѣръ» ведетъ реальнѣйшій разсказъ о человѣческой суетѣ и неправдѣ, и въ немъ нереальна только эта, на минуту допущенная возможность для лошади говорить человѣческими словами. Лошадь явилась для Толстого воплощеніемъ той стихійной, природной правды, того здраваго смысла натуры, который всю жизнь проповѣдывалъ онъ самъ. Думами и чувствами животнаго художникъ осудилъ всю фальшь и всю неправду строя человѣческой жизни, враждебнаго голосу природы.

III.

Написаны десятки статей, показывающихъ, что Толстой есть истиннѣйшій синтезъ русской натуры, подлинный сынъ своей страны и своего вѣка.

Тотъ, кто высказалъ эту мысль впервые, обладалъ огромною чуткостью. Теперь, когда Толстому за 80 лѣтъ когда передъ нами слишкомъ 50 лѣтъ его творчества, и самый образъ его уже при жизни становится въ перспективу исторіи,—не чувствовать этого нельзя сколько-нибудь способному задумываться человѣку. Да, это истинный сынъ земли, Микула Селяниновичъ, крестьянскій сынъ, котораго любитъ мать сыра земля.

И вотъ въ этомъ русскомъ образѣ черта проникновенія правдой, черта вѣчнаго и трепетнаго «исканія правды» есть первая и характернѣйшая. Родина Гёте и Мольера не знаетъ такого мятежа духа, такого «мученичества идеи» въ писателѣ. Для Германіи и Франціи писатель есть прежде всего писатель—служитель искус-

ства, жрецъ красоты, занимательный повѣствователь. Нѣчто типично-сѣверное, что̀ свойственно Ибсенамъ, Достоевскимъ, всегда выдѣляло Толстого. Для Россіи писатель всегда—и властитель думъ, и трибунъ, и пророкъ, и мученикъ. И черты такого пророческаго образа настолько неотъемлемы отъ Толстого, что какъ-то странно говорить о немъ только какъ о писателѣ.

Его хочется представлять въ тогѣ, какъ Сократа, въ хитонѣ, какъ апостола,—до такой степени что-то отъ древняго апостольства, отъ библейскаго пророчества и первобытной мудрости привзошло разъ навсегда въ представленіе о немъ. Уже при жизни въ немъ есть что-то легендарное. Хочется отвлечь его отъ вялой и ничтожной современности, отъ мелкихъ людей, отъ мелкаго сегодняшняго дня. Говорятъ, не видѣвшимъ его не вѣрится, что онъ живетъ. Одинъ журналистъ, посѣтившій его, признавался, что, глядя на него, ему трудно было повѣрить, что передъ нимъ тотъ, кто создалъ великую русскую эпопею,—«Войну и миръ».

— Да нѣтъ, это не онъ! Слабый старикъ, подавшійся подъ тяжестью лѣтъ! Это не онъ. Тотъ—полубогъ...

«Правда» была тѣмъ огонькомъ, который озарилъ уже самые ранніе дни молодости Толстого. Какъ уже тогда онъ ненавидѣлъ всякую фразу! Молодой, еще весь земной, еще озаренный только первыми лучами славы, попавшій въ кружокъ блестящей литературной молодежи, онъ уже весь ежится подъ колючими впечатлѣніями фальши, наблюдаемой вездѣ въ жизни. Всѣ его столкновенія съ Тургеневымъ отсюда. Англичанка, воспитывающая дочь Тургенева, требуетъ, чтобы дѣвушка забирала на домъ худую одежду бѣдняковъ и собственноручно чинила ее.

— И вы это считаете хорошимъ? — спрашиваетъ Толстой.

— Конечно, это сближаетъ благотворительницу съ нуждающейся.

— А по-моему, разряженная дѣвушка, держащая на колѣняхъ грязныя и зловонныя лохмотья, играетъ неискреннюю театральную сцену.

И отсюда загорается сыръ-боръ. И случайный разговоръ едва не становится причиной дуэли двухъ виднѣйшихъ писателей и, можетъ-быть, огромнаго несчастія для Россіи, которое на этотъ разъ отвела рука судьбы.

IV.

Зоркимъ и правдивымъ глазомъ Толстой взглянулъ на все кругомъ себя. Вдругъ всюду, какъ бы подъ химической реакціей, выступили пятна фальши, — въ укладѣ свѣтской жизни, въ политикѣ и общественности, въ религіозномъ и семейномъ строѣ, въ наукѣ и искусствѣ. Почти смѣшно,—даже къ самой природѣ Толстой подошелъ не безъ той же лакмусовой бумажки. Аполлонъ Григорьевъ въ свое время небезосновательно смѣялся надъ фразой Толстого въ одной изъ раннихъ повѣстей: «воробей притворился, будто клюнулъ».

Притворяющійся воробей! — это ужъ, кажется, послѣдняя точка, до которой можетъ итти человѣческая подозрительность! Мелочи иногда говорятъ больше существеннаго. Осуждавшій воробья въ ранней молодости, Толстой остался тѣмъ же до сегодняшняго дня, когда осудилъ Андреева за «Элеазара» и Шекспира за фантастическія положенія въ «Королѣ Лирѣ».

— Помилуйте, Лиру нѣтъ никакой надобности отрекаться отъ власти... Помилуйте, зачѣмъ Лиру бѣгать по степи въ бурю и одѣвать себѣ, какъ Офеліи, травы на голову!..

И надъ современной литературой, уклонившейся отъ реализма въ сторону психологическихъ проблемъ и загадокъ, Толстой, стоя на той же своей вѣчной точкѣ обличенія даже неискренняго воробья, — не могъ не произнести осужденія.

— Чего они крутятъ, чего они выдумываютъ!—сказалъ онъ одному посѣтившему его писателю.—Ни людей такихъ нѣтъ, какъ они пишутъ, ни жизни! Ни словъ ни выраженій такихъ, какъ у нихъ, нѣтъ въ русской рѣчи. Одинъ вотъ только есть офицеръ Купринъ. Онъ не тужится и не выдумываетъ...

V.

Мы только что пережили тотъ литературный переломъ, когда реализмъ казался израсходовавшимъ до конца свои фонды. Намѣченный Достоевскимъ путь психологическихъ загадокъ, можетъ-быть, даже извращеній—все шире и шире развертывается передъ писателемъ. Намъ уже не надо доказывать правъ искусства выступить на этотъ путь, — не вовсе уйти въ него, но пойти по нему, какъ по параллельной, побочной вѣтви. Толстой здѣсь уже не съ нами.

И менѣе всѣхъ онъ сознаетъ себя виновникомъ этого устремленія молодой литературы на побочную тропу съ прямоѣзжей дороги. А между тѣмъ это именно онъ косвенно вынудилъ многихъ сойти сюда съ пути трезваго реализма: онъ исчерпалъ все содержимое жизни, взялъ изъ нея всѣ краски, извлекъ изъ ея грубой руды всѣ ея сокровища.

Могучее всегда убиваетъ слабое.

Такъ Толстой оставилъ огромную зіяющую пустоту тамъ, гдѣ прошла его кудесническая рука. Тамъ уже исчерпано все почти до дна. Тамъ крохи. И эти крохи—удѣлъ реальнаго беллетриста современности.

Къ наукѣ, къ философіи, къ религіи Толстой подошелъ съ тѣмъ же исключительнымъ критеріемъ правды, съ тою же, вовсе исключительною чувствительностью ко всякой фальши. Нѣтъ писателя болѣе трезваго, чѣмъ Толстой. Все мистическое ему совершенно и безнадежно чуждо. Ночь для него такъ же проста и ясна, какъ день.

Онъ пересмотрѣлъ евангелія и, преклонясь предъ ихъ нравственной правдой, принялъ цѣликомъ ренановское пониманіе Христа. Изъ области вѣры онъ хотѣлъ бы устранить тотъ элементъ, который нельзя провѣрить математически.

VI.

Я помню то почти удивленіе, съ какимъ онъ говорилъ мнѣ о людяхъ, для которыхъ не можетъ быть вѣры безъ мистики.

— Почему имъ, чтобы быть добрыми, нужна мистика, когда она *мнѣ* совсѣмъ не нужна и отъ этого я не стану ни на іоту хуже? Христосъ принесъ людямъ сознаніе того, что всѣ они *сыны Божіи*. Развѣ для меня не безразлично, принесъ это Богъ, или человѣкъ? Дѣло вѣдь не во внѣшности, а во внутренней сущности, не въ томъ, *какъ* принесено, но *что* принесено. Развѣ не единственно важно то, чтобы люди сознали себя въ этомъ богосыновствѣ? Если мой ближній такой же сынъ Божій, какъ я, — какъ же я могу относиться къ нему иначе, чѣмъ къ себѣ? Если я ѣмъ вкусный обѣдъ,—могу ли я считать законнымъ, чтобы онъ ѣлъ хлѣбъ съ лукомъ за обѣдомъ, за полдникомъ и вечеромъ? Было время,—было рабство. Теперь мы стыдимся этого. Будетъ время, и намъ будетъ такъ же стыдно, имѣя хорошій обѣдъ, видѣть людей, питающихся хлѣбомъ и квасомъ. Но при чемъ здѣсь мистика?

Такъ, исходя изъ простой любви къ природѣ и правдѣ природы, Толстой явился «пѣвцомъ плоти», панегиристомъ земли, влюбленнымъ въ жизнь просто, стихійно, по могучему инстинкту жизни. Если смерть послѣдній моментъ и конецъ, то къ какой безконечной жалости ко всему земному,—не только къ человѣку, а и къ послѣднему воробью, и къ послѣдней травинкѣ,—это обязываетъ! Здѣсь религіозная философія антимистическаго Толстого соприкоснулась съ богословіемъ убѣжденнѣйшаго мистика — Достоевскаго, съ пониманіемъ смысла жизни, выраженнымъ устами старца Зосимы:

— «Разъ въ безконечномъ бытіи, неизмѣримомъ ни временемъ, ни пространствомъ, дана была нѣкоему духовному существу, появленіемъ его на землѣ, способность сказать себѣ: «я есмь и я люблю». Разъ, только разъ дано было ему *мгновеніе любви дѣятельной, живой*, а для того дана была земная жизнь и съ нею времена и сроки. И что же? — отвергло сіе существо даръ безцѣнный, не оцѣнило его, не возлюбило...»

VII.

Теоретически Толстой всегда доказывалъ, что одного велѣнія разума достаточно для того, чтобы проводить въ жизнь эту философію любви, чтобы сдѣлать изъ жизни апоѳеозъ «мгновенія любви дѣятельной», до чего дошелъ Достоевскій страстнымъ порывомъ сердца, таинственнымъ озареніемъ въ одномъ изъ припадковъ эпилепсіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, всегда утверждалъ Толстой, можетъ-быть, искренно ошибаясь и несправедливо умаляя здѣсь значеніе собственнаго сердца. Это сердце билось такъ горячо и такъ пламенѣло въ любви, что никакихъ подспорій или подсказовъ мистики ему, въ самомъ дѣлѣ, не было нужно. И Толстому нужно

было почти сдерживаться, чтобы не осудить другихъ, настаивавшихъ на необходимости еще иного маяка и указателя въ жизни. Толстой только беззлобно «попускалъ», ласково «терпѣлъ» въ другихъ эту потребность мистическаго, какъ бы снисходя къ слабости человѣческаго духа. Если бы всѣ были Толстыми, — въ самомъ дѣлѣ земля могла бы стать раемъ, гдѣ ни въ какихъ мистическихъ императивахъ не было бы надобности.

Покойному Леониду Оболенскому, съ которымъ онъ одно время былъ близокъ, Толстой писалъ:

— «О нашихъ разногласіяхъ я ничего не буду говорить, потому что эти разногласія, по правдѣ сказать, меня не занимаютъ теперь. Мы идемъ по пути и для указанія пути видимъ впереди одно и то же. Вы кромѣ этого, общаго намъ указателя, видите еще вѣру, которая направляетъ васъ,—что же мнѣ въ этомъ можетъ быть непріятнаго? Мнѣ кажется, что это не нужно, но это кажется мнѣ, а не вамъ. Мнѣ бы было не досадно, а жалко васъ, если бы я подозрѣвалъ васъ въ неискренности того, что вы видите общаго со мной и всѣмъ міромъ указателя и идете къ нему. Но такъ какъ этого нѣтъ, то—что же мнѣ въ томъ, что *вамъ нуженъ еще указатель, а мнѣ нѣтъ?* Это только различіе свойствъ нашихъ умственныхъ. Если бы вы мнѣ говорили: брось главнаго указателя и смотри на моего побочнаго, я бы не согласился. Но *если вы говорите, что нуженъ еще другой указатель,—я говорю: мнѣ не нуженъ.* Но если вамъ нуженъ для достиженія главной цѣли, то держитесь его непремѣнно. Я говорю это тѣмъ болѣе охотно, что вы въ этомъ случаѣ служите представителемъ очень многихъ. Я же въ васъ не могу видѣть ничего другого, какъ товарища въ общей работѣ, а по смыслу работы—брата, котораго люблю».

VIII.

Толстой прожилъ вѣкъ въ радости своей вѣры, освѣщавшей ему все въ жизни. Она свѣтитъ ему и теперь, тихо и ласково озаряя глубокій вечеръ его жизни. Но думается, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ противорѣчій, которыхъ не мало въ Толстомъ.

Осудившій деньги, онъ собиралъ ихъ на голодающихъ въ тяжелый для Россіи годъ. Проповѣдникъ непротивленія злу, онъ, въ самые послѣдніе дни, старый, полубольной, выступалъ бойцомъ противъ существующихъ золъ внутренней политики.

И вотъ кажется, что и въ религіозномъ вопросѣ надъ Толстымъ повторяется то же. Врагъ мистики въ теоріи, онъ не побѣдилъ ея на практикѣ и не изгналъ ея изъ сердца. Про Ренана говорятъ, что невѣрующій человѣкъ не могъ спѣть такого гимна Христу, какой спѣлъ онъ своей «Жизнью Іисуса». Преклоненіе предъ Христомъ Толстого окрашено, можетъ-быть, еще болѣе яркими и трогательными чертами религіознаго восторга Толстой весь горитъ и свѣтится въ лучахъ ученія когда-то раздавшагося на берегахъ Галилейскаго озера.

Порой кажется и здѣсь то же, подобное указаннымъ, искреннее, несознанное, «толстовское противорѣчіе», та же властность сердечнаго порыва, нарушающаго всю устойчивость сложившагося головного рѣшенія.

IX.

Отрицающій личнаго Бога, Толстой готовъ ему молиться. Обожающій земную—и только земную—жизнь, онъ готовъ вѣрить не только въ безсмертіе духа, но и въ какую-то таинственную возможность личныхъ общеній по смерти.

Въ одномъ письмѣ Толстого къ покойному Лѣскову отъ 1894 года, т.-е. въ письмѣ, относящемся къ порѣ полной уже установки его религіозныхъ взглядовъ, имъ совершенно открыто выражена эта «странная для Толстого» вѣра.

Толстой совѣтуетъ Лѣскову написать о недавно умершемъ художникѣ Ге и самъ обѣщаетъ собраться написать о немъ.

— «О Ге,—пишетъ онъ,—я не переставая думаю, не переставая чувствую его. Хорошо бы было, если бы вы написали о немъ. Должно-быть, и я напишу... Это былъ такой большой человѣкъ, что мы всѣ, если будемъ писать о немъ съ разныхъ сторонъ, едва ли сойдемся, т.-е. будемъ повторять друга... Радъ знать, что здоровье ваше относительно лучше. *Если не увидимся здѣсь,—чего бы я желалъ,—то увидимся,—не увидимся, а сообщимся—тамъ, т.-е. не тамъ, а внѣ земной жизни. Я вѣрю въ это общеніе и тѣмъ больше, чѣмъ больше тотъ человѣкъ, объ общеніи съ которымъ думаю, вступилъ здѣсь уже въ область духовной жизни.* Самъ въ одну дверь уже вступаешь, или заглядываешь въ эту область внѣвременнаго, внѣпространственнаго бытія, и видишь или чувствуешь, что и другой вступаетъ, или заглядываетъ въ нее. *Какъ же не вѣрить, что соединишься съ нимъ?*»

Профессора и приватъ-доценты логики могли бы поставить основательное нотабене около, напримѣръ, этого пункта ученія Толстого. Да, это не выдержано, это противорѣчиво. Тутъ до очевидности ясна та атмосфера мистики, отъ которой всегда отрицался Толстой.

Но умаляетъ ли это высоту и красоту личности великаго писателя и мыслителя? Меньше ли онъ становится отъ того, что въ 1892 г. онъ «ѣздилъ на голодъ» и устраивалъ столовыя и собиралъ на неимущихъ ранѣе имъ осужденныя деньги, или отъ того, что возвысилъ свой голосъ противъ политическихъ убійствъ, проповѣ-

дуя ранѣе «непротивленіе злу»? Есть прекрасныя противорѣчія любви, отъ которыхъ—какъ это ни странно—высокій образъ кажется еще цѣльнѣе и гармоничнѣе. Какой-то диссонансъ привзошелъ бы въ образъ Толстого, если бы въ голодный годъ онъ остался равнодушнымъ къ русскому горю.

«Изъ перерусскихъ русскій» — сказалъ Пушкинъ о Фонвизинѣ. Вотъ опредѣленіе, идущее Толстому и объясняющее ту любовь къ нему, какою полна къ нему русская душа. И это его исканіе правды и вѣчное «стояніе на стражѣ», и эти «противорѣчія любви», и весь складъ его души, и его лицо—все это наше, неотъемлемое русское. Въ него смотрится и узнаетъ себя въ немъ русская душа.

РАЗРУШЕНІЕ ИГРЫ.

I.

У Толстого есть прекрасная страница въ вѣчно памятномъ «Дѣтствѣ».

Дѣти собираются играть. «Давайте въ Робинзона!» — весело предлагаетъ Любочка, щурясь отъ солнца.

— Нѣтъ... скучно... вѣчно Робинзонъ!.. — лѣниво отвѣчаетъ Володя. Онъ старшій среди дѣтей. Онъ важничаетъ, и ему хочется показать, что онъ усталъ, катаясь на охотничьей лошади. Только изъ милости, чтобы не расплакалась Любочка, мальчикъ примыкаетъ къ общей игрѣ. Но когда дѣти садятся на траву и, воображая, что они плывутъ, начинаютъ изо всѣхъ силъ грести, Володя сидитъ, сложа руки и объясняетъ, что больше или меньше махать руками, — все равно съ мѣста не сдвинуться. Его братъ идетъ на охоту, вооружившись палкой. Онъ приглашаетъ и Володю, но тотъ проситъ представить, «будто и онъ уже ходилъ».

Игра охлаждена, заморожена, обезсмыслена. Поэзія, вымыселъ, сказка вспугнуты. Невозможно продолжать. Расходятся дѣти.

Толстой заключилъ главу глубокими строками:

— «Я самъ знаю, что изъ палки не только что убить птицу, да и выстрѣлить никакъ нельзя. Это игра. Коли такъ разсуждать, то и на стульяхъ ѣздить нельзя, а Во-

лодя самъ помнитъ, какъ въ долгіе зимніе вечера мы накрывали кресло платками, дѣлали изъ него коляску, одинъ садился кучеромъ и т. д... Ежели судить по настоящему, то игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, что жъ тогда останется?..»

II.

Игра взрослыхъ—искусство. Безъ него не веселы боги въ высокихъ небесахъ. Толстой на своемъ вѣку много и прекрасно послужилъ этой игрѣ, безъ которой мертвъ міръ.

И вотъ прежде онъ это прекрасно понималъ—«игры не будетъ, что жъ тогда останется». И ужъ совершенно, безнадежно, безапелляціонно не понимаетъ теперь. «Король Лиръ, какъ бы старъ и глупъ ни былъ, не могъ бы повѣрить словамъ злыхъ дочерей»... Въ «Лирѣ» анахронизмы,—это «происходило за 800 лѣтъ до Р. Х., а «лица находятся въ условіяхъ, возможныхъ только въ средніе вѣка?».. Развѣ такъ говоритъ кто-нибудь: «дуй вѣтеръ, пока не лопнутъ щеки»? Развѣ въ жизни кто-нибудь призываетъ на чужую голову туманы и бури? Виданы ли короли въ степи? Развѣ изъ палки можно выстрѣлить? Сколько ни греби пустыми, безъ веселъ, руками, съ мѣста не сдвинешься. Ничего такого не бываетъ. Шекспиръ ничтоженъ. Не только не великій, не геніальный, но «не можетъ быть признаваемъ даже самымъ посредственнымъ сочинителемъ».

И слово подыскано презрѣнное, уничижительное, влѣпляющееся, какъ плевокъ. Толстой раздраженъ вѣковымъ тупоуміемъ критиковъ и лакействомъ толпы. Толстой неспокоенъ. И съ аршиномъ строжайшаго реализма, до какого могъ возвыситься вѣкъ, онъ подходитъ къ «игрѣ» Шекспира. Три длинныхъ фельетона посвящены одному «Лиру». «Не бываетъ, не бываетъ, не бываетъ!»

И игры нѣтъ! Сказка умерла! Поэзія исчезла подъ скальпелемъ анализа. Пахнетъ химическими реактивами, и операторъ съ довольнымъ видомъ моетъ руки въ обеззараживающемъ растворѣ сулемы...

III.

Погасите основную иллюзію, ту неизбѣжную дымку условности, съ какой вы подходите къ искусству, къ поэзіи, къ красотѣ—и игры нѣтъ. «По небу полуночи ангелъ летѣлъ»..., но кто же когда видѣлъ ангела, и гдѣ человѣкъ, который бы говорилъ размѣренными строчками и съ риѳмой? «Дядя Ваня», Станиславскій, чудесная иллюзія провинціальнаго сада,—но, позвольте,—актеры ходятъ не по землѣ, не по травѣ, а по театральному полу, и пахнетъ не сѣномъ, а клеевой краской декорацій! Шаляпинъ въ «Мельникѣ»... Но развѣ въ ужасѣ горя люди поютъ, да еще ставши лицомъ къ публикѣ?

Такъ мертвѣетъ, рушится, никнетъ все безъ основной условности «игры». Мертвая вода! Нѣтъ Шекспира, нѣтъ шаловливаго Аріэля, феи Фантасты, эльфовъ и сильфидъ. Не качаются на деревьяхъ дріады. Овидіевы Нарциссъ, Фаэтонъ—чепуха. Да здравствуетъ таблица умноженія, алгебра и учебникъ химіи!

Толстой многихъ погрузилъ въ крайнее недоумѣніе своимъ выпадомъ противъ Шекспира. Это потому, что у насъ немногіе читаютъ, а прочитавъ, немногіе помнятъ. Иначе помнили бы, что Толстой не сейчасъ осудилъ творца «Гамлета», а давно и такъ, какъ онъ осудилъ его, онъ тогда же осудилъ и всю остальную великую «игру» человѣчества. Сейчасъ онъ четвертовалъ Шекспира. Онъ остался бы только вѣренъ себѣ, если бы продолжилъ свою работу на Данте, Мильтонѣ, Пушкинѣ, отчасти на Гёте...

IV.

Въ трактатѣ «Что такое искусство» Толстой писалъ, что все зло отъ критиковъ.

—«Считали Данте великимъ поэтомъ, Рафаэля—великимъ живописцемъ, Баха—великимъ музыкантомъ, и критики, не имѣя мѣрила, не только считаютъ этихъ художниковъ великими, но и всѣ произведенія ихъ считаютъ великими и достойными подражанія... Пушкинъ, подъ вліяніемъ ложной критики, восхваляющей Шекспира, пишетъ «Годунова», разсудочно-холодное произведеніе, и его критики восхваляютъ и ставятъ въ образецъ, и являются подражанія подражаніямъ: «Мининъ» Островскаго, «Борисъ» А. Толстого и др. Такія подражанія подражаніямъ наполняютъ всѣ литературы самыми ничтожными произведеніями. Главный вредъ критиковъ состоитъ въ томъ, что, будучи людьми, лишенными способности заражаться искусствомъ (а таковы всѣ критики,—если бы они не были лишены этой способности, они не могли бы браться за невозможное толкованіе художественныхъ произведеній) они восхваляютъ разсудочныя, выдуманныя произведенія... Вслѣдствіе этого они съ такою увѣренностью расхваливаютъ греческихъ трагиковъ, Данте, Тасса, Мильтона, Шекспира, Гёте (почти всего подъ рядъ), изъ новыхъ—Зола, Ибсена, музыку послѣдняго періода Бетховена, Вагнера... Только благодаря критикамъ, восхваляющимъ трудныя, дикія и часто безсмысленныя произведенія древнихъ грековъ: Софокла, Эврипида, Эсхила, Аристофана, или новыхъ—Данте, Тасса, Мильтона, Шекспира, въ живописи всего Рафаэля, всего Микель-Анджело съ его нелѣпымъ «Страшнымъ судомъ», въ музыкѣ всего Баха и всего Бетховена—стали возможны въ наше время Ибсены, Метерлинки, Верлэны, Беклины, Вагнеры, Ли-

сты, Берліозы, Р. Штраусы и вся та огромная масса ни на что ненужныхъ подражателей этихъ подражателей...»

V.

Въ свое время это прочитали, ахнули и забыли, какъ забыли того самаго саратовскаго мѣщанина, недоумѣвавшаго, за что ставятъ памятникъ Пушкину, на авторитетъ котораго, между прочимъ, сослался Толстой, какъ на голосъ здраваго смысла.

— «Узнавъ, что Пушкинъ не былъ богатырь или полководецъ, но былъ частный человѣкъ и писатель, онъ дѣлаетъ заключеніе о томъ, что Пушкинъ долженъ былъ быть святой человѣкъ и учитель добра, и торопится прочесть или услышать его жизнь и сочиненія. Но каково же должно быть его недоумѣніе, когда онъ узнаетъ, что Пушкинъ былъ человѣкъ больше, чѣмъ легкихъ нравовъ, что умеръ онъ на дуэли, т.-е. при покушеніи на убійство другого человѣка, что вся заслуга его только въ томъ, что онъ писалъ стихи о любви, часто очень неприличные».

Можно поставить крестъ надъ красотою, надъ искусствомъ, не только ставъ на точку зрѣнія саратовскаго мѣщанина. Аскетизмъ всегда захѣривалъ красоту, какъ обманъ сатаны. Можно найти огненно-гнѣвныя страницы у первыхъ христіанскихъ писателей противъ профанской литературы. Утилитаризмъ зачеркивалъ Пушкина, и это удивительно эффектно сдѣлалъ у насъ задорный юноша-критикъ. Толстой въ своемъ трактатѣ объ искусствѣ установилъ мѣрку общедоступности, всезаразительности искусства и его удовлетворенія религіозному сознанію. Съ точки зрѣнія общепонятности, разумѣется, лубочная картина «Жизнь пьяницы» и «Спасеніе утопающаго» полезнѣе и доступ-

нѣе пониманію, чѣмъ картина Иванова. Въ отношеніи чисто-религіозныхъ воздѣйствій, конечно, Шекспиръ не святой отецъ.

VI.

Я видѣлъ и слышалъ людей, задумывавшихся надъ психологіей толстовскаго отрицанія Шекспира.

—«Почему, скажите, Шекспира? Что за идіосинкразія? Бывало ли такъ? Человѣкъ самъ создалъ столько прекраснаго, что могъ бы быть magister elegantiarum,—и вотъ не понимаетъ! Все понимаетъ, а въ отношеніи Шекспира точно какая атрофія воспріимчивости *). Вотъ Тургеневъ говорилъ, что въ стихахъ Некрасова поэзія не ночевала. Но въ Тургеневѣ могло говорить личное чувство. Они неравнодушно судили другъ о другѣ. И ужъ, разумѣется, «Рыцаря на часъ» чувствовалъ авторъ «Первой любви». Это не то. Не подходитъ къ Толстому».

*) Большинствомъ забыто, что Шекспиръ далеко не впервые встрѣчаетъ въ исторіи оцѣнку, рѣзко отрицательную. Франція въ особенности заявила себя такимъ взглядомъ. Вольтеръ смотрѣлъ на сочиненія Шекспира, какъ на навозную кучу, въ которой попадаются и жемчужины. Въ предисловіи къ своей «Семирамидѣ» онъ пишетъ: «Гамлетъ»—это грубая варварская пьеса, которую освистала бы чернь во Франціи и въ Италіи. При чтеніи ея кажется, что это сочиненіе плодъ воображенія дикаго пьяницы. Но среди грубыхъ неправильностей, дѣлающихъ даже и теперь англійскую литературу такой нелѣпой и первобытной, въ «Гамлетѣ», въ силу еще большей странности, встрѣчаются самыя возвышенныя черты, достойныя величайшихъ геніевъ. Природа точно собрала въ головѣ Шекспира все, что только можно вообразить себѣ самаго сильнаго и великаго, и все, что безумная грубость имѣетъ самаго нелѣпаго и отвратительнаго».

Дидро сравнивалъ Шекспира со статуей св. Христофора, почти безформенной и необдѣланной, но до такой степени колоссальной, что величайшіе поэты, не наклоняясь, пройдутъ между ея ногъ.

Викторъ Гюго писалъ, что отъ шекспировскаго лихорадочнаго ритма у него дѣлается головокруженіе.

См. еще у В. В. Чуйко—«Шекспиръ, его жизнь и сочиненія».

Но такъ говорятъ, не всмотрѣвшись. Идіосинкразіи нѣтъ. Толстой по-своему послѣдователенъ. Онъ могъ бы тоже показать на Данте, на Пушкинѣ. Онъ беретъ самое яркое, огромное, общепризнанное. Если солнце темно, что говорить о звѣздахъ? И онъ доказываетъ, что солнце—тьма, Шекспиръ—ничтожество.

Странность не въ этомъ. Странность въ томъ, какъ Толстой, старый художникъ Толстой, обвинявшій критиковъ за ихъ попытки разъяснить невозможное, анализировать поэзію, т.-е. отлично сознававшій, что поэзію можно чувствовать и нельзя химически разложить,—самъ положилъ Лира, Гамлета, Отелло на мраморный столъ операціонной комнаты.

И въ этомъ анализѣ, помимо его основной ложности, онъ неузнаваемъ. Развѣ это Толстой? Въ этомъ плоскомъ, безсильномъ, безцвѣтномъ пересказѣ явленія за явленіемъ—Толстой?

Писаревъ тоже отстаивалъ явный парадоксъ, но тамъ былъ блескъ, изящество, находчивость, по рапирѣ бѣгали голубые огни. Сарказмъ измѣнилъ Толстому. Глубина мысли измѣнила Толстому. Голосъ—голосъ Іакова, но не его мысли, не его душа, не его умъ... Усталость, упадокъ, Цусима...

VII.

У Полонскаго есть превосходное стихотвореніе—«Въ приливъ».

Натуралистъ на берегу моря. Наяда бросаетъ ему свои дары. Много онъ собралъ «чудъ и раковинъ морскихъ». И вдругъ появляется она сама въ своей царственной красотѣ. «Зачѣмъ тебѣ все это?» спрашиваетъ она у естествоиспытателя.

«— А затѣмъ, чтобъ даръ твой рѣзать, жечь, вникать и изучать.—И наяда, подгоняя волны, стала хохотать.

«— А,—сказала, — ты и мною не захочешь пренебречь. Но меня ты какъ изучишь? Рѣзать будешь или жечь?..

«— Нѣтъ,—сказалъ я, вздрогнувъ сердцемъ,—нѣтъ въ наукѣ ничего, разлагающаго чары обаянья твоего. И пока зари отливы колыхалъ лазурный валъ, я забылъ дары богини, я богиню созерцалъ».

Нѣтъ въ наукѣ ничего, разлагающаго чары шекспировской «Лѣтней ночи», пушкинской «Русалки», дантовской поэмы, фетовской запѣвки, толстовской Марьянки!..

Толстой подошелъ къ таинству и увидѣлъ въ немъ только пшеничный хлѣбъ и подслащенное вино. Подошелъ къ Шекспиру и увидѣлъ бумагу, типографскую краску и анахронизмы, анахронизмы... Это вѣчная трагедія Толстого!..

VIII.

Вѣчная трагедія Толстого—въ его субстанціональной противорѣчивости тому, что для другихъ великое, признанное, прекрасное, поклоняемое. Мучительный духъ скепсиса, духъ совершенно искренняго протеста, который порой могъ казаться просто протестомъ ради протеста, отличалъ Толстого въ самой ранней юности. Фетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», отмѣтилъ, какъ существеннѣйшее въ Толстомъ, при первомъ же знакомствѣ, какое-то непобѣдимое стремленіе его итти противъ принятаго сужденія—даже до чудачества.

Толстой былъ спорщикомъ, способнымъ довести Тургенева до обморока. То же записалъ Григоровичъ. То же Головачева-Панаева. То же позднѣе—Григорій Данилевскій. Некрасовъ не зналъ, какъ положить конецъ словесной прѣ сотрудниковъ, изъ которыхъ каждаго потерять было для «Современника» ужасно. Сейчасъ, въ

книгѣ Бирюкова о Толстомъ все это можно видѣть въ сводкѣ. Это все интересно, какъ анекдотъ, и это психологически цѣнно для пониманія Толстого. Отсюда идетъ снопъ свѣта въ эту великую, но такую загадочную, такую облачную, такую противорѣчивую душу.

Въ расцвѣтѣ своей литературной карьеры, Толстой началъ громить готовую педагогику и создалъ свою собственную. Одно время онъ очень энергично доказывалъ, что университеты не нужны. Потомъ онъ утверждалъ, что не нужна географія, и Михайловскій удивлялся откровенности, съ какой онъ самъ вспомнилъ и печатно заявилъ, что такое же точно мнѣніе высказывала Простакова.

Потомъ послѣдовательно онъ зачеркнулъ художественное слово, культуру, готовыя формы вѣры, собственность. Человѣчеству не нуженъ бракъ. Сегодня вотъ ужъ не нужно и Шекспира.

Но, зачеркивая художественное слово, бракъ, собственность, культуру, Толстой служилъ художественному слову, не отвергъ радостей брака, сохранилъ выгоды собственности и удобства культуры. Михайловскій былъ мѣткій человѣкъ, и посейчасъ глубоко вѣрна его характеристика толстовской шуйцы и десницы. «Здѣсь дѣло въ наличности двухъ теченій, всю жизнь борющихся въ немъ съ перемѣннымъ счастьемъ, при чемъ, какъ бы во исполненіе евангельской заповѣди, шуйца не всегда знаетъ, что дѣлаетъ десница, и наоборотъ. За послѣднее время шуйца заняла, къ сожалѣнію, несообразно превалирующее положеніе. А между тѣмъ насколько жизненна десница Толстого, настолько же мертвенна и мертвяща его шуйца»...

Толстой часто былъ такой жертвой внутренняго жестокаго раскола. И нѣтъ положенія болѣе невыгоднаго для критики и идейной борьбы, какъ то, когда самъ борецъ, предотвращая ударъ, открыто заявляетъ о своей

практической несостоятельности предъ своей же теоріей.

Толстой развѣнчиваетъ драмы Шекспира, Гёте, Шиллера, Гюго, Пушкина и Островскаго, какъ не имѣющія религіозной основы. Онъ прибавляетъ: «и пускай не думаетъ читатель, что я исключаю написанныя мною случайно театральныя пьесы изъ этой оцѣнки».

Какъ бороться тамъ, гдѣ нападаетъ десница и сама себя бьетъ шуйца?

ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ.

I.

Станція Тула.

Какъ бы въ доказательство того, что въ своемъ отечествѣ пророку не бываетъ чести,—на здѣшнемъ вокзалѣ въ кіоскахъ ни за какія деньги не найдется ни одной открытки съ портретомъ Толстого, какимъ полны витрины самыхъ разнообразныхъ станцій отъ Неаполя до Бахмача. Ни одного вида Ясной Поляны. Ничего такого, что говоритъ объ особенной близости великаго человѣка.

На станціи Щекино, первой отъ Тулы, вы видите телѣжку, жертвой которой вамъ суждено быть. Никому въ голову не пришло предусмотрѣть возможность паломничества въ Поляну! Никто не соблазнился явной наживой отъ состоятельныхъ паломниковъ! О, Русь—о, rus! У насъ не вѣрятъ даже въ возможность поживы около великихъ людей!

И сооруженіе на четырехъ колесахъ едва поддается фантазіи столичнаго человѣка. Какой-то нерасторжимый сплавъ выжженной солнцемъ скоробленной кожи, желѣзныхъ прутьевъ, пыли и грязи! За границей тутъ бѣгалъ бы дилижансъ, и предприниматель, съ толстымъ брюшкомъ, разжившійся на эксплуатаціи однѣхъ фотографій Ясной Поляны, потиралъ бы руки...

Съ большой дороги ямщикъ очень скоро съѣзжаетъ на типично-проселочную. Подъ звонъ бубенчиковъ неотступно думается о томъ, какъ все здѣсь обвѣяно *его* духомъ. Шестидесятые годы, ясно-полянская школа... Сколько разъ по этой дорогѣ ѣздилъ онъ, ѣздили къ нему—Тургеневъ, Фетъ, Анненковъ, Страховъ, Ге, Рѣпинъ, Крамской,—и тѣ же думы навѣвалъ на нихъ просторъ полей, уходящій направо и налѣво въ тихія небеса...

Въ этомъ необъятномъ просторѣ, лишенномъ изысканной красоты, но такомъ свѣтломъ, ясномъ, простомъ,—ловишь что-то родственное могучему таланту и всему образу Толстого. Не отсюда ли, отъ русской природы, пришла къ нему красота простоты, алканіе правды, отвращеніе ко всякому эффектничанью и та «нутряная» сила, которая заставила Брандеса сравнить его съ Микулой Селяниновичемъ?

До послѣдняго времени Левъ Николаевичъ иногда ѣздитъ за газетами на станцію. Можетъ-быть, именно эта дорога видитъ прекраснаго старика верхомъ на лошади.

II.

Вырисовывается деревня. Вотъ она—знаменитая Ясная Поляна! Среди избъ много каменныхъ—рѣдкая роскошь для русской деревни. Лошади залѣзаютъ въ густо замѣшанную грязь. Изъ избъ выглядываютъ любопытствующіе бабы и мужики. На одной избѣ самодѣльная вывѣсочка—«сапожникъ такой-то». Сколько разъ въ этихъ избахъ и подлѣ нихъ на завалинкѣ сиживалъ за простой бесѣдой «сіятельный» владѣлецъ деревни!

Два каменныхъ столба-башенки ведутъ въ самую усадьбу,—въ прекрасный живописный паркъ. Въ нихъ въѣзжаешь, какъ въ ворота. Такъ и просятся на фото-

графію разные его уголки: ужъ очень хороши эти безхитростныя аллейки, прудъ и прихотливыя купы деревьевъ, надъ которыми не мудрила человѣческая рука.

Ямщикъ разгоняетъ лошадей, подъѣзжая къ крыльцу. Онъ здѣсь, какъ дома. Онъ отвѣчаетъ почти обидчиво-насмѣшливо на вопросъ, видѣлъ ли онъ Толстого. Хорошъ бы онъ былъ, если бы не видѣлъ! Разумѣется, «и видѣлъ, и сколько разъ говорилъ» и, очевидно, гордится своимъ «хорошимъ бариномъ». Бубенчики заливаются такъ, что становится неловко за ихъ дерзость.

— Это домъ графа?

— Онъ самый.

Домъ простенькій, небольшой, съ скромными бѣлыми колонками, выходитъ въ садъ. За колонками узенькая крытая галлерейка. Кругомъ на пескѣ разбиты куртинки. Въ нихъ кой-гдѣ—едва поднимающіеся цвѣты.

А шаговъ сто отступя уже опять зелень деревьевъ и благодатная лѣсная тѣнь. Точно лѣсу хочется подойти ближе къ усадьбѣ, одолѣть ее, вернуть то, что отъ него отвоевалъ для себя человѣкъ...

III.

Когда еще въ Петербургѣ я собирался къ Толстому и говорилъ о своемъ естественномъ смущеніи, одинъ изъ немолодыхъ писателей, ободряя меня, сказалъ мнѣ:

— Толстой—это единственный человѣкъ, къ которому можно ѣхать, не стѣсняясь условностями, не нуждаясь въ рекомендаціи. Ему одному можно сказать, не боясь упрека въ лести, въ эффектничаньи или лжи,— «я пріѣхалъ только увидѣть васъ, и больше мнѣ ничего не нужно». И это можетъ сказать ему кто угодно. Быть его современникомъ и не увидѣть его—значитъ, прозѣвать самое свѣтлое, самое прекрасное, что было въ нашемъ вѣкѣ. Мои дѣти спросятъ меня: «какъ же ты не

видѣлъ Толстого, когда жилъ при немъ сознательной жизнью сорокъ лѣтъ и былъ къ тому же самъ писателемъ?» Это счастье въ нашихъ рукахъ, и мы сами виноваты, если его упустимъ. А рано или поздно оно должно уйти по неизбѣжному закону жизни... Какъ пишущій человѣкъ, вы имѣете право желать этого счастья особенно сильно. Мой стыдъ, что я до сихъ поръ за семьей и дѣломъ не сдѣлалъ этого...

Это были мои мысли, и когда ихъ высказалъ вслухъ другой, я пересталъ колебаться. Надо ѣхать, чтобы хоть только увидѣть его, хотя бы даже не услышавъ. Увидѣть и сохранить на вѣкъ въ памяти эту минуту! Совсѣмъ недавно онъ былъ боленъ. Если и оправился, то во всякомъ случаѣ, вѣроятно, слабъ, и мало шансовъ быть принятымъ. Мое ли право воровать его время? Дальше, что могу дать ему я? Еще дальше: если выпадетъ счастье, увижу его и буду говорить съ нимъ,— развѣ это не жутко, какъ исповѣдь? «Онъ на васъ глядитъ, точно мѣрку снимаетъ», говорилъ мнѣ передъ отъѣздомъ Григорій Петровъ.

Къ нему ѣздятъ, какъ къ «старцу» въ монастырскомъ смыслѣ,—къ учителю, къ «знающему». Что бы ни спросилъ, ему надо сейчасъ же, и по совѣсти, отвѣтить, не прячась. И онъ все можетъ спросить, въ правѣ спросить — самое интимное, самое спрятанное, самое стыдное. Какъ на духу! Наконецъ онъ никогда не одинъ. Если онъ здоровъ, — вѣроятно, около него многочисленные паломники и знакомые. Удастся ли лично перемолвить хоть слово?

Мы всю дорогу дѣлились этими думами съ товарищемъ...

— Я, право, еще никогда въ жизни не переживалъ такого волненія,—сказалъ онъ.—Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что нѣкоторые возвращались назадъ отсюда, отъ этого уже подъѣзда... Я бы ихъ понялъ...

IV.

Дома ли графъ, мы уже знали. Передъ самой Ясной Поляной мы встрѣтили дочь писателя, Александру Львовну, съ докторомъ его и гостящею въ усадьбѣ барышней, идущихъ на прогулку. Мы узнали, что Левъ Николаевичъ дома и здоровъ. Это было дважды радостно слышать.

— А принимаетъ онъ чужихъ?

«Барышня Толстая» свѣтло смотритъ чистыми, прекрасными глазами. Отъ нея такъ и вѣетъ здоровьемъ, силой, радостью жизни. Въ ея рукахъ палка, кажется, просто отломленная отъ дерева.

— Можетъ-быть, приметъ. Пожалуйте. Онъ вообще принимаетъ, когда здоровъ.

Изъ маленькой двери дома выходитъ служащій, одѣтый въ пиджакъ, по городскому. Возница отъѣзжаетъ въ сторону. Мы вручаемъ карточки. Одна-двѣ минуты не изъ покойныхъ... и отвѣтъ:

— Пожалуйте. Просятъ.

За провожатымъ идемъ черезъ маленькія, съ невысокими потолками комнатки, чистенькія, свѣтлыя, какъ на дачѣ. На полкахъ свѣжаго лѣса — книги безъ переплетовъ, брошюры. Кажется, поднимаемся по маленькой лѣсенкѣ. Входимъ въ просторную комнату. На стѣнахъ фамильные портреты масляными красками. Ждемъ. Почему-то думается, что сейчасъ выйдетъ графиня, Софія Андреевна. Прислушиваемся.

Въ сосѣдней комнатѣ голоса. Дѣти. Надъ дѣтскими голосами—спокойный мягкій голосъ съ почти женскими нотами. Нужно вслушаться, чтобы понять, что это говоритъ мужчина. «Не онъ ли? Не самъ ли?»

— Вотъ завтра и захватишь... И эту книжку озьми...

Ласковый, кроткій голосъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми. Узенькая дверь пріотворяется, и въ нее торопливо проскальзываютъ дѣтскія головки. Мнѣ показалось,—пятеро, шестеро.

Въ дверяхъ показывается старикъ съ большой сѣдой бородой, большими нависшими сѣдыми же бровями, въ лѣтнемъ черномъ пальто, въ легонькой черной шапочкѣ на головѣ... И это *его* лицо, страшно знакомое, милое, простое лицо,—то же и не то, что на портретахъ!..

— Пожалуйте, входите... Садитесь...

— Мы помѣшали?

— Нѣтъ, мы кончили. Пора... Теперь придутъ завтра... Это мой университетъ...

V.

Маленькая комнатка необыкновенно уютна. Она такъ обильно уставлена столами, столиками, этажерками, креслами, что, идя по ней, надо остерегаться, какъ бы чего не задѣть. Небольшой рабочій столикъ графа—самый обыкновенный «учительскій» столъ, съ тремя длинными ящиками, на срединѣ комнаты притиснутъ однимъ бокомъ къ стѣнѣ. По ней на полкахъ тянется въ одинъ рядъ безконечный энциклопедическій словарь Брокгауза!

Столикъ даетъ подлинное впечатлѣніе рабочаго. На немъ, налѣво, грудка уписанныхъ четвертушекъ. Такая же грудка поменьше—посрединѣ стола на томъ мѣстѣ, гдѣ, очевидно, совсѣмъ недавно происходила работа. Все отъ этихъ тетрадокъ до книгъ и пера уложено, какъ у аккуратнаго ученика.

Рядомъ со столикомъ узкій стулъ. Усѣвшійся на немъ окажется противъ хозяина, работающаго за столикомъ. Около кресла маленькая этажерка съ книгами всего съ двумя полочками. Въ углу за столомъ боль-

шой стариннаго типа диванъ, обитый свѣжею зеленою клеенкой.

Старообразное кресло въ правомъ углу. По обоимъ угламъ, на лѣвой сторонѣ отъ сидящаго за столомъ, еще два столика и этажерка по стѣнѣ. На ближайшемъ ко входу столикѣ разложены въ порядкѣ брошюрки и книжки. На стѣнахъ—портреты, повидимому, все семейные. Не замѣтилъ писателей, великихъ людей.

Несмотря на совсѣмъ недавно перенесенную болѣзнь, Левъ Николаевичъ держится бодро и кажетъ моложе. Лѣта внѣшне сказались на немъ неизбѣжною старческою сутуловатостью. Если кто по портрету представляетъ его высокимъ и коренастымъ, тотъ ошибается. Семидесятидевятилѣтній Толстой не кажется мощнымъ. Теперь его нельзя назвать и высокимъ. Отыскивая позднѣе брошюрку, онъ сталъ у стѣны, и голова его только-только превысила уровень первой полки, повѣшенной, въ сущности, очень невысоко.

Ни одинъ изъ портретовъ не передаетъ очаровательной мягкости взгляда и доброты всего лица Толстого,—взгляда типично - русскаго умнаго мужика. На большинствѣ фотографій и портретовъ выраженіе глазъ Толстого сурово, непривѣтливо, иногда прямо жестко и почти злобно. Оно мягко и кротко въ дѣйствительности, и есть что - то милое старческое въ подтянувшихся губахъ и складкахъ у носа. Брови разрослись широкими грядками, и именно онѣ, въ извѣстномъ поворотѣ, могутъ на воспроизведеніяхъ скрадывать предупредительное и внимательно-доброе выраженіе его глазъ.

Глубокой старости не чувствуется ни въ этомъ пристальномъ и яркосознательномъ взглядѣ, ни въ самой фигурѣ Толстого, ни въ его шагѣ, быстромъ и увѣренномъ, какого не знаетъ старость. Руки его достаточно полны. Ни ямъ, ни обтянувшихся косточекъ, какъ

обычно у стариковъ... И все вмѣстѣ,—голосъ, свободный отъ старческой медлительности, живой взглядъ глазъ, быстрота его шага и всѣхъ движеній, печать исключительной аккуратности, лежащей на всемъ, — какъ-то заставляетъ забывать о глубокой старости Толстого.

VI.

Толстой предлагаетъ мѣсто, и самъ садится на стулъ между своимъ письменнымъ столомъ и этажерочкой. Изъ-подъ пальто, застегнутаго на одну пуговицу, видна блуза, подпоясанная тоненькимъ кушачкомъ. Ноги въ высокихъ, до колѣна, сапогахъ закинуты одна на другую.

— Вы пишете и беллетристику, — говоритъ онъ. — Вотъ то, что теперь такъ далеко мнѣ!.. Одно изъ занятій, гдѣ играютъ роль многія побужденія, не всегда очень почтенныя... Много здѣсь личнаго самолюбія... Да...

— Конечно, Левъ Николаевичъ, такъ. Но все же это область наиболѣе благородныхъ проявленій самолюбія...

Гримаска морщитъ доброе лицо графа. Онъ отрицательно качаетъ головой.

— Не самыхъ лучшихъ, — мягко, съ очевиднымъ нежеланіемъ обидѣть людей осуждаемой профессіи, подчеркиваетъ онъ, — и не всегда. Вы пишете еще объ искусствѣ? — освѣдомляется онъ у Н. Н. Брешко-Брешковскаго. — Вотъ, дѣйствительно, область, гдѣ невозможно пройти со спокойнымъ серцемъ, нельзя не увлекаться, не любить. Я очень люблю художника Орлова. Не знаете ли такого? Это все снимки съ его картинъ. Посмотрите! (Графъ киваетъ на стѣнку надъ диваномъ, увѣшанную болѣе чѣмъ десяткомъ фотографій въ рамкахъ подъ стекломъ.) Посмотрите, сколько у него жизненной правды. Онъ ничего не сочиняетъ. Вотъ внизу «Освященіе монопольки». Сама жизнь! Само говоритъ

за себя. Или вонъ выше... Вонъ кажется эта... «Смерть старухи». Это — «правда», и это нужно, прежде всего, какъ художнику, такъ и писателю. Я до сихъ поръ учусь у дѣтей. И писать надо у нихъ учиться. Просто. Не мудрствуя. Чѣмъ дальше вникаешь въ ихъ языкъ, тѣмъ больше видишь недочеты своего; книжнаго. Я только теперь, напримѣръ, почувствовалъ, какое это нехорошее слово «который»—неестественное, и стараюсь его не пользовать. Сначала думалось, какъ же такъ безъ него обойтись, а теперь вижу, — кинешь фразу такъ и этакъ, и отлично можно замѣнить его.

— Вы знаете, Левъ Николаевичъ, что такую же антипатію къ этому прозаическому мѣстоименію питалъ Андерсенъ? Оно, дѣйствительно, вспугиваетъ поэзію...

— Да что вы? Вотъ не слышалъ. Это мнѣ интересно. Еще французское qui такое короткое, удобное, а наше— тяжелое, длинное... И, строго говоря, оно вопросительное, — «который по счету». Зачѣмъ дѣлать его относительнымъ? Вотъ то, надъ чѣмъ я сейчасъ работаю,— графъ поднялъ грудку листковъ, лежащую налѣво въ бѣлой обложкѣ, — это дѣлается по подсказамъ дѣтей и для нихъ же.

VII.

— Вѣроятно, это «Кругъ чтенія» для дѣтей, какъ сообщили газеты?

— Именно. Вы знаете «Кругъ чтенія»? Такъ вотъ я его во многомъ передѣлываю. И къ лучшему. Въ мои года надо торопиться дѣлать задуманное. Ждать уже некогда. Иду къ смерти. И уже не съ боязнью жду ея, а съ равнодушіемъ. И все что-нибудь случится и помѣшаетъ. Вотъ болѣлъ. Было 39° температуры.

— Но теперь, слава Богу все обошлось совершенно?

— Да, и силы вернулись. Опять ѣзжу верхомъ. Опять работаю. Въ своей спѣшкѣ мы часто не замѣчаемъ многаго хорошаго въ старомъ. Вотъ меня очень заинтересовалъ одинъ старый французскій писатель Вовенаргъ.— Графъ взялъ со стола два маленькихъ волюма въ старыхъ переплетахъ.—Онъ писалъ максимы. И у него есть превосходные. Возьмите, напримѣръ, вотъ эти о писательствѣ. Не правда ли, недурные? (Л. Н. прочиталъ наудачу два маленькихъ афоризма.) Мнѣ хотѣлось бы кое что отсюда перевести... У меня вообще много плановъ. Было бы время да здоровье. Но вотъ прихварываю...

— Вы никогда не пробовали диктовать?

— Нѣтъ, этого не могу. Вотъ развѣ переводы изъ Вовенарга... Это можно попробовать. Сейчасъ, кстати, здѣсь гоститъ одна барышня, знающая стенографію. Диктовалъ я еще, помню, своей женѣ нѣсколько страницъ воспоминаній для книги Бирюкова.

— Ну, а скажите, изъ новыхъ русскихъ писателей кѣмъ больше интересуются, и кому вы сейчасъ отдаете предпочтеніе? спрашиваетъ онъ.

— Силенъ интересъ къ Леониду Андрееву. Интересуются Горькимъ. Мое мнѣніе? По моему, этотъ интересъ заслуженъ его двумя первыми томиками и далеко не оправдывается всѣми дальнѣйшими.

— Большой успѣхъ имѣетъ Купринъ,—вставляетъ мой товарищъ.

— Вотъ! — выразительно подхватываетъ Левъ Николаевичъ. — Это настоящій писатель. Онъ крупнѣе ихъ обоихъ. Онъ мнѣ доставляетъ такое удовольствіе, что я, случается, читаю его семьѣ вслухъ. Вы знаете «Въ казармахъ»?.. Какъ онъ прекрасно взялъ солдата! Его «Поединокъ» слабѣе, потому что растянутъ. А это превосходно...

— И «Конокрады»...

— Да, и это. И «Allez». Онъ гораздо слабѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хочетъ провести современную тенденцію. Это ужъ ему не удается... Андреевъ—вычурный, дѣланный. Это не жизнь.

— Въ этомъ смыслѣ у него былъ прекрасный разсказъ «Жили-были».

— О чемъ, напомните...

— Въ одинокой больницѣ тоскливо умираетъ...

— Да, помню. Это хорошій. А такъ — онъ искусственъ. И Горькій. Его сбили съ толку. Читаешь и видишь, — сочинено, сочинено! Это не то, что Чеховъ. У того всего нѣсколько страничекъ, а видишь, какъ это серьезно, вѣрно. Прочтешь и хочется задуматься.

— Его смерть была тяжело принята вами?

— Да. Я любилъ его. Онъ и какъ человѣкъ былъ милый.

Разговоръ скользнулъ еще по нѣкоторымъ литературнымъ именамъ—Короленко, Ясинскаго и др. Я пересталъ думать, что Льву Николаевичу это скучно, послѣ того, какъ въ минуту молчанія онъ самъ, съ видимымъ любопытствомъ, побудилъ насъ на вопросъ:

— Ну, а еще кто?

Самъ Левъ Николаевичъ коснулся и иностранной литературы.

— Смотрите и тамъ — не очень. Нѣтъ крупныхъ. Возьмите хотя бы Францію. По моему мнѣнію, тамъ есть только одинъ большой писатель. Имени его я, конечно, не назову. Вечерами у меня слабѣетъ память. А интересный...

— Не Анатоль Франсъ?

— Конечно, Анатоль Франсъ. Не правда ли, онъ яркій? Опять-таки, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда и онъ проводитъ свою излюбленную тенденцію... А область кисти и красокъ. Вотъ вамъ, — Левъ Николаевичъ повертывается къ Брешко-Брешковскому,—она знакома въ осо-

бенности. Скажите, развѣ сейчасъ идетъ что-нибудь большое? Конечно, не указывайте на Рѣпина,—онъ не молодъ. Вѣдь нѣтъ? Такое время. Теперь все поглотила политика...

VIII.

— Вы внимательно слѣдили, Левъ Николаевичъ, за Думой? И, вообще, васъ интересуетъ газета?

— Не скажу ни того, ни другого. Въ семьѣ, конечно, читали и говорили мнѣ о всемъ интересномъ. Самъ я читалъ только нѣкоторыя рѣчи. Были, конечно, достойныя вниманія, но въ цѣломъ Дума производила на меня впечатлѣніе комическое. Не скажу даже досадное, а именно, комическое, въ томъ пониманіи слова, какое, напримѣръ, оттѣнялъ Шопенгауэръ. Комичное, т.-е. противоположное естественному, нужному. Вотъ, какъ если упалъ человѣкъ, когда онъ долженъ итти и не падать. Дѣлалось именно то, чего не нужно было дѣлать. Развѣ для счастья человѣчества нужно не то, чтобы люди сдѣлались лучше, а то, чтобы собраться съ бору по сосенкѣ и начать говорить. Надо понять, что современный распадъ кончится только тогда, когда общество задумается надъ собой и сдѣлаетъ себя лучше. Развѣ въ парламентаризмѣ спасеніе! Я и о правительствѣ одинаково говорю. Что оно думаетъ! Что оно думаетъ! Развѣ тѣмъ, что оно дѣлаетъ, оно вернетъ спокойствіе?! До чего озлобленныхъ людей приходится встрѣчать! До чего все революціонизировано! Вчера пришелъ ко мнѣ одинъ рабочій. Просилъ, чтобы я ему далъ денегъ на револьверъ. Онъ хочетъ мстить за своихъ, арестованныхъ. Мнѣ нужно было употребить все свое нравственное вліяніе, чтобы вывести его изъ этого гипноза... До чего обнищалъ народъ! Сюда, въ Ясную Поляну, за 4, за 6 верстъ, заходятъ, чтобы только полу-

чить какой-то гривенникъ! Какіе пошли люди! Какія злодѣйства кругомъ!..

...Послѣ, уже во время вечерняго чая, пришлось снова вернуться къ этой темѣ. Графъ на нѣкоторое время уходилъ къ своему новому гостю, одному изъ сельскихъ учителей, пріѣхавшему къ нему за совѣтомъ.

— Симпатичный, — сказалъ онъ о немъ, и съ рѣзкимъ выраженіемъ сожалѣнія добавилъ: — но какъ ужъ тоже захваченъ революціей!.. Причастенъ одному союзу... Какъ жаль! Политика ослѣпила умы. И что дѣлается! Страшно подумать! Но все-таки это, вѣроятно, нужная ступень въ движеніи людей къ лучшему.

— Вы вѣрите въ этотъ прогрессъ человѣчества, несмотря ни на что?

— Да, а развѣ можно не вѣрить?

— Иногда беретъ сомнѣніе, дѣйствительно ли человѣчество становится лучше. Казалось раньше, что этотъ прогрессъ несомнѣненъ. Но вотъ опять пошли ужасы, воскресли пытки, — все то, передъ чѣмъ блѣднѣетъ инквизиція...

— Жалко, что вы такъ думаете. Надо въ это вѣрить, иначе нельзя жить. Если бы я не вѣрилъ, я бы пересталъ жить.

IX.

— Значитъ, на то, что сейчасъ происходитъ, на всю эту кровь, вы смотрите, какъ на нѣчто временное, переходное?

— Конечно, это было нужно человѣчеству, какъ урокъ. То, что сейчасъ происходитъ, есть, именно, неизбѣжный результатъ той недолжной жизни, какую мы вели. Нужно было, чтобы мы увидѣли, къ чему

должна привести та гниль, гдѣ мы построились. Такъ собаку, которая напакостила, надо ткнуть мордой въ дерьмо, чтобы ее отвадить.

Левъ Николаевичъ дѣлаетъ помогающій жестъ рукой. Какимъ-то глубокимъ и заражающимъ убѣжденіемъ вѣетъ отъ его бодрыхъ словъ.

— Послѣ такихъ уроковъ мы поймемъ, какъ надо жить. Вотъ въ старину держали рабовъ и не чувствовали ужаса этого. Когда обойдешь сейчасъ крестьянъ и посмотришь, какъ они живутъ, и что ѣдятъ, становится стыдно за то, что у насъ есть вотъ все это.

Левъ Николаевичъ дѣлаетъ движеніе по направленію стола, на которомъ на чистой скатерти уставленъ самоваръ, намазанный масломъ черный и бѣлый хлѣбъ, нарѣзанный ломтиками языкъ и т. п.

— Посмотрите у крестьянъ. У нихъ на завтракъ хлѣбъ съ зеленымъ лукомъ. На полдникъ — хлѣбъ съ лукомъ. И вечеромъ — хлѣбъ съ лукомъ. Будетъ время, когда богатымъ будетъ такъ же стыдно и невозможно ѣсть то, что они ѣдятъ, и жить, какъ они живутъ, зная объ этомъ хлѣбѣ съ лукомъ, какъ стыдно намъ теперь за нашихъ дѣдовъ, державшихъ рабовъ...

— Къ сожалѣнію, не скоро еще это будетъ, Левъ Николаевичъ.

— А у Бога времени много.

Интонація этихъ словъ была очаровательна. Вѣяніе безхитростной, терпѣливой «мужицкой» мудрости было въ нихъ. Этотъ доводъ, произнесенный ласковымъ, кроткимъ голосомъ въ тонѣ глубокаго убѣжденія и вмѣстѣ съ едва уловимымъ оттѣнкомъ милаго лукавства спорщика, нашедшаго подъ рукою готовый и неотразимый аргументъ, — покорялъ. «Свѣтло жить съ такой вѣрой», подумалъ я.

X.

Левъ Николаевичъ на нѣкоторое время оставилъ насъ для пріѣзжаго учителя. Графиня осталась съ нами.

Софья Андреевна производитъ рѣдкое впечатлѣніе простоты и доступности. Невозможно вѣрить, что уже 62 года этой удивительно сохранившейся, высокой и мощной женщинѣ, которой можно дать никакъ не больше 48—50.

— Да, шестьдесятъ два, — настаиваетъ она, — и въ голосѣ ея звенятъ совсѣмъ молодыя, гибкія нотки, и глаза смотрятъ весело и живо. — Въ нынѣшнемъ году сорокъ пять лѣтъ нашей свадьбѣ. И еще надо прибавить, что судьба насъ не очень балуетъ въ послѣднее время. Вы, вѣроятно, знаете: мы недавно схоронили сына. Я была больна. Потомъ эта трагедія съ братомъ, инженеромъ Берсомъ...

— Это должно было потрясти васъ.

— Да, конечно. Хотя это можно было почти предвидѣть. Были угрозы раньше. Разъ, онъ разсказывалъ, какой-то безработный схватилъ его за горло и закричалъ: «задушу». Онъ отвѣтилъ: «Да, задушишь, но этимъ не сдѣлаешь ничего лучшаго. Сколько я ни хлопочу, — городъ не можетъ удовлетворить всѣхъ безработныхъ». И вѣдь какой человѣкъ былъ! Надо было знать его доброту, чтобы понять все страшное безсмысліе этого убійства!.. Это былъ мой любимый братъ. И Левъ Николаевичъ его очень любилъ. Онъ былъ потрясенъ. Пришелъ ко мнѣ съ телеграммой, сказалъ: «большое несчастіе!» и заплакалъ. Я такъ рада уже тому, что мнѣ недавно удалось быть въ Петербургѣ и видѣться съ нимъ нѣсколько дней. Словно что меня толкнуло поѣхать безъ особенной необходимости. Пробыла недолго

потому, что я почти никогда не разстаюсь съ Львомъ Николаевичемъ надолго, и въ разлукѣ неспокойна.

— Радостно видѣть самого Льва Николаевича такимъ бодрымъ.

— Да, напугала меня его болѣзнь. Вѣдь съ нимъ, ко всему, — какъ съ маленькимъ. Онъ не любитъ лѣчиться, и его нелегко заставить даже принять лѣкарство. Приметъ одну капсюлю и, конечно, нѣтъ никакой пользы. Даже не скажетъ, что нездоровъ. Ему недомогалось, но на это не обращали вниманія. Потомъ вижу, нѣтъ его за обѣдомъ. Докторъ говорилъ мнѣ: «Левъ Николаевичъ не придетъ обѣдать. Онъ боленъ. У него повышенная температура». Я вошла къ нему въ кабинетъ. Онъ лежалъ на этомъ диванѣ, гдѣ вы сидите. Это нашъ фамильный диванъ. На немъ онъ самъ родился и всѣ наши дѣти. Такъ ужъ и повелось, что его переносили ко мнѣ, когда было нужно... Склонилась къ нему и, лица не вижу,—я близорука—но слышу, что отъ него такъ и пышетъ жаромъ. Поставили термометръ— 39 и четыре. Туго шла болѣзнь, но, слава Богу, все обошлось.

— Очень надоѣдаютъ Льву Николаевичу подобные намъ посѣтители?

— Нѣтъ, онъ не жалуется. И не отказываетъ желающимъ его видѣть. Корреспонденція его очень велика, и онъ все читаетъ. Но отвѣчаемъ за него мы. Часто я. Онъ только мѣтитъ обыкновенно на конвертѣ, что отвѣтить. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, ему пришлось бы уйти только въ это и тогда бросить все остальное. Обращаются очень многіе. Масса просьбъ объ автографахъ— преимущественно изъ Америки. Вообще онъ ни минуты не остается безъ дѣла. Очень многіе приходятъ просто за помощью подъ «дерево бѣдныхъ». Левъ Николаевичъ никому не отказываетъ. И, однако, современный духъ коснулся и нашихъ сосѣднихъ крестьянъ. На-дняхъ у

насъ самовольно порубили и вывезли изъ лѣса сто двадцать девять дубовъ. Вѣдь это легко сказать. Сто двадцать девять!

— Красть у Толстого!.. О, Россія!

— Да. И такъ нехорошо и дальше. Попрятали бревна во ржи, на поляхъ, засѣянныхъ крестьянами на правахъ половиннаго владѣнія съ нами. И тѣ, кому не привелось поживиться, сами же и выдали воровъ!..

XI.

Графиня С. А. тогда была занята серьезнымъ трудомъ—писаніемъ своихъ мемуаровъ, охватывающихъ всю ея жизнь, какъ до замужества, такъ во время его. Работа, — обѣщающая совершенно исключительный интересъ, потому что, разумѣется, никто не можетъ и мечтать о такихъ богатыхъ воспоминаніяхъ и матеріалахъ о частной жизни великаго писателя, какими обладаетъ спутница его жизни. Софья Андреевна съ видимымъ оживленіемъ говоритъ о своемъ уже дѣятельно двигающемся произведеніи.

Жизнь Льва Николаевича возстановляется здѣсь не только по годамъ, но даже иногда по мѣсяцамъ. Единственную возможность къ этому представляетъ богатѣйшій архивъ графини, содержащій переписку съ лицами, когда-либо соприкасавшимися съ ясно-полянской семьей.

— Я начинаю мемуары, — говоритъ она, — съ дней моего дѣтства. Но велика ли моя жизнь безъ Льва Николаевича? Уже съ 18-ти лѣтъ она тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается съ его жизнью, и онъ заполняетъ мое существованіе. Я возстановляю, когда могу, годъ за годомъ и мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Съ самимъ Львомъ Ни-

колаевичемъ я почти никогда не разставалась, за самыми ничтожными случаями, и наша переписка невелика. Вообще же переписка графа огромна. Часто меня выручаютъ мои письма къ сестрѣ. Я разсказывала ей иногда подробно и откровенно нашу жизнь. По использованіи, весь этотъ матеріалъ я передамъ въ московскій Историческій музей. Я освѣдомлялась тамъ, представляютъ ли интересъ вообще письма къ Л. Н. съ разными, напримѣръ, запросами. Мнѣ отвѣтили, что все, что связано съ его именемъ, можетъ представлять интересъ, какъ картина эпохи, въ которой жилъ Левъ Толстой. Тутъ есть письма Тургенева, Фета... Фетъ любилъ насъ, какъ немногіе... Иногда я читаю близкимъ знакомымъ отрывки изъ этихъ мемуаровъ, и ихъ слушаютъ съ интересомъ.

— Вы намѣрены опубликовать ихъ по окончаніи работы?

— Едва ли я оглашу ихъ до своей смерти. Какъ-то неловко разсказывать о себѣ. Да здѣсь и слишкомъ много интимнаго, и фигурируютъ люди еще такъ недавно дѣйствовавшіе... Нѣтъ, лучше ужъ послѣ смерти. Это будетъ и нѣкоторымъ матеріальнымъ подспорьемъ нашимъ дѣтямъ и внукамъ.

— И далеко ушелъ вашъ разсказъ?

— Я кончила 1885 годъ, и на-дняхъ какъ разъ читала своимъ о нашемъ объясненіи съ Львомъ Николаевичемъ. Этотъ разсказъ уже появлялся въ печати.

— Вашъ разговоръ посредствомъ чтенія иниціаловъ словъ, какіе вамъ писалъ Л. Н., передается обычно совершенно точно?

— Да, въ этой части совершенно. Дѣйствительно, Левъ Николаевичъ раньше ничего не говорилъ мнѣ, и я сразу вѣрно прочитала его буквы: «Въ вашей семьѣ существуетъ ложный взглядъ на меня» и т. д. Самое

писаніе не представляетъ для меня большого труда. Я свободно владѣю языкомъ.

— О, вы прошли такую прекрасную школу выработки стиля!

— Да, я помногу разъ переписывала большую часть работъ Льва Николаевича. И вообще наша семья была очень литературною. Тургеневъ бывалъ у насъ, когда я еще была дѣвочкой, и у меня сохранились о немъ прекрасныя воспоминанія. Меня удерживаетъ отъ опубликованія моихъ, раньше написанныхъ повѣстей и моихъ мемуаровъ, просто такое соображеніе: хорошо напишу—скажутъ,—Левъ Николаевичъ писалъ. Напишу дурно—скажутъ,—зачѣмъ я порчу фамилію.

— Я вообще стараюсь не выдвигаться со своими талантами,—улыбаясь, продолжаетъ Софья Андреевна.—Между прочимъ, вотъ тотъ портретъ Льва Николаевича въ молодости, съ извѣстнаго оригинала Крамского, что вы видѣли въ сосѣдней комнатѣ,—это моя работа.

— Вы пишете и кистью?

— Въ первый и единственный разъ писала. Настоящій портретъ Крамского увозили отъ насъ на таврическую выставку. Мнѣ захотѣлось заполнить пустое мѣсто. И вотъ я, никогда не бравшая въ руки красокъ, не знающая, какъ держать кисть, взялась за это дѣло. Сначала, конечно, выходило Богъ знаетъ что. Но потомъ я поборола трудности.

Въ маленькой комнаткѣ, временно, по случаю передѣлки въ домѣ Толстыхъ, замѣняющей столовую, — вы видите высокія настѣнныя полки, сплошь набитыя связками писемъ въ сѣрыхъ конвертахъ. Тутъ очевидно, цѣлая сокровищница,—и Тургеневъ, и Фетъ и т. д.

Послѣ довольно долгаго антракта въ комнату возвращается Левъ Николаевичъ. Прямо радостно видѣть его бодрую и быструю походку. Онъ подходитъ къ этажеркѣ и столику и перебираетъ книжки.

— Надо дать ему брошюрокъ,—говоритъ онъ о пріѣхавшемъ къ нему учителѣ.—А знаете ли вы вотъ эту брошюрку крестьянина Бондырева? Не знаете? Возьмите. Прочтите. Это очень дѣльное.

Левъ Николаевичъ отдѣляетъ и передаетъ намъ маленькую книжечку «Посредника»—«Торжество земледѣльца или трудолюбіе и тунеядство». Брошюркѣ предпослано предисловіе графа, гдѣ онъ выражаетъ горячее сочувствіе думамъ Бондырева объ обязательности для каждаго человѣка физическаго труда.

Любопытная фактическая подробность относительно собранія сочиненій самого писателя. На вопросъ, не было ли попытокъ пріобрѣтенія ихъ, графиня съ добродушнымъ комизмомъ разсказываетъ, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ изъ очень крупныхъ издателей, нынѣ покойный, дѣлалъ ей предложеніе продать «сочиненія».

— Онъ предложилъ мнѣ съ перваго раза ни больше, ни меньше, какъ... 10 тысячъ за передачу сочиненій графа въ его собственность. На другой же день онъ предложилъ 100 тысячъ. Но уже не мнѣ, потому что я отказалась выйти къ нему и бесѣдовать съ нимъ... Такъ ему и не пришлось больше со мной торговаться...

Очень недавно капитальная заграничная фирма предлагала Софьѣ Андреевнѣ милліонъ рублей за право собственности на сочиненія Льва Николаевича, но изданіе ихъ «на правахъ перевода» побудило отклонить предложеніе.

Графъ возвращается къ гостю на нѣсколько минутъ. Графиня тѣмъ временемъ проситъ насъ къ чайному столу. Подходитъ и дочь графа съ подругою и докторомъ, послѣ своей основательной, часа въ два, прогулки. Когда Софья Андреевна начинаетъ разливать чай, въ комнату входитъ Левъ Николаевичъ. Онъ въ томъ же пальто,—только сдернулъ свою скуфейку. Графъ садится

въ сторонѣ отъ столика, положивъ ногу на ногу и засунувъ большой палецъ правой руки за поясокъ блузы. Надо думать, это его любимая поза. Въ такой именно онъ сидитъ на портретѣ съ Чеховымъ. Ея простота и непринужденность чрезвычайно гармонируютъ со всѣмъ его обликомъ.

Левъ Николаевичъ крякаетъ, только что преодолѣвъ маленькую лѣсенку, и шутитъ:

— Поднялся и ужъ усталъ. Точно мнѣ семьдесятъ лѣтъ!

XII.

Левъ Николаевичъ только присутствуетъ при чаепитіи, но не участвуетъ въ немъ.

— И вы попрежнему не ѣдите мяса?

— Да, не ѣмъ. И они не ѣдятъ (графъ киваетъ на дочь). И, какъ видите, ничего. Мясное (онъ киваетъ на языкъ) ставимъ для пріѣзжихъ.

Разговоръ возвращается къ литературнымъ работамъ Толстого, къ труду графини, къ которому Л. Н. относится съ явнымъ ласковымъ интересомъ. У самого графа сейчасъ, кромѣ извѣстной по газетамъ повѣсти «Хаджи-Муратъ», есть нѣсколько совершенно законченныхъ вещей. Но онъ твердо рѣшилъ не публиковать ихъ при жизни, несмотря на многочисленные лестные отзывы.

— Я иногда даю читать написанное своимъ. Нѣсколько дней назадъ читали «Хаджи-Мурата».

Читаетъ отрывки изъ своихъ мемуаровъ и графиня. Интересныя письма вводятся непосредственно въ текстъ.

— У васъ, Левъ Николаевичъ, должно быть, по нѣкоторымъ соображеніямъ, письмо Побѣдоносцева, которымъ онъ отвѣтилъ вамъ при вашемъ обращеніи къ нему по дѣлу передачи письма къ Александру III.

— Да, оно гдѣ-то у меня есть. Это было сразу послѣ цареубійства въ 1881 году. Предполагалось, что Побѣдоносцевъ вручитъ мое письмо молодому государю. Но онъ былъ противъ моей мысли о непреданіи убійцъ казни. Онъ отстаивалъ казнь и отказался передать письмо. Его передалъ одинъ изъ великихъ князей... Онъ отвѣтилъ мнѣ... нехорошимъ письмомъ. Нехорошимъ!

— А насколько справедливо,—спрашиваю я, — будто заходила рѣчь о вашемъ заключеніи въ монастырь? И дѣйствительно ли была сказана знаменитая фраза, что васъ слѣдовало бы послать въ Соловки, но вамъ не сдѣлаютъ этой рекламы?

— Да, мнѣ говорили это. И съ своей точки зрѣнія государь поступилъ, какъ наиболѣе выгодно было поступить ему тогда.

— Теперь мы дожили до времени, когда выясняются итоги побѣдоносцевскаго закрѣпощенія церкви. Эта исторія со священникомъ Петровымъ... Потомъ это требованіе отъ священниковъ-депутатовъ въ три дня «перемѣнить свои убѣжденія»!..

Левъ Николаевичъ проситъ напомнить, въ чемъ заключается эта послѣдняя исторія, но съ самаго начала разсказа вспоминаетъ ее.

— Да... Конечно... Но, осуждая одну сторону, я не могу не сказать и того, что не понимаю, какъ можетъ священникъ быть революціонеромъ. Не могу понять,—задумчиво повторяетъ онъ. — Какъ хотите, это не совмѣщается...

XIII.

Къ вопросу церкви и вѣры Левъ Николаевичъ обнаруживаетъ большой интересъ. Онъ ставитъ вопросы о современной духовной школѣ, объ элементахъ, идущихъ сейчасъ въ монашество въ академіяхъ, говоритъ о своемъ и объ общепринятомъ пониманіи личности Христа.

— Въ конечномъ итогѣ, — говоритъ Л. Н., — получается одно у того, кто вѣритъ въ Его божественность, и у того, для кого Онъ—человѣкъ, возвысившій людей до сознанія своего сыновства Богу. Я мыслю такъ: Онъ вселилъ въ сердца людей убѣжденіе, что человѣкъ есть сынъ Божій. А при такомъ убѣжденіи можетъ быть только одна истинно евангельская мораль. Сейчасъ я нахожусь въ перепискѣ съ одимъ іеромонахомъ. Онъ — искренно вѣрующій въ божественность Христа. И что же? То, къ чему его приводитъ его вѣра, есть совершенно то, что считаю истиною я въ своемъ убѣжденіи.

Меня интересуетъ вопросъ, какъ *сейчасъ* Левъ Николаевичъ относится къ своимъ прежнимъ произведеніямъ, выражающимъ рѣзко-отрицательное отношеніе къ православію,—къ «Критикѣ догматическаго богословія», къ «Евангелію». Эти взгляды его тѣ же, или уже иные?

— Совершенно тѣ же. Если бы теперь мнѣ предстояло говорить объ этомъ, я сказалъ бы то же. Если о чемъ я жалѣю, то это только о чрезмѣрной иногда рѣзкости моихъ выраженій, о тонѣ. Это въ особенности—о политическихъ моихъ вещахъ. Этотъ тонъ нападенія не способствуетъ миру среди людей, а увеличиваетъ раздраженіе, потому я иногда удерживаюсь давать эти мои брошюры приходящимъ ко мнѣ для бесѣды. Безъ того слишкомъ много вражды въ мірѣ.

Левъ Николаевичъ снова возвращается къ нѣкоторымъ литературнымъ темамъ и именамъ, говоритъ объ Андреевѣ, о Меньшиковѣ, отвѣчаетъ на разспросы о своихъ гостяхъ.

— Ко мнѣ часто наѣзжаютъ американскіе корреспонденты. Недавно были. Почему-то въ Америкѣ мной интересуются. Туда больше всего просятъ и автографовъ. Когда подали ваши карточки, я подумалъ, что это оттуда же. Вотъ на-дняхъ жду къ себѣ

моего друга, Черткова. Это будетъ для меня большая радость.

Графиня, между прочимъ, показываетъ альбомъ съ фотографіями Льва Николаевича. Есть среди нихъ превосходныя, и почти досадно, что на ряду съ ихъ существованіемъ, въ массахъ расходятся очень мало удачные снимки. Заходитъ рѣчь о семьѣ графа, о Львѣ Львовичѣ, сейчасъ находящемся въ Швеціи.

— А какъ вы съ нимъ познакомились? — освѣдомляется графъ, узнавъ, что мы знаемъ Льва Львовича.

— Что касается меня, то мы встрѣтились въ Маломъ петербургскомъ театрѣ, гдѣ шли почти бокъ о бокъ его и моя пьеса.

— Ваша пьеса какъ называется, и какая ея идея?

Съ естественнымъ чувствомъ неловкости (занимать Льва Толстого своимъ произведеніемъ!) я намѣчаю идею «Обреченныхъ». «Современное поколѣніе мало приспособлено для счастья и жизни въ свободѣ. Не только оно не увидитъ счастья, но и то, которое уже пришло ему на смѣну. Какъ израильтяне блуждали 40 лѣтъ въ пустынѣ, такъ современность должна создать новыхъ людей для новой, радостной жизни, а сама она—обречена...»

— Это мысль,—вдумчиво говоритъ Л. Н.—Лѣтъ десять назадъ я сказалъ бы, что согласенъ съ вами, если ограничивать вопросъ интеллигенціей. Теперь я не сдѣлаю даже и этого ограниченія... И народъ тоже, прибавляетъ онъ со вздохомъ,—и народъ тоже!..

Темная ночь заглядываетъ въ широко раскрытое окно графской усадьбы. Мы поднимаемся. Привѣтливо прощается съ нами Левъ Николаевичъ и его семья.

Бубенчики вспугиваютъ тишину деревни. Она уже спитъ. Глазъ едва различаетъ контуры ближнихъ избъ.

Огней уже нѣтъ нигдѣ. Начинаетъ накрапывать дождь. Еще нѣсколько минутъ, и онъ переходитъ въ ливень.

Мы торопимся къ тульскому поѣзду, который помчитъ насъ на югъ. Нѣкоторое время лошади ѣдутъ по размытой глинѣ, скользятъ, и вотъ-вотъ сейчасъ вывалишься изъ тарантаса или потеряешь вещи,—какая ужасающая дорога! И это дорога къ имѣнію Толстого!

Мы немножко плутаемъ, но возница на нѣсколько минутъ покидаетъ насъ и нащупываетъ дорогу. Подъѣзжаемъ къ границѣ какой-то Новой деревни. Вырисовывается фигура сторожа въ первобытной хламидѣ, шлагбаумъ, будка...

— Давайте 32 копейки,—сурово говоритъ онъ.

— За что?

— Такой законъ. Съ двухъ лошадей.

Возница разъясняетъ, что деревня, къ которой приписанъ онъ, не участвуетъ въ исправленіи здѣшнихъ путей и потому, кого бы онъ ни везъ, онъ платитъ при каждомъ проѣздѣ эту дань.

— Что жъ, вы и съ Толстого берете?

— Съ его только восемь копеекъ за лошадь,—отвѣчаетъ сторожъ чуть-чуть поласковѣе.

Шлагбаумъ поднимается. Повозка выѣзжаетъ на болѣе ровный, шоссейный путь. Недалеко—спящая, некрасивая, сѣрая Тула...

Когда теперь мнѣ нужно обозначить ужасную, непролазную, невозможную дорогу, я говорю:

— Тутъ такъ грязно, какъ подъ Ясной Поляной!..

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ.

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ.

I.

Я помню этотъ вѣчно печальный день. Шла лѣтняя, только нѣсколько замедленная, но все же спѣшная работа въ редакціи. Большой городъ былъ пыленъ, скученъ, заставленъ рогатками. Не было событій, но какъ всегда суетились хроникеры, звенѣли звонки, трещалъ телефонъ, торопливо бѣгали типографскіе мальчики. И вдругъ вошелъ секретарь съ печатными телеграммами агентства въ рукахъ и сказалъ:

— Умеръ Чеховъ.

Агентскій листокъ былъ еще почти влаженъ, и среди сообщеній о ссорящихся дипломатахъ, парламентскихъ преніяхъ и выѣздахъ коронованныхъ особъ—на немъ стояли двѣ холодныя, какъ сталь, и какъ сталь рѣжущія и неустранимыя строки:

— Въ Баденвейлерѣ скончался Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Пока мы были погружены въ скучную суету нашей жизни, спѣшили, ссорились, ходили въ гости, — судьба строила противъ насъ свой злой заговоръ, въ который была посвящена только телеграфная проволока.

И вѣсть ошеломила, ударила, смяла. Не вѣрилось. Хотѣлось сомнѣваться, ждать опроверженія, хотя было ясно, что не будетъ никакихъ опроверженій.

Въ редакціи вдругъ стало тихо, мертво и одиноко, какъ бываетъ тогда, когда только что уѣхала любимая женщина или умеръ младенецъ. Перестали трещать звонки, исчезли разсыльные, начатыя слова остались недописанными. Точно вдругъ потемнѣло въ комнатѣ, какъ передъ дождемъ. Точно остановилось время. И такъ оно останавливалось всюду, куда, жуткая и оцѣпеняющая, заглядывала страшная вѣсть.

II.

— Я сидѣлъ въ чудесномъ ресторанѣ въ Неаполѣ,— разсказывалъ мнѣ одинъ интеллигентный русскій. — Было солнечно. За сосѣднимъ столомъ смѣялись офицеры. Предо мной былъ прекрасный завтракъ. Я развернулъ газету и прочиталъ: умеръ Чеховъ. И у меня вдругъ сжалось сердце, словно умерло что-то близкое-близкое, хотя я никогда его даже не видѣлъ въ лицо. Мнѣ показалось такимъ нелѣпымъ, жуткимъ, такимъ страннымъ, что зелень кругомъ не одѣлась въ трауръ, что вотъ тутъ, рядомъ со мной, люди смѣются, солнце сіяетъ, когда умеръ Чеховъ,—умеръ Чеховъ!—и хотѣлось остановить потокъ этой бурной кругомъ радости бытія и сказать имъ вслухъ то, что я знаю, чтобы они заплакали.

Есть прекрасная частность въ католической легендѣ о смерти блаженнаго Іеронима. Говорятъ, что, когда онъ умеръ, сами вдругъ печально зазвонили колокола всѣхъ храмовъ Италіи. Такъ таинственно зазвенѣли сердца въ Россіи, когда умеръ Чеховъ. И звенятъ сейчасъ при всякомъ воспоминаніи о немъ.

Я помню день, когда поѣздъ желѣзной дороги мчалъ меня изъ Петербурга въ Москву. И въ хвостѣ его былъ вагонъ съ страннымъ сокровищемъ — гробомъ Чехова. Вѣнки закрывали металлическій ящикъ. Съ тѣхъ поръ, всякій разъ, какъ я ѣду въ Москву, мнѣ чудится мгно-

веніями, что въ хвостѣ поѣзда прицѣпленъ вагонъ съ металлическимъ ящикомъ и вѣнками. Вверху вагона надпись: «Устрицы». Мгновенное, но острое и мучительное впечатлѣніе прорѣзаетъ мозгъ.

Нѣтъ. То прошло. Вотъ уже пять, шесть лѣтъ. Пора забыть. Но, можетъ-быть, никогда не забыть, никогда не отдѣлаться отъ этого воспоминанія!..

III.

Гдѣ-то Гейне разсказываетъ объ одномъ поэтѣ, плѣнявшемъ сердца и увлекавшемъ молодость. Имъ зачитывались. Его пѣсни любви заучивали наизусть. Подъ ними пыли струны гитаръ. О немъ мечтали прекрасныя женщины. А самъ поэтъ былъ прокаженный клирикъ. И жилъ на островѣ отчужденныхъ.

Эта трагедія несчастнаго поэта, но безъ диссонанса, оскорбляющаго красоту поэтическаго образа,—была трагедіей Чехова. Несчастный счастливецъ, онъ шелъ къ разрушенію въ самомъ расцвѣтѣ славы и поклоненія. Его имя гремѣло. Имъ зачитывались. Ему завидовали, и, однако, съ нимъ не захотѣлъ бы помѣняться ни одинъ нищій съ здоровыми легкими въ груди.

Въ литературѣ давно уже знали съ несомнѣнностью, что смерть караулитъ Чехова, что вся радость земли для него умерла. И когда со всѣхъ сторонъ къ нему летѣли выраженія успѣха, обожанія, требованія автографовъ и сотни переводовъ его разсказовъ на иностранные языки,—онъ догоралъ въ нелюбимой Ялтѣ, тоскуя по какомъ-то другомъ, прекрасномъ, свѣтломъ, большомъ городѣ.

— Вы теперь лучше кажете, чѣмъ недавно,—сказалъ ему, утѣшая его, одинъ петербургскій драматургъ.

Какъ разъ въ эту минуту Чеховъ тяжело закашлялъ и поднесъ платокъ къ губамъ.

— Да, какъ видите, — уныло отвѣтилъ онъ и на мгновеніе показалъ платокъ. На немъ былъ сильный сгустокъ крови.

— Какъ хорошо у васъ въ Ялтѣ! — утѣшалъ его другой собратъ по беллетристикѣ.

— Ахъ, что Ялта! Подлая Ялта. Вотъ Москва!..

— Вы написали хорошій разсказъ.

— Ахъ, какой же хорошій!.. Развѣ такіе бываютъ хорошіе разсказы!

И все, о чемъ ни начинали съ нимъ говорить гости,— все онъ встрѣчалъ такимъ жестомъ отчаянія и безнадежности, такимъ унылымъ, угасающимъ взглядомъ подстрѣленной и страдающей лани. Этотъ взглядъ переданъ на предсмертномъ его карандашномъ портретѣ художника Панова. И самому спрашивающему становилась сомнительной радость бытія, и все никло передъ этимъ стономъ пессимизма, какъ никнетъ земная радость передъ взглядомъ воскресшаго Лазаря въ разсказѣ Л. Андреева.

Родные просили не дѣлать газетныхъ сообщеній объ ухудшеніи его здоровья. Они страшно волновали больного. Доброжелатели его дѣлали, наоборотъ, ободряющія отмѣтки.

И каждый разъ въ посвященномъ въ тайну литературномъ мірѣ эти сообщенія хроники будили вздохъ. «Пишутъ, что лучше. Значитъ, совсѣмъ плохъ»...

IV.

Какъ всколыхнула эта смерть все то, что было чуткаго въ обществѣ, что любило красоту, лелѣяло идеалы, тосковало по лучшимъ временамъ и лучшемъ человѣкѣ,— все, для чего Чеховъ былъ какимъ-то таинственнымъ воплощеніемъ и красоты, и изящества, и чудесной русской печали! Москва напрасно кичилась передъ Петербургомъ своимъ пріемомъ, устроеннымъ праху писателя.

Съ одной стороны, то веселое зрѣлище - гулянье, какое она создала изъ похоронъ Чехова, отнюдь не было вѣнцомъ славы, какого заслуживаетъ любимый писатель, и здѣсь не было ничего похожаго на то, что бывало въ дни похоронъ Некрасова, Достоевскаго или хотя бы Успенскаго. Съ другой — въ основу отношенія Петербурга къ дорогому праху легло простое, вѣчно досадное недоразумѣніе. Можетъ-быть, судьба символически хотѣла подчеркнуть имъ ту обычную нескладицу жизни, то цареніе въ ней нелѣпаго фатума, обвѣвающаго холодомъ пламя чувства, какія съ мягкой печалью, съ тоской и дрожью въ голосѣ пѣлъ и оплакивалъ Чеховъ при жизни.

Нѣтъ, печаль утраты Чехова въ чуткихъ сердцахъ была и здѣсь глубока и напряженна. Вы могли видѣть слезы въ глазахъ людей, никогда не знавшихъ Чехова, какъ человѣка. И Петербургъ спѣлъ ему лучшія прощальныя пѣсни, искреннія, страстныя, нѣжныя, какихъ нельзя было услышать въ шумихѣ хлесткихъ московскихъ газетныхъ статей и панегириковъ.

Тогда, сквозь дымку свѣжей скорби, можетъ - быть, даже не совсѣмъ ясно сознавалось, почему такъ дорогъ и близокъ намъ Чеховъ. Только чувствовалась мощь утраты и ощущалось, какъ отскочила отъ насъ словно какая - то опора, какъ когда-то сказалъ Толстой въ день смерти Достоевскаго. Одно было ясно, что это самая тяжелая литературная утрата, которой намъ, людямъ 80 — 90 годовъ, уже болѣе не переживать, что на этотъ разъ ушло что-то поразительно намъ близкое, дружественное, наше, закатилась звѣздочка, лившая трепетно-ласковый свѣтъ въ печальныя потемки жизни, что были больше его и есть больше, но нѣтъ сейчасъ ближе и нѣтъ роднѣе...

Секретъ чеховскаго обаянія, чеховской близости къ намъ, былъ въ удивительной полнотѣ воплощенія имъ

въ себѣ настроеній своего момента. Удивительно типическимъ человѣкомъ былъ Чеховъ для поколѣнія 80 и 90 годовъ, съ его раннимъ утомленіемъ, надрывомъ силъ до начала труда, мукой по далекимъ идеаламъ жизни— свѣтлой, изящной и прекрасной, съ вѣчной, наконецъ, тоской сѣрыхъ, неинтересныхъ, унылыхъ будней.

Такъ, раньше Чехова, звенящая душа Надсона преломила въ себѣ и отразила жажду борьбы и исканіе пророка поколѣніемъ семидесятниковъ, душа Глѣба Успенскаго выразила муку сознанія тѣмъ же поколѣніемъ необходимости расплаты за старый долгъ народу, Шеллеръ — порывъ молодежи 60 годовъ къ святому труду, гораздо раньше и гораздо ярче Тургеневъ — гамлетизмъ русскихъ Рудиныхъ и порывъ Базаровыхъ. Чеховскій герой явился разновидностью тургеневскаго «лишняго человѣка», со всею суммою психологическихъ наслоеній, какія дала ему русская исторія, — политико-общественныя разочарованія шестидесятника, позднѣйшія разочарованія въ «хожденіи въ народъ», властное цареніе постылаго бюрократическаго строя. Печальное время, давившее всякій свободный порывъ, личную самобытность интеллигента, подсѣкавшее идеалистическое стремленіе Ивановыхъ и превращавшее живыя души въ «человѣковъ въ футлярѣ», въ Пришибеевыхъ, въ добровольцевъ сыска или, въ лучшемъ случаѣ, въ людей двадцатаго числа!

V.

Пѣвцомъ и поэтомъ этого разочарованія живой души, съ разлета хлопнувшейся о стѣну человѣческой пошлости, прозы, казенщины, канцелярщины, чиновнаго гнета и безнадежно надломившей свои прекрасныя, но хрупкія крылья,—былъ Чеховъ, и трогательно звенѣла его пѣснь въ сердцахъ «обреченныхъ», еще не замкнувшихся въ футляры. Именно, въ томъ, что у него не

было темперамента негодующаго сатирика, и его слова звучали не злымъ смѣхомъ и рѣзкостью осужденія, но мягкою и нѣжною грустью и жалостью къ бѣднымъ людямъ печальнаго безвременья, и падали, какъ тихій весенній дождь на сохнущія сердца,—былъ секретъ его особеннаго очарованія.

Посмотрите,—какъ бы говорилъ Чеховъ, показывая на своихъ героевъ,—какіе они всѣ, въ сущности, славные, талантливые, умные люди, всѣ эти сходящіе на-нѣтъ въ провинціальной тинѣ Астровы, дяди Вани, Вершинины, Тригорины и Треплевы, докторъ Рагинъ изъ «Палаты № 6», герой «Моей жизни» и т. д., и т. д., и какъ, однако, ужасающе-нелѣпо, издѣвательски-мучительно слагается ихъ скучная жизнь!.. Бѣдная жизнь въ бѣдной странѣ, гдѣ молодость уходитъ на тридцативерстные переѣзды въ тряской телѣгѣ, на безумную, сумасшедшую тоску прозябанія интеллигентной души въ царствѣ мѣщанства, за водкой и картами, безъ обмѣна мыслями, безъ загоранія, безъ полета, въ роковой, вѣками установившейся розни съ себѣ равными, въ фатальномъ разобщеніи съ мужикомъ, утонувшимъ въ заботѣ о кускѣ чернаго хлѣба. Посмотрите, — говорилъ Чеховъ,—какъ русскіе люди проходятъ мимо своего счастья, мимо любви, не замѣчая, какъ на нихъ восторженно устремляютъ взоры беззавѣтно любящія ихъ Вѣрочки и Сони, милыя, юныя, прекрасныя, какъ они сходятъ на-нѣтъ, выдыхаются, спиваются, какъ они одиноки въ атмосферѣ провинціальной обыденщины и какъ здѣсь неизбѣжно гаснутъ ихъ идеалы. Такъ жить нельзя. И кто въ этомъ виноватъ?

VI.

«Такъ жить нельзя» и «кто виноватъ» — страшные тезисы огромной художественной диссертаціи, которую всю жизнь писалъ Чеховъ,— тезисы, поставленные имъ

задолго до того, какъ началась въ русскомъ обществѣ и печати могучая переоцѣнка наличныхъ цѣнностей, прежде чѣмъ вопль: «такъ жить нельзя» властно вырвался изъ загражденныхъ и несвободныхъ устъ русскихъ людей.

Въ жизни и литературѣ все становится яснымъ и опредѣленнымъ лишь въ перспективѣ исторіи. Уже первый годъ, прошедшій со дня смерти Чехова, установилъ уголъ зрѣнія на его творческое и общественное дѣло, какой едва ли самый чуткій философъ исторіи предугадалъ бы въ разгаръ дѣятельности писателя. Какіе-то таинственные, но теперь наглядно видимые, проводы тянутся отъ страницъ его книгъ къ пережитой нашею общественностью страницѣ исторіи. Только тогда стало возможнымъ видѣть, какъ велика была ошибка нашей критики, долгое время не сумѣвшей разсмотрѣть настоящей идейно-общественной роли пѣвца хмурыхъ людей и обвинявшей его въ безыдейности, безпринципности, въ «никчемности» его таланта, въ отсутствіи въ его душѣ живого Бога и гражданственнаго идеала.

«Дайте намъ бодрыхъ людей, покажите намъ какіе-нибудь огни идеала!» вопіяла критика. Она не видѣла того, что обратнымъ, отрицательнымъ путемъ Чеховъ, именно, дѣлалъ то, чего отъ него такъ настойчиво требовали. Весь ужасъ захвата человѣка прозою и пошлостью, весь трагизмъ безволія и духовнаго оскудѣнія, пассивнаго подчиненія нескладно слагающейся жизни и навязываемому сверху обезличивающему режиму, — никто не показалъ ярче Чехова. Онъ сжималъ наше сердце тоской, когда мы выходили изъ театра съ его «Дяди Вани» или «Трехъ сестеръ» или закрывали его позднія печальныя повѣсти. Если бы теперь нужно было исторически оглянуться на условія, создавшія современный нравственный и матеріальный кризисъ Россіи,

увидѣть людей, своимъ духовнымъ складомъ подготовившихъ современную пассивность однихъ, волчью хищность другихъ, плачевную и гибельную бездарность третьихъ,—нужно было бы обратиться къ Чехову. Онъ удивительно подсмотрѣлъ и отразилъ всѣ элементы, подготовившіе девятьсотъ пятый годъ, съ его униженіями и прорѣхами, съ трескомъ старыхъ одеждъ по всѣмъ швамъ.

VII.

Какъ истинный художникъ, Чеховъ дѣлалъ это въ наивной непосредственности таланта. Онъ отнюдь не ставилъ предъ собою преднамѣреннаго изображенія типа, какой казался ему моднымъ или выигрышнымъ. Онъ не влагалъ пламенныхъ филиппикъ по адресу сѣрыхъ людей въ уста пылкихъ студентовъ, собравшихся на товарищескую пирушку (за что, между прочимъ, его также обвиняла критика), не рисовалъ титановъ, примѣромъ своей жизни и дѣятельности осуждающихъ слабняковъ.

Онъ ни подъ кого не поддѣлывался, никому не старался угождать и едва ли мѣтилъ въ художники-историки. Но такъ выходило, что философія всѣхъ его героевъ сводилась къ одной общей чертѣ, что въ общемъ итогѣ его огромнаго труда появилась цѣлая галлерея аналогичныхъ и исчерпывающихъ время типовъ русскаго интеллигента. И удивительное изображеніе бытія заплѣсневѣвшаго русскаго человѣка давало впечатлѣніе несравнимо болѣе сильное, чѣмъ дали бы разговорныя филиппики или приподнятая риторика идеализированныхъ персонажей. Да, именно оно, это поколѣніе слабняковъ, безвольниковъ, нытиковъ и плакальщиковъ, пассивныхъ рабовъ жизни и ея порядковъ, неспособныхъ ни на протестъ, ни на отпоръ, ни на борьбу, подготовило ту ниву, которую мы и сейчасъ пожинаемъ, поливая ее слезами.

Повторю,—«такъ жить нельзя» совершенно опредѣленно, настойчиво и убѣжденно сказалъ Чеховъ задолго до того, какъ эта фраза стала ходячей и легальной. Въ этомъ отношеніи Чеховъ былъ несравнимо либеральнѣе тѣхъ критиковъ, которые рекомендовали ему обычный шаблонъ беллетристически-гражданской работы, и изъ которыхъ никто такъ рѣшительно не произнесъ этого тезиса. Можетъ-быть, онъ самъ даже не чувствовалъ, какъ цѣльна въ историко-философскомъ смыслѣ огромная часть того, что онъ далъ нашей литературѣ. Можетъ-быть, иногда его могло смущать и печалить какъ бы однообразіе его героя. Бывали какъ бы повторенія. Но повторенія эти были нужны, какъ снимки съ другой стороны, какъ пополненіе образа новой фотографіей.

Огромную отрицательную работу совершилъ Чеховъ своимъ жизненнымъ трудомъ. Безпощадно, рѣзко и мѣтко онъ ударилъ во всѣ больныя мѣста русскаго человѣка и русской дѣйствительности.

VIII.

... Въ «Дядѣ Ванѣ» есть характерный и для самого Чехова символическій моментъ. Докторъ Астровъ развертываетъ передъ женою профессора Серебрякова сдѣланную имъ самимъ карту современнаго и прошлаго положенія уѣзда и говоритъ:

— Смотрите сюда. Картина нашего уѣзда, какимъ онъ былъ 50 лѣтъ тому назадъ. Темная и свѣтло-зеленая краска означаетъ лѣса; половина всей площади занята лѣсомъ. Гдѣ на зелени положена красная клѣтка, тамъ водились лоси и козы. На этомъ озерѣ жили лебеди, гуси, утки, и, какъ говорятъ старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо. Рогатаго скота и лошадей было много. По голубой краскѣ видно. Въ этой волости голубая краска легла густо: тутъ были цѣлые

табуны, и на каждый дворъ приходилось по три лошади. Теперь посмотрите ниже. То, что было 25 лѣтъ назадъ. Тутъ ужъ подъ лѣсомъ только одна треть всей площади. Козъ уже нѣтъ, но лоси есть. Зеленая и голубая краски уже блѣднѣе. И такъ далѣе и такъ далѣе. Переходимъ къ третьей части: картина уѣзда въ настоящемъ. Зеленая краска лежитъ кое-гдѣ, но не сплошь, а пятнами: исчезли и лоси, и лебеди, и глухари... Отъ прежнихъ выселковъ, хуторковъ, скитовъ, мельницъ и слѣда нѣтъ. Въ общемъ,—картина постепеннаго и несомнѣннаго вырожденія, которому, повидимому, остается еще какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ, чтобы стать полнымъ».

Поставьте на мѣсто Астрова самого Чехова, на мѣсто профессорской жены—его читателя, попытайтесь представить себѣ синтезъ его художническихъ показаній, развертывающихся подобно картѣ, и вы услышите изъ его собственныхъ устъ нѣчто очень похожее.

— Смотрите сюда,—какъ бы говоритъ Чеховъ.—Вотъ картина нашей жизни, какова она сейчасъ. Сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ назадъ у насъ были сильные люди, дѣйствовавшіе, горѣвшіе, желавшіе. Были Базаровы, Штольцы, Неждановы перваго періода, Молотовы, Свѣтловы, герои Шеллера. Люди стремились жить, трудиться, бороться, побѣждать, властвовать жизнью. Смотрите, какъ теперь поблѣднѣли краски, погасли огни, и въ какое страшное безвременье мы живемъ. Какая зловѣщая картина постепеннаго и несомнѣннаго вырожденія общества! Старики съ идеалами борьбы и жизни умерли, порывъ и побужденіе схлынули, на смѣну шестидесятникамъ и народолюбцамъ пришли безвольные, растерянные люди 80-хъ и 90-хъ годовъ, надорвавшіеся еще до выхода на работу, испытывающіе мучительное похмелье, еще не побывавши на пиршествѣ. Въ интеллигенціи—косность, бездушіе, холодный формализмъ, растерянность

передъ жизнью, «кругомъ сплошь одни чудаки», наглое хищничество, взятки, грубость, безчувственность. Народъ невѣжественъ, грубъ, бѣденъ, съ тусклымъ кругозоромъ, съ подавленнымъ воображеніемъ, съ вѣчными мыслями о сѣрой землѣ, черномъ хлѣбѣ; въ его избахъ попрежнему грязь, вонь, дымъ, телята на полу, сыпной тифъ. Ваши женщины не видятъ смысла жизни, въ интеллигенціи онѣ праздны, неудовлетворены, пусты, пошлы, въ народѣ онѣ жалки, забиты, глубоко несчастны. Вотъ какой ужасъ жить въ тинѣ пошлости, безъ путеводнаго огонька, безъ прямой жизненной задачи, безъ страстной мечты о лучшемъ человѣкѣ, для котораго все живущее теперь только подготовляетъ дорогу, и безъ вѣры въ котораго безплоденъ и мертвъ всякій, даже самый искренній порывъ современнаго идеализма!

Все молодое, не заглушенное, жизнеспособное рвется изъ глуши съ страстнымъ воплемъ—«въ Москву, въ Москву, въ Москву!»—въ фантастическую, прекрасную, залитую электричествомъ Москву, съ кипѣніемъ жизни, съ интересными, сильными людьми, съ музеями и галлереями,—въ ту идеализованную Москву, какая мерещилась больному писателю въ знойные и скучные дни, въ длинныя ночи ялтинскаго затвора, и какая была далека отъ настоящей, грубоватой, тоже провинціальной и ужъ далеко не такой заманчивой Москвы.

Вотъ синтезъ чеховскаго творчества и чеховскаго настроенія и исходный пунктъ для его оцѣнки.

IX.

У Чехова не было ни гоголевскаго сарказма и задора обличенія, ни страстности и гнѣвности сатирическаго темперамента Салтыкова, ни капризно-злой критической

придирчивости и разрушительно-скептической цѣпкости Льва Толстого. Но выполненная имъ работа критики русской жизни по напряженію, глубинѣ и широтѣ захвата совершенно аналогична дѣлу Салтыкова, бичевавшаго скорпіонами русскій грѣхъ, дѣлу Гоголя, осудившаго дореформенную Россію съ ея мракомъ и безправіемъ, дѣлу Толстого, вскрывшаго фальшь, лицемѣріе и условность современнаго жизненнаго уклада. Чеховъ дѣлалъ свою работу тихо и безгнѣвно, но итоги его дѣятельности въ этомъ идейномъ смыслѣ огромны. И это фактически подчеркнуто такимъ обстоятельствомъ, какъ безсильная вражда противъ Чехова реакціоннаго литературнаго лагеря,—вражда, безобразно проявившаяся даже надъ незарытою писательской могилой, когда изъ крайнихъ притоновъ мракобѣсія послышались шипящіе голоса противъ воздаянія Чехову посмертной почести.

Этимъ голосамъ хотѣлось умалить его значеніе, хотѣлось оттѣнить какую-то революціонную разрушительную роль пѣвца нашихъ сумерекъ. О, они были далеко не близоруки, представители этого лагеря, они ясно—и вѣрно—видѣли въ Чеховѣ, этомъ совершенно чуждомъ тенденціи писателѣ, своего дѣйствительнаго и несомнѣннаго врага,—врага застоя и ретроградной мути, яраго протестанта противъ ихъ излюбленнаго тезиса, что все у насъ обстоитъ благополучно и можно быть всѣмъ довольнымъ, какъ всѣмъ доволенъ педагогъ изъ «Трехъ сестеръ». Чеховъ не преподносилъ своихъ тезисовъ съ прямолинейностью формулировокъ публициста. Онъ чуть-чуть не договаривалъ. Но у кого была голова на плечахъ, тотъ не могъ не понять или перетолковать основной наклонъ его міровоззрѣнія. И это поняла и въ этомъ расписалась темная реакціонная сила.

И когда съ высокимъ безпристрастіемъ и честностью Чеховъ окончилъ свое дѣло критики русской жизни,—онъ умеръ, и его могила—точка, поставленная судьбою

надъ цѣлою полосою русской общественности. Отрицательная работа, — діагнозъ болѣзни, — была доведена до конца. Чеховъ оставилъ свое знамя для другого, положительнаго работника въ русской литературѣ и жизни.

Новаторъ формъ, Чеховъ былъ весь въ завѣтахъ прекрасной русской старины, плоть отъ плоти и кровь отъ крови старыхъ русскихъ художниковъ, прямой ставленникъ ихъ по преемству литературнаго апостольства. Гдѣ-то далеко виднѣется великая фигура Гоголя, прародителя реализма, видная со всѣхъ улицъ и перекрестковъ современной литературы. Прямо отъ него идетъ величественный путь могучаго Толстого и обаятельнаго Тургенева. Прямо дальше—прекрасная тропа Чехова. И Гоголю, и Толстому, и Тургеневу—Чеховъ свой, родной и близкій. Родной по запросамъ духа, по тяготѣнію къ правдѣ—и только къ правдѣ, по неподкупной художнической честности, не позволявшей ни на минуту измѣнить дѣйствительность въ угоду модѣ, партіи, господствующему настроенію момента, по исканію смысла жизни, по чисто русской, славянской одухотворенности и идеалистическому порыву кверху, къ звѣздамъ отъ ужаса пошлости, отъ духовнаго мѣщанства, отъ рабства землѣ. Что-то исключительно общее съ Гоголемъ, съ его безоблачнымъ смѣхомъ въ началѣ, съ его напряженною думой и дрожью въ голосѣ въ концѣ, общее съ Толстымъ по фанатическому упрямству исканія, безпощадности разоблаченія всего, къ чему ни приходилось подходить, по его грубоватой прямотѣ, простотѣ манеры, перелившейся въ еще новыя, болѣе совершенныя, гармоничныя и прекрасныя формы.

И по своему вліянію, по огромности своихъ силъ, несравнимый ни съ кѣмъ изъ писателей своего поколѣнія, онъ по праву стоялъ первымъ за творцомъ «Войны и мира».

X.

Кто-то, должно-быть, никогда не читавшій Джерома К. Джерома, сравнилъ юморъ Чехова—и Чехова не первыхъ его томиковъ,—съ юморомъ комика американца. Какое глубокое заблужденіе и какая безмѣрная разница между беззаботнымъ благодушнымъ смѣхомъ Твэновъ и Джеромовъ и улыбкою Чехова, отъ которой становится грустно! Конечно, рѣчь не о первыхъ, чисто комическихъ разсказцахъ Чехова, которые въ сущности обречены на совсѣмъ маленькую роль при серьезной оцѣнкѣ величины «настоящаго» Чехова. Юморъ Чехова—тотъ типичный, славянскій юморъ, въ которомъ дрожитъ слеза, который вызываетъ улыбку въ моментъ чтенія и смѣняется глубокимъ и долгимъ раздумьемъ, какъ только закрывается книга. Такъ не умѣли смѣяться за границей, а въ русской литературѣ до Чехова смѣялись только двое—Гоголь и Глѣбъ Успенскій, да еще, пожалуй,—безъ ихъ задушевности, нѣжности, мягкости, но со злобой и тоскою,—Салтыковъ.

Такъ и въ остальномъ сквозили въ Чеховѣ черты чисто русскаго литератора. Гоголь во второй половинѣ своей жизни жадно искалъ идеальнаго человѣка, Достоевскій—искру Божью въ безднахъ, Толстой пыталъ истину, Лѣсковъ тосковалъ о «праведникѣ». Чеховъ искалъ изящнаго, прекраснаго, трогательнаго, поэзіи въ жизни, осмысленія жизни. Въ этомъ смыслѣ онъ не былъ вполнѣ «учителемъ жизни», какими являлись у насъ очень многіе изъ большихъ писателей. Но этимъ исканіемъ смысла, этою критикою и судомъ мѣщанства и торжествующей пошлости, своимъ вѣчнымъ выводомъ изъ всего, что нельзя жить, не облагородивъ и не осмысливъ для себя бытія, не установивъ передъ собою, хотя бы вдали, хотя бы за сотни лѣтъ впереди, прямую и высокую цѣль,—онъ прояснялъ намъ жизнь,

и въ этой горячности его захвата и его постоянствѣ было то, что отличало великихъ стариковъ.

Въ исканіи трогательнаго и прекраснаго лежатъ черты, роднящія Чехова съ Тургеневымъ. Отъ Тургенева у него эта нѣжность, мягкость, акварельная красота рисунка, поэтичность и романтичность настроенія, какая-то плѣнительная женственность отношенія къ людямъ. По грустно умиленному чувству, какое проникаетъ всѣ чеховскія изображенія женщинъ и въ особенности дѣвушекъ, по той поэтической жалости, какая вызывается въ немъ какъ бы какимъ-то неустранимымъ предчувствіемъ, что этихъ существъ, милыхъ, хрупкихъ, прекрасныхъ, въ жизни ждетъ неизбѣжное соприкосновеніе съ пошлостью, съ подлостью, съ хамствомъ и деспотизмомъ, ждетъ несытость души и почти непремѣнное паденіе,—Чеховъ совершенно одинокъ въ литературѣ момента, и по своей красотѣ эти образы имѣютъ въ прошломъ только такихъ соперниковъ, какъ тургеневскія и гончаровскія героини. Это же основное стремленіе художника Чехова къ красотѣ, чистотѣ и изяществу сдѣлало его дѣтскіе образы, благоухающіе непередаваемой наивной красотой дѣтской души,—лучшими въ нашей литературѣ, напоминающими страницы толстовскаго «Дѣтства» и гончаровскаго «Сна Обломова».

Они проходятъ цѣлою галлереею, всѣ эти трогательные образы Чехова—очаровательныя Вѣрочки, шепчущія холодному человѣку свои первыя признанія, милыя, тоскующія три сестры, кроткая Соня, Чайка, умирающій въ грустномъ одиночествѣ архіерей, трогательный монахъ изъ «Святой ночи», слезно тоскующій объ ушедшемъ изъ жизни собратѣ, безнадежно наталкивающійся на грязь жизни идеалистъ Володя, несчастный священникъ изъ «Кошмара», чистый студентъ изъ «Припадка», судорожно мучащійся за судьбу падшей женщины, Иванъ Непомнящій, мечтающій подъ конвоемъ о лучшей долѣ,

старикъ извозчикъ, изливающій свое горе объ утратѣ сына, идеалисты изъ «Моей жизни», бѣдная Лина изъ «Оврага» и такъ далѣе безъ конца. Иногда они почти бѣгло набросаны, очерчены нѣсколькими страницами, но—такова сила чеховскаго таланта — они врѣзались прочно и навсегда въ память, подобно лучшимъ образамъ русскихъ корифеевъ.

XI.

Какая поразительная сила чувства умерла съ этимъ человѣкомъ! Какъ отсюда все загоралось въ его книгахъ жизнью, грустью, освѣщалось дрожащимъ свѣтомъ любящей и жалѣющей души. Точно гуманный, самъ растроганный врачъ, какъ сказалъ о Чеховѣ одинъ изъ нашихъ критиковъ, подошелъ къ больному—и щупаетъ пульсъ, и слушаетъ сердце, и говоритъ осторожныя мягкія слова и поспѣшно отвертывается, чтобы скрыть дрожащія въ своихъ глазахъ слезы безсилія и безпомощности...

Сумеречной рисовалъ онъ жизнь и всегда поэтически-грустной и малорадостной. Въ его собственной душѣ, угнетенной постоянною работою недуга, были вѣчныя сумерки. Было что-то поэтически-трогательное, какъ въ его созданіяхъ, въ самомъ образѣ этого красивѣйшаго изъ современниковъ, вознесеннаго на высоту волнами славы и обреченнаго на медленное умираніе гдѣ-то тамъ, далеко отъ насъ,—въ самой этой отдаленности его отъ насъ, отъ нашихъ злобъ, отъ шума нашего базара. Неудивительно, что онъ улавливаетъ въ жизни не свѣтъ, а тѣни, что его положительные люди были люди грустные, скорбящіе, обиженные и обойденные, а отрицательные типы были пошляки, хищники и бездарности. Въ этомъ смыслѣ до извѣстной степени справедливо его можно было назвать «жестокимъ талантомъ». Большею частью передъ тяжелыми картинами останавливалъ онъ

читателя. Пугающая карта Астрова, страшный Іезекіилевъ свитокъ! «Рыданіе, и жалость, и горе!»

И говорили, что онъ не любитъ человѣчество, что онъ безнадежный пессимистъ, не видящій свѣта даже въ малѣйшей щелочкѣ жизни.

Съ обвиненіемъ въ охулкѣ русскаго человѣка слѣдовало бы подождать уже просто потому, что у Чехова удастся найти—и мы отчасти это видѣли—цѣлый рядъ изумительной привлекательности образовъ. При наличности и «Мужиковъ», и «Въ оврагѣ», у него можно видѣть красивые снимки съ мужика почти каратаевскаго типа. Но главное не въ этомъ. Главное въ томъ, что не надо забывать о законѣ двоякаго служенія писателя своимъ идеаламъ.

Картинами мрака можно властно манить къ свѣту, ненавистью звать къ любви. «Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды»,—и тѣмъ властнѣе онѣ зовутъ къ себѣ. Ужасомъ прозы Чеховъ отрывалъ отъ пошлости и земли и звалъ смотрѣть въ небо и въ лучшую даль. Есть убивающій пессимизмъ отчаянія, и есть пессимизмъ,—если только сюда идетъ это слово,—не принижающій, но окрыляющій, зовущій не къ пассивному и рабьему подчиненію тому, что есть, но къ противленію, къ вмѣшательству въ зло. Такимъ пессимизмомъ водитъ не ненависть къ человѣчеству, какъ къ гаду и ничтожеству, но жалость къ его слабости и вѣра въ лучшее будущее. «Не оживетъ, аще не умретъ». И Чеховъ ждалъ смертельнаго отвращенія къ пошлости, чтобы на расчищенномъ мѣстѣ выросъ въ человѣкѣ благородный и высокій порывъ.

XII.

Годы, бурно прокатившіеся со дня смерти Чехова, рельефно оттѣняютъ символическій смыслъ чеховской могилы. Умеръ писатель, ибо долженъ умереть печаль-

ный герой его времени. Идутъ другіе люди, другая жизнь. Стало неузнаваемо печатное слово. Пробуждаются дремлющія силы. Литература, если она чутка и впечатлительна, должна ухватывать черты этого новаго героя нашего времени, бодраго, вѣрящаго, пришедшаго на смѣну хмурому и сонному чеховскому герою, съ погасшими интересами, съ водкой, преферансомъ и тоской бездѣлья. Чеховъ, можетъ-быть, предчувствовалъ близость обновленія русской жизни. Все ярче и ярче разгоралась его мечта о какомъ-то прекрасномъ, свѣтломъ и изящномъ будущемъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ... Но онъ только издали видѣлъ землю обѣтованія.

Чтобы полно почувствовать Чехова, нужно заѣхать въ глубокую провинціальную глушь, куда шумъ Петербурга долетаетъ отраженнымъ и невѣрнымъ звукомъ лишь на четвертый день, гдѣ—солнце, пыль, песокъ и соскучившіеся, запущенные люди. Съ вами нѣтъ ни одной книжки Чехова или о Чеховѣ. Если бы вы хотѣли, вы, вѣроятно, уже не безъ труда достали бы здѣсь его «полное собраніе».

Но огромное значеніе Чехова, но его почти мистическій захватъ русской жизни, ея красоты и тоски—вы почувствуете здѣсь такъ, какъ никогда не подсказывала вамъ ни одна книга.

Все живетъ здѣсь «по Чехову». Все — плагіатъ изъ Чехова. По Чеховскому подсказу милыя дѣвушки рвутся въ столицы, на курсы, и въ туномъ отчаяніи выходятъ замужъ за скучныхъ и замученныхъ телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ чиновниковъ. Каждый день въ каждомъ городѣ разыгрываются не на подмосткахъ театра, а въ жуткой дѣйствительности финальныя сцены изъ «Дяди Вани». Мужья изъ ревности дѣлаютъ скандалы своимъ женамъ въ публичномъ мѣстѣ, и ревнивыя жены бьютъ своихъ мужей по щекамъ въ садахъ.

По шести, по восьми, по десяти часовъ томятся люди въ ожиданіи пересадки на грязныхъ вокзалахъ въ Бахмачахъ и Конотопахъ, пьютъ скверное пиво, рисуютъ кукиши на вокзальныхъ столахъ, пишутъ плоскіе сарказмы въ жалобныхъ книгахъ.

И когда спускаются теплыя и сухія южныя сумерки,— на балконы домовъ и къ открытымъ окнамъ выходятъ молодыя скучающія женщины и слушаютъ трещотки сторожей, собачій лай, брянчанье балалайки, свистки пожарнаго на каланчѣ, унылый бой церковныхъ часовъ и думаютъ о счастьѣ, которое имъ только снилось, и котораго онѣ никогда не видѣли въ лицо...

XIII.

Надо это видѣть, понять и прочувствовать, чтобы понять и оцѣнить всю силу Чехова, пѣвца великаго русскаго разочарованія, великой русской тоски. Для заграницы Чеховъ всегда останется переводомъ. Ни этихъ осеннихъ чувствъ въ расцвѣтѣ молодости, ни этой тоски, навѣянной лѣсомъ, степью, песками, не вѣдаетъ душа иностранца. То, что онъ воспѣлъ эту сторону русской души, болѣе значительно, болѣе *вѣчно*, чѣмъ то, что онъ исторически запечатлѣлъ девятидесятые годы, далъ типы безвольниковъ, предсказалъ революцію, осудилъ постылый старый режимъ.

Гончаровы, Писемскіе, Островскіе взглянули на жизнь и *разсказали* о ней, что видѣли. Гоголь посмотрѣлъ на жизнь и засмѣялся, и не всѣ разслышали дрожь въ его смѣхѣ. Салтыковъ исполнился гнѣва и поднялъ руку съ проклинающимъ жестомъ. Тургеневъ мечтательно пожалѣлъ догорающую красоту разоряемыхъ дворянскихъ гнѣздъ.

Чеховъ взглянулъ на русскую жизнь, пожалѣлъ ее и заплакалъ о томъ, что въ ней болѣе всего достойно

жалости,—объ оскверненной и разбитой женской мечтѣ, о прониваемой русской талантливости, о недосягаемости идеала, о ранней потерѣ радости жизни.

Чеховъ былъ созданъ, чтобы стать пѣвцомъ красивой русской тоски, безотчетной нашей печали, являющейся какъ бы шестымъ чувствомъ русской души и составляющей ея великую прелесть. Въ такой цѣльности, полнотѣ, красотѣ и силѣ никто изъ русскихъ писателей не отдалъ себя этому настроенію,—ни Гоголь, ни Тургеневъ, ни Кольцовъ, и въ этомъ — права Чехова на крупное народное значеніе, позволяющее его имени стать по достоинству слѣдомъ за великими именами нашей литературы.

Поэтическимъ воспріятіемъ этой чудесной печали Чеховъ помогъ намъ и поможетъ будущимъ поколѣніямъ перенести ее въ нашей невеселой жизни, гдѣ она часто совсѣмъ не такъ поэтична и красива, и скромный огонекъ неугасимой лампадки, что льетъ днемъ и ночью мягкій свѣтъ вокругъ его могилы, подъ цвѣтущей липой, на тихомъ кладбищѣ монастыря, гдѣ томилась царевна Софія, есть образъ того тихаго, трогательнаго, мерцающаго сіянія, какое лила и льетъ въ тоскливые сумерки нашей прозаической жизни эта прекрасная звѣзда русскаго литературнаго неба, закатившаяся такъ грустно и безжалостно рано...

ПОГАСШІЕ ЗАМЫСЛЫ ЧЕХОВА.

I.

Чеховъ умеръ сорока четырехъ лѣтъ, оставивъ шестнадцать убористыхъ томиковъ. Ихъ стало бы двадцать, если бы сюда присоединить случайно отложенное хорошее («Огни»), юношеское и слабое (романъ «Драма на охотѣ» и множество первыхъ разсказовъ) и ту юмористическую нестрядь, какою молодой Чеховъ обезпечивалъ воскресный пирогъ своей семьѣ, себѣ и друзьямъ.

Многое ли онъ унесъ съ собою въ могилу, или онъ ушелъ, совершивъ «въ предѣлѣ земномъ все земное»?

Вотъ вопросъ, какой обычно ставятъ надъ писателемъ, когда онъ еще лежитъ на столѣ. И почти не можетъ быть вопроса болѣе празднаго. «Свершить въ предѣлѣ земномъ все земное», какъ это сказалъ Баратынскій о Гете, и какъ это треплютъ теперь въ некрологахъ въ примѣненіи къ любому отставному генералу, — можетъ кто угодно, только не писатель, если онъ не кончилъ безуміемъ и не зажился до впаденія въ дѣтство.

Жить для писателя значитъ горѣть замыслами, мечтать, импровизировать, задумывать. Гете, прожившій съ людьми восемьдесятъ три года, безъ сомнѣнія, творилъ бы и удивлялъ міръ, если бы прожилъ еще восемьдесятъ три. Почти умирающій Ибсенъ сказалъ, что считаетъ свою лучшую пѣсню не спѣтою. Достоевскій говорилъ, начи-

ная «Карамазовыхъ», что этой работы хватило бы ему на сорокъ лѣтъ. Лучшія импровизаціи Мицкевича не записаны. Вилье де-Лиль Аданъ успѣлъ записать едва сотую долю своихъ мечтаній.

И всѣмъ, кто кряхтитъ надъ вопросомъ, многое ли унесли въ могилу Пушкинъ, Достоевскій, Чеховъ, хочется отвѣтить однимъ хорошимъ изреченіемъ Реми де-Гурмона:

— «Развѣ только методическій кретинъ на сотомъ году жизни могъ бы похвалиться, что онъ осуществилъ всѣ свои замыслы. Дѣйствительно плодовитый писатель никогда не осуществляетъ и тысячной доли. Онъ хотѣлъ бы возвести пирамиду, а едва успѣваетъ положить нѣсколько кирпичей одинъ на другой».

II.

Чеховъ еще не пошелъ назадъ, не началъ тускнѣть и сдаваться. Правда, нота прекрасной печали и мечтательный аккордъ о «небѣ въ алмазахъ» стали у него уже главенствующими. Уже разъ и два онъ повторилъ заключительный монологъ «Дяди Вани». Въ «Невѣстѣ» вдругъ почувствовалось повтореніе готоваго пріема.

Но все это ловилъ только внимательный критическій, еще не читательскій, глазъ, и все это было опять же свое, чеховское, говорившее, что первая блистательная пора цвѣтенія таланта, буйнаго его кипѣнія, той игры, какою играетъ шампанское,—эта пора подходила къ концу, и передъ нами былъ уже законченный опредѣлившійся художникъ, нашедшій лучшіе пріемы и имъ отдавшійся.

Разумѣется, еще многое множество аккордовъ могло звенѣть въ его душѣ. Наступали новыя времена. Если бы не болѣзнь,—могли бы быть у него новыя настроенія. Въ предѣлахъ найденныхъ формъ могъ быть прекра-

сенъ Чеховъ. Все найденное послѣ Пушкина тоже было въ раньше принятыхъ имъ формахъ. Но было чудесно.

Ни откуда, ни отъ кого неизвѣстно, чтобы чеховская муза въ послѣдніе годы уже устало опускала крылья. Съ каждымъ годомъ—да, онъ становился строже къ себѣ, требовательнѣе; пользуя пушкинскій терминъ,—взыскательнѣе. Черкалъ страница за страницей, слово за словомъ.

— Помилуйте,—возмущались друзья.—У него надо отнимать рукописи. Иначе онъ оставитъ въ своемъ разсказѣ только, что они были молоды, влюбились, а потомъ женились и были несчастны.

— Но вѣдь такъ же оно, въ существѣ, и есть!—улыбался Чеховъ.

III.

И никогда онъ не жаловался на недостатокъ темъ. Скромный на рѣдкость, онъ положительно любилъ хвастать ихъ обиліемъ и не въ ранней только молодости, когда онъ разсмѣшилъ Короленка: — «Вотъ пепельница,—хотите, завтра будетъ разсказъ «Пепельница»?—а почти наканунѣ смерти, когда въ Ялтѣ обдумывалъ уже поѣздку за границу.

Покойному Гарину-Михайловскому онъ показывалъ свою записную книжку и весело «похвалялся»:

— Знаете, что я дѣлаю? Въ эту книжку я больше десяти лѣтъ заносилъ всѣ свои замѣтки и впечатлѣнія. Карандашъ сталъ стираться, и вотъ я рѣшилъ обвести чернилами. Видите,—уже кончаю.

Онъ добродушно похлопалъ по книжкѣ и сказалъ:

— *Листовъ на пятьсотъ* еще неиспользованнаго матеріала. *Лѣтъ на пять работы.* Если напишу,—семья останется обезпеченной.

Въ свои воспоминанія А. М. Ѳедоровъ занесъ подобное. Чеховъ любилъ шутя обращаться къ кому-либо изъ гостившей у него литературной братіи съ предложеніемъ:

— Купите у меня сюжетъ разсказа. Дешево уступлю. Особенно, если оптомъ. У меня нѣсколько книжекъ записныхъ съ сюжетами.

Чеховъ шутилъ, но и въ шуткахъ выявлялась его прямая и правдивая натура, и нѣтъ сомнѣнія, что на подлинномъ фактѣ покоилось это шутливое хвастовство.

Послѣ смерти Чехова вмѣстѣ съ листками набросковъ и начатыхъ разсказовъ нашлась и эта записная книжка. Использованное въ ней вычеркнуто его рукою. Она интересна для комментатора его сочиненій. По ней можно увидѣть, изъ какого иногда зерна разрастались цвѣты его знанія и постиженія жизни.

Конечно, не нужно преувеличивать надеждъ. Кто изучалъ писательское творчество или самъ причастенъ ему, знаетъ, что здѣсь не можетъ быть стройно развитыхъ плановъ, — здѣсь только вѣхи, только блики, только «узелки» для памяти. Одна строка, закрѣпляющая для писателя сюжетъ сложной новеллы, можетъ рѣшительно ничего не говорить непосвященному.

IV.

Пока живы родные и близкіе Чехова, — которому судьба расти и выситься, а не малиться и забываться, — на литературѣ нашей — обязанность выяснить, что было подлинно написано и задумано имъ, и устранить возможность впереди тѣхъ правдоподобныхъ поддѣлокъ, какія, напримѣръ, связаны съ именемъ Гоголя.

Интересно прежде всего кончить съ тѣмъ миѳическимъ романомъ, о которомъ есть свѣдѣнія, — не о «Драмѣ на охотѣ», появившейся въ 1884 и 1885 гг. въ

фельетонахъ «Новостей Дня»,—а о другомъ, повидимому, писавшемся въ 1887—1889 гг.

Въ давно опубликованныхъ письмахъ Чехова къ поэту А. Н. Плещееву всѣми буквами написано:

— «*Пишу понемножку свой романъ.* Выйдетъ ли изъ него что-нибудь, я не знаю, но когда я пишу его, мнѣ кажется, что я послѣ хорошаго обѣда лежу въ саду на сѣнѣ, которое только что скосили. Прекрасный отдыхъ. Ахъ, застрѣлите меня, если я сойду съ ума и стану заниматься не своимъ дѣломъ».

— «Ахъ, если бы вы знали,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ тому же лицу (даты писемъ утрачены), — что сидитъ въ моей башкѣ! Какія чудныя женщины, какія похороны, какія свадьбы. Если бы деньги, я удралъ бы въ Крымъ, сѣлъ бы тамъ подъ кипарисомъ и написалъ бы романъ въ одинъ-два мѣсяца. *У меня уже готовы три листа*,—можете себѣ представить!»

Въ дальнѣйшихъ письмахъ:

— «*Романъ мой на точкѣ замерзанія.* Онъ не сталъ длиннѣе. Чтобы не остаться безъ гроша, спѣшу писать всякую чепуху. Для «Сѣв. Вѣстн.» дамъ повѣстушку, но *романъ едва ли попадетъ на его страницы.* Я такъ ужъ и порѣшилъ, что *романъ будетъ конченъ года черезъ три - четыре*».

— «*Лѣтомъ буду копѣть надъ романомъ.* Свой романъ посвящу я вамъ, — это завѣщала мнѣ моя душа... Въ мечтахъ и планахъ моихъ вамъ посвящена *моя самая лучшая вещь*».

— «*Романъ значительно подвинулся впередъ.* Въ основу его кладу я *жизнь хорошихъ людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды.* Цѣль моя—убить сразу двухъ зайцевъ: правдиво нарисовать жизнь и, кстати, показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. Норма мнѣ извѣстна, какъ неизвѣстна никому изъ насъ», и т. д.

— «*Писать большое очень скучно* и гораздо труднѣе, чѣмъ писать мелочь. Вы прочтете и увидите, какую *уйму трудностей* пришлось пережить моему неопытному мозгу»...

— «Въ истекшій сезонъ я написалъ «Степь», «Огни» (1888), пьесу, два водевиля, массу мелкихъ разсказовъ, *началъ романъ*»...

— «Въ ноябрѣ пріѣду въ Питеръ продавать свой романъ. Дешевле, какъ по 250 за листъ, не уступлю. Продамъ и уѣду за границу...» («На памятникъ Чехову», 1906, Спб., стр. 151—3).

V.

Это—о романѣ самъ Чеховъ.

Гоголь нѣкогда затѣвалъ «Исторію Малороссіи», въ четырехъ томахъ, «Исторію среднихъ вѣковъ» — въ девяти и «Всеобщую географію» — въ трехъ. Воображеніе увлекало его такъ далеко, что въ письмахъ онъ писалъ объ этихъ трудахъ почти какъ о конченныхъ, когда они не были еще и начаты.

На Чехова это не похоже. Съ Плещеевымъ его отношенія были дружескими, и ему едва ли была надобность набивать себѣ цѣну «въ редакторскихъ глазахъ» обѣщаніемъ засѣсть за серьезную работу.

Правда, здѣсь есть явное желаніе никакъ не связать себя фактическимъ обѣщаніемъ,—«едва ли попадетъ въ «Сѣв. Вѣстникъ». Есть спасительное отдаленіе конца на такой срокъ, въ какой самый журналъ въ Россіи трижды можетъ умереть,—«года черезъ три-четыре».

Но рядомъ есть и такія опредѣленныя показанія насчетъ содержанія вещи, характера работы надъ ней, наслажденія работой, что не остается мѣста для шутки, для преувеличенія при всей шаловливости натуры молодого Чехова.

Мечта написать романъ была всегда ярка и заманчива для Чехова. Начиная съ Михайловскаго, продолжая Скабичевскимъ, кончая обозрѣвателемъ «Серпуховскихъ Вѣдомостей»,—все въ критикѣ у насъ совѣтовало Чехову перейти отъ «пустячковъ» къ дѣлу. Именно около того времени Михайловскій прислалъ ему письмо съ совѣтомъ, во-первыхъ, оставить «Новое Время» и, во-вторыхъ, перейти «къ крупнымъ по размѣру» вещамъ. На одномъ петербургскомъ обѣдѣ въ честь Чехова, одинъ изъ участниковъ предложилъ выпить за то, чтобы онъ написалъ «вещь въ четыре печатныхъ листа». Хорошо, что не въ четырнадцать!..

Теперь этотъ моментъ заставитъ насъ расхохотаться. Чехову было первое время совсѣмъ не до смѣха. Онъ поѣхалъ на Сахалинъ, чтобы стяжать себѣ, наконецъ, репутацію «серьезнаго» писателя.

Онъ первое время «берегъ» свою настоящую фамилію, пряча ее за «Чехонте», потому что «подумывалъ кое-что напечатать въ медицинскихъ журналахъ».

Онъ готовъ былъ взяться за «тюремный вопросъ» и посѣтить петербургскія и московскія тюрьмы, «съ разрѣшенія министра юстиціи».

— Я въ прошломъ году встрѣтилъ Н. В. Муравьева на набережной. Онъ шелъ и несъ въ рукѣ моихъ «Мужиковъ». Авось, «Мужики» составятъ мнѣ протекцію...

VI.

Всѣ хорошо знавшіе Чехова этой поры единогласно говорятъ объ этой мечтѣ Антона Павловича.

— «Его долго мучила мысль, что онъ не написалъ романа, — записалъ Амфитеатровъ, — и, сколько разъ ни видалъ я его до 1898 года, въ каждое свиданіе онъ намекалъ на начатый или задуманный планъ романа».

Суворинъ написалъ:

—«Однимъ онъ мучился,—ему не давался романъ, а онъ мечталъ о немъ и *много разъ за него принимался*. Широкая рама какъ будто ему не давалась, и *онъ бросалъ начатыя главы*. Одно время онъ все хотѣлъ взять форму «Мертвыхъ душъ», то-есть поставить своего героя въ положеніе Чичикова, который разъѣзжаетъ по Россіи и знакомится съ ея представителями. Нѣсколько разъ онъ развивалъ предо мною широкую тему романа съ полуфантастическимъ героемъ, который живетъ цѣлый вѣкъ и участвуетъ во всѣхъ событіяхъ XIX столѣтія... Я думаю, что вѣчная забота о насущномъ хлѣбѣ и затѣмъ приступы болѣзни не давали ему свободы для большого произведенія.

Хорошо знавшій Чехова беллетристъ А. Грузинскій разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ А. П. однажды, по дорогѣ на его дачу, близъ Воскресенска, передалъ ему сюжетъ своего романа. Вотъ его начало въ этомъ пересказѣ.

— Представьте тихую желѣзнодорожную станцію въ степи, — разсказывалъ онъ. — Недалеко имѣніе вдовы-генеральши. Ясный вечеръ. Къ платформѣ подходитъ поѣздъ съ двумя паровозами. Затѣмъ, постоявъ на станціи минутъ пять, поѣздъ уходитъ дальше съ однимъ паровозомъ, а другой паровозъ трогается и тихо-тихо подкатываетъ къ платформѣ одинъ товарный вагонъ. Вагонъ останавливается. Его открываютъ. Въ вагонѣ гробъ съ тѣломъ единственнаго сына вдовы - генеральши...

—Я,—«разсказываетъ Грузинскій,—вспомнилъ эту сцену, когда вагонъ съ тѣломъ Чехова, только не въ ясный вечеръ, а въ хмурое утро, тихо-тихо приближался къ платформѣ Николаевскаго вокзала.

Но никакого романа не появилось ни въ ближайшее къ 87—89 г. время, ни позднѣе. Сжигалъ ли Чеховъ написанное и не нравившееся? Переливались ли эти

замыслы въ форму позднѣйшихъ повѣстей, въ родѣ «Дуэли», «Три года» и т. п.?

Письма Плещееву должны быть отнесены, по показаніямъ сына поэта Плещеева, къ промежутку между 1887 и 1889 гг. Плещеевъ-поэтъ завѣдывалъ тогда беллетристическимъ отдѣломъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», издававшемся тогда подъ редакціей А. М. Евреиновой (съ 1885 по 1889 г.). Напечатаны письма безъ датъ и совершенно, очевидно, враздробь, такъ что, напримѣръ, впередъ ставится повтореніе обѣщанія посвятить романъ, а дальше слѣдуетъ первое обѣщаніе. Чеховъ рѣдко означалъ годы на письмахъ. Отсюда это естественно.

Въ 1888 г. Чеховъ провелъ въ «Сѣв. Вѣстникѣ», свои первые большіе разсказы—«Степь», «Огни», «Именины», въ слѣдующемъ году — «Иванова» и «Скучную исторію». Ни къ одной изъ этихъ вещей ни въ какомъ случаѣ не идетъ имя романа. Самая крупная по размѣрамъ вещь Чехова—«Три года», занявшая въ его «Собраніи сочиненій» пять печатныхъ листовъ и, если ужъ на то пошло, могущая поэтому съ натяжкою назваться романомъ,—появилась въ январской и февральской книжкахъ «Русской Мысли» только еще въ 1895 году.

Это никоимъ образомъ не то, о чемъ пишетъ Чеховъ Плещееву, — ни по времени, ни по внутреннему содержанію, ни по тому, наконецъ, захвату, какой, очевидно, былъ въ «романѣ». То казалось лучшей, наиболѣе глубокой вещью, хотя и тамъ были періоды творческаго утомленія («писать большое очень скучно»). «Три года»— одна изъ наиболѣе вялыхъ, неяркихъ, нехарактерныхъ повѣстей Чехова. *Это*—не «Три года».

Что сдѣлалъ Чеховъ съ этой работой, несомнѣнно существовавшей, доведенной—самое меньшее—до трехъ печатныхъ листовъ, — неизвѣстно. Ясно только одно: *этотъ романъ, замышлявшійся и писанный Чеховымъ послѣ 1887 г., не есть романъ «Драма на охотѣ».*

VII.

Уже послѣ смерти А. П. въ московской газетѣ «Новости Дня» появилось такое письмо въ редакцію, подписанное инициаломъ К.

— «Отъ Чехова еще при жизни ждали обширнаго романа изъ современной жизни (!). Оказывается, такой романъ А. П. Чеховымъ *былъ написанъ* въ самомъ началѣ его литературной карьеры, *но это произведеніе такъ и не увидѣло свѣта*. Мы узнали объ этомъ неизданномъ романѣ Чехова отъ бывшаго редактора журналовъ «Эпоха» и «Радуга» Д. А. Мансфельда.

— Мнѣ помнится,—разсказывалъ Д. А. Мансфельдъ,—въ 1885 или 1886 году ко мнѣ въ редакцію, помѣщавшуюся тогда въ Столешниковомъ пер., въ домѣ Карзинкина, зашелъ худощавый молодой человѣкъ съ небольшой бородкой и въ пенснэ. Онъ отрекомендовался Чеховымъ и предложилъ мнѣ просмотрѣть написанный имъ романъ, который принесъ съ собой. Это былъ громадный фоліантъ, толщиной почти въ полторы стопы бумаги. Взглянувъ на эту рукопись и даже не просматривая ея, я категорически отказалъ автору въ ея напечатаніи, потому что такой романъ долженъ былъ занять въ теченіе цѣлаго года большую половину каждаго номера журнала.

— Если это длинно, то я могу сократить,—возразилъ мнѣ А. П. Чеховъ.

— Помилуйте, это какъ ни сокращай, хоть даже на половину, такъ и то растянешь на цѣлый годъ, а это положительно невозможно.

Авторъ, повидимому, былъ смущенъ такимъ недружелюбнымъ пріемомъ, и наша бесѣда по поводу романа велась крайне медленно. А. П. Чеховъ, между прочимъ, сообщилъ, что романъ этотъ написанъ подъ впечатлѣніемъ крупнаго процесса Вальяно, обвинявшагося въ

торговлѣ контрабанднымъ товаромъ. Процессъ этотъ въ свое время на югѣ возбуждалъ безконечные толки. Въ дѣлѣ былъ замѣшанъ не одинъ Вальяно, а цѣлый десятокъ торговцевъ и дамъ, способствовавшихъ провозу контрабанды. Гражданскій искъ по этому дѣлу былъ опредѣленъ въ нѣсколько милліоновъ. А. П. Чеховъ объяснилъ тогда же, что онъ готовъ продать свой романъ за какую угодно сумму, такъ какъ чрезвычайно нуждается въ деньгахъ, но мнѣ для своихъ журналовъ такой романъ рѣшительно не подходилъ по объему, и я даже уклонился отъ его прочтенія. *Куда дѣвалась эта рукопись и была ли она кому-нибудь извѣстна еще,—я не знаю,* и этотъ вопросъ въ настоящее время было бы чрезвычайно любопытно выяснить».

VIII.

Нужно отдать должное мужеству человѣка, въ наши дни преклоненія предъ Чеховымъ откровенно заявившаго, что былъ случай, когда онъ уклонился отъ того, чтобы даже развернуть романъ Чехова. Это откровенное письмо прямо направляло вниманіе на невинные московскіе журналы или мелкія газеты 1885 и 1886 гг.

Въ финалѣ одного фельетона переводнаго романа въ издававшейся въ 1884 г. въ Москвѣ газетѣ А. Я. Липскерова «Новости Дня» отъ 28 іюля значится:

«Съ будущей субботы въ фельетонѣ «Новостей Дня» начнется печатаніе романа «Драма на охотѣ», соч. Антоши Чехонте».

Вотъ гдѣ,—въ ходкой и бойкой, но имѣющей слишкомъ мало общаго съ литературой газеткѣ мелкой прессы, въ сосѣдствѣ съ «Царицей ночи», «Женщиной-вампиромъ», «Отцеубійцей» и «Тайной силой или принцемъ и воромъ», конкурируя съ «Синимъ Домино», — на тончайшей бумагѣ, которая разсыпается пылью ско-

рѣе, чѣмъ черезъ двѣсти лѣтъ, — выступилъ со своимъ большимъ романомъ начинавшій писатель, которому потомъ суждено было стать красой современной беллетристики и получить европейское признаніе!

Въ этой удручающей скромности начала карьеры Чеховъ находитъ аналогію, кажется, въ одномъ Некрасовѣ, начинавшемъ Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ у кого, — сочиненіемъ повѣстушекъ изъ никогда невиданной итальянской жизни и изданіемъ сказокъ въ лубочныхъ книжкахъ для народа.

Съ № 212, отъ 4 августа, начинается, въ самомъ дѣлѣ, романъ Чехова. Подъ первыми четырьмя фельетонами стоитъ полная подпись «Антоша Чехонте». Остальные подписаны «А. Чехонте». Всѣхъ ихъ тридцать два. За двумя-тремя исключеніями, они идутъ не подъ рядъ, но большею частью на недѣльномъ разстояніи, иногда черезъ двѣ недѣли, черезъ двадцать дней. 23 декабря романъ обрывается на срединѣ и возстановляется лишь 27 января (!) новаго 1885 г., передъ новымъ наполовину читателемъ, когда прежній, — вполнѣ возможно, — или совсѣмъ забылъ о «Драмѣ на охотѣ», или потерялъ всякую надежду дочитать ее до конца. Романъ, такимъ образомъ, растянулся съ августа одного по апрѣль другого года. Въ изданіи, гдѣ предѣлъ писательской мечты — десятирублевый авансъ, а высшій идеалъ издателя — лишній пятакъ въ розницѣ, одинаково мало церемонятся и съ читателемъ и съ авторомъ.

IX.

Узнаваемъ ли Чеховъ, нашъ *Чеховъ*, въ этомъ раннемъ опытѣ?

Двадцать четыре года — уже не такой ранній возрастъ для настоящаго таланта, чтобы работы этого

періода были ничтожны. Въ 24 года Лермонтовъ уже пѣлъ свои лучшія пѣсни, а Добролюбовъ и Писаревъ зажигали умы. Романъ Чехова въ первой, лучшей половинѣ — настоящая литературная вещь, нѣкоторыя мѣста изъ которой ничуть не звучали бы диссонансомъ рядомъ съ его позднѣйшими произведеніями. Онъ катится по наклонной плоскости къ концу, и здѣсь не безъ основаній можно угадывать слѣды просвѣщеннаго воздѣйствія «редактора» изданія, можетъ-быть, нашедшаго реальный, съ явнымъ художественнымъ взмахомъ романъ молодого писателя недостаточно «эффектнымъ» для той публики, которая воспитывалась на «Женщинахъ-вампирахъ», и давшаго соотвѣтственный «совѣтъ» автору.

На первой же половинѣ «Драмы на охотѣ» лежитъ такой отпечатокъ чуткой, вдумчивой, прекрасной чеховской души, такъ явны черточки, составившія впослѣдствіи типическую особенность его писательства, такъ очевидны его первыя, еще робкія и подчасъ угловатыя нащупыванія самобытной манеры, что пройти мимо этого романа, какъ первой чеховской фазы, нельзя въ его біографіи.

Нужно было быть Липскеровымъ, чтобы не почуять чего-то необычнаго въ этой дешевой кучѣ бумаги, написанныя на которой слова были такъ мало похожи на слова, обыкновенно печатавшіяся въ нижнемъ этажѣ его газеты. Кто сейчасъ, по такимъ хотя бы отрывкамъ, не угадалъ въ этой нѣжной акварели, въ этомъ чуткомъ олицетвореніи природы благоуханнаго таланта Чехова?

Приближается гроза, но компанія мужчинъ ведетъ плоскій, прозаическій разговоръ о предстоящей закускѣ, ершахъ, осетринѣ...

— «*Словно разсердясь* на эту грозу, — пишетъ Чеховъ, — поэтическія сосны вдругъ зашевелили своими верхушками, и по лѣсу понесся тихій ропотъ. Свѣжій

вѣтерокъ пробѣжалъ по просѣкѣ и *поигралъ травой*... По лѣсу еще разъ пробѣжалъ вѣтерокъ, но на этотъ разъ болѣе рѣзкій. Сосны и трава *зароптали* громче... Послышался грохотъ *не то далекаго экипажа, не то игры въ кегли*. Прогремѣлъ гдѣ-то, вдали, за лѣсомъ, громъ. Митька, все время слѣдившій за нами, вздрогнулъ и быстро закрестился»...

«...Озеро тихо катило свои пѣнящіяся волны и, отражая въ себѣ поднимающееся солнце, *готовилось къ дневному сну*. Лѣса и прибрежныя ивы стояли недвижимы, *словно на утренней молитвѣ*».

«...Утро было прелестное. Само счастье, казалось, висѣло надъ землею и, отражаясь въ брильянтовыхъ росинкахъ, манило къ себѣ душу прохожаго. Лѣсъ, окутанный утреннимъ свѣтомъ, былъ тихъ и неподвиженъ, *словно прислушивался*... И, окидывая восторженными глазами просторъ, я чувствовалъ весну, молодость, и мнѣ казалось, *что молодыя березки, придорожная травка и гудѣвшіе безъ умолку майскіе жуки раздѣляли мое чувство*»...

Кто не угадалъ бы чеховскую манеру «характеристики по идіосинкразіи» въ такомъ, напримѣръ, описаніи эпизодической фигуры уѣзднаго врача:

— «Двѣ страсти обираютъ его—страсть давать взаймы и страсть *выписывать по газетнымъ объявленіямъ*. Взаймы даетъ онъ всякому просящему, не говоря ни слова и не заикаясь объ обратной получкѣ. Никакимъ гвоздемъ не выковыряешь изъ него безшабашной вѣры въ людскую добросовѣстность, и эта вѣра еще рельефнѣе сказывается въ его постоянныхъ выписываніяхъ вещей, воспѣваемыхъ въ газетныхъ объявленіяхъ. *Онъ выписываетъ все, нужное и ненужное, выписываетъ книги, зрительныя трубки, юмористическіе журналы, столовые приборы, «состоящіе изъ ста вещей», хронометры*... И немудрено, если больные, приходящіе къ нему, прини-

мають его комнату за арсеналъ или музей. Его надували и надуваютъ, но вѣра его попрежнему сильна и безшабашна».

Ѳедотикъ, одолѣваемый страстью всѣмъ что-нибудь дарить, Кулыгинъ, который всегда и всѣмъ «доволенъ», монашекъ изъ «Архіерея», которому все и всегда «не ндравится», Туркинъ изъ «Іоныча», всегда коверкающій русскую рѣчь,—все это фигуры, очерченныя тѣмъ поворотомъ карандаша, какой предносился уже 24-лѣтнему художнику Чехову.

X.

Въ своемъ первомъ романѣ Чеховъ былъ еще очень далекъ отъ задачъ лѣтописца. Стремленія схватить «героя нашего времени», запечатлѣть типъ «человѣка 80-хъ годовъ», здѣсь нѣтъ. Его герой, провинціальный Донъ-Жуанъ,—излюбленный типъ стараго романа, и въ его самоанализѣ своихъ настроеній, въ угадываніи настроеній интересующихъ его женщинъ, есть нѣчто—и многое—отъ лермонтовскаго Печорина и авдѣевскаго Тамарина.

Другой герой, — титулованный прожигатель жизни, представитель оскудѣвающаго дворянства, добирающій послѣднія крохи на жизненномъ пиру, наканунѣ матеріальнаго краха и физическаго разложенія,—еще не являетъ на себѣ никакихъ чертъ будущаго «хмураго» человѣка. Чеховъ, очевидно, былъ еще слишкомъ молодъ, и невеселая психологія современнаго ему банкротскаго поколѣнія не приковывала его вниманія.

Романъ Чехова окаймленъ рамкой. Молодой авторъ пользуетъ старый пріемъ, прикрываясь только ролью человѣка, оглашающаго чужія записки. Личную форму носятъ лишь предисловіе къ роману и заключительныя страницы къ нему.

Этому послѣсловію, съ совершенной очевидностью, должно быть приписано значеніе чисто-библіографическаго примѣчанія. Очень похоже, что Чеховъ шелъ на сокращенія, мирился съ редакторскимъ произволомъ, выговоривъ себѣ возможность только заключительнаго извиненія передъ читателемъ.

— «Въ одинъ изъ апрѣльскихъ полудней 1880 г.,—такъ начинается романъ,—въ мой кабинетъ вошелъ сторожъ Андрей и таинственно доложилъ мнѣ, что въ редакцію явился какой-то господинъ и убѣдительно проситъ свиданія съ редакторомъ.

— Должно-быть, чиновникъ,—добавилъ Андрей,—съ кокардой.

— Попроси его притти въ другое время,—сказалъ я.— Сегодня я занятъ. Скажи, что редакторъ принимаетъ только по субботамъ.

— Онъ и третьяго дня приходилъ, васъ спрашивалъ. Говоритъ, что дѣло большое. Проситъ и чуть не плачетъ. Въ субботу, говоритъ, ему несвободно. Прикажите принять...»

Разсказчикъ, вздохнувъ, кладетъ перо и проситъ посѣтителя. Описаніе его стоитъ привести, какъ доказательство той самостоятельности манеры, какая отличала Чехова уже этой поры. Замѣтьте преобладаніе здѣсь импрессіонистскаго начала, замѣтьте это настоящее время глаголовъ (пожалуй, отъ Лѣскова), которое позднѣе такъ широко пользовалъ Чеховъ въ своемъ мягкомъ разсказѣ.

— «Онъ высокъ, широкоплечъ и плотенъ, какъ хорошая рабочая лошадь. Все его тѣло дышитъ здровьемъ и силой. Лицо розовое, руки велики, грудь широкая, мускулистая, волосы густы, какъ у здороваго мальчика. Ему подъ 40. Одѣтъ онъ со вкусомъ и по послѣдней модѣ, въ новенькій, недавно сшитый триковый костюмъ. На груди большая золотая цѣпь съ брелоками. На мизинцѣ мелькаетъ крошечною яркою звѣдочкой брильянтовый перстень. Но что главнѣе всего и что такъ не-

маловажно для всякаго мало-мальски порядочнаго героя романа или повѣсти,—онъ чрезвычайно красивъ. Я не женщина и не художникъ. Мало я смыслю въ мужской красотѣ, но господинъ съ кокардой своею наружностью произвелъ на меня впечатлѣніе. Его большое, мускулистое лицо осталось навсегда въ моей памяти. На этомъ лицѣ вы увидите настоящій греческій носъ съ горбинкой, тонкія губы и хорошіе, голубые глаза, въ которыхъ свѣтится доброта и еще что-то, чему трудно подобрать подходящее названіе. Это что-то можно подмѣтить въ глазахъ маленькихъ животныхъ, когда они тоскуютъ или когда имъ больно. Что-то умоляющее, дѣтское, безропотно терпящее. У хитрыхъ и очень умныхъ людей не бываетъ такихъ глазъ».

Это еще не чеховскій «мазокъ». Это еще манера старыхъ описаній, хотя здѣсь и выдвинуты мелочи,—въ родѣ звѣздочки брильянта. Но и тутъ иногда можно уловить блестки будущаго чеховскаго письма. Описывая необыкновенную мягкость, почти нѣжность движеній своего героя, онъ замѣчаетъ: «За дверную ручку или за шляпу онъ берется, какъ за бабочку, нѣжно, осторожно, слегка касаясь пальцами».

Визитеръ приноситъ рукопись и проситъ ей гостепріимства въ газетѣ. Онъ кандидатъ правъ, Иванъ Петровичъ Камышевъ. Ему нужны деньги и мало дѣла до славы и «звуковъ сладкихъ». Это—записки судебнаго слѣдователя, и здѣсь все правда. Редакторъ беретъ романъ на прочтеніе безъ особенной охоты и послѣ многихъ оговорокъ.

XI.

Когда эти строки появятся въ печати, передъ читателемъ будетъ въ отдѣльномъ изданіи «Драма на охотѣ». Уже нѣтъ смысла знакомить его съ содержаніемъ ро-

мана. Остается только отмѣтить въ немъ зачатки того, что впослѣдствіи сдѣлало автора однимъ изъ наиболѣе глубокихъ и нѣжныхъ нашихъ лириковъ въ прозѣ. Позднѣе лирика Чехова приняла какой-то объективный, пантеистическій характеръ. Она разлита въ его описаніяхъ природы, въ авторскихъ ремаркахъ. Очень рѣдко это лиризмъ личный, субъективный, какъ у Гоголя. Въ поруписанія «Драмы» Чеховъ не сторонился и такой, гоголевской манеры.

Вотъ, напримѣръ, страничка раздумья героя романа по адресу «дѣвушки въ красномъ».

— «Бѣдная бѣлокурая головка! Думалъ ли я въ этотъ тихій, полный покоя майскій вечеръ, что она впослѣдствіи будетъ героиней моего безпокойнаго романа!

«Теперь, когда я пишу эти строки, въ мои окна злобно стучитъ осенній дождь, и гдѣ-то надо мной воетъ вѣтеръ. Я гляжу на темное окно и на фонѣ ночного мрака силюсь создать силою воображенія мою милую героиню... И я вижу ее съ ея невинно-дѣтскимъ, наивнымъ, добрымъ личикомъ и любящими глазами. Мнѣ хочется бросить перо и разорвать, сжечь все то, что уже написано. Къ чему трогать память этого молодого, безгрѣшнаго существа?

«Но тутъ же, около моей чернильницы, стоитъ ея фотографическій портретъ. Здѣсь бѣлокурая головка предстоитъ во всемъ суетномъ величіи глубоко павшей, красивой женщины. Глаза утомленные, но гордые развратомъ, неподвижны.

«Она дала бурѣ поцѣлуй, и буря сломала цвѣтокъ у самаго корня. Много взято, но зато слишкомъ дорого и заплачено»...

Въ описаніи чувствъ, вызываемыхъ въ героѣ романа созерцаніемъ женской красоты, Чеховъ еще далекъ отъ той чарующей задушевности, какою обвѣяны его позднѣйшіе разсказы, напримѣръ, «Красавицы». Но кар-

тина грозы и сцена перваго знакомства героя съ героиней такъ живы, реальны и красивы, что не испортили бы позднѣйшаго чеховскаго разсказа.

— «Первыя капли застучали по стекламъ. Я подошелъ къ окну. Было уже совсѣмъ темно, и сквозь стекло я не увидѣлъ ничего, кромѣ ползущихъ внизъ дождевыхъ капель и отраженія собственнаго носа. Блеснулъ свѣтъ отъ молніи и освѣтилъ нѣсколько ближайшихъ сосенъ.

. . . Баба съ двойнымъ перетянутымъ животомъ и съ глупымъ, озабоченнымъ лицомъ вошла въ залъ, низко поклонилась графу и покрыла столъ бѣлой скатертью. За ней осторожно двинулся Митька, неся закуски. Черезъ минуту на столѣ стояла водка, ромъ, сыръ и тарелка съ какой-то жареной птицей...

— Уже начался дождь. Поглядите!—сказалъ я вошедшей Оленькѣ.

Дѣвушка въ красномъ подошла къ моему окну, и въ это самое время насъ освѣтило на мгновеніе бѣлымъ сіяніемъ. Раздался наверху трескъ, и мнѣ показалось, что что-то большое, тяжелое сорвалось на небѣ съ мѣста и съ грохотомъ покатилось на землю. Оконныя стекла и рюмки, стоявшія передъ графомъ, содрогнулись и издали свой стеклянный звукъ. Ударъ былъ сильный.

— Вы боитесь грозы?—спросилъ я Оленьку.

Она прижала щеку къ круглому плечу и поглядѣла на меня дѣтски-довѣрчиво.

— Боюсь, — прошептала она, немного подумавъ. — Гроза убила у меня мою мать. Въ газетахъ даже писали объ этомъ. Моя мать шла по полю и плакала. Ей очень горько жилось на этомъ свѣтѣ. Богъ сжалился надъ ней и убилъ ее своимъ небеснымъ электричествомъ.

— Откуда вы знаете, что тамъ электричество?

— Я училась. Вы знаете? Убитые грозой и на войнѣ и умершія отъ тяжелыхъ родовъ попадаютъ въ рай. Этого нигдѣ не написано въ книгахъ, но это вѣрно.

Мать моя теперь въ раю. Мнѣ кажется, что и меня убьетъ гроза когда-нибудь, и что и я буду въ раю. Вы образованный человѣкъ?

— Да.

— Стало-быть, вы не будете смѣяться. Мнѣ вотъ какъ хотѣлось бы умереть. Одѣться въ самое дорогое модное платье, какое я на-дняхъ видѣла на здѣшней богачкѣ-помѣщицѣ, надѣть на руки браслеты. Потомъ стать на самый верхъ Каменной Могилы и дать себя убить молніи, такъ, чтобы всѣ люди видѣли. Страшный громъ, знаете, и конецъ»...

Гроза кончается. «Громовая туча, сверкая молніями и издавая сердитый ропотъ, спѣшила на сѣверо-востокъ, все болѣе и болѣе открывая голубое, звѣздное небо. Казалось, тяжело-вооруженная сила, произведя опустошеніе и взявъ страшную дань, стремилась къ новымъ побѣдамъ. Оставшіяся тучки гнались за ней и спѣшили, словно боялись не догнать».

XII.

Моментами со страницъ этого перваго, юношескаго романа на васъ вѣетъ чеховскимъ настроеніемъ.

Въ замѣчаніяхъ героя романа о деревенскомъ храмѣ и молящихся безусловно надо читать мысли самого Чехова,—такъ явственно сквозитъ здѣсь его чуткая, мягкая душа, исполненная какого-то прирожденнаго высокаго такта, какого-то женственнаго уваженія къ чужому настроенію, той прелестной совѣстливости и скромности, какія всегда отличали Чехова.

— «Народъ стоялъ тихо, неподвижно, — описываетъ Чеховъ,—съ благоговѣніемъ всматриваясь въ открытыя царскія врата и прислушиваясь къ протяжному чтенію. Деревенскія приличія или, вѣрнѣе, деревенская порядочность строго преслѣдуютъ всякое поползновеніе къ

нарушенію въ церкви благоговѣйной тишины. Мнѣ всегда становилось совѣстно, когда меня вынуждало что-нибудь улыбаться въ церкви или разговаривать. Къ несчастью, въ рѣдкихъ только случаяхъ я не встрѣчалъ въ церкви своихъ знакомыхъ, которыхъ у меня, къ сожалѣнію, было очень много. Обыкновенно же чуть только, бывало, входилъ я въ церковь, какъ ко мнѣ тотчасъ же подходилъ кто-нибудь «интеллигентный» и послѣ длинныхъ предисловій о погодѣ начиналъ разговоръ о своихъ грошовыхъ дѣлахъ. Я отвѣчалъ да и нѣтъ, но былъ такъ щепетиленъ, что былъ не въ силахъ совсѣмъ отказать своему собесѣднику во вниманіи. И моя щепетильность недешево мнѣ стоила: я бесѣдовалъ и конфузливо косился на молящихся сосѣдей, боясь, что оскорбляю ихъ своей праздной болтовней».

Если хотите, эти чуткія строки, такія характерныя для Чехова, можетъ-быть, даже звучатъ слегка дисгармонично въ устахъ уѣзднаго Донъ-Жуана не изъ исключительныхъ, избранныхъ натуръ...

XIII.

Художественное достоинство романа рѣзко падаетъ съ момента убійства героини романа.

Обычный вкусъ, обычная бытовая мѣткость какъ бы измѣняютъ Чехову, и весь конецъ «Драмы на охотѣ» несравнимо ниже его дарованія. Его впору было написать заправскому уголовному романисту. Даже блестки чеховской мѣткости и наблюдательности вовсе исчезаютъ.

Романъ уже не представляетъ ничего, чѣмъ бы можно было заинтересоваться. Ни производство дознанія, ни даже сцена допроса умирающей, но пришедшей въ сознаніе героини не замѣчательны. Видно бѣглое, торопливое письмо, безъ настоящей «чеховской» продуман-

ности. Въ сценѣ предсмертнаго допроса нѣтъ ни трогательности, ни силы, ни даже эффектности.

Романъ заканчивается красивыми лирическими строками, въ которыхъ звучатъ характерныя для позднѣйшаго Чехова нотки грусти о невозвратномъ, жалоба на сѣрость, сумеречность, безцвѣтность настоящаго дня. Авторъ записокъ говоритъ, что при оглядкѣ на прошлое герои романа ему или гадки, или отвратительны, или смѣшны.

— Но, — пишетъ онъ, — бываютъ нерѣдко минуты, когда я, вглядываясь въ стоящій на моемъ столѣ портретъ, чувствую непреодолимое желаніе пройтись съ дѣвушкой въ красномъ по лѣсу подъ шумъ высокихъ сосенъ и прижать ее къ груди, несмотря ни на что. Въ эти минуты прощаю я ей и ложь, и паденіе въ грязную пропасть, готовъ простить все для того, чтобы повторилась еще разъ хотя бы ч тица прошлаго. Утомленный городской скукой, я хотѣлъ бы еще разъ послушать ревъ великана-озера и промчаться по его берегу на моей Зоркѣ.

«Я простилъ и забылъ бы все, чтобы еще разъ пройтись по Тѣневской дорогѣ и встрѣтить садовника съ водочнымъ боченкомъ и жокейскимъ картузикомъ. Бываютъ минуты, когда я готовъ уже пожать руку, обагренную кровью, и потолковать съ благодушнымъ Урбенинымъ о религіи, урожаѣ, народномъ образованіи. Я хотѣлъ бы повидаться въ Щуромъ, съ Наденькой.

«Жизнь бѣшеная, безпутная и безпокойная, какъ озеро въ августовскую ночь!.. Много жертвъ скрылось навсегда подъ ея темными волнами. На днѣ лежитъ тяжелый осадокъ...

«Но за что я люблю ее въ иныя минуты? За что я прощаю ее и мчусь къ ней душой, какъ нѣжный сынъ, какъ птица, выпущенная изъ клѣтки?

«Жизнь, которую я вижу сейчасъ сквозь номерное окно, напоминаетъ мнѣ сѣрый кругъ. Сѣрый цвѣтъ, и никакихъ оттѣнковъ, никакихъ свѣтлыхъ проблесковъ. Но, закрывъ глаза и припоминая прошлое, я вижу радугу, какую даетъ солнечный спектръ. Да, тамъ бурно, но тамъ свѣтлѣе...» -

Записки Камышева кончены. Но Чеховъ хочетъ использовать еще одинъ эффектъ и въ эпилогѣ сталкиваетъ читателя лицомъ къ лицу съ убійцею, приносящимъ рукопись своего разсказа въ редакцію. Эта глава сдѣлана опять безъ блеска и яркости.

XIV.

Какія библіографическія данныя можно извлечь изъ самаго романа Чехова?

Одно изъ нихъ несомнѣнно: «Драма на охотѣ» увидѣла свѣтъ не въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ рукописи у автора. Въ послѣсловіи къ роману Чеховъ дѣлаетъ оговорку, которая имѣетъ смыслъ только въ болѣе или менѣе буквальномъ пониманіи, какъ ремарка, выговоренная у редактора писателемъ, согласившимся на нѣкоторые компромиссы при печатаніи вещи.

— «Я долженъ предупредить,—пишетъ Чеховъ,—что обѣщаніе, данное мною читателю въ началѣ повѣсти, не сдержано. Романъ Камышева напечатанъ не безъ пропусковъ, не in toto, какъ я обѣщалъ, а по значительномъ сокращеніи... Редакція, давая пріютъ роману, нашла невозможнымъ печатать его безъ урѣзокъ. Всякій разъ, во все время печатанія, она присылала мнѣ корректуры отдѣльныхъ главъ съ просьбой измѣнить. Я же не хотѣлъ брать грѣха на душу, измѣнить чужое, и находилъ лучшимъ и полезнымъ совсѣмъ выпускать, чѣмъ измѣнять неудобное мѣсто. По соглашенію

со мной, редакція выпустила много мѣстъ, поражавшихъ своимъ цинизмомъ, длиннотами и небрежностью... Эти выпуски и урѣзки требовали осторожности и времени,— причина, отчего многія главы запаздывали».

Дальше Чеховъ детально указываетъ, что именно вычеркнуто въ романѣ: нѣсколько свиданій Ольги съ Камышевымъ, одно объясненіе съ Наденькой, описаніе ночныхъ оргій графа, описаніе библіотеки слуги Поликарпа и его манеры читать и т. п. Совершенно очевидно, что сочинять такія строки не имѣло никакого смысла, если бы этого не было въ дѣйствительности. Онѣ были бы безцѣльнымъ балластомъ.

Представляется почти безспорнымъ, что редакція, дѣйствительно, требовала отъ 24-лѣтняго писателя, съ которымъ можно было не церемониться, измѣненій въ сторону большей протокольной занимательности. Почти безспорно, что Чеховъ, дѣйствительно, изъ уваженія къ себѣ предпочиталъ безжалостно кромсать романъ, сокращать и сокращать его, избѣгая передѣлокъ. Что-то насильственное, диссонирующее, лубочное, привносное чувствуется только въ главѣ, разсказывающей объ убійствѣ одноглазаго мужика Козьмы.

Такъ и хочется думать, что въ уши молодого Чехова кто-то напѣвалъ, что бульварной газетѣ нужно больше таинственныхъ убійствъ, нарастающихъ одно на другое, больше внѣшней эффектности. И, противъ своего вкуса, противъ своего пониманія литературы и литературности, Чеховъ это сдѣлалъ.

Что онъ долженъ былъ выпускать?

Можетъ-быть, то, что было ему всего дороже. Психологію, описанія природы, описанія характеровъ. Все это не нужно читателю мелкой газеты. По тому, что, несомнѣнно, выпущено, ясно, что такъ именно и было. Свиданія Ольги съ Камышевымъ, Камышева съ Наденькой — это, конечно, могло быть красиво той тихой по-

этической, психологической красотой, за которой не гонятся Пастуховы и Липскеровы. Оргія у графа, что-то колоритно-бытовое, юмористическое описаніе слуги Поликарпа, второго Петрушки,—все это было не на читателя, увлекающагося «Женщинами-вампирами» и «Принцемъ-воромъ».

XV.

Почему никогда впослѣдствіи Чеховъ не вспомнилъ о своемъ романѣ, не любилъ о немъ говорить (изъ десятковъ вспоминавшихъ о немъ никто не записалъ этой подробности), не подумалъ объ его переизданіи?

Отвѣтъ уже налицо въ только что написанномъ. Одно изъ первыхъ, раннихъ созданій, куда ушло, вѣроятно, много и личнаго чувства, и первыхъ впечатлѣній бытія, романъ не могъ не быть ему дорогъ, но онъ могъ быть настолько искалѣченнымъ, что горькое чувство могло побѣдить въ душѣ Чехова всѣ остальныя чувства. Ужъ чего стоило одно то, что романъ былъ разбитъ на два года (!), и фельетоны выходили въ лучшемъ случаѣ разъ въ недѣлю, въ худшемъ—черезъ 35 дней! Не лучшій ли это способъ похоронить, просолить, обезсмыслить, заставить не читать самое выдающееся литературное произведеніе!

Слава Богу уже за то, что, натолкнувшись въ самомъ началѣ карьеры на столь медвѣжье отношеніе къ такой хрупкой вещи, какъ талантъ, Чеховъ не получилъ на всю жизнь отвращенія отъ редакторскихъ кабинетовъ и отъ литературы!..

Впослѣдствіи, созрѣвшій и признанный, Чеховъ не могъ, конечно, желать переизданія романа. Онъ слишкомъ хорошо видѣлъ слабость его второй половины, чтобы даже мечтать о спасеніи первой и лучшей. Мы знаемъ, что онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ. Надо было бы сызнова начинать работу.

Но біографъ и критикъ Чехова не можетъ пройти мимо этой ранней большой его работы, даже въ искаженномъ видѣ характерной для того «пути исканій», какимъ шелъ онъ, 24-лѣтній. Этотъ романъ покажетъ изслѣдователю, что уже тогда, въ ранней молодости, будущій большой художникъ задумывался съ мягкой и вопросительной грустью надъ странной нескладицей жизни, стариками Урбениными, берущими въ жены чуть не дѣвочекъ, надъ прекрасными Оленьками, такими неприспособленными для жизни, надъ Щурами, кроткими и любящими, но обреченными на то, что любимыя женщины проходятъ мимо нихъ, не замѣчая ихъ любви и страданія, надъ богато одаренными Камышевыми, изъ которыхъ, какъ изъ Ивановыхъ, изъ Астровыхъ, изъ Войницкихъ (дядя Ваня), выходитъ только семипудовый пшикъ.

Въ прекрасно обрисованной фигурѣ прожегшаго жизнь графа вы видите уже ясный прототипъ будущихъ Гаевыхъ и Шабельскихъ. Со стороны исканія художественной красоты «Драма на охотѣ» своею первой половиной покажетъ біографу Чехова, что маленькій орленокъ, выпущенный на куриный дворъ со связанными крыльями, уже тогда мѣткостью глаза и силою крика давалъ почувствовать имѣющимъ очи и уши царственность своего происхожденія.

Я пересмотрѣлъ почти все, вышедшее изъ-подъ пера Чехова поры начала,—всѣ эти журналы мутной поры россійскаго подневолья, когда юмористу полагалось по штату обличать тещъ и шпютовъ и начальство не выше дворника! Въ какую узенькую подворотню, на какой жалкій обывательскій дворикъ была загнана наша литература «семейнаго» журнала 80-хъ годовъ! И проявить себя здѣсь, въ отрывочныхъ сценкахъ, въ маленькихъ разсказцахъ, которые не должны были обидѣть никого,—ни цензора, ни читателя, ни редактора, ни обывателя,—

какое для этого нужно было еще особенное умѣніе, кромѣ таланта!

Пересматриваешь теперь московскіе юмористическіе листки—«Развлеченіе», «Москву», «Свѣтъ и Тѣни» и т. д.—и думаешь о томъ, какъ трагически судьба переломила душу Чехова, погасивъ въ ней радостные лучи молодого смѣха и погрузивъ въ злое и тоскливое уныніе! Сколько неподдѣльной веселости во всей этой семьѣ, въ разсказахъ Антоши Чехонте или «Человѣка безъ селезенки» (Антонъ Павл.), въ набросках Агаѳопода Единицына (Александръ Чеховъ-Сѣдой), въ карикатурахъ и рисункахъ рано умершаго Николая Чехова. Старшій братъ, рисовальщикъ, видимо, любилъ дружески подшутить надъ младшимъ, студентомъ-писателемъ. Несомнѣнное чеховское лицо вы встрѣчаете не разъ на рисункахъ, подписанныхъ именемъ Николая Чехова. Вотъ студентъ въ своей студіи,—конечно, Антонъ Павловичъ! Вотъ еще несомнѣннѣе,—онъ же въ рисункѣ Татьянина дня или гулянья въ Сокольникахъ. Вотъ онъ въ «Рабочемъ днѣ Будильника», большомъ, на двѣ страницы рисункѣ, гдѣ вы видите и молодого Амфитеатрова, и Сергѣенко, и Николая, и Антона Чехова. Кто видѣлъ портретъ юноши Чехова, не ошибется въ признаніи его здѣсь повсюду.

Можно думать, что съ шуткой и улыбкой молодой Чеховъ преодолѣвалъ трудную тропу литературнаго начинанія. Конечно, здѣсь было много молодого веселья, но былъ и настоящій, и нелегкій трудъ.

XVI.

Не было ли у Чехова этой поры другихъ романовъ? Если совершенно и безнадежно забыли объ одномъ, не могли ли при нашей «лѣнивости и нелюбопытствѣ» съ такою же спокойною совѣстью забыть

и о другомъ? Письмо Д. Мансфельда остается неразъясненнымъ.

Это извѣстіе о романѣ, съ которымъ Чеховъ былъ у Мансфельда, въ свое время обошло всѣ газеты. Родными писателя оно не было опровергнуто. Оно, правда, не было и подтверждено. Но, кажется, этотъ вопросъ надо рѣшить въ томъ смыслѣ, что Чеховъ никогда не ходилъ къ Мансфельду, издателю «Радуги», и никакого романа, написаннаго подъ впечатлѣніемъ процесса Вальяно и др. контрабандистовъ, ему не предлагалъ. Что разсказъ Мансфельда нужно считать вздорнымъ и съ фактической, и съ психологической стороны,—это, мнѣ кажется, очень убѣдительно доказываетъ любезно предоставленное въ мое распоряженіе письмо беллетриста А. С. Грузинскаго (Лазарева), начинавшаго почти одновременно съ Чеховымъ и до конца жизни писателя сохранившаго съ нимъ пріязнь и дружбу.

Время, когда Чехову, по его собственному признанію, по десяти разъ приходилось ходить въ «Будильникъ» за трехрублевкой, относится къ самому началу 80-хъ гг. Уже съ самаго начала 80-хъ гг. Чеховъ былъ близокъ къ редакціямъ московскихъ журналовъ: «Будильника», «Свѣта и Тѣней», «Зрителя», кажется, «Сатирическаго Листка», «Москвы» и другихъ, а въ редакціи «Будильника» былъ своимъ человѣкомъ. Его братъ, талантливый рисовальщикъ Николай Пав. Чеховъ, рисовалъ тоже почти вездѣ, а въ «Свѣтѣ и Тѣняхъ» завѣдывалъ художественнымъ отдѣломъ. Братья Чеховы представляли извѣстную силу. Ант. Чеховъ отлично зналъ, что гдѣ можно напечатать, и послѣ «Драмы на охотѣ» могъ писать большія вещи только по особому заказу. Такъ было съ романомъ въ «Будильникѣ»—«Ненужная побѣда».

Вѣроятно ли послѣ этого, чтобы Чеховъ засѣлъ за громадный романъ («стопы полторы писанныхъ» при

его мелкомъ почеркѣ!), а, написавъ романъ, ходилъ по редакціямъ, въ качествѣ просителя, готоваго «за цѣной не постоять» и, «если длинно, сократить»? Еще менѣе вѣроятно, что въ скитаніяхъ своихъ Чеховъ забрелъ даже въ Мансфельду.

По воспоминаніямъ Грузинскаго, надъ Мансфельдомъ не мало потѣшались въ тѣ дни въ литературныхъ кружкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, его предпріятіе было слишкомъ мало литературнымъ. Во время редактированія имъ «Радуги» его постигло семейное горе: у него умерла жена. Мансфельдъ напечаталъ объ этомъ сообщеніе въ журналѣ. Художникъ нарисовалъ ея портретъ. Подписчики прислали ему груду писемъ, выражая соболѣзнованіе. Всѣ эти письма были напечатаны на страницахъ «Радуги»! Такіе семейные нравы царили здѣсь!..

Литературная молодежь того времени, по воспоминаніямъ того же лица, въ московскихъ редакціяхъ держала себя весьма независимо. Получала она дешево, приходилось и за трехрублевкой ходить по десяти разъ, но, по свойствамъ богемы, на ногу себѣ никто наступать не позволялъ, а по молодости лѣтъ порой нѣкоторые горячились даже излишне. Однажды, напримѣръ, Николай Чеховъ запоздалъ принести рисунокъ въ редакцію, и когда явился, редакторъ въ грубоватой формѣ началъ выговаривать ему. Николай Чеховъ разорвалъ рисунокъ въ клочки, бросилъ ихъ въ уголъ и отрясъ прахъ отъ ногъ на порогѣ редакціи.

Годомъ-двумя раньше литераторскій духъ въ редакціяхъ не могъ быть инымъ,—тогда еще было поближе къ лорисъ-меликовской конституціи.

Растерянное поведеніе Чехова у Мансфельда съ жалкими предложеніями «сократить романъ» и т. д. явно нелѣпо. Чеховъ не могъ вести себя такъ.

Тонъ первыхъ писемъ Чехова къ Лейкину, если такъ можно выразиться, «излишне вѣжливъ». Но обратите

вниманіе, какъ независимо здѣсь же онъ пишетъ о «Переломахъ» и «Безднахъ» Маркевича, за которые Катковъ платилъ 5.000 р. въ годъ, о «лѣзущихъ изъ кожи» Куренинѣ и Лукинѣ и прочей литературной братіи.

Невѣроятнымъ для Чехова представляется и сюжетъ романа, злободневный и предположительно имѣвшій обличительныя цѣли.

Если въ мелкихъ разсказикахъ, въ раннее время, Чеховъ касается злобъ дня, то въ большихъ вещахъ у него и тогда чувствовались уже совсѣмъ другія задачи. Такова, прежде всего, «Драма на охотѣ». Какъ художникъ, не могъ Чеховъ писать романы подъ впечатлѣніемъ процессовъ Вальяно.

«Лично мнѣ,—пишетъ г. Грузинскій,—Чеховъ никогда не поминалъ объ этомъ романѣ. Это, конечно, не доказательство. Но вообще онъ много разсказывалъ мнѣ о своихъ первыхъ литературныхъ шагахъ (я познакомился съ нимъ въ 1887 году) и относительно себя былъ очень откровеннымъ».

Въ исторіи съ Мансфельдомъ ему, конечно, нечего было скрывать.

Но, въ концѣ-концовъ, какой резонъ былъ Мансфельду сочинить эту исторію?

Нѣсколько времени назадъ мнѣ представлялось правдоподобнымъ, что онъ ничего и не сочинялъ, а только напуталъ. Мнѣ казалось возможнымъ, что съ романомъ изъ жизни контрабандистовъ у него, дѣйствительно, былъ Чеховъ, только не Антонъ, а Александръ Павловичъ.

Александръ Павловичъ служилъ въ таганрогской таможнѣ. Между прочимъ, на это есть указаніе въ письмѣ Антона Чехова къ Лейкину отъ 22 января 1884 г.: «Пошлите деньги на имя брата: Ал. Пав. Чеховъ, Таганрогъ, таможня», и дальше еще одно изъ писемъ. Вскорѣ же, не позже весны 1884 г., Александръ

Чеховъ явился въ Москву, кажется, бросилъ службу, работалъ въ московскихъ редакціяхъ и предлагалъ рукописи. Въ его наружности было нѣчто общее съ братомъ и согласное съ описаніемъ Мансфельда.

Александръ Чеховъ, дѣйствительно, писалъ и романы. Въ «Будильникѣ» у него прошла довольно большая повѣсть, а позже—романъ «Перелетныя птицы» въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» Озмидова и недавно въ нѣкоторыхъ газетахъ и т. д. Конечно, онъ легко могъ взять готовый сюжетъ, какъ служившій въ таганрогской таможнѣ, изъ дѣла Вальяно, контрабандистовъ, контрабандистокъ мѣстныхъ дамъ и т. п. Нечего было и придумывать,—все само шло въ руки.

Такъ казалось мнѣ, но это не совпало съ истиною. Александръ Павловичъ Чеховъ письмомъ въ редакцію одной газеты отрекся отъ такого романа.

XVII.

Подсчитываю опредѣленное, достовѣрное, что задумывалъ и написалъ Чеховъ, но чего мы не знаемъ.

1. «Онъ начиналъ драму, гдѣ главнымъ лицомъ является царь Соломонъ «Паралипоменонъ» и «Пѣсни пѣсней» (Суворинъ).

По этому поводу Амфитеатровъ писалъ:

«Какое огромное горе для русской литературы, что покойный не исполнилъ своего грандіознаго предпріятія. Кто въ европейской литературѣ могъ бы лучше Чехова истолковать сложную и глубокую душу великаго іудейскаго царя-пессимиста? Были ли двѣ души болѣе родственныя, болѣе обреченныя взаимопониманію, чѣмъ Чеховъ и Экклезіастъ?..»

«Русская степная тоска» не то, что пессимизмъ царственнаго пресыщенія. Я думаю, эта тема и для Чехова была не безъ риска,—вѣдь и Купринъ ничего не сдѣ-

лалъ изъ «Суламиѳи». И ни разу онъ не трогалъ героическихъ или классическихъ темъ. Но, конечно, могло быть и великолѣпнымъ его художническое постиженіе родственнаго настроенія.

2. «Во второй годъ по пріѣздѣ въ Москву (1882?) А. П. написалъ большую драму съ конокрадами, стрѣльбой, женщиной, бросающейся подъ поѣздъ. Я переписывалъ эту драму, и у меня отъ волненія холодѣло подъ сердцемъ. Какъ теперь понимаю, это было что-то очень громоздкое, но тогда казавшееся мнѣ, гимназисту, верхомъ совершенства. Драму эту А. П., тогда студентъ второго курса, лично отнесъ къ М. Н. Ермоловой на прочтеніе и очень желалъ, чтобы она поставила ее въ свой бенефисъ. Не знаю, что отвѣтила брату г-жа Ермолова, только мои старанія четко переписать драму такъ и пропали даромъ: пьеса вернулась обратно и была разорвана авторомъ на мелкіе куски. Отъ нея уцѣлѣла только одна фамилія «Войницкій», которая воскресла потомъ въ «Дядѣ Ванѣ» (Воспомин. М. П. Чехова).

3, 4. «Изъ другихъ пьесъ знаю очень трогательную пьесу «Баринъ», запрещенную цензурой (значитъ, представлялась въ комитетъ? Значитъ, хранится въ архивахъ комитета? А. П.), и нѣсколько нескромный водевиль «Бритый секретарь съ пистолетомъ», о судьбѣ котораго не знаю ничего. Въ этомъ водевилѣ выведена была редакція журнала съ двухспальной кроватью. Одинъ изъ сотрудниковъ принесъ для напечатанія бездарное стихотвореніе. И вотъ Антонъ Павловичъ долженъ былъ спеціально сочинить именно бездарное стихотвореніе, въ которомъ четыре раза должно было повториться слово «стремглавъ». (Тамъ же. Стихотвореніе сохранилось и воспроизведено).

5. «Уже будучи извѣстнымъ писателемъ, Антонъ Павловичъ написалъ пьесу, заглавіе которой я по-

забылъ. Кажется, продолженіе суворинской «Татьяны Рѣпиной». Къ сожалѣнію, у меня сохранились только четыре страницы печатнаго экземпляра этой пьесы» (М. Чеховъ).

6, 7. «Будучи ученикомъ VII класса гимназіи, Антонъ Павловичъ написалъ большую драму «Безотцовщина» и ужасно смѣшной водевиль «Не даромъ курица пѣла» и прислалъ ихъ намъ въ Москву для прочтенія. Я долго берегъ эти произведенія, но, когда пріѣхалъ затѣмъ въ Москву поступать въ университетъ, А. П. отобралъ ихъ отъ меня и «Безотцовщину» разорвалъ на мелкіе кусочки, а водевиль спряталъ. Куда дѣвался водевиль, не знаю («М. Чеховъ).

XVIII.

8. Одинъ изъ бывшихъ чиновъ сахалинской администраціи, живущій въ Херсонѣ, въ годъ смерти А. П. сообщалъ въ «Одесскихъ Нов.», что Чеховъ во время своего пребыванія на Сахалинѣ въ 1890 году задумалъ и написалъ пьесу изъ мѣстной жизни подъ названіемъ «Генералъ Кокетъ», въ которой выведены были нѣкоторые дѣятели Сахалина. «Пьеса эта въ чтеніи самого автора производила сильное впечатлѣніе живымъ и точнымъ изображеніемъ дѣйствующихъ лицъ. Въ 1892 году пьеса эта, какъ видно изъ письма А. П., была готова къ печати, но не вышла въ свѣтъ по неизвѣстнымъ причинамъ».

9. Возможно, что съ этою пьесой должна быть отождествлена одноактная шутка «Сила гипнотизма», о которой сообщилъ И. Л. Щегловъ, и о которой вскользь упоминаетъ самъ Чеховъ въ письмѣ къ нему.

По пересказу Щеглова, какая-то черноглазая вдовушка вскружила голову двумъ своимъ поклонникамъ: толстому майору съ превосходнѣйшими усами и без-

усому аптекарскому помощнику. Оба соперника,—и военный и штатскій,—безъ ума и готовы на всякія глупости. Происходитъ забавная любовная сцена между соблазнительной вдовушкой и толстымъ майоромъ, который, пыхтя, опускается передъ нею на колѣни, предлагаетъ ей руку и сердце и клянется, что изъ любви къ ней пойдетъ на самыя ужасныя жертвы. Жестокая вдовушка объявляетъ влюбленному майору, что единственное препятствіе къ брачному поцѣлую—щетинистые майорскіе усы. Вдова гипнотизируетъ майора и настолько удачно, что тотъ молча поворачивается къ дверямъ и направляется въ первую цырюльню. Происходитъ какая-то водевильная путаница, въ результатѣ которой получается полная побѣда безусаго фармацевта. И въ тотъ моментъ, когда вдовушка падаетъ въ его объятія, въ дверяхъ появляется майоръ въ самомъ смѣшномъ и глупомъ положеніи: онъ только что сбрилъ свои великолѣпные усы...

10. Совершенно «чеховскій» чудесный разсказъ намѣчаетъ Щегловъ по пересказу писателя, подъ приблизительнымъ названіемъ «Въ грозу».

«Проселочной дорогой, по ржаному полю, идутъ трое: захудалый мѣщанинъ, портной по ремеслу, и два монаха. Одинъ—толстый, плѣшивый, болтливый, нѣчто въ родѣ пушкинскаго Варлаама; другой—длинный, молчаливый, похожій обликомъ на изображеніе угрюмыхъ монаховъ на воротахъ лавры. Всѣ трое сошлись случайно, подгоняемые надвигающейся позади нихъ большой грозовой тучей. Зловѣщая туча догоняетъ ихъ, кругомъ темнѣетъ, какъ ночью, и совсѣмъ близко отъ нихъ разражается оглушительный ударъ грома.

На счастье, около дороги—старый развѣсистый дубъ, и они въ смятеніи спасаются подъ нимъ. Гроза, съ вихремъ и ливнемъ, обращается въ настоящее свѣтопреставленіе. Больше всѣхъ боится грозы толстый монахъ

и, подъ внушеніемъ своего спутника,—мрачнаго монаха, сбивчиво прорицающаго что-то изъ Апокалипсиса,—начинаетъ вдругъ каяться въ грѣхахъ, при чемъ вдается въ совершенно лишнія подробности любострастнаго характера. Мѣщанинъ плачетъ и послѣ одного особенно сильнаго удара грома тоже выбалтываетъ всякую дрянь...

Но вотъ гроза проходитъ, горизонтъ проясняется, и виднѣющійся вдали, на горѣ, куполъ городского собора загорается солнцемъ. Монахи и портной отряхиваются, осматриваются, и всѣмъ троимъ дѣлается стыдно. Толстый монахъ пытается свалить происшедшее съ нимъ на бѣсовское наважденіе, но неудачно... Молча доходятъ они до города и молча расходятся затѣмъ въ разныя стороны».

11. Еще одна законченная чеховская тема сохранена тѣмъ же Щегловымъ.

«Молодой мужъ, учитель гимназіи, собирается утромъ на службу. Жена не вставала, и онъ, встревоженный, идетъ въ спальню и будитъ... Та нехотя поднимается, спускаетъ ноги съ кровати и вяло натягиваетъ чулокъ на лѣвую ногу... На его вопросъ она сипло произноситъ одно слово: «Нездоровится». Слово самое обыкновенное, но голосъ, какимъ оно произнесено, тусклый, безучастный взглядъ, какія-то темныя пятна на груди,—все это заставляетъ молодого педагога похолодѣть отъ предчувствія чего-то страшнаго, неизбѣжнаго... Но все-таки надо итти на службу. И вотъ на улицѣ его вдругъ охватываетъ такая безысходная тоска, что онъ съ трудомъ волочитъ ноги, точно ноги стали не его, а чужія... Да, онъ знаетъ, что его жена скоро умретъ, и знаетъ, что доктора тутъ ничего не могутъ, и все-таки идетъ въ гимназію... Зачѣмъ же гимназія и педагогія, и столько тягостныхъ хлопотъ, если въ концѣ-концовъ—смерть? Онъ проходитъ мимо памятника Пушкину. «Для чего теперь Пушкинъ, и сладкіе стихи, и громкая слава, и все?»

XIX.

Я не принадлежу къ сторонникамъ той археологической библіографіи, какая считаетъ величайшимъ благомъ для страны изданіе писателя, гдѣ цѣликомъ перепечатаны всѣ его ребяческія вещи.

Я, напротивъ, думаю, что этимъ положительно испорчены нѣкоторыя изданія, напримѣръ, Лермонтова, и искренно досадовалъ бы, если бы какому-либо библіографу удалось найти клочки дѣтской «Безотцовщины», сложить ихъ, какъ складывалъ, напримѣръ, проф., Шляпкинъ клочки брошенныхъ въ сорную корзинку пушкинскихъ черняковъ (добросовѣстно, но ненужно), и напечатать отдѣльно или въ полномъ собраніи, къ вящшему конфузу Чехова.

Но я—сторонникъ внимательнаго изученія писателей, стоящихъ этого, и сторонникъ хорошихъ біографій. Ненужное для простого читателя необходимо для біографа, и блестки, выбранныя отовсюду, цѣнныя черточки, какія могли дать и юношескія вещи Чехова, онъ долженъ взять и отдать вниманію и обыкновеннаго читателя.

Въ такомъ изученіи окажется и прямая практическая польза,—Чехову не будетъ приписано чужое. Вспомнимъ, что этого не избѣжали у насъ ни Пушкины, ни Некрасовы. Еще всѣ живы, знавшіе Чехова, еще только шесть зимъ пролетѣли надъ нимъ; но уже ласковые библіографы-любители спѣшатъ навязать ему чужое.

Совсѣмъ недавно вновь недоумѣніе окружило пьеску «Жестокій баронъ», якобы вещь Чехова, какъ пять лѣтъ назадъ, когда Амфитеатровъ неосторожно приписалъ ему участіе въ написаніи этой пьески.

Влад. Соловьевъ и Влад. Тихоновъ установили тогда же, что авторъ ея—московскій приватъ-доцентъ Гіацинтовъ, и нынѣ здравствующій авторъ подтвердилъ, когда

растерявшаяся газета уже готова была провозгласить «вновь открытую» вещь любимаго писателя.

Средняя публика все еще «почитываетъ», никто ничего не помнитъ, и кто поручится, что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда не будетъ ни Тихоновыхъ, ни Гіацинтовыхъ, какъ уже нѣтъ Чехова и Соловьева,—кто-нибудь вновь не совершитъ этого открытія, ибо достовѣрно, что именно Чеховъ вручилъ Гнѣдичу эту напечатанную анонимно пьеску и на его вопросъ: «Это ваша?» отвѣтилъ «загадочной» улыбкой.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ ПО ЛОЖНОМУ СЛѢДУ.

Ne sutor supra crepidam.

I.

— «Нѣсколько остротъ не искупаютъ непроходимо-пустого словотолченія. Мы говоримъ о «Ничего не начинай». То же о «Легендѣ».

— Очень длинно и безцвѣтно; нѣчто въ родѣ бѣлой бумажной ленты, китайцемъ изо рта вынутой.

— Избитость эпистолярной формы не искупается новизною или юморомъ содержанія.

— «Не расцвѣвъ (не расцвѣтши?) увядаете. Очень жаль. Нельзя вѣдь писать безъ критическаго отношенія къ своему дѣлу».

Таковы были первыя благословенія критики и редакцій, какія встрѣтилъ 19-лѣтній Чеховъ. Олимпійцемъ, съ высоты величія изрекавшимъ такіе приговоры писателю,—которому впослѣдствіи суждено было стать любимѣйшимъ въ Россіи и переведеннымъ на всѣ европейскіе языки,—былъ какой-то секретарь «Стрекозы», считавшій себя, разумѣется, арбитромъ художественнаго разсказа и юмористики.

Хорошо, что Чеховъ не повѣрилъ ему и не сложилъ своего пера. Хорошо, что онъ помнилъ басню объ ослѣ

и соловьѣ. Потомъ всю свою жизнь ему приходилось стоять приблизительно въ той же позиціи въ отношеніи критики, въ какой онъ стоялъ 19-ти лѣтъ. Совершенно съ такимъ же вкусомъ и тактомъ наши строгіе цѣнители и судьи совѣтовали чудесному русскому лирику, «чтобы болѣе навостриться»,—немного у нихъ поучиться.

Немудрено, что всю свою жизнь,—къ печали Россіи, не перешагнувшую за предѣлъ 44 года,—Чеховъ говорилъ о критикѣ съ раздраженіемъ и волненіемъ и не могъ забыть, какъ его «обласкали» вначалѣ.

II.

— «Критики похожи,—написалъ онъ однажды въ письмѣ къ собрату,—на слѣпней, которые мѣшаютъ лошади пахать землю. Лошадь работаетъ, всѣ мускулы натянуты, какъ струны на контрабасѣ... а тутъ на крупъ садится слѣпень и щекочетъ, и жужжитъ? Нужно встряхивать кожей и махать хвостомъ... О чемъ это онъ жужжитъ? Едва ли ему понятно это... Просто, характеръ у него безпокойный и заявить о себѣ хочетъ,—«молъ, тоже на землѣ живу... Вотъ видите, могу даже жужжать... обо всемъ могу жужжать». Я двадцать пять лѣтъ читаю критики на мои разсказы и ни одного цѣннаго указанія не помню, ни одного добраго совѣта не слышалъ. Только однажды Скабичевскій произвелъ на меня впечатлѣніе: онъ написалъ, что я умру въ пьяномъ видѣ подъ заборомъ».

Нисколько не удивительно, что Чеховъ принципіально высказывался о критикѣ такъ, а не иначе. Нисколько не удивительно, что никто изъ людей критики не могъ бы похвалиться дружбой съ нимъ, какъ это, напримѣръ, могъ сдѣлать Брандесъ въ отношеніи многихъ первоклассныхъ свѣтилъ литературы.

Нигдѣ въ письмахъ Чехова, въ которыхъ очень много сердитыхъ и мѣткихъ выпадовъ по адресу критиковъ, не прозвучала не только нѣжность, даже просто ласковость, уваженіе въ отношеніи ихъ, хотя бы Михайловскаго. Личныя сношенія съ тѣмъ же Михайловскимъ у Чехова не укрѣпились, не перешли въ близость.

Друзьямъ Чехова извѣстенъ случай, когда оберъ-критикъ обратился къ Чехову съ письменнымъ совѣтомъ о двухъ вещахъ. Ни тому, ни другому совѣту Чеховъ не послѣдовалъ,—не сталъ писать романовъ и не отказался отъ «Новаго Времени», въ которомъ тогда печаталъ свои разсказы.

Разсуждая по-человѣчески, можно вполнѣ понять, что Чеховъ не могъ забыть того, что о немъ писали Михайловскій и Скабичевскій, какъ бы благожелательно они потомъ ни повернулись къ нему, когда вся читающая Россія вынесла его на высокую волну славы. Нѣкоторые старики запоминаютъ свое первое крупное огорченіе въ дѣтствѣ до сѣдыхъ волосъ. Такъ писателю не забыть первой ласки и перваго щелчка.

О Чеховѣ еще нѣтъ хорошихъ книгъ. Но относительно его сдѣлано то, что не стоитъ никакого труда, т.-е. собрано изъ разныхъ журналовъ и газетъ и перепечатано въ отдѣльные большіе томы многое изъ того, что о немъ писалось.

Если вы хотите хорошо посмѣяться, пересмотрите эти совѣты нашихъ аристарховъ Чехову, полюбуйтесь, какъ его оцѣнивали, куда его тащили, чего отъ него хотѣли, какимъ языкомъ съ нимъ говорили,—и послѣ этого подивитесь феноменальной мягкости этого человѣка, который, выслушивая и слагая въ душѣ все это, умѣлъ все-таки такъ сдержанно и добродушно говорить о критикѣ, а дѣятелей ея великодушно сравнить съ такимъ маленькимъ... животнымъ, какъ слѣпень.

III.

Смахнемъ на минуту пыль со старинныхъ газетныхъ фоліантовъ и съ журнальныхъ томовъ и полюбуемся.

Не вѣрится, что Михайловскій, а между тѣмъ не кто иной, какъ онъ, написалъ:

— «Не знаю зрѣлища печальнѣе, чѣмъ этотъ даромъ пропадающій талантъ... Связь (между писателемъ и читателемъ) существуетъ даже для г. Лейкина, а для г. Чехова ея нѣтъ.

...Онъ пописываетъ, а читатель его почитываетъ. Г. Чеховъ и самъ не живетъ въ своихъ произведеніяхъ, а такъ себѣ гуляетъ мимо жизни, и, гуляючи, ухватитъ то одно, то другое... Разсказъ «Почта». Зачѣмъ онъ мнѣ?.. Отъ «Почты» никому, рѣшительно никому, ни тепла, ни радости... Г. Чеховъ съ холодною кровью пописываетъ, а читатель съ холодною кровью почитываетъ... Въ «Степи» самая талантливость является уже источникомъ непріятнаго утомленія: идешь по этой степи, и, кажется, конца ей нѣтъ... Въ «Ивановѣ», комедіи, не имѣвшей, къ счастью (?), успѣха и на сценѣ, г. Чеховъ явился пропагандистомъ двухъ дѣтскихъ тезисовъ и т. д... Что попадется на глаза, то онъ и изобразитъ одинаково холодною кровью»...

Эти строки съ обычнымъ критическимъ высокомѣріемъ и съ непріятною критическою раздраженностью Михайловскій писалъ уже по выходѣ «Хмурыхъ людей», т.-е. послѣ 1890 г., когда Чеховъ былъ ужъ авторомъ не только «Пестрыхъ разсказовъ» и «Невинныхъ рѣчей», но и «Разсказовъ» и «Въ сумеркахъ». Это былъ ужъ не Чеховъ «Будильника». Правда, онъ хвалилъ «Степь», но что это былъ за тонъ!

Послѣ «Палаты № 6» въ 1892 году Михайловскій говорилъ уже о «большомъ талантѣ» Чехова, но повторялъ свою пѣсню объ его «безразличіи и безучастіи».

IV.

Еще во второмъ изданіи «Исторіи новѣйшей русской литературы» (1893 г.) для Скабичевскаго Чеховъ былъ авторомъ разсказовъ, отличающихся «калейдоскопичностью и отсутствіемъ идейнаго содержанія».

— «Это не цѣльныя произведенія, а рядъ безсвязныхъ очерковъ, нанизанныхъ на живую нитку (!) фабулы разсказа». Въ нихъ «отсутствіе объединяющаго идейнаго начала». «Авторъ весь отдается мимолетнымъ впечатлѣніямъ, спѣша поскорѣе выразить ихъ въ нѣсколькихъ стахъ газетныхъ строчечекъ. Вслѣдствіе этого рядомъ съ потрясающей драмою вы встрѣчаете у него рядъ анекдотовъ водевильнаго характера, написанныхъ для того лишь (!), чтобы посмѣшить читателей газеты».

Еще слава Богу, что критикъ признавалъ хотя бы то, что «при всей ихъ фельетонной скороспѣлости они обнаруживаютъ сильный талантъ».

Преимущество Буренина передъ другими только въ томъ, что, привѣтливо встрѣтивъ Чехова, онъ топталъ его въ грязь, когда уже слѣпому было ясно, что за талантъ пришелъ въ литературу съ Чеховымъ.

Надъ Чеховымъ Буренинъ упражнялся въ стихахъ и прозѣ. Въ стихахъ (?) онъ писалъ:

Беллетристику-то,—эхъ! увы!—
Пишутъ Гаршины да Чеховы.
Баранцевичи да Альбовы.
Почитаешь,—станетъ жаль Бовы.

По крайней мѣрѣ, открытая расписка въ своихъ литературныхъ антипатіяхъ и предпочтеніяхъ!

По поводу, кажется, «Трехъ сестеръ» Буренинъ писалъ о «ловкой рекламѣ», создающей успѣхъ посредственнымъ произведеніямъ.

Смыслъ былъ такой:

Какъ на самомъ дѣлѣ не быть успѣху, коли сперва двадцать разъ извѣщаютъ по телеграфу о томъ, что пьеса «задумана» авторомъ, потомъ тридцать разъ о томъ, что она «пишется», потомъ сорокъ разъ о томъ, что она «дописывается», потомъ пятьдесятъ разъ о томъ, что она «приготовляется» къ постановкѣ и т. д.

А вотъ и буквально:

— «Потомъ телеграммы: «написалъ 1-е дѣйствіе», «набросалъ половину второго», «три четверти 3-го дѣйствія окончены», «еще не дано заглавія пьесѣ», «заглавіе пьесы «Три синицы», «нѣтъ, заглавіе пьесы не «Три синицы», а «Три тетки», «нѣтъ, не «Три тетки», а «Пять сестеръ», «просто «Сестры», «Двѣ сестры», наконецъ,—«Три сестры»... Но вотъ что, однако,—«Три сестры» вѣдь только въ театрѣ «Станиславскаго (?) и имѣли шумный и, коли хочешь, глупый успѣхъ... Успѣхъ этотъ—знаменіе рекламы и только». «Чеховъ въ нѣкоторой части (sic) теперешней журнальной критики втаскивается довольно усиленно на пьедесталы такой непомѣрной высоты, на которыхъ его, во всякомъ случаѣ, средней величины литературный образъ можетъ представиться, пожалуй, и совсѣмъ маленькимъ... Онъ является драматургомъ не только слабымъ, но почти курьезнымъ, въ достаточной мѣрѣ пустымъ, вялымъ, однообразнымъ... Его драмы—упражненія въ книжно-выдуманныхъ, иногда прямо глупыхъ и почти всегда безсодержательныхъ разговорахъ»...

V.

Узкій, партійный и всегда противно раздражительный А. И. Богдановичъ именовалъ Чехова талантомъ мертвой полосы.

— «Онъ напоминаетъ близорукаго художника, который не можетъ охватить всей картины, и потому центра въ ней нѣтъ, перспектива не вѣрна, и въ общемъ его большія произведенія страдаютъ однообразіемъ... Картинки не слагаются въ одно стройное цѣлое, которое художникъ осмыслилъ бы идеей, обобщилъ, представилъ подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія»...

То-то у Богдановича поучиться бы Чехову «дальнозоркости» и «идейности»!

Зато «Человѣка въ футлярѣ», по поводу котораго можно было поговорить о русскомъ подпольи, А. Б. считалъ чуть не лучшимъ разсказомъ А. П.

Нѣкогда имѣвшій извѣстный вѣсъ К. Медвѣдскій по поводу того же разсказа писалъ:

— «Разсказъ безсодержателенъ, плохъ... Въ немъ съ чрезвычайною ясностью раскрываются недостатки писателя, умѣющаго воспроизводить лишь внѣшнія стороны житейскихъ явленій...Развѣ можно анекдоты назвать серьезными произведеніями искусства?.. Заниматься долѣе г. Чеховымъ, право, неинтересно. Напишетъ онъ чуточку получше, напишетъ чуточку послабѣе,—не все ли равно? Главное—писатель опредѣлился. Мы знаемъ, что отъ него ждать. Мы не увлекаемся несбыточными надеждами»...

К. Арсеньевъ находилъ, что «значительно большая часть (разсказовъ первой фазы) могла бы остаться похороненной въ летучихъ газетныхъ листкахъ, безъ всякой потери для русской литературы и самого автора. Авторъ, очевидно, усиливался быть патетичнымъ, но результатомъ его усилій явилось только нѣчто вродѣ пародіи»...

Сумцовъ (не профессоръ ли?) возмущался «Скучной исторіей», находилъ ея героя, профессора, «деревянной или, точнѣе, тряпичной куклой съ наклееннымъ на лбу ярлыкомъ ума»...

Оболенскій отрицалъ «Иванова».

— «Вы видите, какъ слабо, недодѣлано, непродумано произведеніе Ч... Сотни ошибокъ, сотни отступленій отъ естественности, простоты и правды... Пьеса имѣла успѣхъ, но... не мало, кажется, помогли Ч. въ Петербургѣ нѣкоторыя вліятельныя газеты, въ которыхъ онъ работалъ и имѣлъ преданныхъ друзей и хвалителей (!)... Мы боимся, что въ (узкой точкѣ зрѣнія) лежитъ безплодность всѣхъ крупныхъ попытокъ Ч., что эта безплодность станетъ хронической, а изъ его таланта родится пустоцвѣтъ (!)».

Перцовъ писалъ:

— «Если писатель самъ не знаетъ, «лѣвая, правая гдѣ сторона», что бѣло и что черно, то это отсутствіе пониманія смысла явленій отразится и на произведеніяхъ».

Критикъ «Вѣстника Европы» находилъ, что «юморъ и остроуміе не подъ силу таланта г. Чехова». Онъ могъ бы «привести сотню примѣровъ, насколько его стремленіе быть остроумнымъ оказывалось безсильной и жалкой претензіей». «Техника владѣетъ еще писателемъ больше, чѣмъ писатель ею».

Это было писано какъ разъ передъ 25-лѣтнимъ юбилеемъ Чехова!

За два года до его смерти нѣкій Качерецъ издалъ цѣлую книжку, развѣнчивающую писателя.

— «Добрая половина «Пестрыхъ разсказовъ» такова, что прямо руками разводишь,—какая это, извините за выраженіе, чушь и притомъ тяжелая, лишенная всякаго проблеска таланта чушь... За 20 лѣтъ дѣятельности не дать ни одного сколько-нибудь крупнаго по замыслу произведенія!.. Талантъ его узокъ, ограниченъ... Пусть онъ присмотрится поближе къ людямъ и къ жизни, пусть онъ подумаетъ»...

VI.

Это сотая доля того, что выслушивалъ Чеховъ. Было отъ чего притти въ уныніе! А какъ онъ долженъ былъ бы растеряться, если бы на одинъ день попробовалъ послѣдовать указкамъ гг. аристарховъ!

Оболенскій предписывалъ ему выводить въ пьесахъ «положительныхъ земцевъ», «основателей воскресной школы», или просто «идеальныхъ дѣятелей» для противовѣса.

Шулятиковъ хотѣлъ бы, чтобы онъ рисовалъ борьбу пролетарія за свободу. «Онъ прошелъ мимо общественнаго и экономическаго строя современной Россіи».

Струве, какъ и десятки другихъ, карали его за «безотрадный пессимизмъ».

Ивановъ каралъ его за всегдашнее его «весьма завидное состояніе духа».

«Для такихъ писателей нашъ міръ—міръ красоты и молодости, наслажденій и пріятнаго отдыха!..»

Вогюэ называлъ его «безотраднымъ учителемъ, убаюкивающимъ общественныя массы».

Владиміръ Ж. находилъ, что онъ «сыгралъ крупную историческую роль въ общественномъ и гражданскомъ развитіи Россіи».

Для однихъ онъ писалъ «съ холодною кровью»,— для другихъ онъ все заливалъ «ласковымъ свѣтомъ» (Булгаковъ) и казался страстно любящимъ людей (Гиппіусъ).

Онъ былъ «сатирикомъ эпохи мѣщанства» для Овсянико-Куликовскаго и Иванова-Разумника и «совсѣмъ не сатирикомъ» для В. Альбова.

Словомъ, двадцать пять лѣтъ (потому что Чеховъ могъ уже отпраздновать 25 лѣтъ своего литературнаго творчества) русская критика шла по ложному слѣду,

говорила чепуху о писателѣ, давала никуда не годные совѣты, глупо и безтолково суетилась, какъ семь нянекъ, у которыхъ всегда дитя остается безъ глазу.

И даже смерть Чехова не положила конца этому пустоглаголанію. Изъ стихотвореній воинственныхъ «поэтовъ» неожиданно выяснилось, что Чеховъ погибъ за свободу своей родины, а недавно умершій Бергъ прозою возложилъ на могилу почившаго писателя такой вѣнокъ:

— «Какимъ характернымъ признакомъ давленія гипноза уличныхъ газетъ является бѣснованіе у гроба Чехова! Теперь посредствомъ еврейской и либеральной «прессы» можно раздуть что угодно... Авторъ самыхъ среднихъ способностей возвеличенъ, какъ геній, прославленъ на всю Россію... Размѣры способности покойнаго были довольно скромны...»

Тутъ уже въ славѣ Чехова былъ «жидъ виноватъ»,— ни больше, ни меньше.

Единственно этой послѣдней хулы, сопровождавшей его траурную колесницу, многострадальный Чеховъ уже не слышалъ. Смерть оградила его отъ маньячества Берговъ и бѣшеной слюны Фидэлей...

ВѢРА ИЛИ НЕВѢРІЕ.

(Религія Чехова).

I.

О любимомъ ушедшемъ человѣкѣ вспоминаютъ все, всякую мелочь, но два огромныхъ вопроса долго остаются въ тѣни. Это вопросы — кого любилъ, какъ вѣровалъ?

По самому существу своему при жизни они неудобны, нескромны, почти непозволительны, касаются самаго интимнаго, самаго священнаго, и, въ силу какой-то тайны,—половое, какъ и религіозное, въ человѣкѣ всегда какъ-то цѣломудренно стыдится, прячется, скрывается.

Пора для постановки перваго вопроса въ отношеніи Чехова еще не пришла. Онъ, можно сказать, ушелъ только вчера. Еще могъ бы онъ быть среди насъ, и всего только 50-лѣтнимъ. Но уже вторымъ вопросомъ— «какъ вѣровалъ»—не совершимъ нескромности, никого не задѣнемъ, не смутимъ.

Въ правѣ ли подходить съ этой стороны къ писателю историкъ литературы и общественности? Но кто же будетъ отрицать, что идеалы писателя, его вѣра, мистическая или позитивная, есть тотъ внутренній свѣтъ, который озаряетъ все въ его книгахъ, и безъ котораго будетъ въ нихъ все загадочно и неясно. Половина огромной литературы, посвященной Толстому, половина огромной литературы о Достоевскомъ — работаютъ надъ этой стороной духа этихъ писателей. Если изысканія

такого рода нескромность, изнесеніе къ толпѣ святынь изъ святого святыхъ, куда какъ первосвященникъ, властенъ входить только самъ человѣкъ, то нескромность весь Мережковскій, нескромны всѣ біографы, вводящіе въ свои книги главу о писательскомъ религіозномъ міровоззрѣніи, и надо зачеркнуть въ богословской литературѣ сотни изысканій, вскрывающихъ святая святыхъ разныхъ Августиновъ и Оригеновъ.

Конечно, это не область математически точныхъ изысканій. Можетъ быть такъ, можетъ быть иначе. Весь матеріалъ для сужденія только уже книги писателя, его письма, воспоминанія о немъ. Но Чеховъ слишкомъ часто подходилъ къ этой темѣ религіи, Бога, безсмертія. Несравненно во всякомъ случаѣ чаще, чѣмъ къ темамъ политики. Не невозможно на основаніи того, что онъ оставилъ, попытаться рѣшить, какъ онъ смотрѣлъ на религію и какому Богу молился.

Здѣсь трудность въ томъ, что вѣра, повторяю, прячется, какъ любовь. Раскрываютъ душу передъ матерью, любимой женщиной, роднымъ братомъ. Кого изъ чужихъ можетъ интересовать, какъ я вѣрую? Сѣверной душѣ свойственна здѣсь какая-то исключительная стыдливость, порой граничащая съ малодушіемъ.

Вспомните извѣстный разсказъ о томъ, какъ одинъ изъ друзей Лермонтова засталъ его въ церкви. Лермонтовъ, салонный левъ, отрицатель, россійскій Мефистофель, человѣкъ, у котораго нѣтъ ni foi, ni loi, этотъ Лермонтовъ—въ церкви! Вспомните, какъ онъ смущенно и малодушно началъ разсказывать этому другу какую-то съ мѣста выдуманную басню о порученіи бабушки, изъ которой было ясно только одно, что и на этого россійскаго демона находила иногда властная потребность молитвы.

И вѣдь именно у этого же вольнодумца и отрицателя въ записной книжкѣ, подаренной ему Одоевскимъ, послѣ

смерти оказались выписки... изъ посланій апостольскихъ, и этого именно вольнодумца вдохновила на почти молитвенную лирику палестинская вѣтка за образомъ Муравьева, въ комнатѣ котораго ему случайно пришлось провести полчаса въ ожиданіи хозяина.

Почти исключительно въ разсматриваемомъ отношеніи положеніе писателя. Эта стыдливость чувства почти исчезаетъ въ немъ, когда онъ «писательствуетъ». Лѣсковъ былъ противникомъ синодской церкви, но глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, и въ этомъ нельзя ошибиться, перечитывая его книги. Такъ о Христѣ и Христовомъ могъ говорить только тотъ, кто Ему увѣровалъ и Его возлюбилъ. Но того же Лѣскова трудно представить говорящимъ о своей вѣрѣ, интимно признающимся, при комъ-нибудь молящемся. И вотъ про этого же Лѣскова отъ одного изъ близкихъ ему людей я слышалъ такой разсказъ.

Близкій человѣкъ пришелъ къ нему на Фурштадтскую подъ вечеръ зимняго дня, въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ его жизни. Какъ свой человѣкъ, прошелъ въ комнаты. Въ кабинетѣ было темно,—Лѣсковъ «сумерничалъ».

Гость вошелъ въ кабинетъ и увидѣлъ старика распростертымъ на коврѣ, на полу, въ направленіи образа. Это было такъ неожиданно для гостя, что на минуту онъ сталъ растерянный. Старикъ, очевидно, былъ настолько весь въ своемъ дѣлѣ, что не разслышалъ шаговъ, не почувствовалъ посторонняго. Только когда вошедшій кашлянулъ, Лѣсковъ впотьмахъ задвигалъ по ковру руками, показывая видъ, что чего-то ищетъ.

— Вы что-то ищете? — спросилъ гость, наклоняясь. — Позвольте я вамъ помогу. У меня глаза помоложе.

— Да, ищу запонку,—согласился Лѣсковъ,—а, впрочемъ, не безпокойтесь, я ее уже нашелъ.

«Но онъ не искалъ запонку, и ничего не находилъ, а молился», пояснилъ мнѣ разсказывавшій. Только даже и близкому человѣку онъ не хотѣлъ этого показать.

Такъ въ этомъ вопросѣ изслѣдователь стоитъ въ положеніи ищущаго истину тамъ, гдѣ отъ него эту истину хотятъ намѣренно скрыть.

II.

Самый вѣкъ, извѣрившійся, холодный и равнодушный, посмѣивавшійся надъ религіознымъ исканіемъ Толстого, самое происхожденіе Чехова изъ крестьянской, суровo-религіозной, безрадостно религіозной семьи, его образованіе медика, съ вѣрою, что въ природѣ существуетъ только матерія, а въ человѣкѣ органическая клѣтка, что мысль есть продуктъ мозга—и только мозга, самая среда, въ какой ему пришлось вращаться по началу, обивая редакціонные пороги,—все это мало располагало къ тому, чтобы изъ Чехова вышелъ не только горячій искатель вѣры, но и просто человѣкъ повышеннаго религіознаго чувствованія.

Но отъ природы глубокая натура, Чеховъ не могъ заглушить въ себѣ ни умственнаго интереса къ религіи и хотя бы къ чужой религіозности, ни тѣхъ подсказовъ сердца, которые непреодолимы для человѣка, вышедшаго изъ вѣрующей семьи.

Чехова никоимъ образомъ нельзя назвать безучастнымъ ко всѣмъ этимъ вопросамъ. Вы можете перечитать десятки томовъ Гончарова, Тургенева, Писемскаго и не наткнуться ни на одну страницу разговора о Богѣ, вѣрѣ, безсмертіи. Чеховъ въ этомъ смыслѣ безконечно ближе къ Толстому и Достоевскому.

Интересный переплетъ внѣшнихъ подробностей жизни, человѣческія приключенія, бытовой анекдотъ, все то,

что уже само по себѣ насыщало Тургенева или Гончарова,—для Чехова было мало занимательно безъ духовнаго озаренія. «На этомъ свѣтѣ все незначительно и неинтересно, кромѣ высшихъ духовныхъ проявленій человѣческаго ума», сказалъ онъ устами доктора въ «Палатѣ № 6». И среди этихъ проявленій религіозному исканію онъ удѣлялъ видное мѣсто.

Въ одномъ изъ своихъ довольно раннихъ разсказовъ «На пути», съ своимъ удивительнымъ мастерствомъ коротко и ясно ухватывать явленія, Чеховъ высказался о томъ, что такое вѣра для русскаго человѣка.

— Я такъ понимаю, что вѣра есть способность духа. Она все равно, что талантъ: съ нею надо родиться. Насколько я могу судить по себѣ, по тѣмъ людямъ, которыхъ видалъ на своемъ вѣку, по всему тому, что творилось вокругъ, эта способность присуща русскимъ людямъ въ высочайшей степени. Русская жизнь представляетъ непрерывный рядъ вѣрованій и увлеченій, а невѣрія или отрицанія она еще, ежели желаете знать, и не нюхала. Если русскій человѣкъ не вѣритъ въ Бога, то это значитъ, что онъ вѣруетъ во что-нибудь другое.

Лихаревъ, говорящій эти слова, на собственномъ примѣрѣ подтверждаетъ дальше свою теорію.

— Полжизни я состоялъ въ штатѣ атеистовъ и нигилистовъ, но не было въ моей жизни ни одного часа, когда бы я не вѣровалъ.

Въ дѣтствѣ онъ вѣритъ въ сунъ, которымъ его пичкаетъ мать, въ домовыхъ и лѣшихъ, о которыхъ разсказываетъ нянька. Онъ убѣгаетъ въ Америку, уходитъ въ разбойники, просится въ монастырь, нанимаетъ мальчишекъ, «чтобы они меня мучили за Христа». Въ гимназическіе дни онъ отрицаетъ Іисуса Навина, остановившаго солнце, и Илію, гремящаго громомъ. Въ университетскій періодъ онъ вѣруетъ въ науку, преклоняется

передъ зоологіей, открывшей 35.000 видовъ насѣкомыхъ, и разочаровывается въ ней только тогда, когда находитъ 35-тысячъ-первый видъ. Дальше нигилизмъ и прокламаціи, славянофильство и отрицаніе собственности, непротивленіе злу и т. д.

Типъ сгущенный, парадоксальный. Но въ основѣ парадокса лежитъ истинное убѣжденіе Чехова въ повышенности русскаго сердечнаго исканія, и черта этого типично-русскаго метанія схвачена здѣсь художественно-вѣрно. Этотъ трагикомическій герой, мѣняющій вѣру какъ перчатки, не лишенъ даже извѣстной красоты въ своемъ метаніи.

— Вѣдь я вѣровалъ не какъ нѣмецкій докторъ философіи,—говоритъ онъ,—не въ пустынѣ я жилъ, а каждая моя вѣра гнула меня въ дугу, рвала на части мое тѣло. Я любилъ русскій народъ до страданія, любилъ и вѣровалъ въ его Бога, въ языкъ, въ творчество. Да, природа вложила въ русскаго человѣка необыкновенную способность вѣровать, испытующій умъ и даръ мыслительства, но все это разбивается въ прахъ и безпечность, лѣнь о мечтательное легкомысліе...

Самому Чехову была бы въ высокой степени присуща какая-то бодрящая вѣра въ наступленіе золотого вѣка на землѣ, хотя, можетъ-быть, и гдѣ-то далеко,—черезъ триста-четыреста лѣтъ. Безъ разговоровъ объ этой вѣрѣ, объ этой мечтѣ «о небѣ въ алмазахъ», трудно найти хотя бы одну критическую статью о немъ. Повторять это стало банальностью.

III.

Прямыя засвидѣтельствованія Чехова о своемъ отношеніи къ религіи сохранились въ его письмахъ къ Щеглову, Плещееву, Меньшикову и Дягилеву. Вотъ эти мѣста:

— Я,—пишетъ Чеховъ Дягилеву за годъ до смерти,— давно растерялъ мою вѣру и только съ недоумѣніемъ поглядываю на всякаго интеллигентнаго вѣрующаго.

— Я боюсь смерти Толстого,—пишетъ онъ Меньшикову за четыре года до смерти.—Если бы онъ умеръ, то у меня въ жизни образовалось бы большое пустое мѣсто. Ни одного человѣка я не любилъ такъ, какъ его. Я человѣкъ невѣрующій, но изъ всѣхъ вѣръ считаю наиболѣе близкой и подходящей для себя именно его вѣру.

Въ одной своей статьѣ о Чеховѣ Меньшиковъ привелъ слѣдующія слова Чехова изъ одного разговора:

— Я не знаю, что такое вѣчность, безконечность. Я себѣ объ этомъ ничего не представляю, ровно ничего. Жизнь за гробомъ для меня что-то застывшее, холодное, нѣмое. Ничего не знаю.

Въ письмѣ къ Дягилеву отъ 1902 г. Чеховъ выказалъ свое отношеніе къ начинавшемуся тогда религіозному движенію въ интеллигенціи и далъ попытку краткой философской мотивировки своей вѣры.

— «Интеллигенція (въ Россіи) пока только играетъ въ религію и, главнымъ образомъ, отъ нечего дѣлать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла отъ религіи и уходитъ отъ нея все дальше и дальше, что бы тамъ ни говорили и какія бы философско-религіозныя общества ни собирались. Хорошо это или дурно, рѣшить не берусь, — скажу только, что религіозное движеніе само по себѣ, а вся современная культура—сама по себѣ и ставить вторую въ причинную зависимость отъ первой никакъ нельзя. Теперешняя культура—это начало работы во имя великаго будущаго,—работы, которая будетъ продолжаться, быть-можетъ, десятки тысячъ лѣтъ для того, чтобы хотя въ далекомъ будущемъ человѣчество познало истину

настоящаго Бога, т.-е. не угадывало бы, не искало бы въ Достоевскомъ, а познало ясно, какъ познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура это—начало работы, а религіозное движеніе, о которомъ мы говорили, есть пережитокъ, уже почти конецъ того, что отжило или отживаетъ».

— Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ,—мимоходомъ уронилъ онъ въ письмѣ къ поэту Плещееву.— Мое святая святыхъ — это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода,—свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались.

Очень опредѣленное заявленіе, опять съ нѣкоторою уже исторической мотивировкой его настроенія, находимъ въ письмѣ Чехова къ Щеглову.

— Такихъ людей, какъ Рачинскій, очень мало на бѣломъ свѣтѣ... Но не сердитесь, я не отдалъ бы въ его школу своихъ дѣтей.—Я получилъ въ дѣтствѣ религіозное образованіе и такое же воспитаніе,—съ церковнымъ пѣніемъ, съ чтеніемъ апостола и каѳизмъ въ церкви, съ исправнымъ посѣщеніемъ утрени, съ обязанностью помогать въ алтарѣ и звонить на колокольнѣ. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ. Религіи у меня теперь нѣтъ. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пѣли тріо «Да исправится» или же «Архангельскій гласъ», на насъ всѣ смотрѣли съ умиленіемъ и завидовали моимъ родителямъ, мы же въ это время чувствовали себя маленькими каторжниками. Да, милый. Рачинскаго я понимаю, но дѣтей, которыя учатся у него, я не знаю. Ихъ души для меня потемки. Если въ ихъ душахъ радость, то они счастливѣе меня и братьевъ, у которыхъ дѣтство было страданіемъ.

Научную точку зрѣнія, какую Чеховъ примѣнялъ къ религіи, онъ распространялъ и шире. Умно, научно холоднымъ взглядомъ хотѣлъ онъ смотрѣть и на всю жизнь вообще.

Въ одномъ изъ довольно раннихъ писемъ (къ Суворину, 1894 г.) онъ признавался. «Я съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать, такъ какъ разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда меня перестали драть, была страшная... Толстовская философія сильно трогала меня, владѣла мною лѣтъ 6—7, и дѣйствовали на меня не основныя положенія, а толстовская манера выражаться,—разсудительность и, вѣроятно, гипнотизмъ своего рода. Теперь же во мнѣ что-то протестуетъ. Разсчетливость и справедливость говорятъ мнѣ, что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса... Естественныя науки сдѣлаютъ теперь чудеса, и онѣ могутъ двинуться, какъ Мамай, на публику и покорить ее своею массою, грандіозностью»...

IV.

По натурѣ Чеховъ считалъ себя реалистомъ и въ основѣ не ошибался. Въ сочиненіяхъ его занимаетъ только реальное, подлинное, житейское. Тургеневъ считалъ себя европейцемъ изъ европейцевъ, отдѣлавшимся отъ всякихъ предразсудковъ, и посмотрите, какъ его разсказы выдаютъ головой незаглушенную въ немъ никакимъ европеизмомъ мистику! Вспомните только его «Призраки», «Клару Миличъ», «Разсказъ отца Алексѣя», «Стукъ, стукъ», «Сонъ», «Пѣснь торжествующей любви». Взгляду Чехова, повидимому, ничто не предносилось въ жизни въ мистическомъ озареніи. Разъ или два въ жизни онъ дѣлаетъ отступленіе въ сторону разсказа

фантастическаго. Дѣйствуя въ полный разгаръ рождественской литературы, онъ не оставилъ ни одной вещицы на таинственную тему. Единственный разъ въ жизни онъ подошелъ къ темѣ безотчетнаго страха. Въ разсказѣ «Страхи», который, повидимому, ничто не мѣшаетъ принять, какъ чисто-автобіографическій, Чеховъ разсказываетъ три случая большого перепуга въ своей жизни.

Посмотрите, какъ просто, естественно, по-докторски объясняетъ онъ то, что сначала показалось ему мистически-жуткимъ. Разъ ночью, въ лѣсу къ нему пристала большая черная собака. Подъ жуткимъ чувствомъ Чеховъ прошелъ свою дорогу, поминая фаустовскаго пса, думая о галлюцинаціяхъ, какимъ подвержены нервные люди. Но дома онъ засталъ гостя, который сталъ ему жаловаться на пропажу своей дорогой собаки.

Другой разъ, въ часъ ночи, въ полномъ одиночествѣ онъ видѣлъ, какъ самъ собою, никѣмъ не толкаемый, грузно прокатился вагонъ по рельсамъ желѣзной дороги. Встрѣчный мужикъ объяснилъ ему явленіе—«на 121 верстѣ уклонъ... Цѣпи въ заднемъ вагонѣ не выдержали...» Такъ просто и не страшно все въ жизни, говоритъ Чеховъ даже этимъ единственнымъ своимъ «страшнымъ» разсказомъ. Не объясняетъ онъ только перваго случая своего страха, когда онъ видѣлъ ночью на колокольнѣ огонекъ, которому никоимъ образомъ тамъ было не мѣсто.

Чеховъ былъ искреннимъ человѣкомъ. Ни за одну его вещь, и ни за одно письмо его нельзя упрекнуть въ малодушіи, въ недостаткѣ гражданскаго мужества, въ скрываніи своего настоящаго взгляда. Онъ не боялся либераловъ и открыто выражалъ въ своихъ письмахъ достойное большого человѣка презрѣніе къ партійной узости и либеральному мѣщанству. Онъ не могъ рисоваться передъ тѣми, кому дѣлалъ въ письмахъ вы-

писанныя признанія и не игралъ передъ ними на либерализмъ. Плещеевъ, Щегловъ и Суворинъ были его друзьями. Мнѣнія о немъ Меньшикова, Дягилева не могли принести ему ни выигрыша, ни проигрыша. Все это надо принять, какъ есть. Чеховъ считалъ себя человѣкомъ безъ мистической религіи и безъ мистическихъ настроеній.

Чѣмъ инымъ, какъ не отзвукомъ личныхъ его взглядовъ звучатъ, напримѣръ, такія мѣста («Три года»).

«Говорили о смерти, о безсмертіи души, о томъ, что хорошо бы въ самомъ дѣлѣ воскреснуть и потомъ полетѣть куда-нибудь на Марсъ, быть вѣчно празднымъ и счастливымъ, а главное мыслить какъ-нибудь особенно,—не по-земному.

— А не хочется умирать,—тихо сказалъ Ярцевъ.— Никакая философія не можетъ примирить меня со смертью, и я смотрю на нее просто, какъ на погибель. Жить хочется.

— Вы любите жизнь, Гаврилычъ?

— Да, люблю... Я химикъ. Мыслю химически и умру химикомъ. Но я жаденъ, я боюсь, что умру, не насытившись, и мнѣ мало одной химіи... Мнѣ просто хочется жить, мечтать, надѣяться, всюду поспѣвать. Жизнь, голубчикъ, коротка, и надо прожить ее получше».

На помощь убѣжденію, что единственная религія образованнаго человѣка—наука и культура приходила Чехову и современная теорія прогресса. Въ его «Дуэли» дѣйствуетъ зоологъ фонъ-Коренъ, ученый, поглощенный изученіемъ эмбріологіи медузъ.

— Онъ работаетъ,—говоритъ про него Лаевскій,—онъ пойдетъ въ экспедицію и свернетъ себѣ тамъ шею не во имя любви къ ближнему, а во имя такихъ абстрактовъ, какъ человѣчество, будущія поколѣнія, идеальная порода людей. Онъ хлопочетъ объ улучшеніи человѣче-

ской породы, и мы для него только рабы, мясо для пушекъ, вьючныя животныя.

Въ той же «Дуэли» передъ вами обстоятельно обоснованная теорія религіи прогресса и рѣчь о неприложимости такъ называемой «христіанской почвы» при рѣшеніи вопросовъ о человѣческомъ счастьѣ.

— Гуманитарныя науки, о которыхъ вы говорите,— доказываетъ зоологъ дьякону,—тогда только будутъ удовлетворять человѣческую мысль, когда въ движеніи своемъ онѣ встрѣтятся съ точными науками и пойдутъ съ ними рядомъ. Встрѣтятся ли онѣ подъ микроскопомъ или въ монологахъ новаго Гамлета или въ новой религіи, я не знаю, но думаю, что земля покроется ледяной корой раньше, чѣмъ это случится. Самое стойкое и живучее изъ всѣхъ гуманитарныхъ знаній это, конечно, ученіе Христа, но, посмотрите, какъ даже оно различно понимается. Одни учатъ, чтобы мы любили всѣхъ ближнихъ, и дѣлаютъ при этомъ исключеніе для солдатъ, преступниковъ и безумныхъ. Первыхъ они разрѣшаютъ убивать на войнѣ, вторыхъ изолировать или казнить, а третьимъ запрещаютъ вступленіе въ бракъ. Другіе толкователи учатъ любить всѣхъ ближнихъ безъ исключенія, не различая плюсовъ и минусовъ. Если къ вамъ приходитъ бугорчатный или убійца или эпилептикъ и сватаетъ вашу дочь,—отдавайте. Если кретины идутъ войной на физически здоровыхъ,—подставляйте головы. Эта проповѣдь любви ради любви, какъ искусства для искусства, если бы могла имѣть силу, въ концѣ-концовъ привела бы человѣчество къ полному вымиранію и такимъ образомъ совершилось бы грандіознѣйшее изъ злодѣйствъ, какія когда-либо бывали на землѣ. Поэтому никогда не ставьте вопроса, какъ вы говорите, на философскую или такъ называемую христіанскую почву. Этимъ вы только отдаляетесь отъ рѣшенія вопроса.

Дьяконъ подумалъ и спросилъ:

— Нравственный законъ, который свойственъ каждому изъ людей, философы выдумали или же его Богъ создалъ вмѣстѣ съ тѣломъ?

— Не знаю, но этотъ законъ до такой степени общъ для всѣхъ народовъ и эпохъ, что мнѣ кажется его слѣдуетъ признать органически связаннымъ съ человѣкомъ.

— Хорошо-съ. Значитъ, какъ желудокъ хочетъ ѣсть, такъ нравственное чувство хочетъ, чтобы мы любили своихъ ближнихъ. Такъ? Но естественная природа наша по себялюбію противится голосу совѣсти и разума и потому возникаетъ много головоломныхъ вопросовъ. Къ кому же мы должны обращаться за рѣшеніемъ этихъ вопросовъ, если вы не велите ставить ихъ на философскую почву?

— Обратитесь къ тѣмъ немногимъ точнымъ знаніямъ, какія есть у насъ. Довѣрьтесь очевидности и логикѣ фактовъ. Любовь должна заключаться въ устраненіи всего того, что такъ или иначе вредитъ людямъ и угрожаетъ имъ опасностью въ настоящемъ и будущемъ.

— Значитъ, любовь въ томъ, чтобы сильный побѣждалъ слабаго.

— Несомнѣнно.

— Но вѣдь сильные распяли Господа нашего Іисуса Христа,—сказалъ горячо дьяконъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что распяли Его не сильные, а слабые. Человѣческая культура ослабила и стремится свести къ нулю борьбу за существованіе и подборъ. Отсюда быстрое размноженіе слабыхъ и преобладаніе ихъ надъ сильными. Мы, культурные, распяли Христа и продолжаемъ Его распинать. Не лицемѣрьте же, не показывайте кукиша въ карманѣ и не говорите: ахъ глупо, ахъ устарѣло, ахъ не согласно съ писаніемъ, а глядите жизни прямо въ лицо, признавайте ея разумную законность и когда она, напротивъ, хочетъ уничтожить хилое,

золотушное, развращенное племя, то не мѣшайте ей вашими пилюлями и цитатами изъ дурно понятаго Евангелія. Христосъ, надѣюсь, заповѣдалъ намъ любовь разумную, осмысленную и полезную.

— Экой вы какой!—засмѣялся дьяконъ.—Въ Христа же вы не вѣруете! Зачѣмъ же вы Его такъ часто поминаете?

— Нѣтъ, вѣрую, только, конечно, не по-вашему, а по-своему.

— Вы говорите у васъ вѣра!—сказалъ дьяконъ.—Какая это вѣра? А вотъ у меня есть дядька попъ, такъ тотъ такъ вѣритъ, что когда въ засуху идетъ въ поле дождя просить, то беретъ съ собою дождевой зонтикъ и кожаное пальто, чтобъ его на обратномъ пути дождикъ не промочилъ. Вотъ это вѣра! Когда онъ говоритъ о Христѣ, такъ отъ него сіяніе идетъ, и всѣ бабы и мужики навзрыдъ плачутъ. Онъ бы и тучу остановилъ и всякую бы вашу силу обратилъ въ бѣгство. Да, вѣра горами двигаетъ.

Бѣгло озираясь на всю русскую беллетристику, я не могу вспомнить другого мѣста, гдѣ бы съ такою сжатостью, но и вмѣстѣ съ такою мастерскою мотивировкой намъ была дана схема «религіи мирового прогресса», «религіи науки», съ своеобразнымъ пониманіемъ Христа, подъ которой обѣими руками подписался бы писаревскій «мыслящій реалистъ».

V.

Для антимистическихъ душъ такая вѣра въ самомъ дѣлѣ могла быть до извѣстной степени замѣною религіи. Кругомъ Чеховъ рѣдко видѣлъ и это, и, вглядываясь въ современность, нисколько не переоцѣнивалъ положенія дѣлъ. Интеллигентскій индиферентизмъ къ религіи онъ зарисовалъ на многихъ страницахъ своихъ книгъ. Въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка» онъ гово-

ритъ о людяхъ, у которыхъ иронія исчерпываетъ все отношеніе къ религіи.

«Орловъ и его пріятели, —пишетъ онъ,—не шутили и не вышучивали, а говорили съ ироніей. Они говорили, что Бога нѣтъ, и со смертью личность исчезаетъ совершенно. Безсмертные существуютъ только во французской академіи. Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть и т. д.

Въ повѣсти «Три года» передъ вами интеллигентъ, наставляющій ребенка священной исторіи, въ сущности, тотъ же сторонникъ принципа ироніи.

— О потопѣ? Ладно, будемъ жарить о потопѣ! Валяй о потопѣ. Долженъ я вамъ замѣтить, такого потопа, какъ здѣсь описано, на самомъ дѣлѣ не было, и никакого Ноя не было. За нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христова было на землѣ необыкновенное наводненіе и объ этомъ упоминается не въ одной еврейской Библіи, но и въ книгахъ другихъ древнихъ народовъ, какъ-то: грековъ, халдеевъ, индусовъ. Но какое бы ни было наводненіе, оно не могло затопить всей земли. Ну, равнины залило, а горы-то небось остались! Вы эту книжку читать-то читайте, да не особенно вѣрьте.

Безпощадный наблюдатель, Чеховъ слишкомъ хорошо видѣлъ въ русской дѣйствительности наличность и тѣхъ душъ, которыя можно уподобить разстроеннымъ шарманкамъ, безучастно наигрывающимъ разъ навсегда вложенный въ нихъ валикъ. Въ «Перекати-Поле» болтливый еврей-выкрестъ звенитъ передъ Чеховымъ готовыми словами о Богѣ и Христѣ, которыя онъ, очевидно, съобезьянилъ у того, кто наставлялъ его въ вѣрѣ.

— Я, знаете ли, до послѣдняго времени совсѣмъ не зналъ Бога. Я былъ атеистъ. Когда лежалъ въ больницѣ, я вспомнилъ о религіи и началъ думать на эту тему. По моему мнѣнію, для мыслящаго человѣка воз-

можна только одна религія, а именно христіанская. Если не вѣрить въ Христа, то ужъ больше не во что вѣрить! Не правда ли?

Вы готовы принять эти слова за выраженіе выстраданнаго убѣжденія, но вотъ прозелитъ христіанства начинаетъ явно по-попугайски сыпать книжными истинами.

— Юдаизмъ отжилъ свой вѣкъ и держится еще только благодаря особенностямъ еврейскаго племени. Когда цивилизація коснется евреевъ, то отъ юдаизма не останется и слѣда. Вы замѣтьте, всѣ молодые евреи уже атеисты. Новый завѣтъ есть естественное продолженіе ветхаго. Не правда ли?

И вникая дальше въ ремарки автора, вы постигаете, что передъ вами просто смятенный человѣкъ, старающійся заглушить безпокойство души и доказать себѣ, что, «перемѣнивъ религію отцовъ, онъ не сдѣлалъ ничего страшнаго и особеннаго».

А надо всѣми этими типами русскаго равнодушника передъ Чеховымъ явно носился образъ холодной, извѣрившейся и все возненавидѣвшей души. Онъ видѣлъ такія души среди людей цивилизованныхъ.

— Вы ненавидите вѣрующихъ,—говоритъ у него героиня «Жены» своему мужу,—такъ какъ вѣра есть выраженіе неразвитія и невѣжества, и въ то же время ненавидите и невѣрующихъ за то, что у нихъ нѣтъ вѣры и идеала. Вы всѣхъ ненавидите...

И тѣмъ же постылымъ безвѣріемъ вѣяло на него отъ нѣкоторыхъ темныхъ душъ, отколовшихся отъ народа и не приставшихъ къ интеллигенціи.

Герой «Разсказа неизвѣстнаго человѣка», интеллигентъ, проживающій у своего идейнаго врага подъ видомъ лакея, ловитъ эти черты религіознаго холода въ молодой, до мозга костей развращенной городомъ горничной, съ которою вмѣстѣ служитъ.

— Она такъ искренно вѣрила, что я не человѣкъ, пишетъ онъ, что, подобно римскимъ матронамъ, которыя не стыдились купаться въ присутствіи рабовъ, при мнѣ иногда ходила въ одной сорочкѣ.

Однажды за обѣдомъ я спросилъ ее:

— Поля, вы въ Бога вѣруете?

— А то какъ же?

— Стало-быть, вы вѣруете,—продолжалъ я,—что будетъ страшный судъ и что мы дадимъ отвѣтъ Богу за каждый свой дурной поступокъ?

Она ничего не отвѣтила и сдѣлала презрительную гримасу, и глядя въ этотъ разъ на ея сытые, холодные глаза, я понялъ, что у этой цѣльной, вполнѣ законченной натуры не было ни Бога, ни совѣсти, ни законовъ, и что если бы мнѣ понадобилось убить, поджечь или украсть,—то за деньги я не могъ бы найти лучшаго сообщника».

VI.

Только одинъ разъ Чеховъ поставилъ предъ собою прямую задачу писательскаго изслѣдованія области религіи,—какъ бы задачу художественной монографіи на тему о значеніи вѣры для русскаго простонароднаго человѣка и о тѣхъ результатахъ, какими она можетъ сказываться. Итогъ и на этотъ разъ получился характерный для Чехова, мрачно и почти безпросвѣтно смотрѣвшаго собственно на народную жизнь вообще.

Разсказъ этотъ «Убійство». Онъ весь улегся въ мрачные, почти пугающіе тона. Его философія безотрадна,—религія, въ томъ, по крайней мѣрѣ, поворотѣ, въ какомъ она понята и принята здѣсь, въ семьѣ Тереховыхъ, вноситъ въ народную жизнь не радующій свѣтъ, не тихое, умиротворяющее сіяніе, но темный

ужасъ, трепетъ карающаго Бога, погашеніе радости жизни и злую, безсмысленную и кровавую смерть.

Весь родъ зажиточныхъ крестьянъ Тереховыхъ религіозенъ. Религіозность и, выражаясь современнымъ языкомъ, богоискательство здѣсь какъ бы наслѣдственны, такъ что въ селѣ имъ даютъ даже прозвище Богомоловыхъ. «Они,—пишетъ Чеховъ,—были склонны къ мечтаніямъ и къ колебаніямъ въ вѣрѣ, и почти каждое поколѣніе вѣровало какъ-нибудь особенно». Измѣняя своей обычной манерѣ, Чеховъ на этотъ разъ на минуту отвлекается къ ихъ родословной. Одинъ изъ предковъ налагалъ на себѣ обѣтъ молчанія, другой едва не погибъ изъ-за своихъ мечтаній, третій не ходитъ въ православную церковь, а устраиваетъ моленія дома, четвертая перебѣгаетъ къ хлыстамъ.

И тѣ два брата Богомоловы, которыхъ Чеховъ спеціально беретъ для разсказа,—такіе же люди религіознаго безпокойства и пламенѣнія. Матвѣй страстно любитъ церковь, красивое пѣніе, самъ постоянно заливается на клиросѣ своимъ теноркомъ, услаждается молитвеннымъ пятичасовымъ утомленіемъ за какимъ-нибудь «Андреевымъ стояніемъ» или «Похвалой». Онъ любитъ «людей послушать, объ леригіи поговорить» и сознается, что «приверженъ» къ ней съ малолѣтства. Въ юности онъ растетъ совсѣмъ, какъ «Гриша» Мельникова-Печерскаго, горя мечтой святости и подвига.

— Налагалъ я на себя всякія послушанія, вставалъ по ночамъ и поклоны билъ, камни тяжелые таскалъ съ мѣста на мѣсто, на снѣгъ выходилъ босикомъ, ну, и вериги тоже...

Съ лѣтами Матвѣемъ овладѣваетъ духъ сектантской нетерпимости, осуждающей все кругомъ. Онъ осуждаетъ священниковъ-табачниковъ, всѣхъ односельчанъ, которые всѣ кажутся ему пьяницами, скоромниками, блудниками и картежниками, и «мечтаетъ въ гордынѣ своей

до невѣроятія». Онъ устраиваетъ свою молельную съ строгимъ исполненіемъ «устава святой Аѳонской горы». Здѣсь всенощная идетъ у него «часовъ десять, а когда и двѣнадцать».

— Монахи по уставу во время каѳизмъ и паремій сидятъ, а я желалъ быть угоднѣе монаховъ и все, бывало, на ногахъ. Читалъ я и пѣлъ протяжно, со слезами и со воздыханіемъ, воздѣвая руки, и прямо съ молитвы, не спавши, на работу, да и работаю все съ молитвой.

Тереховъ скоро не въ шутку вѣритъ въ свою святость. Вѣрятъ въ него и другіе, и бабы-мироносицы, по преимуществу изъ старыхъ дѣвокъ, начинаютъ поклоненіе ему, цѣлованіе рукъ,—даже готовы видѣть на его головѣ сіяніе. Религіозныя сборища у него кончаются форменнымъ хлыстовствомъ, включительно до свальнаго грѣха. Лишь позднѣе Матвѣй приходитъ въ себя, побѣждаетъ свое самомнѣніе и возвращается въ господствующую церковь, въ качествѣ религіознаго, но въ практическомъ подвигѣ слабоватаго прихожанина.

Братъ Матвѣя, богатей Яковъ, живетъ тоже своей, самодѣльной вѣрой. Онъ чуждается поповъ, но служитъ самъ, и религіозныя понятія его типичны для многихъ и многихъ изъ нашего народа.

— Онъ читалъ,—пишетъ отъ себя Чеховъ, пѣлъ, кадилъ и постился не для того, чтобы получить отъ Бога какія-либо блага, а для порядка. Человѣкъ не можетъ жить безъ вѣры, и вѣра должна выражаться правильно, изъ года въ годъ, изо дня въ день въ извѣстномъ порядкѣ, чтобы каждое утро и каждый вечеръ человѣкъ обращался къ Богу именно съ тѣми словами и мыслями, какія приличны данному дню и часу... Каждый день слѣдуетъ читать и пѣть то, что угодно Богу, т.-е. полагается по уставу: такъ первую главу отъ Іоанна нужно читать только въ день Пасхи, а отъ Пасхи до Вознесенья нельзя пѣть «Достойно есть» и проч. Сознаніе

этого порядка и его важности доставляло ему во время молитвы большое удовольствіе. Когда ему по необходимости приходилось нарушать этотъ порядокъ, его мучила совѣсть, и онъ чувствовалъ себя несчастнымъ.

Такая религіозность не вноситъ никакого свѣта, никакого благородства въ жизнь Тереховыхъ. Яковъ кулачествуетъ, правдами и неправдами копитъ казну и, когда въ страстной понедѣльникъ между нимъ и братомъ Матвѣемъ разгорается ссора изъ-за постнаго масла,— Яковъ и жена убиваютъ его въ разстояніи какого-нибудь получаса отъ вечерни, какую только что вычитывали и выпѣвали вмѣстѣ.

Трудно заклеймить болѣе безпощадно мертвую обрядовую вѣру, нерадующую, несмягчающую, необлагораживающую людей, чѣмъ это сдѣлалъ Чеховъ въ «Убійствѣ». Если бы самое убійство не было такъ мастерски описано въ его нелѣпой случайности и никѣмъ не предвидимой внезапности, Чехова почти можно было бы обвинить въ тенденціозности, до такой степени мотивъ убійства,—то, что одинъ человѣкъ убилъ другого за его желаніе ѣсть постное масло въ день, когда по церковному уставу этого не полагается,—до такой степени этотъ мотивъ можетъ казаться искусственно подобраннымъ, придуманнымъ и какъ бы разсчитанно нагляднымъ.

Философія этого разсказа ясна. Лучше никакой вѣры, чѣмъ такое безсмысліе вѣры, это тасканіе камней, эти 12-часовыя изможденія за службой, это дьяволово неистовство съ пролитіемъ братней крови изъ-за постнаго масла. Чеховъ поднялъ здѣсь руку не на религію и христіанство, а только на то сплошное извращеніе религіи и христіанства, какое, къ сожалѣнію, безспорнѣйшій фактъ русской народной жизни. Всегда вѣрившій въ русскую талантливость, въ русское «нутро», Чеховъ вѣрно подмѣтилъ черту русскаго религіознаго порыва,

бросающаго нашего простеца въ штунду и хлыстовство, и оплакалъ безплодную его гибель. Посмотрите, какъ бы сказалъ онъ, на что уходитъ у насъ богатѣйшій полетъ вѣры, прекраснѣйшая настроенность сердца, ищущаго Бога и святости, готоваго на всѣ возможныя жертвы вплоть до отреченія отъ всякой земной сладости, до аскетизма и веригъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ другихъ условіяхъ, въ настоящемъ религіозномъ свѣтѣ изъ этого чудеснаго сплава вышли бы праведники, приближающіе царство Божіе на землѣ. Изъ нихъ могли бы выйти Францискі Ассизскіе, Юліаны Милостивые, Ѳеодосіи Печерскіе. У насъ выходятъ Яковы Тереховы, судимые по статьѣ о непреднамѣренномъ убійствѣ и кончающіе Сахалиномъ.

VII.

Отъ сочиненій Чехова отвлечемся къ его личной жизни. Чеховъ былъ не изъ тѣхъ натуръ, которыя охотно раскрываются и изливаются. Глубокимъ натурамъ вообще свойственна какая-то повышенная какъ бы цѣломудренность чувства вѣры и чувства любви. Въ данномъ случаѣ мы сталкиваемся почти съ странностью: можетъ-быть, Чеховъ подпускалъ въ свое святая святыхъ своихъ родныхъ, но ни отъ одного изъ людей въ литературѣ, исключительно близкихъ къ Антону Павловичу, я не могъ извлечь что-либо значительное, чѣмъ можно было бы обогатить изслѣдованіе объ его религіозномъ міровоззрѣніи. Многіе отмѣчали, какъ вдругъ сознанную странность, что за долгое время общенія точно не было съ Чеховымъ никогда разговора на эти темы. Были отдѣльные штрихи, рисовавшіе общую, высокохристіанскую настроенность Антона Павловича. Одному, напр., близкому человѣку онъ однажды уронилъ:

— Надо жить такъ, какъ училъ Маркъ Аврелій, — чтобы каждую минуту быть готовымъ спокойно встрѣтить смерть.

Но это общій выводъ нравственной философіи, который одинаково приняли бы и Конфуцій, и Сократъ, и М. Аврелій, и Кантъ, и Спиноза, и Толстой, и, можетъ-быть, Вольтеръ.

— «Если вѣру судить по дѣламъ и настроеніямъ, а не по словамъ,—пишетъ мнѣ И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, глубокая дружба съ которымъ Антона Павловича засвидѣтельствована цѣлымъ рядомъ интимнѣйшихъ писемъ,—то Чеховъ былъ въ тридцать разъ религіознѣе тѣхъ современныхъ «богоискателей», которые вопіютъ о своемъ безпокойствѣ на всѣхъ путяхъ и перепутіяхъ.

«Когда заговариваютъ о религіозности Чехова, мнѣ каждый разъ вспоминаются слова Гете о Спинозѣ. «Противники часто упрекали его въ томъ, будто у него нѣтъ никакой вѣры. Но онъ просто не раздѣлялъ ихъ вѣры, потому что она для него была недостаточна. Если бъ онъ изъяснилъ свою, то они изумились бы, но не были бы способны понять ее».

«Для Чехова, если тщательнѣе провѣрить его жизнь, искусство было религіей, да и вся жизнь его была по отношенію къ людямъ истинно-религіозная, хотя словъ на вѣтеръ о религіи онъ никогда не бросалъ. Главный ключъ ко всему въ рѣдкой правдивости Чехова. Я не знаю другого писателя, который бы былъ такъ близокъ къ правдѣ и ненавидѣлъ малѣйшаго оттѣнка лжи. Если ему нравилось въ молодости то, что осуждается кодексомъ нравственности, онъ не прятался за обычныя фразы и прямо говорилъ, что это ему нравится.

«Если онъ чего не понималъ, онъ прямо говорилъ, что не понимаетъ и не пускался въ праздныя разглагольствованія. Если онъ говорилъ своему брату, что

онъ видѣлъ «чернаго монаха», то и это была настоящая правда.

«Дѣйствительно, Чеховъ мало распространялся о религіи, и отсюда недоумѣніе людей, привыкшихъ легко говорить о томъ, чего сами нисколько не чувствуютъ. Но я знаю, что, лишь немного поправившись въ Московской клиникѣ, онъ почти каждый день ходилъ къ обѣднѣ въ Новодѣвичій, и, если бъ вы слышали, съ какой тихой умиленностью, вскользь и полусмущенно, говорилъ онъ мнѣ объ обѣднѣ въ темномъ полупустомъ храмѣ Новодѣвичьяго монастыря; съ какой трогательной аккуратностью навѣщалъ онъ могилу Плещеева, съ какой любовной заботливостью украшалъ деревенскую церковь въ своемъ Мелиховѣ, какъ неустанно хлопоталъ о больныхъ и бѣдныхъ и т. д. и т. д. И это ли еще не религіозность человѣческая?!

«Но я никогда не кончу, заговоривъ о Чеховѣ: вспоминаешь и то и это, и чѣмъ болѣе отдаляешься и вспоминаешь, тѣмъ большимъ благоговѣніемъ проникаешься къ этому чудесному человѣку. Какъ я счастливъ, что былъ его современникомъ, и какъ горжусь, что былъ его пріятелемъ!»

«Меня много разъ занимала мысль о духовномъ хозяйствѣ Чехова, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ извѣстный беллетристъ Петръ Алексѣевичъ Сергѣенко, товарищъ Чехова еще по таганрогской гимназіи, другъ его отъ дней молодости до смерти.—Какъ и что у него тамъ дѣлается? Я обожалъ его писательскій талантъ, но мнѣ всегда казалось, что для полнаго развитія его необыкновеннаго дарованія не хватало того духовнаго рычага, упирая на который сдвигаютъ не только горы съ мѣста, но и предразсудки человѣческіе. Но мнѣ никогда не приходилось при разговорахъ съ Чеховымъ спускаться по этимъ вопросамъ съ нимъ до дна. У Чехова не было тяготѣнія

къ бесѣдамъ объ отвлеченныхъ вопросахъ. Въ очеркахъ его кое-гдѣ вспыхиваютъ искры религіознаго исканія, но сейчасъ же и меркнутъ, какъ разноцвѣтные бенгальскіе огни на темномъ фонѣ ночи».

Изъ всѣхъ многочисленныхъ разговоровъ съ своимъ школьнымъ товарищемъ и другомъ Сергѣенко запомнилъ только два относящихся сюда, хотя тоже не очень выразительныхъ разговора.

Одинъ разъ говорили объ одномъ молодомъ писателѣ. Чеховъ находилъ, что писать ему надо, но, къ сожалѣнію, у него «нѣтъ стержня».

— У него прежде всего нѣтъ Бога,—сказалъ Сергѣенко.

Чеховъ поморщился.

— У него нѣтъ стержня,—поправилъ онъ.—Понимаешь, своего стержня,—повторилъ онъ, какъ будто досадуя, что я не понимаю такой простой вещи, какъ стержень, и вмѣсто яснаго и опредѣленнаго понятія подсказываю что-то другое.

Второй разговоръ относится къ осени 1900 г., въ Крыму, когда только что умеръ любимый Чеховымъ за его талантъ и сроднившійся съ нимъ за многіе годы дружбы Левитанъ.

— Бѣдный Левитанъ,—сказалъ Чеховъ.—Даромъ пропалъ человѣкъ!

«Я, чтобъ сказать что-нибудь,—разсказываетъ Сергѣенко,—спросилъ: Почему же пропалъ?»

— Онъ могъ бы еще долго жить.

Сергѣенко, авторъ пьесы о «Сократѣ», тогда только что законченной, вставилъ:

— Сократъ говоритъ, что слѣдуетъ заботиться не о томъ, чтобы жить во что бы то ни стало, а только о томъ, чтобы жить хорошо. Левитанъ жилъ не плохо и сдѣлалъ, что могъ... Быть-можетъ, болѣзнь его, т.-е. мысль о приближеніи конца и способствовала наконле-

нію въ немъ той духовной квинтъ-эссенціи, которую онъ внесъ въ свои произведенія и сдѣлалъ ихъ безсмертными.

— Левитанъ боялся смерти и не хотѣлъ умирать,— проговорилъ Чеховъ съ оттѣнкомъ суровости въ голосѣ.

— Боялся, быть-можетъ, пока передъ нимъ не сползла завѣса.

Чеховъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и прервалъ меня.

— «Онъ ни во что это не вѣрилъ, въ тамошнее. Да и что тамъ? Ничего тамъ нѣтъ,—сказалъ онъ съ поразившей меня горячностью. Но сейчасъ же спохватился и затормозилъ себя, и вяло заговорилъ о чемъ-то незначительномъ. Вопросъ о вѣрѣ такимъ образомъ былъ снятъ съ очереди.

«Но, заканчиваетъ Сергѣенко, въ послѣднее время въ выраженіи глазъ его и въ отдѣльныхъ его мимолетныхъ замѣчаніяхъ иногда мелькали отблески какихъ-то новыхъ огней, и надъ нимъ въ такія минуты струились флюиды чего-то надземнаго. Особенно это кажется теперь, когда перечитываешь нѣкоторыя письма и вспоминаешь его».

Возвращаясь къ той же темѣ въ частномъ письмѣ ко мнѣ, Сергѣенко пишетъ:

«Въ томъ смыслѣ, какъ принято понимать религію, Чеховъ былъ внѣ религіи. Но какъ я понимаю ее теперь, т.-е. какъ извѣстное состояніе, ближайшее къ Богу, какъ стояніе въ своего рода духовномъ перигеліи, въ ближайшей точкѣ къ солнцу, Чеховъ былъ религіознѣе тѣхъ, кто иногда признается столпами господствующей религіи.

Отъ Григорія Петрова, которому Чеховъ дарилъ свои симпатіи и который имѣлъ близкое общеніе съ писателемъ очень незадолго до смерти Чехова, я слышалъ заявленіе объ одной характерной для А. П. чертѣ.

— Мнѣ казалось,—говорилъ Петровъ,—что Чеховъ въ это послѣднее время какъ бы хотѣлъ заговорить со мною о чемъ-то. Во мнѣ сохранилось неустранимое впечатлѣніе, что онъ хотѣлъ побудить себя на какую-то откровенную, интимную и мучительно ему тогда нужную бесѣду. Иногда, когда я собирался уходить, онъ останавливалъ меня и просилъ еще остаться съ видомъ человѣка, который, несомнѣнно, «имѣетъ дѣло», хочетъ что-то сказать. Почему-то во мнѣ осталось убѣжденіе, что онъ хотѣлъ говорить о вѣрѣ, о религіи,—можетъ-быть, спросить меня о томъ, какъ я вѣрую и при своей изумительной деликатности и чуткости боялся нескромности. Я, съ своей стороны, не рѣшался вызывать его на откровенность въ этомъ отношеніи.

Но Петровъ оговариваетъ это свое впечатлѣніе. «Ничто,—пишетъ онъ мнѣ,—не даетъ мнѣ основанія ставить тѣ штрихи, о которыхъ я говорилъ вамъ, очень ужъ высоко. Это если и религіозные мотивы, то низшаго качества, такъ сказать, кладбищенскіе, навѣянные страхомъ смерти. Въ этомъ смыслѣ Чеховъ въ моей памяти остался вторымъ въ жизни человѣкомъ по счету».

«Письмо ваше застало меня далекимъ отъ темы,—пишетъ мнѣ близкій покойному беллетристъ Грузинскій,—и хотя мнѣ очень жаль, но ничего цѣннаго я вамъ сообщить не могу. Пожалуй, сейчасъ единственное, но безошибочное мое воспоминаніе: никогда за всю жизнь я не слыхалъ отъ Чехова ни одного кощунственнаго слова, которое другіе писатели разсыпаютъ походя. Можетъ-быть, это случайность? Не знаю. Помню его фразу: «Церковь въ деревнѣ—это единственное мѣсто, гдѣ мужикъ, не говоря о прочемъ, получаетъ хоть какія-нибудь эстетическія впечатлѣнія». На первой недѣлѣ Великаго поста, въ 1887 или 1888 году, онъ соблазнилъ меня ѣхать съ нимъ въ храмъ Спасителя къ какой-то вечерней службѣ («тамъ сегодня чудесное пѣніе») и,

какъ мнѣ показалось, былъ огорченъ, когда, подъѣхавъ къ храму Спасителя, мы нашли двери его запертыми. Мы опоздали. Только ли пѣніе влекло его туда? Ничего не могу отвѣтить на это.

Такъ эта сторона изслѣдованія приводитъ только къ отрицательной мысли,—къ мысли о невозможности найти что-либо на нашу тему въ показаніяхъ лицъ, знавшихъ Чехова.

VIII.

Во всей біографіи Чехова, правда, пока еще плохо представленной, при всемъ желаніи, не найти ни одного факта, который бы бросалъ лучъ свѣта на эту сторону. Разумѣется, я не говорю объ его общемъ христіанственномъ, высоко гуманномъ настроеніи. Разумѣется, здѣсь не нужно напоминать объ его чуткости къ человѣческому горю, объ его дѣятельности, какъ благотворителя или безмезднаго врача. Я говорю о чисто религіозномъ проявленіи человѣка.

Есть одна легенда, которой можно было бы вовсе не касаться, если бы она уже не была предана гласности и въ совсѣмъ неправильномъ освѣщеніи.

Разсказываютъ, что однажды, въ пріѣздъ Чехова изъ Москвы въ С.-Петербургъ, онъ и двое его товарищей по литературѣ, нынѣ здравствующихъ беллетриста, засидѣлись съ нимъ въ ресторанѣ за дружескою бесѣдою и бутылкою вина. Уже кончалась ночь, былъ пятый часъ утра,—какъ разъ это былъ канунъ Крещенія, и, когда они вышли изъ дверей ресторана на улицу, гдѣ уже свѣтлѣло, раздался первый ударъ колокола, звонившаго къ утрени, у Исаакія.

— Въ такое утро и послѣ такой ночи хорошо пойти въ церковь,—будто бы сказалъ Чеховъ,—поспѣть къ самому началу утрени, постоять рядомъ съ ветхими - ветхими

старухами, и проѣхать въ Исаакіевскій соборъ. Это будто бы и было сдѣлано.

Товарищами Чехова въ этомъ случаѣ были Василій Немировичъ-Данченко и Владиміръ Тихоновъ. Къ сожалѣнію, ихъ разсказъ разрушаетъ эту красивую легенду, можетъ-быть, навѣянную чудеснымъ лѣсковскимъ разсказомъ «Чертогонъ», о купцѣ, сразу послѣ чудовищнаго кутежа ѣдущемъ въ монастырь, въ «благодатный сумракъ» храма, чтобы тамъ умилиться и омыть грязную душу молитвой передъ образомъ «Всепѣтой». Поэтическая легенда—увы!—превращается всего лишь въ житейски прозаическій фактъ.

Легенда соотвѣтствуетъ дѣйствительности только до момента выхода Чехова со спутниками изъ ресторана. Слыша колокольный звонъ, кто-то, дѣйствительно, предложилъ пойти къ заутрени. Рѣшили поѣхать къ Исаакію и поѣхали втроемъ на одномъ извозчикѣ. Черезъ нѣсколько минутъ стоянія въ соборѣ Чеховъ и Тихоновъ замѣтили, что Немировича съ ними уже нѣтъ. Онъ жилъ по сосѣдству и ушелъ домой. Тогда Тихоновъ сталъ доказывать, что лучше проѣхать въ Смольный соборъ, посмотрѣть «красоту растрелліевскаго стиля». Чеховъ согласился и только дорогой понялъ дѣйствительное желаніе Тихонова,—залучить его къ себѣ пить чай, на Шпалерную. Этимъ и кончилось, въ соборъ не пошли, да и служба уже кончалась.

Отзвукъ этого утренняго странствованія сохранился въ одномъ изъ писемъ Чехова къ Тихонову, и ироническій тонъ этихъ строкъ подтверждаетъ правильность освѣщенія всего случая.

«Я частенько вспоминаю о васъ,—пишетъ Чеховъ,—вспоминаю, какъ мы вмѣстѣ служили въ одной дивизіи (одна изъ обычныхъ чеховскихъ шутокъ), какъ въ ночь подъ Крещенье мы вмѣстѣ бродили по Петербургу и потомъ на другой день В. И. Немировичъ разсказывалъ,

будто вы въ Исаакіевскомъ соборѣ, стоя на колѣняхъ, били себя по груди и восклицали: «Господи, прости меня грѣшнаго». Помните вы эту ночь? (это было въ 1892 г.) Это было подъ 6 января, сегодня годовщина, и я спѣшу поздравить васъ и выразить искреннее сожалѣніе, что я не съ вами, и что мы не можемъ опять побродить до утра, какъ тогда».

Отъ забавнаго нѣсколько рѣзкій переходъ къ трагическому. Со всѣми выводами, какіе можно сдѣлать изъ сказаннаго раньше, не стоитъ въ малѣйшемъ противорѣчіи и то, что могла бы намъ сказать смерть Чехова. Онъ умираетъ спокойно, какъ стоикъ, какъ ученый докторъ, знающій, что жить нельзя, когда уничтожены легкія и что пустое сердце не оживитъ никакой ледъ.

— «На пустое сердце льда не кладутъ», сказалъ онъ, едва улыбнувшись своей женѣ, когда она клала ему на грудь мѣшокъ со льдомъ въ ночь рокового кануна.

Напрасно тотъ, кому бы хотѣлось прочесть что-нибудь по описанію его послѣднихъ минутъ, всматривался бы въ нихъ. Эти минуты записаны опытной литературной рукой покойнаго Іоллоса.

— Зналъ ли онъ раньше, что умираетъ,—читаете вы здѣсь,—и да и нѣтъ. Когда теперь вспоминаютъ о нѣкоторыхъ его выраженіяхъ, краткихъ и какъ будто брошенныхъ случайно (ему вообще въ послѣднее время запрещали долго говорить), возникаетъ предположеніе, что мысль о близости смерти у него явилась раньше, чѣмъ у окружающихъ: за нѣсколько дней предъ кончиной, когда онъ послалъ мнѣ въ Берлинъ чекъ для полученія денегъ у Мендельсона, А. П. распорядился, чтобы деньги были адресованы на имя его супруги, и когда Ольга Леонардовна спросила его, почему это, онъ отвѣтилъ: «Да знаешь, на всякій случай»... Послѣднія его слова были: «Умираю», и потомъ еще тише, по-нѣмецки, къ доктору: «Ich sterbe»... Пульсъ становился все

тише... Умирающій сидѣлъ въ постели, согнувшись; подпертый подушками склонился на бокъ,—и безъ вздоха, безъ видимаго внѣшняго знака, жизнь остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось на сразу помолодѣвшемъ лицѣ. Сквозь широко раскрытое окно вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна, надъ лѣсомъ показывалась заря. Кругомъ ни звука,—маленькій курортъ спалъ; врачъ ушелъ, въ домѣ стояла мертвая тишина; только пѣніе птицъ доносилось въ комнату, гдѣ, сдвинувшись на бокъ, отдыхалъ отъ трудовъ замѣчательный человѣкъ и работникъ, склонившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцѣлуями.

Вотъ все. Если не загадочная, то, по меньшей мѣрѣ, ничего не говорящая картина. Холодное ожиданіе, холодная разсудочная распорядительность о близкихъ и любимыхъ. Ни выкрика страданія, ни умиленія, ни страха, ни особенныхъ даже выраженій жалости къ такъ любимой, милой, теплой землѣ съ «клейкими листочками» молодыхъ деревьевъ, которые такъ умиляли и такъ привязывали къ землѣ Ивана Карамазова,—и всего меньше какой-нибудь растерянности, слабости воли, чего-нибудь похожаго на мистическій порывъ...

Въ этомъ тихомъ, нѣмомъ, молчаливомъ умираніи почти не прочесть даже настроенія Ярцева изъ «Трехъ годовъ», какое я отмѣчалъ выше.

— А не хочется умирать. Никакая философія не можетъ примирить меня со смертью. Я химикъ. Мыслю химически и умру химикомъ.

IX.

Такова одна сторона медали. Ничто здѣсь не противорѣчитъ образу того Чехова, который писалъ о себѣ какъ о невѣрующемъ, хотя и былъ христіаниномъ-гуманистомъ въ душѣ. Но есть другая сторона, гдѣ Чеховъ

упорно кажется, подобно Лермонтову, зашедшимъ въ церковь или тѣмъ невѣрующимъ изъ его разсказа, который первый бѣжитъ къ Христовой заутрени.

Какъ характерно, напримѣръ, что почти никто другой изъ писателей не говоритъ такъ часто и такъ серьезно о молящемся человѣкѣ, какъ онъ. Характерна повторяемость этого подмѣчанія относительно людей духовнаго міра.

Молится у него архіерей, молится о. Христофоръ въ «Степи». Изъ его біографіи извѣстно, что самъ онъ, несмотря на тяжелыя воспоминанія режима дѣтства, былъ большимъ любителемъ богослуженія и необыкновенно любилъ «потолкаться» среди богомольствующаго народа.

Исключительно онъ умѣлъ проникаться очарованіемъ христіанскаго праздника.

— Есть праздники,—говоритъ у него героиня одного изъ довольно раннихъ разсказовъ,—Иловальская въ «На пути»,—которые имѣютъ свой запахъ. На Пасху, Троицу и на Рождество въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то особеннымъ. Даже невѣрующіе любятъ эти праздники. Мой братъ, напримѣръ, толкуетъ, что Бога нѣтъ, а на Пасху первый бѣжитъ къ заутрени.

— Толкуютъ, что Бога нѣтъ,—продолжаетъ она,—но почему же, скажите мнѣ, всѣ знаменитые писатели, ученые, вообще умные люди подъ конецъ жизни вѣруютъ?

— Кто, сударыня, въ молодости не умѣлъ вѣрить,—отвѣчаетъ ей другой персонажъ,—тотъ не увѣруетъ и въ старости, будь онъ хоть распереписатель.

Въ такихъ разсказахъ, какъ «Святою ночью» или «Перекати-Поле», Чеховъ обнаруживаетъ великолѣпное знаніе церковной службы, чувствуетъ прелесть стариннаго церковнаго оборота въ какомъ-нибудь акаѳистѣ. Во всей нашей литературѣ трудно найти другой разсказъ, равный по изумительной религіозно-поэтической нѣжности, по какому-то,—я бы сказалъ святому,—чув-

ству къ пасхальному дню, какъ «Святою ночью», гдѣ монахъ, перевозящій автора на поромѣ, въ пасхальную ночь скорбно вспоминаетъ своего только что умершаго друга, брата Николая, поэта въ душѣ, составителя чудныхъ акаѳистовъ, «пересыпанныхъ цвѣтами, звѣздами и лучами солнца».

—«Древо свѣтлоплодовитое... древо благосѣннолиственное!.. Найдетъ же такія слова! Дастъ же Господь такую способность!.. Кромѣ плавности и велерѣчія, сударь, нужно еще, чтобы каждая строчечка изукрашена была всячески, чтобъ тутъ и цвѣты были, и молнія, и вѣтеръ, и солнце, и всѣ предметы міра видимаго!..

Наше богослуженіе, въ частности,—пасхальный канонъ, онъ описываетъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ съ изумительной красотою. Ему знакомо умиленіе молитвы, и онъ чудесно передаетъ его въ «Архіереѣ».

— Слезы потекли по лицу архіерея. На душѣ было покойно. Все было благополучно, но онъ неподвижно глядѣлъ на лѣвый клиросъ, гдѣ въ вечерней мглѣ нельзя уже было узнать ни одного человѣка, и плакалъ. Слезы заблестѣли у него на лицѣ, на бородѣ. Вотъ вблизи еще кто-то заплакалъ, потомъ дальше кто-то другой, потомъ еще и еще и мало-по-малу церковь наполнилась тихимъ плачемъ...

Вспомните цитированную мною выше («Погасшіе замыслы Чехова», стр. 105) выписку изъ «Драмы на охотѣ», о томъ настроеніи, какое Чеховъ испытывалъ въ сельской церкви.

Въ сухоописательномъ, почти статистическомъ «Сахалинѣ» онъ вырываетъ моментъ вѣнчанія каторжника и отмѣчаетъ умиленіе и радость женщинъ при возложеніи священникомъ вѣнцовъ на головы каторжныхъ жениха и невѣсты.

— Когда же послѣ вѣнчанія церковь опустѣла и запахло гарью отъ свѣчей, которыя спѣшилъ тушить сто-

рожъ, то стало грустно,—заканчиваетъ онъ, на минуту срываясь со своего «ученаго» тона и становясь знакомымъ намъ художникомъ Чеховымъ.

Какъ можетъ быть только съ вѣрующимъ, одинокая могила вызывала въ Чеховѣ цѣлый рядъ поэтическихъ настроеній, прямо недопустимыхъ въ нерелигіозной душѣ.

— Въ одинокой могилѣ въ степи,—читаете вы,—есть что-то грустное, мечтательное и въ высокой степени поэтическое. Слышно, какъ она молчитъ и въ этомъ молчаніи чувствуется присутствіе души неизвѣстнаго человѣка, лежащаго подъ крестомъ. Хорошо ли этой душѣ въ степи? Не тоскуетъ ли она въ лунную ночь? А степь возлѣ могилы кажется грустной, унылой и задумчивой, трава печальнѣй и кажется, что кузнецы кричатъ сдержаннѣй. И нѣтъ того прохожаго, который не помянулъ бы одинокой души и не оглядывался бы на могилу до тѣхъ поръ, пока она останется далеко позади и не покроется мглою.

— Здѣсь нѣтъ жизни,—написалъ онъ въ другомъ мѣстѣ о кладбищѣ,—нѣтъ и нѣтъ, но въ каждомъ темномъ тополѣ, въ каждой могилѣ чувствуется присутствіе тайны, обѣщающей жизнь, тихую, прекрасную, вѣчную. Отъ плитъ и увядшихъ цвѣтовъ вмѣстѣ съ осеннимъ запахомъ листьевъ вѣетъ прощеніемъ, печалью и покоемъ.

Чеховъ алкалъ вѣры сердцемъ, осуждая ее разсудкомъ, и завидовалъ вѣрующимъ. Въ «Палатѣ № 6» передъ вами одинъ изъ такихъ «вѣрующихъ». Правда, эта вѣра вложена въ уста безумца, сидящаго въ сумасшедшемъ домѣ, но надо не забывать, что такое возвышенное безуміе въ глазахъ Чехова было выше прозаической разсудочности.

— Какая бы великолѣпная заря ни освѣщала нашу жизнь,—говоритъ докторъ больному мечтателю,—все же

въ концѣ-концовъ васъ заколотятъ въ гробъ и бросятъ въ яму.

— А безсмертіе?

— Э, полноте!

— Вы не вѣрите, ну, а я вѣрю. У Достоевскаго или у Вольтера кто-то говоритъ, что если бы не было Бога, то его выдумали бы люди. А я глубоко вѣрю, что если нѣтъ безсмертія, то его рано или поздно изобрѣтетъ великій человѣческій умъ.

— Хорошо сказано. Это хорошо, что вы вѣруете. Съ такой вѣрой можно жить припѣваючи даже замуравленному въ стѣнѣ.

X.

Отзвукомъ размышленій Чехова на темы безсмертія, отсвѣтомъ его думъ надъ евангельскими утвержденіями объ «обителяхъ многихъ» въ дому Отца, является страничка изъ «Чернаго монаха». Характерно, что и здѣсь мечта безсмертія опять излагается не отъ лица человѣка, мыслящаго холоднымъ и спокойнымъ общимъ мышленіемъ. Здѣсь мотивировку безсмертія даетъ призракъ чернаго монаха, являющійся переутомленному доценту въ галлюцинаціи,—другими словами, опять это мечта благороднаго безумія.

Черный монахъ называетъ Коврина избранникомъ Божіимъ, служащимъ вѣчной правдѣ.

— Ты сказалъ—вѣчной правдѣ, — переспрашиваетъ магистръ,—но развѣ людямъ доступна и нужна вѣчная правда, если нѣтъ вѣчной жизни?

— Вѣчная жизнь есть,—сказалъ монахъ.

— Ты вѣришь въ безсмертіе людей?

— Да, конечно, васъ, людей, ожидаетъ великая, блестящая будущность. И чѣмъ больше на землѣ такихъ, какъ ты, тѣмъ скорѣе осуществится это будущее. Вы

на нѣсколько лѣтъ раньше введете человѣчество въ царство вѣчной правды, и въ этомъ ваша высокая заслуга. Вы воплощаете собой благословеніе Божіе, которое почило на людяхъ.

— А какая цѣль вѣчной жизни? — спросилъ Ковринъ.

— Какъ и всякой жизни — наслажденіе. Истинное наслажденіе въ познаніи, а вѣчная жизнь представитъ безчисленные и неисчерпаемые источники для познанія, и въ этомъ смыслѣ сказано: «въ дому Отца моего обители многи суть».

Но какая вещь является въ своемъ родѣ классической въ смыслѣ показанія того противоборства, какое въ душѣ Чехова вели разсудокъ и сердце, является его разсказъ «Студентъ».

Вы вспомните эту удивительную миніатюру исключительнаго настроенія, даже среди вещей Чехова. Подъ вечеръ холоднаго дня великой пятницы молодой студентъ духовной академіи проходитъ огородами мимо костра и разсказываетъ двумъ женщинамъ прямо по евангелію исторію отреченія Петра и взятія Спасителя. Старыя женщины плачутъ, и самъ студентъ чувствуетъ себя умиленнымъ въ сумеркахъ дня великихъ воспоминаній. Точно какой толчокъ заставляетъ его мистически задуматься надъ тѣмъ, какъ «все происходившее въ ту страшную ночь съ Петромъ, очевидно, имѣетъ какое-то отношеніе къ этой плачущей старухѣ».

«Если Василиса заплакала, а ея дочь смутилась, то, очевидно, то, о чемъ онъ только что разсказывалъ, что происходило девятнадцать вѣковъ назадъ, имѣетъ отношеніе къ настоящему—къ обѣимъ женщинамъ и, вѣроятно, къ этой пустынной деревнѣ, къ нему самому, ко всѣмъ людямъ. Если старуха заплакала, то не потому, что онъ умѣетъ трогательно разсказывать, а потому, что Петръ ей близокъ, и потому, что она всѣмъ своимъ

существомъ заинтересована въ томъ, что происходило въ душѣ Петра.

«И радость вдругъ заволновалась въ его душѣ, и онъ даже остановился на минуту, чтобы перевести духъ.— Прошлое,—думалъ онъ,—связано съ настоящимъ непрерывною цѣпью событій, вытекавшихъ одно изъ другого. И ему казалось, что онъ только что видѣлъ оба конца этой цѣпи: дотронулся до одного конца, какъ дрогнулъ другой».

И, уходя, онъ думаетъ о томъ, что «правда и красота, направлявшія человѣческую жизнь тамъ, въ саду и во дворѣ первосвященника, продолжаются непрерывно до сего дня и всегда составляютъ главное въ человѣческой жизни и вообще на землѣ». И жизнь кажется ему «восхитительной, чудесной и полной высокаго смысла».

Знаменательно прибавить, что, по отзыву одного изъ друзей Чехова, «Студентъ» былъ однимъ изъ любимѣйшихъ его разсказовъ.

XI.

Область вѣры есть область загадокъ и тайнъ, противорѣчій и противочувствій. Здѣсь не можетъ быть тѣхъ опредѣленныхъ рамокъ, точныхъ выводовъ и неизбѣжно осуществляющихся предсказаній, какіе возможны въ статистикѣ или медицинѣ. Капризы души, противоборство холоднаго ума чувству, воспитанному отъ дней дѣтства въ обстановкѣ вѣры, полюбившему заунывную красоту церковной пѣсни, связавшему незабываемыя дѣтскія воспоминанія съ клубами кадильнаго дыма, колыхающагося по маленькой провинціальной церкви,—эти капризы выступаютъ здѣсь, какъ нигдѣ. Великіе умы здѣсь становятся непослѣдовательны и нелогичны.

Кантъ, знаменитый Кантъ, прозванный нѣмцами всесокрушающимъ и подвергшій критикѣ систему доказательствъ бытія Божія, въ бесѣдѣ съ посѣтившимъ его

нашимъ Карамзинымъ явно выражалъ свое вѣрованіе о вступленіи въ «другую, лучшую жизнь».

— Вѣроятность не есть очевидность, когда мы говоримъ о будущей жизни, но, сообразивъ все, разсудокъ велитъ намъ вѣрить ей («Письма русскаго путешественника».)

Кто бы могъ подумать, что слѣдующія слова написалъ не кто иной, какъ Левъ Толстой. Толстой, не щадившій самыхъ жесткихъ словъ на разрушеніе идеи православія.

— Я недавно пріѣхалъ къ брату,—писалъ онъ однажды Фету,—а у него умеръ ребенокъ и хоронятъ. Пришли попы, и розовый гробикъ и все, что слѣдуетъ. Мы съ братомъ, такъ же какъ и вы, смотрѣли на религіозные обряды и, сойдясь вмѣстѣ, невольно выразили другъ другу почти отвращеніе къ обрядности. А потомъ я подумалъ: ну, а что бы братъ сдѣлалъ, чтобы вынести, наконецъ, изъ дома разлагающееся тѣло ребенка? Какъ его вынести? Въ мѣшкѣ кучеру вынести? И куда дѣть, какъ закопать? Какъ вообще прилично кончить дѣло? Лучше нельзя,—я, по крайней мѣрѣ, не придумаю, какъ съ панихидой, ладаномъ и т. д. Какъ самому слабѣть и умирать?.. Нехорошо. Хочется вполнѣ выразить значительность и важность, торжественность и религіозный ужасъ передъ этимъ величайшимъ въ жизни каждаго человѣка событіемъ. И я тоже ничего не могу придумать болѣе приличнаго, и приличнаго для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ степеней развитія, какъ обстановка религіозная. Для меня, по крайней мѣрѣ, эти славянскія слова отзываются совершенно тѣмъ самымъ метафизическимъ восторгомъ, какой ощущаешь, когда задумаешься о Нирванѣ. Религія,—кончаетъ онъ,—уже тѣмъ удивительна, что она столько вѣковъ, столькимъ милліонамъ людей оказывала ту услугу,—наибольшую услугу, какую можетъ въ этомъ дѣлѣ оказать что-либо человѣческое.

Съ такой задачей какъ же ей быть логическою? Но что-то въ ней есть. Только вамъ я позволяю себѣ писать такія письма.

Какой ортодоксалъ могъ бы дать лучшее философское обоснованіе православнаго похоронпаго обряда, а вѣдь это буквальныя слова отлученнаго Толстого! Правда, они написаны имъ за четыре года до того момента, который обычно принято считать кризисомъ въ его духовной жизни. Однако, конечно, и за четыре года уже напряженно работала въ этомъ направленіи его мысль, и извѣстно, что въ это время онъ отнюдь не былъ ортодоксаломъ, и первое его движеніе и здѣсь—оттолкнуться отъ обрядности, осудить ее.

Вспомните другой примѣръ изъ того же Толстого,—другое письмо его, цитированное мною въ этой книгѣ раньше (письмо къ Лѣскову, см. стр. 25) и относящееся уже къ 1894 г., къ порѣ полной установки его религіозныхъ взглядовъ, въ какихъ онъ пребываетъ и понынѣ, посмотрите какая это «странная для Толстого» вѣра. Отрицающій личное, индивидуальное безсмертіе, онъ здѣсь не только вѣритъ въ безсмертіе духа, но и признаетъ какую-то таинственную возможность личныхъ посмертныхъ общеній съ своимъ собратомъ по перу.

— «Не увидимся здѣсь, увидимся—не увидимся, а сообщимся—тамъ, т.-е. не тамъ, а внѣ земной жизни».

Я позволилъ себѣ эти небольшія отступленія въ область характернаго примѣра, чтобы подкрѣпить свою мысль, о невозможности услѣдить точно, математически, по градусамъ степень человѣческой религіозной убѣжденности, невѣрія или сомнѣнія. Докторъ можетъ ставить точнѣйшій діагнозъ чахоточнаго, потому что при больномъ всегда его больные бронхи и пораженныя легкія. Юристъ можетъ устанавливать злостное или несчастное банкротство, потому что передъ нимъ точныя книги и осязаемые факты. Какъ для психіатра

иногда неуловима грань нормальнаго и больного мозга, такъ для психолога загадочна и таинственна человѣческая душа, когда она подвергается обслѣдованію со стороны вѣры. Исторія знаетъ, что въ міровыхъ столпахъ вѣры религіозная убѣжденность вела вѣчную и трагическую борьбу съ сомнѣніемъ, что спокойное и кротко повѣрившее сердце иногда становилось сердцемъ, переполненнымъ лавой, и это случалось тогда, когда рѣчь шла не о частностяхъ вѣры, а о такомъ огромномъ, основномъ, первомъ вопросѣ, какъ хотя бы вопросъ, есть ли Богъ и безсмертіе.

XII.

Величайшій русскій мыслитель и богословъ, Достоевскій превосходно подчеркнулъ въ одномъ мѣстѣ ту черту осторожности, съ какою человѣкъ, отдающій себѣ строгій отчетъ въ своей душевной жизни, можетъ говорить о степени своей вѣры, и вмѣстѣ отмѣтилъ, что главнѣйшее и самое цѣнное въ религіозной жизни—это пламенность души, неугомонность исканія, отсутствіе въ ней постылой теплохладности. Существуетъ одна глава изъ «Бѣсовъ», которую при печатаніи романа Достоевскій, по какимъ-то авторскимъ побужденіямъ, выбросилъ вонъ. Не такъ давно она появилась въ печати, прошла странно незамѣченною и посейчасъ немногимъ извѣстна. Это именно и есть то мѣсто, о которомъ я говорю.

Герою «Бѣсовъ» Николаю Всеволодовичу Ставрогину передъ однимъ изъ его рѣшительныхъ революціонныхъ шаговъ приходитъ въ голову причудливое желаніе пойти побесѣдовать съ живущимъ въ монастырѣ, на покоѣ, старымъ архіереемъ, слывущимъ за великаго христіанина и сердцевѣдца и постоянно посѣщаемымъ пріѣзжающими къ нему—и «знатнѣйшими особами» и «самымъ простымъ народомъ». Излишне говорить, что Достоевскому были

издавна дороги два имени—имя Тихона Задонскаго и Амвросія Оптинскаго, и здѣсь этотъ прототипъ будущаго Зосимы изъ «Карамазовыхъ», гдѣ слились въ одинъ образъ оба старца,—фигурируетъ подъ незамаскированнымъ именемъ Тихона.

Послѣ нѣкотораго вступительнаго разговора, порывистаго, разбросаннаго, мало располагающаго гостя къ симпатіямъ къ старцу, въ которомъ онъ чувствуетъ нѣчто отъ юродства, Ставрогинъ вдругъ, некстати, нервно и надрывно, какъ всегда у Достоевскаго, вдругъ бросаетъ старому архіерею вопросъ:

— Въ Бога вѣруете?

— Вѣрую,—спокойно отвѣчаетъ архіерей.

— Вѣдь сказано, если вѣруешь и прикажешь горѣ сдвинуться, то она сдвинется... впрочемъ, вздоръ. Однако я все-таки хочу полюбопытствовать: сдвинете вы гору или нѣтъ?..

— Богъ повелитъ—и сдвину,—тихо и сдержанно произнесъ Тихонъ, начиная опять опускать глаза.

— Ну, это все равно, что Самъ Богъ сдвинетъ. Нѣтъ, вы,—вы, въ награду за вѣру въ Бога!

— Можетъ-быть, и не сдвину.

— «Можетъ-быть». Это не дурно. Почему же сомнѣваетесь?

— Не совершенно вѣрую.

— Какъ? Вы несовершенно? Не вполнѣ?

— Да... можетъ-быть, и не въ совершенствѣ.

— Ну, по крайней мѣрѣ, все-таки вѣруете, что хоть съ Божіею-то помощью сдвинете, и это вѣдь не мало! Вы, конечно, и христіанинъ?

— Креста твоего, Господи, да не постыжуся,—почти прошепталъ Тихонъ какимъ-то страстнымъ шопотомъ и склоняя еще болѣе голову. Уголки губъ его вдругъ задвигались нервно и быстро.

— А можно ль вѣровать въ бѣса, не вѣруя совсѣмъ въ Бога?—засмѣялся Ставрогинъ.

— О, очень можно, сплошь и рядомъ,—поднялъ глаза Тихонъ и тоже улыбнулся.

— И увѣренъ, что такую вѣру вы находите все-таки почтеннѣе, чѣмъ полное безвѣріе... О попъ!—захохоталъ Ставрогинъ.

Тихонъ опять улыбнулся ему.

— Напротивъ, полный атеизмъ почтеннѣе свѣтскаго равнодушія,—прибавилъ онъ весело и простодушно.

— Ого, вотъ вы какъ!

— Совершенный атеистъ стоитъ на предпослѣдней верхней ступени до совершеннѣйшей вѣры (тамъ перешагнетъ ли ее, нѣтъ ли), а равнодушный никакой вѣры не имѣетъ, кромѣ дурного страха.

— Однако вы... вы читали Апокалипсисъ?

— Читалъ.

— Помните ли вы: «Ангелу Лаодикійской Церкви напиши»...

— Помню. Прелестныя слова.

— Прелестныя! Странное выраженіе для архіерея, и вообще вы чудакъ... Гдѣ у васъ книга?—какъ-то странно заторопился и затревожился Ставрогинъ, ища глазами на столѣ книгу.—Мнѣ хочется вамъ прочесть... Русскій переводъ есть.

— Я знаю, знаю мѣсто, я помню очень, — проговорилъ Тихонъ.

— Помните наизусть? Прочтите!..

Онъ быстро опустилъ глаза, уперъ обѣ ладони въ колѣни и нетерпѣливо приготовился слушать. Тихонъ прочелъ, припоминая слово въ слово:

«И Ангелу Лаодикійской Церкви напиши: такъ говоритъ Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный, начало

созданія Божія: знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ, о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ. Но такъ какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ».

Истинный экспертъ вѣры, Достоевскій хорошо намѣтилъ здѣсь три разновидности религіознаго настроенія: совершенное невѣріе, но ищущее и волнующее человѣка, отъ котораго уже одинъ шагъ къ совершенной вѣрѣ; равнодушіе и теплохладность, которой въ лучшемъ случаѣ доступенъ испугъ Бога, и подлинную вѣру, которая, однако, настолько не свободна въ человѣкѣ отъ колебаній, что даже архіерей и праведникъ не можетъ сказать о себѣ, что онъ совершенно вѣруетъ.

XIII.

Мы приблизились къ концу. Мы пересмотрѣли все или почти все, что можно найти на нашу тему въ сочиненіяхъ и біографическомъ матеріалѣ Чехова. Можетъ-быть, кто-нибудь прибавитъ сюда еще пропущенную нечаянно страницу, одно-другое личное воспоминаніе. Но главное уже сказано все. Передъ нами шуйца и десница Чехова и, однако, рѣшительный выводъ кажется такимъ же далекимъ, какимъ былъ вначалѣ.

Безспорны, правда, нѣкоторыя основныя положенія. Чеховъ не былъ человѣкомъ, судорожно мучимымъ идеею Бога. Онъ не могъ бы сказать о себѣ, что сказалъ о себѣ Достоевскій словами Кириллова изъ бѣсовъ: Меня Богъ всю жизнь мучилъ. Температура вѣры, если можно такъ выразиться, не была въ Чеховѣ настолько высока, чтобы религіозность его прорывалась, помимо его воли, обвѣвала зноемъ приближавшихся къ нему.

Но онъ не былъ и индифферентомъ вѣры, ни того менѣе, вѣрующимъ «на всякій случай». Кажется, онъ

съ полнымъ правомъ могъ бы примѣнить къ себѣ слова Версилова изъ «Подростка».

«Положимъ я не очень вѣровалъ, но все же я не могъ не тосковать по идеѣ. Я не могъ представить себѣ временами, какъ будетъ жить человѣкъ безъ Бога и возможно ли это когда-нибудь.

Чего не было никогда въ Чеховѣ — это постылаго равнодушія, той теплохладности, за которую Агнецъ Апокалипсиса угрожаетъ изверженіемъ изъ устъ Своихъ. Страстная жажда Бога и вѣры жила въ немъ, заставляла его думать о Богѣ, Христѣ и безсмертіи и оставлять слѣды этихъ думъ въ книгахъ,—жила настолько, что, когда онъ собственными устами говоритъ намъ о своемъ невѣріи, о своей утратѣ вѣры, о своемъ удивленіи на интеллигента, сохранившаго вѣру,—намъ, взвѣшивающимъ все, что мы о немъ знаемъ, почти хочется сказать: позвольте вамъ не повѣрить.

Развѣ не мечту христіанства выражаетъ онъ въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка».

«Мнѣ страстно хочется, чтобы жизнь наша была свята, высока и торжественна, какъ сводъ небесный».

Развѣ не христіанская трактовка зла дана имъ въ этихъ выдержкахъ изъ двухъ позднихъ разсказовъ «Въ оврагѣ» и «По дѣламъ службы».

«Какъ ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ съ ночью». Въ жизни, даже въ пустынной глуши ничто не случайно, все полно одной общей мысли, все имѣетъ одну душу, одну цѣль.

«Есть люди безмятежно ясной, непоколебимо твердой. почти дѣтской вѣры,—пишетъ г. Волжскій въ своемъ изслѣдованіи о религіи Достоевскаго.—Религіозные догматы для нихъ не заключаютъ въ себѣ никакихъ тре-

вожныхъ исканій или мучительныхъ болѣній. Въ ихъ вѣрѣ нѣтъ мѣста вопросамъ и сомнѣніямъ, они не испытываютъ трепетнаго безпокойства, не нуждаются въ излишнихъ самоувѣреніяхъ. Они вѣруютъ спокойно и невозмутимо, обладаютъ своей религіозной святыней, какъ прирожденные собственники, не ищутъ ея, не стараются увѣровать, не спрашиваютъ себя и другихъ о ней въ долгихъ интимныхъ бесѣдахъ, не испытуютъ своей вѣры. Эти знаютъ блаженство истинной вѣры. Имъ остается развѣ только еще учить другихъ, открывать другимъ источникъ собственнаго блаженства въ невозмутимо ясномъ сознаніи правоты своей вѣры. Съ такой вѣрой жилъ и работалъ Вл. С. Соловьевъ. Въ концѣ XIX вѣка, на высотѣ современнаго образованія, съ огромнымъ и сильнымъ умомъ, оригинальный философъ и талантливый лирикъ, онъ смотрѣлъ на жизнь безоблачно яснымъ взоромъ библейскаго мудреца. Эпически спокойный въ своемъ обладаніи истиной, блаженный своей вѣрой, счастливый и порою даже веселый, онъ сохранялъ всюду въ своихъ произведеніяхъ удивительную ясность души, въ наше время рѣдкую. Онъ какъ бы совершенно не зналъ мучительнаго томленія исканій... Онъ нашелъ, что ему надо, наивно былъ увѣренъ, что нашелъ именно то, что надо, и что найденнаго никогда не потеряетъ. Отъ удивительнаго душевнаго склада этого писателя вѣяло нездѣшнимъ, несовременнымъ, библейскимъ благообразіемъ и эпическимъ спокойствіемъ, которыхъ не знаетъ наше время.

Какъ полную противоположность, возьмите исканіе Бѣлинскаго. «Его мучили сомнѣнія,—писалъ о немъ Тургеневъ, именно мучили, лишали его сна, пищи, неотступно грызли, жгли его. Онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости, онъ денно и нощно бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые задавалъ себѣ... Я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго

умоляла и мужа и меня хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписанія врача, но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко. «Мы не рѣшили еще вопроса о существѣ Бога,—сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ,—а вы хотите ѣсть».

Бѣлинскій кончилъ отрицаніемъ, но вотъ, примѣръ той же религіозной муки, приведшей къ высокой религіозности въ Достоевскомъ.

Достоевскій былъ настолько же неровенъ, своенравенъ, капризенъ, то озлобленно раздраженъ, то страстно восторженъ, насколько Соловьевъ уравновѣшенъ. Достоевскій «всегда жилъ въ тревожномъ безпокойствѣ, вѣчно болѣлъ своими мыслями, вѣчно спѣшилъ, говорилъ безпорядочно и никогда не договаривалъ до конца, много разъ принимался за одно и то же, постоянно обѣщалъ еще что-то выяснить, досказать самое важное, послѣднее, рѣшающее, постоянно повторялся и въ то же время постоянно былъ въ долгу, жаждалъ откровеній, вѣщихъ словъ, и тосковалъ, не находя ихъ... Они шли по одной дорогѣ, но тамъ, гдѣ Соловьевъ шелъ твердымъ, размѣреннымъ шагомъ человѣка, хорошо знающаго дорогу, невозмутимо ясно смотря прямо передъ собой, Достоевскій стремительно бѣжалъ безпокойно спѣшащей, нервной, торопливой походкой человѣка, который боится, остановившись, потерять равновѣсіе... Въ записной книжкѣ, по поводу упрековъ въ наивности вѣры, Достоевскій пишетъ: «не какъ мальчикъ же я вѣрую во Христа и Его исповѣдую, а черезъ большое горнило сомнѣній моя осанна прошла».

Прошла, и, однако, обычное противоборство вѣры и невѣрія было вѣдомо ему почти наканунѣ смерти. Въ одномъ письмѣ отъ 1880 г. онъ пишетъ: «Что вы пишете объ вашей двойственности? Но это самая обыкновенная черта, свойственная человѣческой природѣ во-

обще, но далеко-далеко не во всякой природѣ человѣческой встрѣчающаяся въ такой силѣ, какъ у васъ. Вотъ и поэтому вы мнѣ родная, потому что раздвоеніе въ васъ точь въ точь, какъ во мнѣ, и всю жизнь во мнѣ было. Это большая мука, но въ то же время и большое наслажденіе». (Волжскій).

XIV.

Всю свою жизнь Чеховъ былъ безспорной жертвой такого раздвоенія. Какъ у евангельскаго Наѳанаила, у него были мгновенія и часы священныхъ раздумій подъ смоковницей. Но въ эти мгновенія онъ никого не подпускалъ къ себѣ, вообще не считалъ вѣру предметомъ салонныхъ или ресторанныхъ разговоровъ, и, если бы онъ жилъ сейчасъ, мы, конечно, не увидѣли бы его въ рядахъ тѣхъ, кто жонглируетъ словами Богъ и безсмертіе, Христосъ и антихристъ, какъ фокусники мячиками.

Трезвая мысль водила имъ настолько властно, что мечту безсмертія онъ могъ вложить только въ уста благородныхъ безумцевъ, но видно, что это благородное безуміе онъ ставилъ безконечно выше нашего трезваго разсудка, нашего земного, «эвклидовскаго ума».

Какъ во всей жизни онъ мечталъ о несравненномъ изяществѣ, о чудесной красотѣ, такъ изъ своей мечтаемой религіи онъ изгонялъ все грубое, эгоистичное, изгонялъ Бога, запугивающаго людей, изгонялъ ханжество, сентиментализмъ, щегольство «богоискательства», пышныя, лощеныя слова о вѣрѣ, вспыхивающія, какъ ракеты, — всякую вообще «фразу» въ дѣлѣ вѣры.

Онъ думалъ о вѣрѣ и чувствовалъ, что толстовское пониманіе Евангелія ему ближе всего. Изъ Наѳанаиловъ часто выходятъ Никодимы, приходящіе ко Христу ночью. Такой поворотъ какъ бы намѣчался въ Чеховѣ послѣднихъ лѣтъ, но положительно говорить объ этомъ нѣтъ

достаточныхъ основаній. Одно правдоподобно, что, если бы его интимно и глубоко-серьезно спросили, зачѣмъ же онъ такъ часто поминаетъ Христа и такъ принимаетъ все Его нравственное ученіе, не принимая Его Самаго,—онъ отвѣтилъ бы такъ же, какъ зоологъ фонъ-Коренъ:

— «Нѣтъ, я вѣрую, только не по-вашему, а по-своему».

Такъ прошелъ свою жизнь по землѣ этотъ человѣкъ, соединяя съ страстною тоской по вѣрѣ, съ которой «можно жить припѣваючи и замуравленнымъ въ стѣнѣ», съ мучительной жаждой безсмертія, холодный подсказъ ума, что мечтать безплодно, что ночь ничуть не страшнѣе дня, что небеса пусты, что изъ умершаго человѣка вырастетъ только лопухъ.

Поэтически-нѣжно, почти до невидимыхъ слезъ, онъ могъ умилиться страницей евангелія, но холодный разсудокъ медика говорилъ ему, что чудесъ не бываетъ. Въ этомъ вѣчномъ противоборствѣ ума и чувства онъ былъ плотью отъ плоти своего поколѣнія, переплетшаго вѣру съ невѣріемъ, но, такъ мечтающаго о чудѣ, какъ не мечтаютъ иные вѣрующіе.

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ.

РУССКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ НА ДУХУ.

I.

Русскій писатель*), съ которымъ я путешествовалъ за границей, встрѣтилъ нѣмецкаго писателя, извѣстнаго и у насъ, Петера Альтенберга, и случайно заговорилъ съ нимъ о Горькомъ.

— Какъ вы счастливы, что его видѣли и знаете, — горячо сказалъ нѣмецкій беллетристъ. — Горькій — это мой Богъ. Я бы хотѣлъ писать такъ, какъ онъ, но не могу. Я восемь разъ смотрѣлъ его «На днѣ» въ вѣнскомъ театрѣ, и ни одна пьеса не производила на меня такого огромнаго впечатлѣнія. *Это уже не пьеса. Это сама жизнь.* Чего бы я не далъ, чтобы такъ писать и заставлять людей глубоко задумываться!

Вотъ голосъ одного изъ высшихъ интеллигентовъ заграницы, котораго нельзя заподозрѣть въ желаніи сказать простую любезность чужестранцу, польстивъ его національному самолюбію. Высшіе умы заграницы замѣтили, поняли, оцѣнили то, что есть самое дорогое въ русскомъ писательствѣ. Вся заграница далеко не доросла до этого пониманія.

— Ваша литература, — говорилъ мнѣ средній интеллигентъ заграницы, — въ сущности, органически чужда душѣ иностранца. Не только французъ, англичанинъ и итальянецъ, но и нѣмецъ прежде всего идутъ на приманку внѣшней занимательности. Франція создала буль-

*) Ѳ. Ѳ. Фидлеръ.

варный романъ, и она можетъ быть въ восторгѣ отъ «Шантеклэра». Англичане дали апоѳеозъ похожденій сыщика и Шерлокомъ Холмсомъ заразили весь міръ. Итальянцевъ занимаетъ д'Аннунціо, машущій передъ ихъ глазами тряпками самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Вы, сѣверные, вѣроятно, презираете все это, или это васъ нисколько не занимаетъ. Вашъ Толстой знаменитъ всемірно, но увѣряю васъ, что средняя заграничная интеллигенція знаетъ его главнымъ образомъ по его протестамъ, письмамъ, газетнымъ интервью и въ незначительномъ процентѣ читала его «Войну и миръ» и «Анну Каренину». Это требуетъ такого напряженія. Это такъ серьезно и глубоко! Заграница легче смотритъ на чтеніе. Большинство ищетъ здѣсь только развлеченія, отдыха нервамъ. Вашъ писатель всегда исповѣдуется, и вы беретесь за книгу, точно идете на исповѣдь. Послѣ нѣкоторыхъ вашихъ книгъ, въ родѣ «Преступленія и наказанія» или «Крейцеровой сонаты», человѣка ломаетъ и выворачиваетъ по швамъ. Чтеніе, очевидно, даетъ вамъ то же наслажденіе, какъ баня. Вы изнемогаете отъ пара, но вамъ пріятно. Намъ не понять этого наслажденія. Отъ Достоевскаго до Андреева ваши писатели какіе-то эпилептики. Мучаютъ и сами мучаются.

Два мнѣнія діаметрально противоположныхъ. Такъ всегда разная температура на вершинахъ и въ долинѣ. Повѣсти Горькаго: «Исповѣдь» и «Жизнь ненужнаго человѣка» способны вызвать именно такую двойственность отношенія въ иноземномъ читателѣ.

Немногіе, изысканные умы эти книги еще разъ заставили задуматься надъ свойствами русскаго творческаго духа. Огромное большинство было ими разочаровано. «Никакихъ приключеній! Такой сюжетъ, какъ жизнь сыщика, и почти никакой внѣшней фабулы! Ни подставныхъ лѣстницъ, ни приклеенныхъ бородъ, ни переодѣваній, ни предупрежденныхъ заговоровъ! Чего-то

ищетъ, чѣмъ-то мучится человѣкъ на протяженіи 15—17 печатныхъ листовъ! Какъ странно пишутъ русскіе писатели».

II.

Больше, чѣмъ когда-либо въ своихъ повѣстяхъ, которыя можно было бы назвать и романами, если бы въ нихъ былъ ярче выдвинутъ элементъ романтическаго, Горькій подошелъ къ типу чисто русскаго писательства. Это сплошь исповѣди, сплошь «исканіе», сплошь та «философія», во имя которой столь много перетерпѣлъ нашъ пѣвецъ «бывшихъ людей».

Рѣшительный поворотъ въ эту сторону почувствовался въ Горькомъ кажется съ «Ѳомы Гордеева». Человѣкъ, силящійся разобраться въ «смыслѣ жизни» и найти ея «правду», съ этихъ поръ сталъ исключительно занимать его. Совершенно ясно, что такимъ человѣкомъ былъ самъ Горькій, и что каждый новый герой его былъ разновидностью его самого. Такъ Толстой отражался въ Оленинѣ, Нехлюдовѣ, Безуховѣ, Позднышовѣ. Такъ Достоевскій преломился въ своихъ герояхъ. Что писатель всюду отражаетъ себя, это еще не порокъ писательства. Это особенность психики. Только не надо быть скучнымъ.

Новыя для Горькаго ноты творчества прозвучали въ «Исповѣди». Мы знали Горькаго-бытописателя, Горькаго-политика. Можно было только предполагать, что нѣкогда увидимъ его въ роли богослова. Въ то время, когда мы слѣдили за исторіей метаній и исканій Ѳомы Гордеева, какъ-то въ газетахъ мелькнулъ слухъ, что по первоначальному плану Гордеевъ долженъ былъ кончить монастыремъ. Это было правдоподобно. Не одинъ подлинный Ѳома Гордеевъ въ дѣйствительности кончалъ монастыремъ или проходилъ его, какъ стадію.

Эта подробность оказалась фактически невѣрною. Горькій на самомъ дѣлѣ не имѣлъ въ виду такой участи Гордеева. Вѣроятно, по его собственной догадкѣ здѣсь сыграло роль смѣшеніе героя его повѣсти съ однимъ подлиннымъ поволжскимъ купцомъ-милліонщикомъ, въ которомъ нѣкоторые видѣли прототипъ Ѳомы и который, дѣйствительно, кончилъ чернымъ клобукомъ. Но догадка была психологически настолько мѣтка, что она предугадала, предсказала сюжетъ новой повѣсти. Тронувши типъ русскаго *ищущаго* человѣка, Горькій *долженъ былъ*, не могъ не коснуться и тѣхъ его исканій, которыя влекутъ его въ монастырь.

Здѣсь на помощь ему приходилъ и его большой бытовой опытъ. Прошлое Горькаго должно было не разъ ставить его лицомъ къ лицу съ монастыремъ, пристанищемъ того полуголоднаго, полухолоднаго люда, въ рядахъ котораго онъ проходилъ свою первую школу жизни. И монастырь не повертывался къ нему своей нарядной и прикрашенной стороной, соблюдаемой для «благодѣтеля» или «чистой публики». Въ качествѣ «прохожаго человѣка» Горькій могъ воспринимать впечатлѣнія монастыря во всемъ его неприкрашенномъ естествѣ. Могъ во всей полнотѣ и яркости видѣть, обо что долженъ былъ разбиваться порывъ тѣхъ, кто шелъ сюда, ища пристани, защищающей отъ бури.

III.

Въ Горькомъ давно намѣчается тотъ поворотъ къ глубокому, серьезному постиженію бытія, какой, очевидно, въ извѣстную пору жизни неизбѣженъ для русскаго писателя. Такой переломъ пережилъ Чеховъ, вдругъ изъ веселаго созерцателя жизни превратившійся въ писателя жуткихъ драматическихъ настроеній. Такъ спокойный анекдотистъ-разсказчикъ Лѣсковъ въ одинъ

день сталъ искателемъ «праведниковъ» на русской землѣ. Вдругъ осмыслился весь писательскій трудъ. Созналась основная мысль работы. Все стало нанизываться, какъ бусы на нитку. Не одна болѣзнь не позволяла Чехову смахнуть съ себя его безысходную тоску. Кого уязвила подобная идейная тоска, тотъ уже не можетъ любоваться жизнью съ улыбкой.

Герой «Исповѣди» Горькаго тотъ же Ѳома Гордеевъ, тотъ же Илья Луневъ изъ «Троихъ», тотъ же Горькій, пытающійся доискаться до смысла въ жизни простого человѣка. Переставьте многія реплики Гордеева въ «Исповѣдь», — самый внимательный глазъ не замѣтитъ диссонанса и мистификаціи. Наоборотъ, многія изъ рѣчей героя «Исповѣди» могутъ усилить характеристику душевной тоски Гордеева. Это, разумѣется, не достоинство новой работы. Но вспомнимъ, какъ часто переплетаются думы и чувства хотя бы у героевъ Толстого.

По идеѣ своей «Исповѣдь» очень современна, хотя только на самыхъ послѣднихъ страницахъ улавливаются фактическія указанія на недавній день. Самое настроеніе «богоисканія» могло особенно обостриться послѣ того, какъ политическій бурунъ пробѣжалъ по всему огромному морю русской дѣйствительности, всколыхнулъ его мертвую зыбь и переставилъ всѣ точки и линіи по-новому. «Исповѣдь» Горькаго современна не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ «Письмо» священника Петрова, чѣмъ бесѣды въ религіозно-философскомъ собраніи, чѣмъ статьи на темы вѣры и церкви Розанова, Мережковскаго или Бердяева.

Какъ всегда, Горькій имѣетъ дѣло съ душой русскаго простеца. Это та область, гдѣ онъ можетъ чувствовать себя хозяиномъ. Его герой, неудачникъ изъ подкидышей, ищетъ Бога и вѣры. Онъ летитъ на огоньки, которые мерещатся ему въ мутныхъ сумеркахъ жизни. Но

точно огромная осьмиугольная башня поворачивается передъ нимъ, и каждый разъ, когда ему кажется, что онъ пришелъ къ двери, передъ нимъ оказывается глухая, безобразно-полинялая каменная стѣна. Вотъ передъ нимъ казенное офиціальное православіе въ лицѣ сѣдого протопопа. Для него сомнѣніе въ милосердіи Божіемъ есть преступленіе, на которое онъ готовъ отвѣтить призывомъ полицейскаго. Протопопъ кричитъ и шумитъ на усомнившагося и, отойдя, долго пугаетъ его гнѣвомъ Божіимъ. «Не то», думаетъ обманувшійся въ своихъ надеждахъ искатель.

— Ясно, что коли человѣкъ полицію зоветъ Бога своего поддержать, стало-быть, ни самъ онъ, ни Богъ его никакой силы не имѣютъ, а тѣмъ паче—красоты.

Вотъ передъ искателемъ божья коровка, старица Ѳевронія, съ младенческою проповѣдью добренькаго Бога, котораго надо только не обижать, почтительно принимая отъ него и добро и зло.

— «Понимаю, что Богъ для нея бариномъ стоитъ, добренькій да миленькій, а закона у старушки нѣтъ для него». Вотъ, думаю, разобрали люди Бога по частямъ, каждый по нуждѣ своей, у одного — добренькій, у другого — страшный».

Не хочетъ простецъ-искатель и такого Бога. Какъ онъ ни простъ, онъ уже переросъ эти понятія. Еще менѣе можетъ его удовлетворить вѣра монаха Михи, для котораго весь міръ—дьяволовъ соблазнъ, и первопричина всѣхъ золъ—женщина.

Напрасно смиряетъ онъ себя и насильственно подчиняетъ свою волю Михѣ. Въ итогѣ ненависть и презрѣніе къ нему, проклинающему женщину и въ то же время горящему нестерпимой жаждой ея.

Стоитъ простецъ передъ сырой и темной ямой, гдѣ «спасается» много лѣтъ схимонахъ Мардарій въ голодѣ, холодѣ, съ гадами, съ своею больною и изможденною,

но все неумирающею плотью, и все то же недоумѣніе грызетъ его душу. Не то! Человѣкъ ушелъ отъ міра, какъ червякъ подъ землю, высохъ, заплѣсневѣлъ, какъ кирпичъ его норы, а не нашелъ радости, и такъ же страдаетъ, какъ страдаетъ земля.

«Не то» и красавецъ-монахъ Антоній, съ своей философіей эпикурейства, виномъ, любимой женщиной и загулами. «Не то» и божій странничекъ, встрѣчный дѣдъ-бродяжка, изнемогающій отъ трепета смерти и мучительно цѣпляющійся за послѣдніе свои деньки на землѣ.

— «Господи, хоть бы комарикомъ пожить на землѣ! Хоть бы клопикомъ или малымъ паучкомъ!»

Религіи трусовъ и рабовъ, деспотовъ и маніаковъ чуждается живая душа и мечется въ тоскѣ, не находя утоленія.

IV.

Въ «Исповѣди» есть свой Лука, и тоже странникъ, и тоже философъ, и тоже наружно мягкій, потому что его «много мяли», и тоже создавшій себѣ желѣзное убѣжденіе насчетъ пониманія міра и живущій безъ тоски и неудовлетворенности.

Это странникъ Іона, попъ-разстрига, нашедшій свою вѣру уже послѣ поповства. Полузагадками, полунамеками онъ совершаетъ переворотъ въ душѣ простеца. Отъ мелкопробной эгоистической религіи запуганныхъ и мелкихъ людей онъ зоветъ его къ религіи другихъ идеаловъ, не внѣшней, но наполняющей всего человѣка Богомъ.

— «Не внѣ насъ живетъ Богъ, но внутри». Люди дѣлятся на два племени: одни — вѣчные богостроители, другіе — навсегда рабы плѣннаго стремленія ко власти надъ первыми и надъ всей землей. Захватили они эту

власть и ею утверждаютъ бытіе Бога внѣ человѣка, Бога—врага людей, судіи и господина земли. Богостроитель — это народушко. Неисчислимый, міровой народъ. Великомученикъ велій, чѣмъ всѣ церковью прославленные. Просыпается воля народа, соединяется великое, насильно разобщенное, уже многіе ищутъ возможности, какъ слить всѣ силы земныя въ единую, изъ нея же образуется свѣтелъ и прекрасенъ всеобъемлющій Богъ земли.

Іона говоритъ черезчуръ цвѣтисто-книжно. Можетъ-быть, ни патетическій захватъ его, ни былое семинарство въ достаточной мѣрѣ не могутъ оправдать этой «публицистики» въ устахъ, а не на столбцахъ страстнаго фельетона. Но мысли Іоны совершенно ясны. Горькій какъ будто долго сдерживалъ себя, чтобы не дать такъ открыто, en toutes lettres, символъ вѣры, обновившей его искателя. Онъ долго подводилъ къ нему читателя обиняками, долго требовалъ догадокъ. Но онъ слишкомъ честенъ, чтобы отдѣлаться намеками и разстаться съ читателемъ, напустивъ мистическаго тумана, который всегда выгоденъ и который еще выгоднѣе сумѣютъ повернуть глубокомысленные критики.

Горькій не только прямо сказалъ credo своего «богоискателя», успокоившее его душу, но и рѣшительно подчеркнулъ полноту этого успокоенія въ послѣднихъ страницахъ книги. Онъ подтвердилъ, что за этой «новой религіей» онъ готовъ признать и истинно-мистическое начало. Эта вѣра даже творитъ чудеса. Гипнозъ народной вѣры исцѣляетъ больную на глазахъ героя «Исповѣди». И, потрясенный, онъ кончаетъ свою исповѣдь настоящимъ гимномъ новой вѣрѣ. Горькій не маскируется, не прячется за неясными эластичными словами, подъ которыя можно подставить любой смыслъ, не пускается въ тотъ мистическій серпантинъ, которымъ съ серьезнымъ видомъ занимаются наши модные гово-

руны изъ «мистическихъ анархистовъ» и проповѣдниковъ «непріятія міра».

Онъ ставитъ всѣ точки надъ і и говоритъ:

— Тако вѣрую и исповѣдую!

V.

Неожиданный поворотъ въ міровоззрѣніи Горькаго очень удивилъ и даже разогорчилъ многихъ изъ его былыхъ сторонниковъ. Писатель, конечно, не отвѣтственъ за складъ воззрѣній своего героя, но та страстность тона, какая отличаетъ «Исповѣдь», даже фанатизмъ этого тона, особенно выступающій на послѣднихъ страницахъ, говорятъ о томъ, что эти воззрѣнія не могутъ быть ужъ вовсе ему чуждыми.

Его проповѣдь не есть проповѣдь холодной и умной религіи соціализма. Здѣсь экстазъ, зной, волненіе, трепетъ, какихъ не знаетъ та религія. Здѣсь совершенно явный и нескрываемый элементъ мистики, хотя, быть-можетъ, и утонченной, профильтрованной черезъ научныя положенія, черезъ ученія о гипнозѣ.

Оставимъ мистику. Но не менѣе неожиданъ поворотъ Горькаго лицомъ къ чистому народничеству. Еще совсѣмъ недавно было время, когда Горькаго выдвигали именно, какъ столпъ марксизма. Съ помощью его полемизировали съ народниками, съ идеализаціей и апоѳеозомъ народа. И вотъ перемѣнились времена. Левъ Толстой съ восторгомъ прочиталъ бы нѣкоторыя страницы «Исповѣди», изъ которыхъ явствуетъ, что «правда»—въ народѣ, и высшая мудрость поклониться этой правдѣ.

И этого, наконецъ, мало. Горькій зачисляется въ пантеонъ литературы, какъ пѣвецъ «личности», какъ индивидуалистъ изъ категоріи крайнихъ. «Исповѣдь» есть апоѳеозъ коллективизма, толпы, народа. Личность должна слиться съ цѣлымъ, отрѣшиться отъ эгоисти-

ческаго, сознать себя, какъ маленькій винтъ колоссальной машины. Это совсѣмъ не изъ катихизиса индивидуалистовъ.

Я знаю, что розыскъ о томъ, какъ вѣруетъ здравствующій писатель, почти неприличенъ тогда, когда онъ идетъ далѣе его прямыхъ писательскихъ показаній въ его книгахъ. Ибсенъ упрямо говорилъ вопрошавшимъ его о смыслѣ его пьесъ, что и Самъ Господь Богъ едва ли ихъ понимаетъ. Не всякій авторъ охочъ самъ себя комментировать. И еще—есть книги настолько ясной писательской задушевности, что было бы почти обидой спрашивать, насколько выраженныя здѣсь мысли—его собственныя мысли.

Книга Горькаго по страстности тона почти принадлежитъ къ такому жанру. Но міровоззрѣніе, проведенное здѣсь, настолько не близко къ знакомому намъ до сихъ поръ міровоззрѣнію Горькаго, что вопросъ подобнаго рода не былъ бы страненъ.

VI.

«Жизнь ненужнаго человѣка» почти такая же исповѣдь русской простецкой души, какъ и повѣсть, о которой только что кончена рѣчь.

Что-то исключительно близкое, родственное, общее, не только въ томъ смыслѣ, какъ всегда бываетъ общее въ двухъ вещахъ одного писателя, есть въ двухъ этихъ книгахъ, что-то какъ бы переплетающееся, тожественное, словно бы вещи писались одновременно или, перейдя къ другой, писатель еще былъ весь во власти образовъ, думъ и неразрѣшенныхъ умомъ вопросовъ первой.

«Ненужный человѣкъ», русскій простецъ Евсѣй Климовъ, ранній сирота, такой же неудачникъ, какъ герой «Исповѣди». Жизнь мечетъ его туда и сюда, какъ ме-

четъ Илью Лунева изъ «Троихъ», Ѳому Гордеева, героя «Исповѣди». Нелѣпый, безсмысленный капризъ судьбы загоняетъ его въ сыщики. Почему? Климовъ вовсе не человѣкъ сыщической пытливости, вовсе не фанатикъ-патріотъ, не Іуда по природѣ и призванію.

Онъ оказывается въ своей странной и гнусной роли такъ же нелѣпо и фатально, какъ иногда русская дѣвушка вдругъ просыпается проституткой. Евсѣй случайно попалъ въ услуженіе къ букинисту, прикосновенному къ дѣлу сыска. Послѣ его смерти случайно «добрый человѣкъ» устроилъ его по сыскному дѣлу. Человѣкъ инерціи покатился по наклонной плоскости. Профессія требовала отъ него предательства. Климовъ предавалъ. Предалъ родственника, предалъ дѣвушку, которая нравилась ему, но прошла мимо него, предалъ въ какомъ-то туманѣ, точно полусознательно. Душа Климова все время не здѣсь, въ этомъ гнусномъ ремеслѣ. У него здѣсь нѣтъ ни тщеславія, ни мечтаній о карьерѣ,—это типичный русскій человѣкъ «на должности». Какъ сыщикъ, онъ поэтому почти бездаренъ. Непреодолимое самоосужденіе живетъ въ немъ и казнитъ его. Настроеніе этого презрѣнія къ себѣ сгущается, наконецъ, до предѣла. И Евсѣй налагаетъ на себя руки, чтобы только уйти изъ среды окружающихъ его сознательныхъ и полусознательныхъ негодяевъ.

Горькій назвалъ свою повѣсть «Жизнью ненужнаго человѣка». Можетъ-быть, названіе «слѣпого», «безвольнаго», «пропащаго» больше шло бы Климову. Высшій трагизмъ философіи Горькаго, скрытой въ повѣсти, именно въ томъ, что ея герой, привлеченный судьбой къ ролямъ Іуды и продающій человѣка «за три съ полтиной», на самомъ дѣлѣ совершенно чуждъ іудина темперамента. Страшный складъ русской жизни неожиданно и трагично повернулъ характеръ въ ту сторону, гдѣ для него было наименѣе природныхъ предрасположеній.

Органически существенное въ характерѣ Климова то, что отличаетъ героевъ Горькаго изъ протестующаго мѣщанства, — это задумчивость надъ основными вопросами жизни, жажда поймать ея смыслъ и правду. Такъ томились Ѳома Гордеевъ, Илья Луневъ, герой «Исповѣди». Повидимому, рѣшительно ничто не препятствовало бы Климову удариться въ богоискательство послѣдняго.

— Можетъ-быть, лучше мнѣ въ монастырь поступить,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ.

Писатель какъ бы перекидываетъ явный мостикъ къ своей другой работѣ. Съ слѣдующей главы онъ могъ бы подставить сюда страницы «Исповѣди», и это не было бы диссонансомъ.

VII.

Ужасъ паденія безъ органической предрасположенности къ паденію, истинное негодяйство дѣлъ безъ прирожденнаго негодяйства души, іудина работа безъ смердяковскаго темперамента,—вотъ что центрально для Горькаго въ психологіи его типа. Писателю нужно было, очевидно, преодолѣніе себя, чтобы въ дни современнаго политическаго разброда, въ дни разгара ненависти къ тому типу, какой олицетворяетъ Климовъ, попытаться взглянуть на него безъ ослѣпляющей ненависти и увидѣть въ немъ не столько злодѣя, сколько просто человѣка, не вѣдающаго, что онъ творитъ.

Климовъ — это воскъ, изъ котораго нелѣпая русская жизнь лѣпитъ гнусныхъ червей и склизкихъ головастиковъ. Такова философія Горькаго, безспорно примѣнимая къ значительной части печальныхъ героевъ той категоріи, какую онъ трогаетъ въ повѣсти. О, конечно, здѣсь преобладаютъ тѣ, кто хорошо знаетъ, что онъ дѣлаетъ и къ чему стремится, тѣ гнусные карьеристы сыска, одного изъ которыхъ Горькій клеймитъ въ образѣ

Саши. Но судьба загоняетъ сюда и темную, растерянную, слѣпую силу, которая могла бы найти и діаметрально противоположное, героическое примѣненіе въ жизни.

Въ фатальности засасыванія Климова жуткимъ болотомъ пропащаго мірка есть что-то глубоко вѣрное психологически даже не относительно однихъ простецовъ. Исторія нашего революціоннаго движенія подсказываетъ имена Гольденберговъ, Дегаевыхъ, Гапоновъ, предлагая задуматься надъ двойственностью ихъ настроеній.

Черты предательства выступали въ нихъ не столько въ силу органическихъ предрасположеній, сколько въ силу трагически складывающейся дѣйствительности. Какая-то искорка честности тлѣла въ ихъ душахъ подъ страшнымъ, неизвинимымъ и преступнымъ налетомъ измѣнничества.

По ней угадывается, что они могли быть созданы не для той роли, какую взяли. Если это было возможно въ душахъ, вкусившихъ интеллигентности, тѣмъ возможнѣе это въ душѣ простеца.

Грустная страна, гдѣ Сони Мармеладовы идутъ въ проститутки, и отъ юродиваго до сыщика одинъ шагъ. Надъ страшной драмой этой страны, надъ рознью двухъ поколѣній, старой и новой Руси предлагаетъ задуматься Горькій, и каково бы ни было выполненіе его задачи, идейное значеніе и смыслъ этой попытки не отрицаемы.

VIII.

Въ «Жизни ненужнаго человѣка» есть страницы, на которыхъ разсказывается о сыщикѣ, приходящемъ къ писателю и исповѣдующемся передъ нимъ. На протяженіи повѣсти не разъ одинъ герой исповѣдуется другому. Печать страстности, интимной раскрытости отличаетъ эту повѣсть въ той же мѣрѣ, какъ «Исповѣдь».

Возможно, что самъ авторъ не чувствуетъ, какъ и въ этой чертѣ типично-русское сквозитъ въ немъ. Какой-то фельетонистъ-французъ уже давно пустилъ о русской жизни ходячую фразу, что сущность ея исчерпывается двумя понятіями: «самоваръ» и «раскаяніе». Мимолетныя замѣчанія иногда правдивѣе цѣлыхъ изслѣдованій. Оставляя самоваръ на долю игривой шутливости чужеземца-наблюдателя, надо признать потребность изліяній, исповѣди, публичнаго покаянія существеннѣйшей чертой русской души.

Кающійся герой «Горькой судьбины», «Власти тьмы», всѣ герои Толстого, выкладывающіе свою душу на страницахъ его романовъ, весь Достоевскій съ его исповѣдями въ «Карамазовыхъ», «Идіотахъ» и «Бѣсахъ»,—все это дѣды и отцы Гордеевыхъ и Луневыхъ, исповѣдующихся въ книгахъ Горькаго.

Исповѣдь ищущаго, протестующаго и кающагося мѣщанства послѣдней, современной складки, можетъ-быть, никто не повѣдалъ откровеннѣе и яснѣе, чѣмъ Горькій, плоть отъ плоти русскаго народа. Не прислушаться къ ней было бы грѣхомъ.

Эта исповѣдь льется у него часто торопливо, многословно, съ естественною безпорядочностью волненія. Обѣ эти повѣсти Горькаго съ чисто художественной стороны страдаютъ растянутостью, ничуть не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ «Ѳома Гордеевъ». Какъ тамъ порою положительно раздражаетъ протестантское философствованіе Ѳомы, такъ здѣсь утомляетъ хожденіе героя «Исповѣди» по разнымъ религіознымъ этапамъ и надоѣдливыя думы Климова о томъ, какъ ему избыть свое ремесло.

Съ чисто сѣвернымъ равнодушіемъ къ сюжету Горькій во всѣхъ своихъ послѣднихъ крупныхъ вещахъ совершенно пренебрегаетъ занимательностью внѣшняго дѣйствія.

Но и въ той, и въ другой повѣсти есть страницы, которыя могъ написать только Горькій, есть образы, афоризмы, подмѣчанія, которые могъ родить его только великолѣпный и самородный талантъ. Если въ «Исповѣди» иногда чувствуется нѣсколько искусственная, книжная, какъ бы семинарская пѣвучесть языка, то въ ней есть тирады и страницы, по красивому лирическому подъему напоминающія чудесный языкъ стилизованныхъ лѣсковскихъ вещей въ евангелическомъ духѣ. Нѣкоторыя фигуры, какъ эпикурейца-монаха, схимника Іоны въ «Исповѣди», букиниста Распопова въ «Жизни ненужнаго человѣка», исполнены живописности, въ которой узнается рука прежняго Горькаго.

И надъ обѣими повѣстями вѣетъ благородной тоской по живомъ Богѣ, мягкою жалостью къ ищущимъ и ненаходящимъ, свѣжимъ воздухомъ ясно сознанныхъ и честно исповѣдуемыхъ идеаловъ, — тѣмъ, что всегда было плѣнительно въ русскомъ писателѣ.

Куда надлежитъ мѣщанская душа?

I.

Въ «Растеряевскихъ нравахъ» Глѣба Успенскаго есть мѣсто, гдѣ богобоязненная вдова Балканиха истязуетъ несчастнаго пропивающагося растеряевца Никиту вопросами на благочестивыя темы:

— Куда наша душа надлежитъ по-настоящему? — спрашиваетъ она измученнаго похмельемъ мужика, разумѣется, полагая про себя, что всякая истинно-христіанская душа надлежитъ въ рай.

— Душ-ша наша, — робко отвѣчаетъ мужичонко, не понимающій, чего, собственно, нужно богобоязненной вдовѣ. — Душа наша, матушка Пелагея Петровна, главнѣе норовитъ... по своей пакости... какъ бы, напримѣръ, согрѣшить, напримѣръ, въ кабакъ...

— Глупецъ! — кричитъ Балканиха. — Что ты это сказалъ? Опомнись, что ты сказалъ? Въ рай нашей душѣ, по Божьему писанію, надлежитъ, а не въ кабакъ, безумецъ этакой!.. Въ рай!..

Читая сейчасъ Горькаго,—Горькаго, перешедшаго отъ живописныхъ босяковъ къ протестующимъ мѣщанамъ, нельзя не вспомнить этого мѣста изъ «Растеряевой улицы». «Куда наша душа надлежитъ по-настоящему?» — это основной мотивъ всей философіи всѣхъ его героевъ, въ особенности начиная съ Ѳомы Гордеева.

«Гдѣ мое настоящее мѣсто въ жизни?» — это болѣе точная формула самого Горькаго. И — увы! — точно по

трагическому подсказу Успенскаго, всякая душа у Горькаго, при всемъ тяготѣніи къ возвышенному размышленію, фактически поровитъ именно въ кабакъ.

Кабакъ—это парламентъ нашихъ старыхъ знакомыхъ, его босяковъ изъ первыхъ книжекъ. Мать-сивуха—вдохновительница всѣхъ философскихъ разглагольствованій ротмистровъ Кувалдъ, Объѣдковъ, Тяпъ, Полтора-Тарасовъ и т. д., которыми эти персонажи оглашаютъ своды прокуренныхъ, промозглыхъ и отсырѣлыхъ ночлежекъ. Таковъ, видимо, фатумъ русскаго человѣка, — законъ его же не прейдеши. Надлежитъ въ рай, — попадаетъ въ кабакъ.

Неугомонное стремленіе куда-то, копанье въ душѣ, проклятые вопросы, вѣчная рефлексія—свойства русской души, записанныя исторіей. За тургеневскимъ Рудинымъ прошелъ чеховскій тоскующій интеллигентъ. Горькій выразительнѣе многихъ и многихъ *показалъ намъ тоску русскаго мѣщанскаго сословія*. Онъ зарисовалъ русскаго Рудина въ блузѣ городского рабочаго. Сословіе выставило его какъ бы депутатомъ отъ себя для такого заявленія. Что бы ни было впереди, эта заслуга навсегда за нимъ.

II.

Вспомните незамысловатую исторію «Троихъ», Ильи Лунева и его пріятелей, Якова и Петра, этихъ представителей крестьянства и мѣщанства, задыхающихся въ духотѣ каменнаго города и тяжело переплывающихъ мутное болото жизни. Вотъ главное, подавляющее всѣхъ остальныхъ лицо, Илья Луневъ, ребенкомъ пришедшій изъ непріютной для него деревни въ гостепріимный городъ.

Онъ живетъ въ атмосферѣ набитаго голытьбой полугнилого дома, ежедневно предлагающаго дѣтскому взору картины нищеты, порока и преступленій. Вотъ онъ

ходитъ съ дѣдомъ-тряпичникомъ искать добычи на свалкахъ, сходится съ загульной дѣвицей Олимпіадой, убивая содержавшаго ее стараго купца Полуэктова, достигаетъ матеріальнаго благополучія, о которомъ мечталъ съ ранняго дѣтства, и кончаетъ тѣмъ, что дробитъ свой черепъ о стѣну, потому что не обрѣтаетъ смысла въ жизни и душевнаго равновѣсія.

Исторія пріятелей Лунева, въ своей значительнѣйшей части, та же исторія физическихъ и нравственныхъ терзаній людей, попавшихъ въ темную яму жизни, алчущихъ выхода изъ нея къ свѣту и благополучію, и если не кончающихъ такъ же трагически, какъ онъ, то, можетъ-быть, просто потому, что жизнь ихъ не досказана авторомъ до конца. Психологія этихъ пасынковъ города не только родственна, но, можно сказать, тожественна съ психологіей Лунева.

Все это люди «до тла ограбленные», «рабы жизни», «надъ всѣми ими смѣется кто-то», чуждый имъ и враждебный. Тяжелая жизнь съ малолѣтства убила въ нихъ радостный взглядъ на міръ, и сѣрый камень города рано выпилъ ихъ соки и погасилъ ихъ веселье. Погруженные въ темень своего существованія, они неспособны даже замѣчать чужого счастья. «Никогда я не видалъ такого человѣка, — говоритъ Луневъ, — чтобы съ радостью на него поглядѣть было можно». И подъ этой фразой можетъ подписаться любой изъ героевъ «Троихъ».

Ихъ душа размозжена и надорвана, и они захлебываются въ жизни, которая кажется имъ черной, грязной и безнравственной. «Грабежъ, разбой, воровство, пьянство... Всякая грязища и безпорядокъ... Вотъ и вся жизнь. И скрыться некуда. Въ лѣсъ, что ли, бѣжать, въ монастырь?»

Всѣ они «терпятъ свою жизнь кой-какъ», глядятъ въ нее и видятъ, что «нѣтъ въ ней ни справедливости, ни

радости». То и другое, обойдя ихъ, досталось другимъ. На ихъ долю выпала только ненависть къ мачехѣ-судьбѣ, злобная тоска и гнетущая душу зависть, и ничего не было бы несправедливѣе, какъ узнать въ этихъ чувствахъ проявленіе возвышеннаго, «святого недовольства». Это даже не то геройское недовольство босяка, жаждущаго сильныхъ впечатлѣній и мечтающаго о болѣе яркихъ краскахъ существованія, новыхъ мѣстахъ и новыхъ людяхъ, какое ранѣе рисовалъ Горькій.

Идеалы его новыхъ героевъ низменны, мелки, матеріальны и говорятъ о полномъ духовномъ мѣщанствѣ. Это буржуазные идеалы сытости и житейской стойкости, мечты о собственномъ вѣрномъ кускѣ хлѣба, о свободѣ отъ обидъ сильнаго. Они мечтаютъ о томъ, чтобы быть «хозяевами жизни», но ихъ воображенію предносится не возвышенное философское хозяйство, а прозаическая и мелкая жажда теплаго угла и сытаго куска, стремленіе быть Петрушкой Филимоновымъ, содержать, подобно ему, трактиръ, обирать голытьбу и знать, что ихъ никто не сгонитъ съ насиженнаго мѣста.

Матеріальная мечта гнететъ ихъ, убивая проявленіе духовныхъ тяготѣній. Они даже не видятъ, для чего бы имъ быть лучше или чище. «Съ чего бы это быть мнѣ добрымъ и съ какой радости буду я ласковымъ? Кто мнѣ добро дѣлалъ? Насъ всякій будетъ бить, а мы должны смирненькими быть?» Наоборотъ, для того, чтобы достигнуть этого мечтаемаго рая на землѣ, они готовы даже на преступленіе, и содѣянный грѣхъ не ранитъ мучительно ихъ притупившуюся совѣсть.

Добившись «чистой жизни», они опять начинаютъ тосковать по какимъ-то неяснымъ идеаламъ. «Бросить надо все и уйти, — говоритъ Луневъ. — Чортъ съ нею, съ чистою жизнью... Никакая жизнь не возможна для меня... Брошу все и уйду». Куда итти, — онъ самъ не

знаетъ, но ему кажется, что тамъ лучше, гдѣ его нѣтъ. Примелькавшіеся люди становятся ему противны, ему хочется бросить имъ въ лицо горькую правду, которой имъ «негдѣ услышать», не скрывая, впрочемъ, истины и о себѣ.

И Луневъ говоритъ эту правду передъ многолюднымъ собраніемъ гостей въ квартирѣ околоточнаго, съ женой котораго онъ находился въ связи, подобно тому, какъ Ѳома Гордеевъ говоритъ тяжело сносимую истину купцамъ на освященіи парохода. И опять напрасно было бы видѣть въ этой потребности раскрыть карты и сказать правду людямъ — потребность того возвышеннаго самообличенія и публичной исповѣди русской души, какую отмѣтили Толстой, Достоевскій, Писемскій.

Это не покаянный вопль Никиты изъ «Власти тьмы»: «Гляди на меня, міръ православный! Виноватъ я, каяться хочу». Не исповѣдь Нехлюдова, Раскольникова или Ананія Яковлева изъ «Горькой судьбины». Луневъ не исповѣдуется, но протестуетъ, позоритъ, обвиняетъ и судитъ. «Вы думаете, каюсь я передъ вами,—смѣюсь я надъ вами,—вотъ что». Его электризуетъ не потребность обновленія души позоромъ признанія передъ всѣми своей вины, но просто жажда сорвать, на комъ бы то ни было, свою наболѣвшую месть, излить накопившуюся и плещущую черезъ край душевную злобу. Какова нравственная цѣнность такого порыва въ сравненіи съ порывами, отмѣченными названными мастерами слова, и является ли онъ признакомъ большой души,— едва ли нужно говорить.

III.

Эта психологія протеста противъ существующихъ формъ жизни, это вѣчное брюжжаніе на постылую жизнь, жалобы и біеніе себя кулакомъ въ грудь, отличающія всѣхъ героевъ «Троихъ» и сплетающіяся въ

одинъ сплошный хоръ, производятъ однообразное и малохудожественное впечатлѣніе.

У всѣхъ персонажей Горькаго точно одна душа и поэтому однѣ рѣчи. Слова Ильи переливаетъ въ незвонкіе стихи его поэтически-настроенный товарищъ Павелъ; та же нотка скорби за рабство жизни звучитъ въ словахъ Якова; то же проповѣдуетъ начетчикъ въ трактирѣ; то же повторяетъ церковный сторожъ въ больницѣ, цитирующій слова «Екклезіаста». До извѣстной степени такой складъ души естественъ въ людяхъ, выросшихъ въ духотѣ промозглыхъ городскихъ подваловъ, видѣвшихъ смолоду, какъ кругомъ ихъ все пьянствовало, торговало тѣломъ, билось въ когтяхъ нищеты, насильствовало надъ слабымъ и мечтало о собственномъ кускѣ жизненнаго пирога.

Прохожденіе сквозь этотъ строй, ранніе побои, издѣвательства старшихъ, конечно, могли создать типы Луневыхъ и Грачевыхъ. Но художникъ болѣе широкаго размаха, безъ сомнѣнія, усмотрѣлъ бы среди людей съ такимъ дѣтствомъ и молодостью и не одинъ этотъ типъ ноющихъ и хныкающихъ протестантовъ.

Поразительно, до чего глубока и неотразима, по Горькому, въ русской мѣщанской душѣ прирожденная ей тоска. Въ самыя, повидимому, счастливыя минуты она не покидаетъ этихъ людей. Имъ дарятъ восторги любви женщины, но восторги отравлены сознаніемъ, что это женщины падшія. Они устраиваютъ свое благосостояніе, но знаютъ, что оно добыто цѣною крови.

Мѣщанскій идеалъ буржуазнаго счастья держитъ ихъ въ вѣчной тоскѣ. Въ «Троихъ» никто истинно не жизнерадостенъ, если не считать сапожника Перфишки, который «до смерти работаетъ, до полусмерти пьетъ», и за шесть дней каторжной работы находитъ реваншъ въ безпробудномъ пьянствѣ въ праздникъ. Но жизнерадостность и этого «запущеннаго» человѣка что-то ужъ

очень сомнительна, потому что несчастье его скомканной жизни въ высокой степени несомнѣнно. Это какое-то полусуществованіе въ подземельи, полусонъ, полубытіе. И онъ самъ лучше всѣхъ формулируетъ сущность своей полудремотной жизни. «Родился малъ, померъ пьянъ, — ничего не помню». Такъ онъ и Богу на страшномъ судѣ скажетъ, а Богъ «засмѣется и проститъ». Что же послѣ этого остается, какъ не заниматься «повсемѣстнымъ пьянствомъ»?

Общность психологіи почти всѣхъ лицъ «Троихъ» роднитъ ее съ «Ѳомою Гордеевымъ», гдѣ такъ же большинство героевъ созданы по одной мѣркѣ. Разница лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ, начиная съ Ѳомы, все это сильные люди, неспособные равнодушно выносить тусклость окружающей ихъ среды и обличающіе мелкоту чужихъ душъ; въ другомъ, начиная съ Лунева, это люди неопредѣленнаго духовнаго склада, стоящіе ничуть не выше толпы, силящіеся «устроить порядокъ въ своей душѣ», но безсильные это сдѣлать. Какъ въ «Ѳомѣ Гордеевѣ» всѣ проповѣдуютъ и обличаютъ, такъ въ «Троихъ» всѣ жалуются и морализируютъ.

Въ этомъ отношеніи «Трое» — второе изданіе «Ѳомы Гордеева». И это повторительное впечатлѣніе вызывается не только отмѣченной общей чертой, но и многочисленными частностями. Увлекающая Илью гулящая дѣвушка Олимпіада, такая же, какъ увлекающая Ѳому проститутка Саша; гнѣвная вспышка Ильи въ квартирѣ околоточнаго, въ сущности, совершенно однородный порывъ съ порывомъ Ѳомы Гордеева, бросающаго горькую правду въ лицо купцамъ; сцена перваго паденія Гордеева находитъ откликъ въ сценѣ бесѣды Лунева съ Матицей и т. д. Даже такія мелочи, какъ изображеніе пѣнія въ трактирѣ, красиваго и тоскливо настраивающаго, напоминаетъ такую же сцену изъ «Ѳомы Гордеева».

IV.

Небезынтересно попутно отмѣтить черты сходства нѣкоторыхъ моментовъ второй половины повѣсти Горькаго съ моментами, опредѣленно разработанными Достоевскимъ въ его знаменитомъ романѣ, посвященномъ психологіи преступника послѣ убійства. Было, конечно, въ самомъ дѣлѣ трудно, анализируя тѣ же чувства, до извѣстной степени, не подчиниться этому гиганту мысли, умѣвшему проникать въ самую глубь тайниковъ души. И сцена признанія убійцы Олимпіадѣ, гдѣ женщина, и тоже блудница, какъ и дочь Мармеладова, отвѣчаетъ на роковое признаніе страстнымъ порывомъ, и допросъ Лунева слѣдователемъ, и бравированіе его передъ околоточнымъ, котораго Илья намѣренно вызываетъ на разговоръ о своемъ преступленіи, — все это довольно знакомо. Слова Лунева: «А что, вы такъ и не нашли того, который купца на Дворянской задушилъ?»—такъ вызываютъ въ памяти Раскольникова: «А что, если это я старуху-то и Лизавету убилъ?»

Но вотъ разница душъ: интеллигента у Достоевскаго и простеца у Горькаго! Въ то время, какъ Раскольниковъ весь мучится въ судорогахъ уязвленной совѣсти, и весь полонъ одной думой и однимъ настроеніемъ, вызываемыми дѣйствительною надорванностью души, Луневъ вовсе не перерожденъ совершеннымъ имъ преступленіемъ. Его душа грубѣе и черствѣе души Раскольникова, которая вся мучительно и болѣзненно дрожитъ и трепещетъ. Луневъ болѣе выносливъ, стоекъ и твердъ въ рѣшимости скрывать концы. Онъ не пасуетъ не только передъ людьми, но хранитъ и на самомъ дѣлѣ полное самообладаніе, и наединѣ съ собою относительно спокоенъ. Воспоминаніе о купцѣ не безпокоитъ и не тревожитъ Ильи, а только мягко и осторожно стѣсняетъ его душу.

— «Что купецъ? Онъ несчастье мое, а не грѣхъ»,—вотъ основное положеніе его апологій себѣ, приводящее его къ сознанію, что не нужно ему и виниться въ грѣхѣ. «Каяться я не буду,—люди не судьи. Какіе они судьи? Безгрѣшныхъ людей я ни одного не видалъ».

И читатель знаетъ, что трагическая развязка повѣсти, въ сущности, только въ очень слабой степени обусловлена и подготовлена преступленіемъ. Луневъ кончаетъ съ собою не потому, что его «заѣла совѣсть», но потому что онъ оказался не въ силахъ переносить далѣе свое мучительное taedium vitae. Эта катастрофа почти случайна, и ее никакъ нельзя было бы предвидѣть за нѣсколько страницъ до ея совершенія.

Какъ характерно, что Горькій не можетъ и не можетъ уйти отъ этой психологіи! Съ нею онъ вѣдался десять лѣтъ назадъ. Сейчасъ онъ передъ нею же.

Послѣдняя повѣсть его «Городокъ Окуровъ» въ идейномъ смыслѣ сходится всѣми углами съ первою его повѣстью о «взыскующемъ» мѣщанствѣ. «Куда наша душа надлежитъ по-настоящему», — это и здѣсь альфа и омега, начало и конецъ, всѣхъ монологовъ и діалоговъ, разсудочныхъ соображеній и лирическихъ изліяній. Русскіе Рудины изъ простецовъ и пролетаріевъ съ вѣчнымъ душевнымъ горѣніемъ и красивыми воззваніями къ судьбѣ, но съ фактическимъ толченіемъ на мѣстѣ или устремленіемъ вмѣсто высотъ прямехонько въ монопольку—и здѣсь налицо.

Идея его прежняя—русское мѣщанство больно тоской невѣдѣнія, «куда надлежитъ его душа», и какое «мѣсто жизни» слѣдуетъ имъ заткнуть.

«Четвертое сословіе», хоть чуть-чуть соприкоснувшееся съ книгой, съ интеллигенціей, уже смертельно ранено тоской недовольства настоящимъ и мечтой о лучшемъ. Оно пробудилось отъ сна, но его ноги еще какъ колоды и не могутъ ходить. Его стонъ, «гдѣ мое

настоящее мѣсто въ жизни», стоитъ всюду: у фабричныхъ станковъ, въ воскресныхъ школахъ, въ старовѣрскихъ поселкахъ, въ босяцкихъ ночлежкахъ.

Горькій подслушалъ его, проникся имъ и потому такъ упрямо возвращается къ нему. Онъ почти рискуетъ интересомъ своихъ повѣстей. Но это красивая и типично-русская черта идейнаго писательскаго упрямства.

V.

Въ «Городкѣ Окуровѣ» Горькій въ своей сферѣ. Передъ вами низы мѣщанства маленькаго провинціальнаго городка, съ мутной рѣчкой, съ грязнымъ небомъ. Интеллигенція не соприкасается съ этимъ міркомъ. Этотъ мірокъ, если видитъ ее, то почти всегда въ мало поучительной роли посѣтителей какого-нибудь «Фелицатина Раишка», веселаго подгороднаго заведенія, несущаго дешевую радость обывателямъ.

И живетъ этотъ мѣщанскій мірокъ особнякомъ, заброшенный, забытый, предоставленный во всѣхъ своихъ «проклятыхъ вопросахъ» самому себѣ. Слободской поэтъ Сима Дѣвушкинъ самоучкой складываетъ простенькіе и тяжеловатые стишки, въ которыхъ, однако, всегда свѣтится какой-то огонекъ уязвленной мысли.

Богатырь слободы, Вавила Бурмистровъ, живописный силачъ и соблазнитель бабьяго сословія, дерется и скучаетъ, мечтая о какой-то лучшей долѣ и не имѣя силъ уйти отъ красивой загульной дѣвицы Лодки, взявшей въ плѣнъ его тѣло и душу.

Старый жохъ, Яковъ Тіуновъ, на прошломъ котораго явно лежитъ какое-то темное пятно, можетъ-быть, пятно преступленія; колченогій печникъ Маркъ Ключниковъ, самородокъ-пѣвецъ Артюшка Пистолетъ, силачъ Зосима Пушкаревъ, по прозвищу Валеный Чортъ, столяръ Стрѣльцовъ,—вся эта мѣщанская братія влачитъ медли-

тельные дни на берегахъ мутной Путаницы, собирается вечерами полежать у корней ветелъ, нечесаная, лѣнивая, въ грязныхъ лохмотьяхъ, «точно куча сора, намытаго рѣкой», смотритъ въ скучное окуровское небо, чешетъ языки и треплется все надъ тѣмъ же пресловутымъ вопросомъ растеряевской Балканихи—о душѣ.

Горькій — большой любитель разговоровъ. Эта черта рѣзко усилилась въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ писать драмы и большія повѣсти, и на первые прелестные разсказы въ значительной мѣрѣ ушелъ его чудесный запасъ изумительныхъ красокъ. Много говорятъ и герои «Городка Окурова». И этой повѣсти, какъ драмамъ Горькаго, какъ послѣднимъ повѣстямъ его, недостаетъ движенія и дѣйствія.

Что особенно заинтересуетъ здѣсь критика-публициста,—это то, что Горькій даетъ почти формулы тѣхъ настроеній, какія онъ считаетъ самыми существенными для современнаго мѣщанства.

Конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что онъ не вчитывался спеціально въ Успенскаго, что, вѣрнѣе, онъ вычеркнулъ бы у себя строки, совпавшія со строками своего предшественника по воспѣванію растеряевскихъ, окуровскихъ то жъ, улицъ. И, однако, вѣдь это же почти совсѣмъ психологія и философія героевъ Успенскаго, ихъ тоска, ихъ мечтанія, ихъ страстное желаніе найти на землѣ какую-то свою полочку, чтобы на ней опочить и угомониться, и тотъ же итогъ: лежанье на боку или кабакъ.

— Мы всѣ мѣщане,—говоритъ кривой философъ Горькаго.—Чему мы, примѣрно, соотвѣтствуемъ? По-азбучному сказать, *какое намъ мѣсто и дѣло отведено на землѣ государевой?* Купецъ ли, дворянинъ ли и даже мужикъ, самый низкій слой земного жителя,—всѣ имѣютъ соотвѣтственность тому, другому дѣлу. А *наше дѣло какое?*

Никто не можетъ объяснить, кто есть въ Россіи мѣщанинъ и какому дѣлу-мѣсту соотвѣтствуетъ.

— Чего же ты хочешь? — сурово спрашиваютъ кривого философа.

— Какъ чего?—отвѣчаетъ тотъ.—*Соотвѣтственнаго званію мѣста—больше ничего.*

Это говоритъ одинъ. Но не то же ли говоритъ и другой, сейчасъ только что задавшій вопросъ: «Чего же ты хочешь?»

— Все во мнѣ есть,—говоритъ Вавила Бурмистровъ,— а *стержня нѣту.* И всѣ мы такіе смѣшанные изнутри. Нѣтъ никакихъ природныхъ правъ, и потому мѣщане первые христопродавцы... Вотъ, гляди, живутъ въ Россіи люди, называемые мѣщане. Кто ихъ несчастнѣе,— подумай. Есть цыгане; они все бродяжатъ, по ярмаркамъ мужиковъ лошадями обманываютъ, по деревнямъ куръ воруютъ. А мѣщане хоть больше на одномъ мѣстѣ трутся, но то же *самые безполезные въ мірѣ жители.* Вотъ тридцать годовъ мнѣ, сила есть у меня, а *мѣста я себѣ не нахожу такого, гдѣ бы душа не ныла.*

Противъ этихъ мѣстъ изъ Горькаго можно сдѣлать длинный рядъ характернѣйшихъ выписокъ изъ Глѣба Успенскаго. Это совпаденіе, безспорно, случайное,—похвала Горькому. Когда заходитъ рѣчь о постиженіи мѣщанской души, Успенскимъ можно пользоваться, какъ чудеснымъ коррективомъ, какъ оселкомъ, отличающимъ благородную сталь отъ ржавѣющаго желѣза.

НА ЧУЖИХЪ РЕЛЬСАХЪ.

I.

— «Прежде писалось какъ ловко! Пишешь, бывало, словно птица поетъ. А теперь подойдешь къ письменному столу, какъ подумаешь, что долженъ написать «нѣчто»,—крылья опускаются».

Такое признаніе Горькаго записалъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ Дорошевичъ. Въ этихъ словахъ своего рода ключъ и къ той писательской драмѣ, какая стала неизбѣжной для Горькаго, и ко всей философіи его нынѣшняго творчества.

Горькій уже не тотъ, не свободный пѣвецъ романтическихъ Челкашей, Артемовъ и «Проходимцевъ», сильныхъ и здоровыхъ Изергилей и Мальвъ, трагически опустившихся ротмистровъ Кувалдъ, Тяпъ и Объѣдковъ, изобразитель южнаго, смѣющагося моря, гдѣ рыбачатъ смѣлыя и отважныя дѣти природы, и тѣсныхъ и душныхъ ночлежекъ, куда заглядываетъ красивая и свѣжая южная ночь.

То было ранней весной.

Тогда Горькій едва ли въ самыхъ отдаленныхъ помыслахъ видѣлъ свою міровую извѣстность.

Онъ писалъ, чтобы подѣлиться съ тысячей, другой читателей, которымъ случайно попадетъ въ руки журналъ или газета съ его разсказомъ. Писалъ о томъ, что воочію видѣлъ за дни своей молодости, богатой приключеніями, пережилъ, перечувствовалъ.

Развѣ можно, напримѣръ, не видя, не перечувствовавши, такъ описать послѣдній приходъ домой, въ ночлежку, учителя въ «Бывшихъ людяхъ» и всю картину его смерти подъ пьяную болтовню хмельныхъ товарищей!

Перелистывая недавно Горькаго для одной справки, я попалъ на это мѣсто и такъ и перечиталъ весь разсказъ отъ средины до конца и потомъ отъ начала до средины. Какой глубокій писательскій темпераментъ, какое великолѣпное мастерство!

Слава обязываетъ, но какая это мука писать съ сознаніемъ такой отвѣтственности, съ обезпеченнымъ убѣжденіемъ, что написанное прочтутъ милліоны, и уже насторожившіеся переводчики немедленно переложатъ это на всѣ европейскіе языки!

Какъ трудно красавицѣ сохранить непринужденное и естественное выраженіе лица, когда она знаетъ, что всѣ глаза въ залѣ видятъ только ее!

Помню одну фразу изъ письма Леонида Андреева, тогда еще только что осѣненнаго крыльями славы. «Ужъ не начать ли мнѣ писать подъ псевдонимомъ?»

Этотъ вопросъ можетъ иногда не въ шутку приходить писателю, взнесенному на волну. Увы, Свифтъ, кажется, единственный въ исторіи, кто до сей поры безъ сожалѣній отказался отъ протекціи своего имени.

Тогда, встарь, Горькій, въ самомъ дѣлѣ, пѣлъ, какъ птица, и пѣлъ, можно сказать, людей, живущихъ, какъ птицы, вольныхъ, беззаботныхъ, не думающихъ о завтрашнемъ днѣ, берущихъ отъ жизни свое плотоядное удовольствіе, сонъ, ароматъ воздуха, моря, лѣса, женщину, наконецъ, вино, веселящее сердце человѣка.

Намъ, интеллигенціи, привыкшей къ комфорту, смущаемой всевозможными «проклятыми вопросами», Горькій наглядно показалъ, какъ можно упростить жизнь, выбросивъ изъ нея всѣ эти вопросы, махнувъ на жизнь

рукой и не задумываясь надъ ней даже передъ лицомъ смерти, постигающей товарища.

— Ну, умеръ. Ну, что же?.. Придетъ время, я и самъ умру... не хуже его, какъ говоритъ Объѣдокъ въ «Бывшихъ людяхъ», или еще лучше его обосновываетъ ротмистръ Кувалда:

— Придетъ время, и всѣ мы умремъ не хуже другихъ... Ибо человѣкъ живетъ, чтобы умереть. И умираетъ. И, если это такъ, не все ли равно, отчего и какъ онъ умираетъ и какъ онъ жилъ? Выпьемъ же еще... и еще, пока живы!..

II.

У Горькаго могла закружиться голова отъ похвалъ со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ лагерей, отъ этого звона со всѣхъ колоколенъ. Но семь нянекъ сдѣлали свое дѣло.

Михайловскій, напримѣръ, всего настойчивѣе предостерегалъ молодого писателя отъ декаданса. Разные Богдановичи, Евг. Соловьевы и вся критика соціальнаго оттѣнка потащили Горькаго въ свой приходъ, мечтая сдѣлать изъ него иллюстратора своихъ теорій.

Тогда у насъ носились съ марксизмомъ и ницшеанствомъ, и у Горькаго вдругъ въ рѣчахъ его философствующихъ босяковъ послышались такъ-таки прямыя, впрочемъ, неоговоренныя цитаты изъ «Капитала» и «Заратустры».

Партійные критики изъ добросовѣстно изучившихъ доктрину, но въ художественномъ смыслѣ безвкусныхъ, всѣ эти Ангелы Богдановичи, Оболенскіе, Шулятиковы и всѣ, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси, зааплодировали писателю, который, будучи некнижнымъ, такъ мѣтко попалъ въ точку ученія.

Они забывали, что и некнижному человѣку, если онъ грамотенъ и любознателенъ, да въ особенности, если еще надъ ухомъ его бубнятъ ретивые менторы, нѣтъ ничего легче понять теорію, а при талантѣ и недурно иллюстрировать ее.

Тогда, ради иллюстрированія доктрины, Горькій началъ рисовать грядущаго героя нашего времени,—интеллигента изъ четвертаго сословія въ своемъ «Мужикѣ».

Критики изъ бездарностей и безвкусниковъ готовы были уже затрезвонить во вся тяжкая, когда Горькій, въ которомъ здравый вкусъ художника восторжествовалъ надъ всѣми подсказами партій, стряхнулъ съ себя случайный хмель и возымѣлъ мужество прекратить печатаніе повѣсти и объявить, что онъ ее никогда не кончитъ.

Для всѣхъ, кто полной мѣрой цѣнитъ художника Горькаго, это было великимъ утѣшеніемъ. Русская литература уже знаетъ одинъ трагическій примѣръ гибели художника подъ насиліемъ теоретиковъ.

Развѣ не трагиченъ Глѣбъ Успенскій, вычеркивающій чудесныя, истинно художественныя страницы изъ своихъ очерковъ подъ подсказъ Михайловскаго, что эти съ натуры схваченныя имъ сцены диссонируютъ съ той теоріей народничества, какая сложилась въ умѣ его и въ головахъ Скабичевскихъ и его приспѣшниковъ!

Горькій «Ѳомы Гордѣева» и «Троихъ», Горькій «Варваровъ» и «Дѣтей солнца», явился пророкомъ пролетарскаго протеста и Іереміей русской интеллигенціи.

Длинныя повѣсти онъ наполнилъ сплошнымъ обличеніемъ жизни. Его бичъ хлестнулъ по всей широтѣ русскаго бытія. Ѳома Гордѣевъ казался не купеческимъ сыномъ, а какимъ-то пророкомъ съ огненнымъ мечомъ въ рукѣ и съ пламенѣющимъ гнѣвомъ въ душѣ, котораго возставилъ Богъ на обличеніе всѣхъ направо и налѣво. Утомляющее и почти нудное впечатлѣніе полу-

чалось, въ концѣ-концовъ, отъ этого персонажа, у котораго все было не слава Богу.

Когда появились «Дѣти солнца», стало ясно, что Горькій не только противъ интеллигенціи, но, пожалуй, и противъ интеллигентности вообще. По крайней мѣрѣ, онъ оказался не съ профессоромъ химіи, а на сторонѣ его противниковъ.

Есть прямая психологическая связь между этимъ Горькимъ второй фазы и Горькимъ нынѣшнимъ, съ его увлеченіемъ тенденціозно-политической беллетристикой, съ его захватомъ соціалъ-демократическими теоріями, съ тѣмъ его протестомъ противъ аномалій полицейскаго государства, какой, по понятіямъ широкаго художника Чехова, очень часто сводится къ прозаическому занятію—обличенію дурныхъ городовыхъ.

Нѣтъ ни малѣйшей необходимости заподозрѣвать Горькаго этого амплуа въ неискренности или низменномъ разсчетѣ на успѣхъ.

Сынъ народа, самъ прошедшій непосредственную школу жизни, онъ, разумѣется, не можетъ не быть глубоко убѣжденнымъ демократомъ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что и гнѣвъ его противъ вѣковой «прижимки» крестьянина и рабочаго, и мечты его о томъ времени, когда овца возляжетъ рядомъ со львомъ, т.-е. простецъ уравняется въ правахъ съ богачомъ, — все это искреннее, ненаигранное убѣжденіе.

Косвенное доказательство этого въ томъ, что въ душѣ человѣкъ большого прирожденнаго вкуса и чутья, Горькій совершенно теряетъ художническое равновѣсіе, когда оказывается передъ задачей изложить мечты простолюдина о свободѣ.

Онъ точно забываетъ, въ чьи уста онъ вкладываетъ эти мечты, и пользуетъ для этого такой риторически цвѣтистый языкъ, какимъ въ жизни говорятъ исключи-

тельно съ церковнаго амвона или съ ораторской каѳедры.

И дѣло не въ одномъ только языкѣ. Художественная перспектива ускользаетъ отъ Горькаго, взвинченнаго гражданскимъ чувствомъ.

Писательскій масштабъ измѣняетъ ему, и въ обрисовкѣ лицъ и переживаній онъ впадаетъ въ переоцѣнки.

III.

Въ своемъ большомъ романѣ «Мать» онъ раскрываетъ передъ вами исторію пробужденія для «сознательной» жизни немудреной деревенской женщины, матери «сознательнаго» рабочаго. По началу несочувствующая его порывамъ и исканіямъ и просто боящаяся за его цѣлость, она самымъ ходомъ вещей, съ теченіемъ времени превращается въ убѣжденную соціалистку.

Одного платоническаго сочувствія идеямъ распропагандированнаго сына и его кружка для нея уже мало. Горькій дѣлаетъ ее активной участницей его дѣла. Подъ видомъ торговки, она раздаетъ прокламаціи заводскимъ рабочимъ, является добрымъ ангеломъ-утѣшителемъ товарищей сына, страдающихъ отъ полицейскихъ преслѣдованій, говоритъ дерзновенныя слова жандармскимъ офицерамъ на допросѣ и т. д.

Вещь, конечно, не невозможная, но тема чрезвычайно скользкая. Малѣйшій перехватъ и пересолъ, и немудрящая мѣщанка рискуетъ стать на позицію ученой курсистки.

На послѣднихъ страницахъ романа вы, въ самомъ дѣлѣ, видите такое чисто-страстотерпческое дерзаніе «матери», готовой легко и добровольно раздѣлить участь своего сына, ссылаемаго на поселеніе, что уже не видѣть горьковской идеализаціи невозможно.

Мать — самое святое для человѣка. Почти не можетъ быть сомнѣнія, что Горькій въ этой повѣсти мечталъ взлетѣть до предѣльной черты человѣческаго идеализма. На нѣкоторыхъ страницахъ книги лежитъ слѣдъ почти несомнѣннаго писательскаго волненія.

Но такова трагедія писателя, пишущаго на тезисъ: чѣмъ прямолинейнѣе онъ идетъ къ своей тенденціи, тѣмъ меньше плоти и крови въ его образѣ. Чѣмъ меньше плоти и крови въ образѣ, тѣмъ все холоднѣе остается читатель, и тѣмъ въ горшую и горшую фальшь впадаетъ пишущій.

Посмотрите, напримѣръ, какимъ языкомъ говоритъ въ романѣ мать, прозрѣвшая и, такъ сказать, возродившаяся для новой жизни.

— Ко всему несутъ любовь дѣти, идущіе путями правды и разума, и все облачаютъ новыми небесами (!), все освѣщаютъ огнемъ нетлѣннымъ (!) отъ души, изъ глубинъ ея исходящимъ. Такъ совершается жизнь новая въ пламени любви (!) дѣтей ко всему міру. И кто погаситъ эту любовь, — кто? Какая сила выше этой, кто поборетъ ее? Земля ее родила, и вся жизнь хочетъ побѣды ея... вся жизнь.

— Міромъ идутъ дѣти. Идутъ лучшія сердца, честнаго ума люди, наступаютъ неуклонно на все злое, на все темное, идутъ, топчутъ ложь крѣпкими ногами... Молодые, здоровые несутъ силы свои, необоримыя силы свои, всѣ къ одному — къ справедливости. Идутъ на побѣду всего горя человѣческаго, на уничтоженіе несчастій всей земли ополчились, идутъ одолѣть безобразное и — одолѣютъ. «Новое солнце зажгемъ», говорилъ мнѣ одинъ, и зажгутъ. Соединимъ разбитыя сердца всѣ въ одно, и соединятъ... Зажгутъ другое, величайшее небеснаго, солнце счастья человѣческаго (!), и навѣки оно освѣтитъ землю, всю ее и всѣхъ живущихъ на ней свѣтомъ любви каждаго человѣка ко всѣмъ и ко всему!

— Аркадій, не говори красиво!—хочется сказать Горькому, совершенно забывшему, въ чьи уста онъ вкладываетъ эти вѣщанія.

И такимъ языкомъ говоритъ и не одна мать. Во время хода съ красными знаменами одинъ изъ рабочихъ вѣщаетъ:

— «Товарищи, вы пошли теперь крестнымъ ходомъ во имя Бога новаго, Бога свѣта и правды, Бога разума и добра! Крестнымъ ходомъ мы идемъ, товарищи, долгимъ, труднымъ путемъ для человѣка. Далеко отъ насъ наша цѣль,—терновые вѣнцы близки. Кто не вѣритъ въ силу правды, въ комъ нѣтъ смѣлости до смерти стоять за нее, кто не вѣритъ въ себя и боится страданій, — отходи отъ насъ въ сторону!»

Не правда ли, протопопъ Аввакумъ, посѣдѣвшій надъ библейскими пророками и псалмами, не возвышался до такихъ риторическихъ красотъ. Въ идеалистическихъ романахъ Степняка-Кравчинскаго съ рѣчами, разсчитанными на побужденіе протестующихъ чувствъ молодежи, герои говорятъ проще. Здѣсь это совсѣмъ стиль высокой трагедіи, идущій такъ же бытовой повѣсти, какъ дѣвѣ хвостъ дельфина.

IV.

Повѣсть Горькаго «Лѣто» представляетъ его какъ бы окаменѣлымъ въ послѣдней третьей фазѣ.

Повѣсть не нарушила того, какъ бы нѣмого уговора молчанія, какимъ встрѣчались всѣ послѣднія вещи Горькаго, кромѣ «Исповѣди».

Появленіе «Лѣта» совпало съ тѣмъ моментомъ, когда зашумѣли слухи объ исключеніи Горькаго изъ партіи, и было почти трагично видѣть, какъ общество и печать, ухватившись за то, что въ сущности должно быть второстепеннымъ,—за скандалъ около имени писателя,

фатально обходили, какъ неинтересное, эту литературную новинку,—то, что въ писателѣ должно быть единственно вызывающимъ интересъ.

И между тѣмъ это было совершенно логично и психологически понятно. Горькій далъ дѣйствительно неинтересную, скучную повѣсть, не новую повѣсть, а точно варіантъ къ какой-то изъ недавнихъ работъ.

Читаешь ее и думаешь: «Какъ жалко, что его въ самомъ дѣлѣ не исключили изъ партіи! Какъ жалко, что онъ самъ не ушелъ изъ партіи!»

Какъ жалко вообще, что онъ, человѣкъ широкаго интереса,—ибо такова черта всякаго таланта,—такъ трагически замкнулся въ мысляхъ, настроеніяхъ, картинахъ и типахъ, относящихся исключительно къ одной полосѣ русской жизни, и съ этой полосы ни съ мѣста!

«Гражданиномъ быть обязанъ», — это, конечно, такъ. Но обязанъ ли писатель быть иллюстраторомъ партійнаго катихизиса, популяризаторомъ любезныхъ его сердцу политическихъ идей для массъ? Къ какой партіи принадлежалъ Шиллеръ, когда направлялъ «contra tyrannos» своихъ «Разбойниковъ», и чью партійную доктрину иллюстрировали Вольтеръ, Гюго, Ибсенъ или Толстой? Какая чепуха!..

«Сознательный» рабочій пришелъ въ деревню для пропаганды среди крестьянъ. Образовалъ около себя кружокъ молодежи, полюбившей книгу и почувствовавшей духоту старой жизни. Собирались вмѣстѣ, говорили про старое зло и новую жизнь, тревожно сжимаясь, когда гдѣ-нибудь поблизости показывалась зловѣщая фигура деревенскаго стражника. Въ концѣ-концовъ, коноводa выслѣдили и однажды арестовали. Такъ кончился пиръ ихъ бѣдою.

У экономныхъ строителей существуетъ пріемъ стройки новыхъ зданій изъ кирпича, оставшагося отъ разрушенія

стараго. Такъ, вся изъ старыхъ кирпичей эта повѣсть Горькаго.

Здѣсь все знакомо: и эти молодые идеалисты изъ рабочихъ, прозрѣвающіе на манеръ Ильи Лунева изъ «Троихъ», и ихъ благородныя рѣчи (см. «Враги», «Мать», «Жизнь ненужнаго человѣка»), и проклятія ихъ старой жизни (см. «Ѳому Гордѣева»), и грубые полицейскіе съ своимъ обыскомъ и арестомъ («Мать», «Враги»), и славныя молодыя крестьянки, инстинктомъ чувствующія, что правда и счастье идутъ не со стариками, а вотъ съ этой смѣлой, мечтающей, не боящеюся урядниковъ молодежью.

V.

Существуетъ особая вѣтвь въ литературѣ, называемая литературой для народа. Это такая же самостоятельная дорожка, какъ, напримѣръ, литература для дѣтей. Къ сожалѣнію, и та и другая вьются параллельно большой дорогѣ настоящей художественной литературы, и только рѣдкимъ чудомъ, какое Богъ являлъ намъ Андерсеномъ, Толстымъ, Чеховымъ, эти тропинки изрѣдка впадали въ большую дорогу. Обычно въ той и другой области писатель какъ бы становится на корточки, какъ бы говоритъ вполголоса. Педагогическія цѣли здѣсь всегда господствуютъ надъ художественными.

Вотъ точка зрѣнія, которая осмысливаетъ то теченіе, которому служитъ нынѣшній Горькій—Горькій третьей фазы.

Если его цѣль разжечь въ народномъ читателѣ мечту обновленной жизни, возвести простеца на степень «сознательнаго рабочаго» (что дѣлать, приходится пользовать этотъ опошленный терминъ), укрѣпить симпатію народа на такъ называемомъ идейномъ работникѣ соціализма, онъ можетъ считать свою цѣль совершенно достигнутой. Этого «начинающаго читателя» онъ можетъ

и заинтересовать, и завлечь, и разогрѣть. Такъ дѣйствовало, но не въ политическомъ, а въ нравственномъ смыслѣ, на этого читателя все, что издавалъ и издаетъ «Посредникъ». Такъ нѣкогда явно идеализованными фигурами Шеллеръ увлекалъ молодежь, и малоталантливый Мачтетъ стяжалъ громкія рукоплесканія гимназистовъ.

Почему насъ, взрослыхъ, интеллигентныхъ уже не займетъ, не увлечетъ, не тронетъ ничто изъ того, что дано Горькимъ хотя бы въ «Лѣтѣ»?

Выдумано это? Нѣтъ. Безъ сомнѣнія, такъ и есть во многихъ деревняхъ. Безъ сомнѣнія, именно такъ, можетъ-быть, только безъ такой риторической красивости, передовая деревенская молодежь говоритъ, мечтаетъ.

Такъ же прислушиваются къ нимъ старики, такъ же косятся на нихъ угрюмые стражники, можетъ-быть, дѣйствительно не вѣрящіе въ свое дѣло и своимъ надзоромъ отбывающіе только повинность, за которую имъ платятъ деньги.

Въ чемъ же дѣло?

Только въ томъ, что это *повѣсть на тезисъ*, задача на предвзятую тему, опытъ иллюстраціи къ готовой теоріи.

Давнымъ-давно уже Горькій не видитъ русской деревни, сидя на своемъ благословенномъ Капри. Разумѣется, нынѣшняя деревня не та, что была до 1905 г. Эту новую деревню онъ можетъ знать только по газетамъ да по тѣмъ «депутатамъ» ея, которыхъ счастье или несчастье заноситъ туда, подъ лазурное небо, на чудесный островъ, гдѣ нѣкогда скучалъ Тиберій.

Судите сами, какъ ограничены численно эти «ходоки» отъ русской деревни въ Италію! Прибавьте къ этому, какъ всѣ они однотонно окрашены въ смыслѣ своихъ политическихъ настроеній и какъ опасно было бы брать

ихъ художнику въ качествѣ натуры. Но иныхъ средствъ изученія у Горького—увы!—нѣтъ.

Будь передъ нами обыкновенный беллетристъ, то, что онъ создалъ бы въ такихъ условіяхъ, было бы сплошной и безцѣльной выдумкой. Талантъ Горькаго и его писательское мастерство спасаютъ его отъ этого. Но они не могутъ спасти его отъ созданія посредственности.

Ощупью онъ угадываетъ правду. Въ его фигурахъ прогрессивныхъ парней все-таки не всегда чувствуется та фальшь идеализаціи, какая, напримѣръ, отличаетъ всѣ революціонныя фигуры Степняка-Кравчинскаго.

Но ужасъ въ томъ, что всѣ фигуры у Горькаго на одно лицо. И Егоръ Трофимовъ, и Алексѣй Шипигусевъ, и Авдей, и Егоръ Досѣкинъ,—въ сущности, одинъ человѣкъ.

Почему это Егоръ, а это Алексѣй, когда и мысли ихъ и слова ихъ одни и тѣ же,—говоря откровенно, знакомыя, нѣсколько приподнятыя слова самого Горькаго: объ освобожденіи «изъ плѣна земли своей», объ «общемъ переворотѣ жизни», о «неуемномъ упрямствѣ въ дѣлѣ ея строенія», о народѣ, «уставшемъ отъ зла», о необходимости для человѣка «порвать всѣ цѣпи свои», о сатанѣ, «укрѣпляющемъ тронъ жестокости своей разностью мнѣній человѣческихъ» и т. д. и т. д.?

— «Невозможно новую жизнь строить изъ гнилыхъ обломковъ на старой нашей землѣ». «Сорвалось старое съ корней своихъ и судорожно бьется, умирая». «Новыхъ силъ требуетъ земля наша. И здоровымъ и хворымъ пришло время жить хоромъ». «Дня нѣтъ не окровавленнаго. Проливается этой человѣчьей крови безъ мѣры»...

Сколько разъ въ разныхъ комбинаціяхъ писала эти слова рука Горькаго!

Вослѣдъ ему сколько другихъ, менѣе сильныхъ и совсѣмъ слабыхъ рукъ Айзмановъ, Кипеновъ, Ценскихъ и всѣхъ, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси, перетирали эти слова, превращая ихъ въ стершееся резиновое клише!

Тенденціозно-политическая повѣсть освободительнаго оттѣнка испытала на себѣ судьбу стараго нашего тенденціозно-либеральнаго романа семидесятыхъ годовъ.

Взлетъ оригинальной мысли, всякое своеобразіе типа, всякая красочность картинъ,—все это стало рѣшительно невозможно, когда жанръ «усталъ», какъ говорятъ граверы о мѣдной доскѣ, обаналился, пошелъ въ шаблонъ и трафаретъ.

Немыслимо сейчасъ писать романы въ жанрѣ стараго «Дѣла», въ манерѣ Бажиныхъ, Станюковичей, Шеллеровъ, Мордовцевыхъ, Омулевскихъ. По инерціи ихъ дочитываютъ еще теперь глухая провинція и гимназисты не старше восемнадцати лѣтъ.

Такъ за несравненно болѣе краткій срокъ за какіе-нибудь три года, потому что теперь литературныя эволюціи совершаются быстрѣе и иногда молніеносно, оскудѣла и обуяла тенденціозно-освобожденческая, обличительно-полицейская беллетристика.

Писатель, рѣшающійся на повѣсти a thèse въ этомъ жанрѣ, уже незамѣтно для себя трагически превращается въ писателя для народа, въ провозвѣстника трюизмовъ, въ популяризатора партійной политической программы.

Можетъ случиться такъ, какъ это и обстоитъ всегда съ Горькимъ, что идеи повѣсти будутъ благородны, призывъ идеаленъ, истины, имъ пропагандируемыя, неоспоримы. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно что-нибудь возразить противъ того, что деревенская молодежь, желающая «почитаться», симпатична, что рѣчи всѣхъ этихъ Егоровъ Трофимовыхъ противъ вѣковой деревен-

ской «прижимки» совершенно справедливы, что дѣло стражника-сыщика постыло?

Но какой ужасъ, когда по поводу повѣсти, занявшей полтораста страницъ, преисполненной разговоровъ безъ конца, ни о чемъ не хочется поспорить, не на что возразить, не о чемъ разсказать другу, знакомому съ загорѣвшимися глазами; когда, закрывъ книгу, читатель не восторгается, не негодуетъ, не говоритъ: «Прекрасно», «скверно», «великолѣпно», «возмутительно», но, спокойно ставя ее на полку, отмѣчаетъ въ умѣ:

— Совершенно вѣрно!

У ГОРЬКАГО на КАПРИ.

I.

Два года назадъ мнѣ случилось быть подъ Неаполемъ. Я спустился до Капри, чтобы побывать у Горькаго.

Маленькая точка на огромномъ Средиземномъ морѣ, Капри прелестно, какъ прелестно Сорренто. Какая же это красота, когда, уходя въ далекое море, умираетъ солнце, каждое мгновеніе рождая новыя краски и новыя иллюзіи!.. Я очаровался, растрогался, умилился.

Съ Капри великолѣпно море. Ахъ, бѣдные-бѣдные русскіе таланты, воспитывающіеся на Васильевскомъ островѣ и видящіе сѣрый фабричный дымъ вмѣсто неба! Можно ужаснуться тому, что ни Пушкинъ ни Лермонтовъ никогда не бывали дальше Россіи. Откуда же у насъ взяться фантазіи и краскамъ! Соррентинское небо, кажется, можетъ превратить и посредственность въ талантъ!

На Капри знаютъ Горькаго. Еще на пароходѣ мнѣ пришлось услышать въ примѣненіи къ нему самые лестные эпитеты на всѣхъ языкахъ, на какихъ здѣсь говорятъ. Der sehr berühmte, le plus célèbre, celeberrime!—съ какимъ-то даже удовольствіемъ признали и пароходный капитанъ, и пѣвецъ, пѣвшій пѣсню о bella Napoli, и содержатель отеля на Капри.

Въ капрійскомъ книжномъ магазинѣ нѣмецкіе переводы Горькаго я увидѣлъ на первомъ мѣстѣ. Любой обыватель укажетъ вамъ здѣсь via Crupp—дорогу Крупна, ведущую къ «виллѣ Горькаго».

Узкая дорога, окаймленная каменной стѣной. Общій южно-итальянскій типъ. Такъ и въ Сорренто, и въ Помпеяхъ, и въ Неаполѣ. Кончается дорога Крупна, страшнаго человѣка, своими пушками дѣлающаго исторію,—кончается камень, и начинается природа.

По уступамъ, заросшимъ виноградниками, взбираешься съ горы на гору. Все зелено. Все цвѣтетъ. Благоухаютъ олеандры. Краснѣютъ въ травѣ маленькія красныя ягодки, усѣвшіяся на низкомъ стволѣ. Сами итальянцы не умѣютъ назвать ихъ,—знаютъ только, что онѣ ядовиты и что ихъ никто не ѣстъ, кромѣ ящерицъ. Я попробовалъ. Безвкусно водянисто. Какъ наша волчья ягода.

На склонѣ горы прелестная вилла изъ бѣлаго камня. Ничто не говоритъ, что здѣсь живетъ Горькій. На двери надпись—частная собственность такого-то. Ничего никому не говорящее итальянское имя.

Здѣсь, вдали отъ родины, онъ живетъ и работаетъ.

II.

Вилла изъ бѣлаго камня прилѣпилась къ скату холма. Терраса окаймлена нѣсколькими круглыми колоннами. Около нихъ вьется какое-то растеніе, стоятъ цвѣты.

Кругомъ крупные олеандры, засыпанные красными и бѣлыми благоухающими цвѣтами. Чудовищно растопорщился кактусъ, огромный и жирный,—одинъ изъ тѣхъ итальянскихъ кактусовъ, повидавъ которые, хочется посовѣтовать нашимъ петербургскимъ коллекціонерамъ побросать ихъ хваленыя коллекціи за окошко.

Въ сторонѣ маленькій виноградникъ, принадлежащій виллѣ. Гроздья уже крупны, но совершенно зелены и крѣпки.

И бѣлыя колонны, и цвѣты около нихъ, и олеандры, и виноградъ,—все придаетъ виллѣ фонъ картины Семирадскаго. Недостаетъ только фигуръ бритыхъ римлянъ и прекрасныхъ римлянокъ. Чудится,—вотъ сейчасъ войдутъ.

Фантастически чудесный видъ отсюда на море, на городъ, на горы, на террасу нижней виллы...

На фонѣ картины Семирадскаго въ виллѣ сорганизовалось что-то въ родѣ русской колоніи. Въ центрѣ Горькій, его жена, родные и знакомые. Въ этомъ обществѣ Горькому некогда скучать, въ особенности при большой литературной работѣ и тѣхъ задачахъ, какія онъ передъ собой ставитъ. Тосковать—дѣло другое.

Дѣйствіе благодатной природы Капри на Горькаго было явно благотворное. Онъ загорѣлъ. Умные, голубые глаза смотрѣли энергично и юношески весело. Молодило его то, что онъ остригъ свои волосы гладко, подъ гребенку. Только глубокія морщины на лбу говорили, что этотъ человѣкъ видѣлъ многое въ жизни.

Горькій въ свѣтломъ лѣтнемъ костюмѣ, какой очень обыченъ въ Италіи. Подъ пиджакомъ свободная рубашка и жилетъ. Гибкость, сила, молодость, огромная энергія въ этой высокой фигурѣ, стремительныхъ движеніяхъ, внимательныхъ глазахъ и моментами хищно расширяющихся ноздряхъ.

Кромѣ гостепріимныхъ хозяевъ, извѣстнаго поэта переводчика Ѳ. Ѳ. Фидлера, которому я сопутствую въ поѣздкѣ, и меня, есть еще одно живое существо на верандѣ, чудесно гармонирующее съ общимъ южнымъ, немножко даже экзотическимъ колоритомъ картины.

Это—молодой попугай Пепито, подаренный кѣмъ-то Горькому и родомъ, кажется, изъ Уругвая. Нѣжность, съ какою онъ садится на плечи хозяевъ, льнетъ къ нимъ граціозно-пестрой головкой и шутя клюетъ ихъ руки, прямо изумительна. Въ свою очередь, и хозяева не скрываютъ своей любви къ ласковой птицѣ.

III.

Сейчасъ Горькій въ положеніи эмигранта изъ Россіи. Еще не ликвидировано его обвиненіе по дѣлу о московскомъ возстаніи, и за нимъ есть недоимки по чисто литературнымъ дѣламъ, въ родѣ процесса изъ-за повѣсти «Мать».

Но не только это заставляетъ Горькаго держаться внѣ Россіи.

— Нигдѣ въ Россіи,—говоритъ онъ,—я не могъ бы такъ хорошо работать и учиться, какъ здѣсь. Когда я попадаю въ Россію, я какъ-то сразу оказываюсь кругомъ въ дѣлѣ. А мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, полтора года сейчасъ на непрерывную работу чтенія. Нужныхъ книгъ у меня достаточно, и я отдаюсь самообразованію. Кой-что иногда присылаетъ Амфитеатровъ. У него чудесная библіотека. Писать сейчасъ не тянетъ. Да ко всему, я писалъ въ послѣднее время такъ много, что пора дать отдыхъ и читателю, и себѣ.

Онъ говоритъ объ «Исповѣди».

— Я написалъ ее только что, но мысль эту имѣлъ давно. Искать прямо автобіографическаго въ моемъ героѣ было бы невѣрно. Это не мои исканія. Это не я. Конечно, періодъ, когда во мнѣ остро сказывалось исканіе въ религіозной области, въ свое время и я пережилъ. Но здѣсь я больше имѣлъ въ виду одну извѣстную мнѣ натуру, дѣйствительно мучительно переживавшую свою тоску по живомъ Богѣ. Разумѣется, многое здѣсь изъ моего личнаго опыта и жизненныхъ наблюденій. Такъ, я видѣлъ схимника, подобнаго тому, какой тамъ изображенъ. Зналъ и красавца монаха изъ эпикурейцевъ. Много тамъ нашего, нижегородскаго, хотя бы—крестный ходъ. Я былъ, напримѣръ, въ саровскихъ краяхъ еще до торжествъ. Все это и типы эти монастырскіе я знаю. Думаю, что не встрѣтится препятствій

къ появленіи этой повѣсти въ Россіи. Тамъ ничего нѣтъ такого.

Горькій не прячетъ и своего личнаго отношенія къ богоискательству».

— Я, можетъ-быть, подписался бы здѣсь подъ многимъ. Сейчасъ крайній индивидуализмъ имѣетъ успѣхъ. Но я думаю, что его пѣсня спѣта. Будущее за коллективизмомъ, за народомъ. Народъ вездѣ скажетъ свое слово, и въ Россіи въ частности. Вообще, только отдалившись отъ Россіи, видишь, какая великая обновительная роль ей суждена. Мнѣ не кажется невозможнымъ, что будетъ время, когда умственная гегемонія, духовное командованіе міромъ перейдетъ къ Россіи. Посмотрите, какая литература! Кого она даетъ въ какіе-то полвѣка! Только призадумайтесь надъ именами—хотя бы отъ Достоевскаго до Короленко! И что поразительно: въ то время, какъ въ иностранныхъ литературахъ видишь, какъ одинъ авторъ прямо выходитъ изъ другого, — у насъ невѣроятное разнообразіе и необъятное богатство. Возьмите хоть такого писателя, какъ Глѣбъ Успенскій. Откуда-то вдругъ взялся и пролетѣлъ надъ русской землей, какъ какая-то трепетная раненая птица. И посмотрите,—всѣ тѣ великіе вопросы, какіе трогали наши большіе писатели, уже захватываютъ Европу. Уже появляются книги на темы, волновавшія Достоевскаго. Но начало-то пошло съ сѣвера. И сейчасъ, при нашемъ литературномъ сектантствѣ, при разныхъ уродствахъ, все-таки какое кипѣніе литературы! Назовите во всей европейской литературѣ имя, которое было бы интереснѣе Леонида Андреева. Я говорю это, вовсе не закрывая глазъ на его слабыя стороны. Я, напримѣръ, не считаю «Разсказа о семи повѣшенныхъ» очень ему удавшимся. Но это такъ: по-моему, Андреевъ—самый сейчасъ интересный по выбору темъ, по своимъ писательскимъ настроеніямъ беллетристъ.

IV.

Съ большимъ сочувствіемъ говоритъ Горькій объ итальянцахъ.

Онъ отмѣчаетъ ихъ доброе отношеніе къ русскому человѣку, отсутствіе формализма, готовность поддержать тѣхъ, кого русскій режимъ подвергъ всѣмъ возможнымъ превратностямъ судьбы.

Онъ иллюстрируетъ это разсказами объ одномъ и другомъ русскихъ, вынужденныхъ искать убѣжища подъ итальянскимъ небомъ.

— Заграничные собратья относятся ко мнѣ очень хорошо. У меня бывали кой-кто изъ итальянскихъ журналистовъ, и я почувствовалъ въ нихъ славныхъ людей, напомнившихъ мнѣ русскаго литератора. Заѣзжали и не только итальянцы. Была, напримѣръ, Элленъ Кей и нѣмецкій писатель Рильке. Не забываютъ и русскіе люди. Непріятно только, когда потомъ сочиняютъ. Вотъ одинъ, напримѣръ, русскій фельетонистъ пустилъ въ ходъ сообщеніе, что я купилъ виллу у знаменитаго Круппа. Вообще я хотѣлъ бы быть тѣмъ Горькимъ, о которомъ пишется въ газетахъ, который платитъ за виллы бѣшеныя деньги и катается по Капри на собственномъ автомобилѣ. Вы видите Капри, и знаете, какъ на немъ удобно ѣздить на автомобилѣ [1]), а вѣдь иные вѣрятъ. Ужъ сказали бы лучше,—Горькій завелъ аэропланъ. Все-таки правдоподобнѣе. А еще, какъ оказывается, у меня есть маіоратное имѣніе въ Нижегородской губерніи, и купилъ я его за 500 тысячъ,—ни больше ни меньше. Вотъ какой богачъ! Вообще вранья по горло. На самомъ дѣлѣ, вилла, конечно, не моя. Снимаю я ее у соб-

---

[1]) Капри настолько гористо, что даже велосипедная ѣзда на немъ совсе невозможна.

ственника, фамилія котораго и написана у дверей, и плачу за нее со всѣми угодьями, садикомъ и даже бѣльемъ совсѣмъ ужъ не такъ много.

Разговоръ естественно ведется о литературѣ, еще о литературѣ и еще о литературѣ.

Склоняются имена Толстого, Мамина-Сибиряка (книгу котораго «Черты изъ жизни Пеппо» онъ считаетъ выдающейся въ нашей литературѣ), Андреева, Куприна, изъ покойныхъ—Чехова и др. Къ случаю Горькій вспоминаетъ о двухъ своихъ встрѣчахъ съ Николаемъ Успенскимъ, котораго разъ, еще до писательства, ему пришлось почти спасать отъ какой-то трактирной исторіи.

Заходитъ рѣчь о толстовскомъ юбилеѣ. Горькій замѣчаетъ, что итальянскіе литераторы уже сами намѣчаютъ программу присоединенія къ привѣту русскому писателю. Въ виду этого онъ находитъ болѣе удобнымъ воздержаться отъ личной инициативы въ этомъ дѣлѣ.

Собственныя пьесы не удовлетворяютъ Горькаго. Недоволенъ онъ и послѣднею вещью «Послѣдніе».

— Ее не слѣдовало бы еще печатать,—говоритъ онъ.— Меня увлекла перспектива постановки пьесы въ одномъ нѣмецкомъ театрѣ. А печатается нѣмецкій текстъ съ русскимъ одновременно. Не удовлетворяли меня и сценическія постановки. Еще недавно я смотрѣлъ свою вещь на нѣмецкой сценѣ. Автору всегда трудно сказать, хорошо ли вышло. Здѣсь же было и осложняющее обстоятельство. Посадили меня въ ложу, и публика ходила меня смотрѣть. Къ этому невозможно привыкнуть! Заглядываютъ вѣдь прямо въ лицо. Разсматриваютъ, какъ неодушевленный предметъ. «Пишетъ». Точно диковина какая, что пишетъ. А кромѣ того, что это смущаетъ, мнѣ въ этомъ чувствуется и что-то неуважительное къ человѣку.

Россія напоминаетъ о себѣ Горькому газетами, письмами. Корреспондируютъ ему изобильно. Множество рукописей шлютъ начинающіе.

Сверхъ обыкновенія людей, обреченныхъ на это занятіе, Горькій говоритъ объ этомъ не только безъ раздраженія, но съ явнымъ сочувствіемъ къ пробующимъ силы.

— Какіе есть тутъ талантливые парни! Форма совсѣмъ неумѣлая, плохо написано, а какое внутреннее богатство, прирожденная сила! Пишетъ разный людъ. Часто рабочій, матросы. Читаю прямо съ интересомъ. На-дняхъ одинъ прислалъ какъ бы фантазію на тему о бунтѣ и устройствѣ жизни на новыхъ началахъ. Хорошо! Совсѣмъ хорошо...

V.

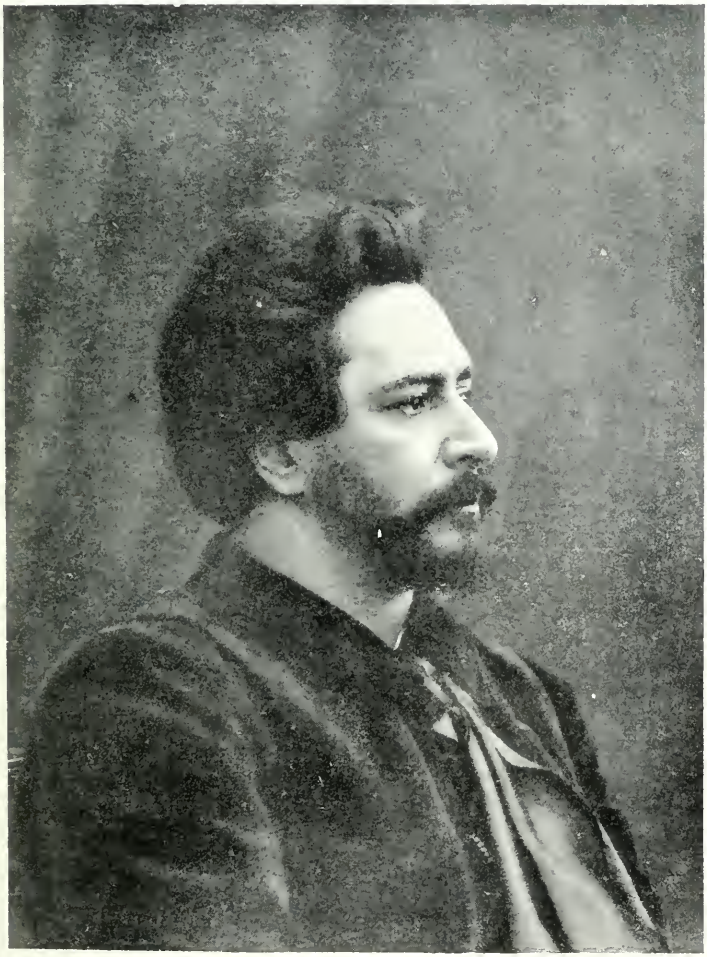
...На Капри темнѣетъ быстро. Ночь летитъ на крыльяхъ. Послѣ обѣда на верандѣ уже стало темно.

Почернѣло море, и немногочисленные паруса, виднѣвшіеся часъ назадъ, захлестнула тьма. Живописно зажглись далекіе огни на лодкахъ.

Огни вспыхнули тамъ и здѣсь въ горахъ. Высоко въ небѣ зачернѣлись статуи на далекомъ дворцѣ. Жаль было отводить глаза отъ этой красоты.

— Да, красиво,—сказалъ и Горькій,—очень красиво Иногда даже умилиться хочется. Я тутъ недавно всѣмъ надоѣлъ съ цвѣткомъ однимъ. Растетъ, понимаете, прямо изъ каменной стѣны. Какъ туда его занесло, какъ онъ безъ земли совсѣмъ растетъ, чортъ его знаетъ! А растетъ—и трогательно смотрѣть. Побѣдилъ камень!.. Такой слабенькій, а побѣдилъ камень!..

Мы спустились въ узкую улицу Капри, обнесенную каменной стѣной. Стучали шаги по камню. Ночь осѣдала все плотнѣе. И мысль невольно обращалась къ сѣдой старинѣ, когда здѣсь, девятнадцать вѣковъ назадъ, въ такую же безумно-чудесную ночь такъ же звучали шаги людей, восхищавшихся моремъ, горами, тишиною и этою ночью, опустившею свой покровъ надъ дачной резиденціей кесаря Августа.



ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

КЪ ЗВѢЗДАМЪ.

I.

Тринадцать лѣтъ назадъ въ пасхальномъ номерѣ московской газеты «Курьеръ» былъ напечатанъ маленькій, обычнаго «праздничнаго» типа разсказецъ «Баргамотъ и Гараська». Расчувствовавшійся въ пасхальный вечеръ городовой пригласилъ къ себѣ разговѣться уличнаго зашивоху, и когда зашивоха услышалъ, какъ его тутъ, въ доброй семьѣ, въ первый разъ назвали по отчеству, онъ опустилъ на столъ свою буйную и хмельную голову и горько расплакался. «Назвали по отчеству!..»

Разсказъ былъ выполненъ въ обыкновенныхъ средствахъ и рамкахъ «святочнаго» или «пасхальнаго» разсказа. Вечеръ кануна, пасхальные колокола, кулич и яйца, черствое, но смягчающееся сердце...

Но въ заключительныхъ строкахъ, въ трагической оглядкѣ пьянчужки на свою жизнь мелькнуло, скользнуло что-то серьезное, глубокое, совсѣмъ не обязательное для пасхальнаго наброска, вильнула и спряталась трагически-тревожная мысль, почудилась тѣнь чьего-то вдумчиваго, умиленнаго и скорбнаго лица...

А за нѣсколько дней передъ появленіемъ разсказа въ стѣнахъ редакціи молодой газеты, насчитывавшей всего лишь съ небольшимъ годъ существованія, происходила одна изъ заурядныхъ предпраздничныхъ редакціонныхъ сценъ. Секретарь редакціи И. Д. Новикъ предложилъ молодому сотруднику газеты по отдѣлу судебной хроники написать разсказъ къ праздничному номеру.

Молодой сотрудникъ работалъ въ газетѣ со дня ея основанія, съ ноября 1897-го года. Только въ про-

шломъ году онъ окончилъ университетъ по юридическому факультету и получилъ патентъ образованности. Онъ былъ приписанъ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, но практики не имѣлъ.

Этотъ судебный хроникеръ былъ Леонидъ Андреевъ. Такъ блѣдно, обыкновенно не многообѣщающе занималась заря писателя, имя котораго теперь приматствуетъ въ Россіи надъ всѣми молодыми именами и который уже прошелъ признаніе «Revue des Revues», переведенъ на всѣ европейскіе языки и грѣется въ лучахъ міровой извѣстности.

«И у бѣдной матери можетъ родиться богатое дитя», какъ говоритъ датская пословица, которую примѣнилъ къ себѣ въ день своего чествованія Андерсенъ...

II.

Сказка жизни Андреева феерична и необыкновенна. Къ нему, испытавшему неподкрашенную бѣдность, получавшему двухкопеечный гонораръ за строку, узнавшему горечь не одного отказа въ редакціяхъ, судьба повернулась лицомъ такъ скоро, благожелательно и рѣшительно, какъ до сихъ поръ почти не бывало въ Россіи.

Успѣхъ въ прошломъ Помяловскаго или Рѣшетникова, успѣхъ позднѣе Глѣба Успенскаго или Надсона несравнимъ по шумности и силѣ взрыва съ вдругъ разгорѣвшимся успѣхомъ Андреева. Даже феноменальный успѣхъ Горькаго создавался медленнѣе и упорнѣе.

Когда въ октябрѣ 1900 года Андреевъ проникъ въ толстый журналъ и напечаталъ въ «Жизни» «Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ», его еще никто не зналъ и не хотѣлъ знать. Вѣроятно, въ мартѣ 1901 г. въ той же «Жизни» появилось его «Жили-были». Вѣроятно, въ томъ же мѣсяцѣ въ своихъ обычныхъ литературныхъ замѣткахъ, въ статьѣ «Признанные и молодые», мнѣ

пришлось отдавать все предпочтеніе молодому, свѣжему, благоуханному таланту передъ писателями старыми и признанными и вмѣстѣ—всю дань своего удивленія этому, очевидно, совсѣмъ молодому писателю, берущему съ мѣста такой вѣрный и выдержанный тонъ.

Въ этомъ же году, осенью, вышелъ первый сборникъ разсказовъ Андреева. Первый, кто его пламенно и авторитетно призналъ, былъ Ясинскій. Уже въ ноябрѣ чуткій художникъ писалъ о новомъ «выдающемся литературномъ явленіи»: «Разсказы обращаютъ на себя вниманіе и блещутъ не только художественностью работы, но и новымъ литературнымъ направленіемъ. Взошла новая и яркая литературная звѣзда».

Въ декабрѣ Ясинскій посвятилъ молодому таланту цѣлую статью.

«Мы ничего не знали объ Андреевѣ, и въ ту ночь, когда мы стали читать его разсказы и не могли оторваться отъ нихъ до разсвѣта, пока не кончили всю книгу,—мы увидѣли, что взошла новая звѣзда. Мы въ этомъ убѣждены. Она вспыхнула яркимъ, серебристымъ свѣтомъ надъ самымъ горизонтомъ и пронизала мглу ранняго петербургскаго утра своими прекрасными и загадочными лучами».

Въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» привѣтствовалъ Андреева «самъ» Михайловскій. «Сборникъ Андреева,—писалъ онъ,—рѣзко выдѣляется изъ этой тусклой и сѣрой массы. Ихъ всего десять, этихъ разсказовъ. Но, несмотря на это, вы ясно видите, если не всѣ черты и подробности физіономіи автора, то, по крайней мѣрѣ, несомнѣнную оригинальность этой физіономіи. Настоящую, подлинную оригинальность, а не поддѣлку подъ нее, не ломающееся оригинальничанье, котораго развелось такъ много».

Крѣпость славы въ старину бралась упорнѣе. Андреевъ взялъ ее первымъ томикомъ. Одно изданіе стало

выходить за другимъ. Истинныя бури разыгрались около нѣкоторыхъ его разсказовъ—«Бездны», «Стѣны».

Дальше подъ такой же громъ аплодисментовъ и шиканій прошли и «Мысль», и «Въ туманѣ», и «Жизнь Ѳивейскаго», и «Красный смѣхъ», и «Савва», и «Іуда» и «Жизнь Человѣка». Все выходящее изъ-подъ его пера въ самое послѣднее время такъ же хватаетъ за самыя чувствительныя струны.

III.

Въ печати еще никогда не появлялся разсказъ о томъ, какъ послѣ появленія «Разсказа Сергѣя Петровича» къ молодому беллетристу пришла дѣвушка за совѣтомъ, не слѣдуетъ ли ей покончить съ собой, потому что она изъ такихъ же Сергѣевъ Петровичей.

Однажды газеты сообщали, что на представленіи «Жизни Человѣка» умеръ отъ разрыва сердца одинъ докторъ.

Вотъ какъ бы двѣ символическихъ вѣхи, наглядно опредѣляющія характеръ и степень того «безпокойства», какое рождалъ и рождаетъ въ душахъ трагическій талантъ Андреева.

И вотъ, пожалуй, третья. Въ Германіи недавно умеръ извѣстный режиссеръ W. Онъ не принадлежалъ къ церкви въ общепринятомъ смыслѣ и завѣщалъ похоронить себя безъ обряда. Но въ своей послѣдней волѣ онъ просилъ своего друга-актера прочитать надъ его могилой монологъ о смерти Терновскаго изъ андреевской драмы «Къ звѣздамъ».

— Какъ садовникъ, жизнь срѣзаетъ лучшіе цвѣты, но ихъ благоуханіемъ полна земля... Туда, въ эту синюю глубину посылаю я мой взоръ, и онъ скользитъ въ пространствахъ... Развѣ умеръ Джіордано Бруно?.. Умираютъ только звѣри, у которыхъ нѣтъ лица... Умираютъ только тѣ, кто убиваетъ... Нѣтъ смерти для человѣка, нѣтъ смерти для сына вѣчности...

Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, это не звучитъ, какъ старинный реквіемъ, какъ слова трогательной отходной гауптмановскаго Крамера надъ гробомъ сына?..

IV.

Громъ изъ Ясной Поляны, ауто-да-фе, которому предавали въ нѣкоторыхъ патріархальныхъ семьяхъ книги Андреева, спеціальныя кампаніи и травли, предпринятыя «Новымъ Временемъ», «Вѣсами», позднѣе «Русскою Мыслью», раскаты огромнаго успѣха «Жизни Человѣка», донесшіеся со всѣхъ сценъ русской провинціи,—все это слилось въ одинъ пестрый и спутанный шумъ, какой сопровождалъ бѣгъ тріумфаторской колесницы Андреева.

Ни о Пушкинѣ, ни о Гоголѣ у насъ, ни о Гюго во Франціи, ни о Диккенсѣ въ Англіи—никогда не появлялось сотой доли тѣхъ сообщеній, слуховъ, сплетенъ, выдумокъ, какими совершенно и со всѣхъ сторонъ обросло имя моднаго писателя.

Какую чудесную юмористическую біографію его почти безъ всякаго труда можно было бы написать, собравъ всѣ выдумки и небылицы, когда-либо появлявшіяся о немъ и не въ захолустныхъ, а въ столичныхъ газетахъ! Надъ этой біографіей можно было бы хохотать, потому что въ ней не было бы ни одного слова правды.

Вспомните, напримѣръ, разсказъ о «покушеніи» на Андреева въ Теріокахъ, когда «двое подозрительныхъ субъектовъ» встрѣтили его «въ четыре часа утра», когда онъ «по обыкновенію» вышелъ на прогулку, и когда онъ «спасся» отъ нихъ только благодаря тому, что у него «по обыкновенію» оказался револьверъ въ карманѣ.

Какое милое «обыкновеніе» гулять, когда еще спятъ пѣтухи, и носить въ карманѣ постоянную тяжесть, рискуя штрафомъ!

А молодой негръ «громаднаго роста», который будто бы встрѣчаетъ всѣхъ приходящихъ въ его домъ? А домъ для душевно-больныхъ, въ которомъ будто бы въ ранней молодости своей содержался Андреевъ въ качествѣ душевно-больного? А первоапрѣльская драма его «Антихристъ», въ которой будто бы въ числѣ героевъ дѣйствуетъ Василій Ѳивейскій и гимназистъ Рыбаковъ, герой разсказа «Въ туманѣ»? Развѣ вы забыли, какъ эта первоапрѣльская шутка народиста, обошла десятки газетъ, принятая совершенно въ серьезъ?

V.

Если все перечислять, придется долго не кончить. Андреевъ возразилъ только противъ дома сумасшедшихъ и потомъ—махнулъ рукой. Юмористу, ищущему темы, кромѣ всякихъ шутокъ, можно было бы посовѣтовать порыться часъ-другой въ старой газетной хроникѣ и написать на ея основаніи «біографію» Андреева. Онъ не потеряетъ времени даромъ. Его трудъ окупится сторицею. Его біографія имѣетъ шансы остаться памятной навѣки.

И, однако, рядомъ съ этимъ пустымъ и ничтожнымъ, часто сплетническимъ любопытствомъ уживается почти совершенное невѣдѣніе современнымъ читателемъ подлинной біографіи беллетриста.

Въ распоряженіи у читателя и у біографа только сжатая страничка, много лѣтъ назадъ, почти въ самомъ началѣ поприща Андреева, данная имъ по просьбѣ одного журнала.

А настоящая біографія его напрашивается на вниманіе уже просто потому, что его жизненная сказка совершенно исключительна.

Въ ней нѣтъ между прошлымъ и настоящимъ такого волшебнаго контраста красокъ, какъ это есть въ біографіяхъ Шаляпина или Горькаго. Но не правда ли, судьба бѣднаго судебнаго хроникера, черезъ какія-нибудь пять

Океанъ.

Картина первая.

На отдаленномъ островѣ таинственнаго дальневосточнаго моря. Недалеко отъ берега, на растояніи, и тонкій воздухъ чувствуется и видится; въ глубинѣ материка ~~[illegible]~~ возвышаются горы, которыя горятъ въ голубоватомъ свѣтѣ и на сколько приносятъ свой — душисто острое соленіе морской воды, будоражащей даже, кажется, не на-туженное обаяніе и таинственное очарованіе. В Гор

Автографъ Леонида Андреева.

лѣтъ послѣ первой беллетристической попытки вознесеннаго на высоту общероссійской извѣстности, а черезъ какія-нибудь десять лѣтъ становящагося извѣстностью и общеевропейской,—одна изъ тѣхъ капризныхъ сказокъ о «принцахъ» и «замарашкахъ», на какія былъ такой мастеръ Андерсенъ.

Вотъ подлинный набросокъ о своей жизни самого Леонида Андреева, когда-то напечатанный имъ въ «Журналѣ для всѣхъ» Миролюбова.

VI.

«Родился я въ 1871 г. въ Орлѣ, тамъ же учился въ гимназіи. Учился скверно, въ седьмомъ классѣ цѣлый годъ носилъ званіе послѣдняго ученика и за поведеніе имѣлъ не свыше четырехъ, а иногда и три.

«Самое пріятное, проведенное въ гимназіи, время, о которомъ до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ, — это перерывы между уроками, такъ называемыя перемѣны, а также тѣ рѣдкіе, впрочемъ, случаи, когда меня «выгоняли» изъ класса.

«Въ пустыхъ и длинныхъ коридорахъ звонкая тишина, играющая одинокимъ звукомъ шаговъ. По бокамъ запертыя двери, а за ними полные народа классы. Лучъ солнца — свободный лучъ, прорвавшійся въ какую-то щель и играющій приподнятой на перемѣнѣ и еще не осѣвшей пылью,—все такъ таинственно, интересно и полно сокровеннымъ смысломъ.

«Когда я еще учился въ гимназіи, умеръ мой отецъ, землемѣръ, и въ университетѣ мнѣ пришлось сильно нуждаться.

«На первомъ курсѣ въ Петербургѣ я даже голодалъ— не столько, впрочемъ, отъ настоящей нужды, сколько отъ молодости, неопытности и неумѣнія утилизировать лишнія части костюма; мнѣ и сейчасъ стыдно подумать, что я могъ два дня ничего не ѣсть въ то время, какъ

у меня было двѣ или три пары брюкъ, два пальто, теплое и лѣтнее, и т. п.

«Оканчивалъ курсъ я въ московскомъ университетѣ. Здѣсь матеріально жилось лучше: помогали товарищи и «комитетъ», но въ другихъ отношеніяхъ я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю петербургскій университетъ: въ послѣднемъ сильнѣе диференціація студенчества, и среди рѣзко выраженныхъ и обособленныхъ группъ скорѣе можно найти подходящую для себя среду.

«Въ 1894 г. въ январѣ я неудачно стрѣлялся; послѣдствіемъ неудачнаго выстрѣла было церковное покаяніе, наложенное на меня начальствомъ, и болѣзнь сердца, не опасная, но упрямая и надоѣдливая.

«За это время я дѣлалъ одну или двѣ неудачныхъ попытки писать, но съ большимъ удовольствіемъ и успѣхомъ отдавался живописи, которую люблю съ дѣтства, а именно: рисовалъ на заказъ портреты по 3 и 5 руб. штука. Усовершенствовавшись, я сталъ получать за портреты по 10 и даже по 12 руб.

«Въ 1897 г. я получилъ дипломъ и записался въ помощники присяжнаго повѣреннаго, но съ самаго начала сбился съ правильнаго пути: мнѣ предложили давать судебные отчеты въ газету «Курьеръ», только что возникшую.

«Практики юридической мнѣ, за недосугомъ, пріобрѣсти не удалось: было у меня всего на все одно гражданское дѣло, которое я проигралъ во всѣхъ инстанціяхъ, и нѣсколько уголовныхъ безплатныхъ защитъ.

«Въ 1898 г. я написалъ, по предложенію секретаря «Курьера», первый свой разсказъ, пасхальный, затѣмъ уже цѣликомъ отдался литературной дѣятельности довольно разнообразной: одно время я составлялъ судебные отчеты, писалъ фельетоны подъ различными псевдонимами и разсказы.

«Теперь я занимаюсь одной беллетристикой и лишь изрѣдка пишу статейки на общественныя темы.

Сильно помогъ мнѣ въ литературномъ отношеніи своими всегда дѣльными совѣтами и указаніями Максимъ Горькій».

VII.

Помнится, въ моментъ появленія этого очерка, если не въ печати, то въ частныхъ разговорахъ, Андрееву пришлось подвергаться упрекамъ за «тонъ» этой біографіи. Дѣйствительно, это не тотъ строго серьезный и намѣренно суховатый тонъ, какой принятъ, какого держались Достоевскіе, Толстые, Писемскіе въ своихъ автобіографіяхъ. «Я отнесся къ этому требованію журнала,—говорилъ мнѣ однажды Андреевъ,—недостаточно серьезно и не вполнѣ взвѣшивая значеніе этой страницы».

Въ самомъ дѣлѣ, на ней слишкомъ замѣтенъ налетъ настроенія того дня, въ какой она писалась. Нѣкоторыя подробности въ ней развиты въ ущербъ болѣе существеннымъ свѣдѣніямъ. Здѣсь есть какая-то детальная игривость, говорящая о томъ, что пишущій былъ затрудненъ, поставленъ втупикъ, не поймалъ тона. И здѣсь почти вовсе не освѣщенъ тотъ первый и интереснѣйшій моментъ его жизни, когда Андреевъ впервые нащупалъ свою дорогу.

«Мои студенческіе, — разсказывалъ мнѣ Андреевъ,— годы прошли въ бѣдности. Уже къ этому времени относится моя первая попытка выступить въ беллетристикѣ. Я написалъ разсказъ «Обнаженная душа», который цѣлъ и посейчасъ у одного изъ моихъ знакомыхъ.

«Сколько я разбираюсь теперь въ явленіяхъ, это былъ характерно декадентскій разсказъ и—любопытно—написанный тогда, когда еще декадентство почти вовсе не заявляло себя ничѣмъ. Я помню, что здѣсь былъ изображенъ глубокій старикъ, достигшій трагической способности читать въ человѣческихъ сердцахъ, такъ что для него не было ничего сокровеннаго ни въ комъ.

«Разумѣется, чѣмъ болѣе эта обнаженная душа соприкасалась съ людьми, тѣмъ трагичнѣе были ея впечатлѣнія, и, сколько помнится, этому человѣку не осталось, въ концѣ-концовъ, ничего иного, какъ кончить самоубійствомъ. Между прочимъ, помню подробность: этотъ старикъ видѣлъ человѣка, бросившагося подъ поѣздъ. Ему отрѣзало голову. И вотъ, онъ видѣлъ то, что думаетъ мозгъ въ отрѣзанной головѣ.

«Я отослалъ разсказъ въ «Сѣверный Вѣстникъ», и помню письмо критика А. Волынскаго, которымъ онъ отказывалъ мнѣ въ помѣщеніи рукописи, ссылаясь на то, что это «слишкомъ фантастично, слишкомъ необычайно»,—что-то въ этомъ родѣ.

VIII.

«Первое мое соприкосновеніе съ печатнымъ станкомъ произошло въ Москвѣ, и это было старинное «Русское Слово». Ни больше, ни меньше, я велъ здѣсь «Отдѣлъ справокъ». «Палата бояръ Романовыхъ открыта по такимъ-то днямъ, съ такого-то до такого-то часа»... «Галлерея Третьяковскаго—тогда-то и тогда-то»... За таковое литературное занятіе я имѣлъ тридцать копеекъ въ день. Именно въ это время я прирабатывалъ рисованіемъ.

«Эту черту моей любви къ живописи я бы хотѣлъ выдѣлить въ своей біографіи. Посейчасъ иногда я задаю себѣ вопросъ: какое мое подлинное призваніе,—художническое или писательское. Писать, во всякомъ случаѣ, я началъ въ юношескіе годы; въ раннемъ же дѣтствѣ я не помню себя иначе, какъ съ карандашомъ рисовальщика въ рукѣ.

«Если живописецъ во мнѣ совершенно погибъ, даже и не проявившись, этимъ я обязанъ только тому, что родился въ провинціальномъ русскомъ городѣ, гдѣ не было ни одного учителя рисованія, гдѣ рѣшительно

никто не могъ мнѣ просто посовѣтовать, какъ держать карандашъ.

«Единственнымъ человѣкомъ, глядя на котораго я все-таки могъ знать, что люди рисуютъ, былъ мой дядя, впрочемъ, умѣвшій рисовать только лошадокъ. Когда позднѣе, въ бытность мою студентомъ, я увидѣлъ у брата приборы для рисованія и узналъ, что существуетъ такъ называемая «растушка», что можно писать не карандашомъ, а такъ называемымъ «соусомъ», я съ горечью вспомнилъ свое дѣтство.

«Сейчасъ во мнѣ живописецъ, конечно, уже умеръ. Способность не утрачена вовсе, но осталась неразвитой. Я еще могу срисовать, какъ срисовывалъ въ послѣднее время нѣкоторыя картины Гойи, и въ общемъ настолько не худо, что художникъ Сѣровъ похвалилъ мою работу. Но, конечно, теперь уже поздно думать объ этомъ искусствѣ.

«Эту черту я отмѣчаю потому, что, можетъ-быть, она можетъ кой-что объяснять и въ моей беллетристической манерѣ. Можетъ-быть, потому у меня всегда прежде слагается внѣшній физическій обликъ описываемаго лица и потомъ окончательно опредѣляется духовный образъ.

«И потому же я не могу ошибиться въ описаніи деталей: изображаемое лицо я вижу во всѣхъ мелочахъ. Можетъ-быть, герой моего «Сына Человѣческаго» неясно представляется другимъ, но я-то вижу, какъ живого, этого деревенскаго попика, его бороду, глаза и т. д.

«По окончаніи университетскаго курса я приписался къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, даже завелъ портфель.

XI.

«Въ Москвѣ былъ присяжный повѣренный Малянтовичъ. Его пригласили давать судебные отчеты въ издававшейся тогда скромной газеткѣ «Московскій Вѣст-

никъ». Онъ, въ свою очередь, предложилъ мнѣ бывать въ судѣ, слушать дѣла и писать отчеты. Самъ онъ только «проходился» по нимъ и сдавалъ въ газету. Такъ, мой первый гонораръ былъ четыре копейки за строку этихъ отчетовъ.

«Ими были вполнѣ довольны, пока думали, что ихъ пишетъ опытный повѣренный. Но въ одинъ прекрасный день какъ-то узнали, что пишу ихъ я. Мое благополучіе рисковало совершенно пошатнуться. Однако случилось такъ, что не нашлось никого сразу на занятіе пустого мѣста. Судебные отчеты остались за мной. Моимъ руководителемъ въ эти дни былъ И. Д. Новикъ, бывшій судебнымъ референтомъ для другой газеты.

«Помню, однажды Новикъ зашелъ ко мнѣ и очень таинственно предложилъ прогуляться до Ильинскихъ воротъ, предупредивъ, что у него есть до меня дѣло, которое можетъ «совершенно повернуть мою карьеру».

«Здѣсь я узналъ, что организуется новая газета «Курьеръ», которую будетъ редактировать нѣкто г. Фейгинъ, и куда секретаремъ приглашенъ Новикъ. Черезъ нѣсколько дней я уже доставлялъ судебную хронику въ новую газету».

Объ этой порѣ нѣкогда такъ вспоминалъ, г. Новикъ: «Судебные отчеты Андреева не были обычными репортерскими сообщеніями о разбирающихся въ судѣ дѣлахъ. Онъ подходилъ къ вопросу не такъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ судебные хроникеры. Обвинительный актъ его вовсе не интересовалъ. Собранныя улики его вовсе не трогали. Все его вниманіе сосредоточивалось на характеристикѣ подсудимаго и среды, въ которой онъ вращался.

Съ каждымъ разомъ эта сторона его отчетовъ все больше выдвигалась на первый планъ, и я, какъ завѣдывавшій редакціей, попросилъ его принести мнѣ кое-что не изъ области криминальной.

— Не можетъ быть, чтобы вы не написали какого-либо разсказа,—сказалъ я ему.—Навѣрное, вы согрѣшили какимъ-нибудь беллетристическимъ произведеніемъ.

Черезъ нѣсколько дней Л. Н. приноситъ мнѣ ученическую тетрадку въ 20 страничекъ съ разсказомъ. Я не помню даже названія его, смутно помню и содержаніе его. Помню только, что дѣйствіе происходило между небомъ и землей, и герой разсказа былъ чѣмъ-то среднимъ между Манфредомъ и Демономъ.

Разсказъ этотъ я прочелъ и черезъ нѣсколько дней, возвращая его Л. Н., предложилъ ему спуститься на землю, а не витать въ безвоздушномъ пространствѣ.

— Вы бываете въ судѣ, передъ вами проходитъ масса народа, попробуйте написать судебные очерки.

Недѣли черезъ двѣ-три Л. Н. принесъ тетрадку, озаглавленную «Судебные очерки».

X.

«Что пройдетъ, то будетъ мило, и я,—говорилъ Андреевъ,—какъ вообще все въ молодости вспоминаю безъ всякой горечи,—такъ, въ частности, помню маленькую проходную комнату, гдѣ я и еще одинъ репортеръ сидѣли у одного стола и выписывали свои строки. Къ большимъ фигурамъ, дѣлавшимъ погоду въ редакціи, мы относились съ высокимъ уваженіемъ. Собственно, писателей въ составѣ редакціи не было. Имѣлъ къ ней касательство только Гольцевъ.

«Гольцевъ сказалъ, Гольцевъ совѣтуетъ»—вотъ какъ говорили о немъ въ «Курьерѣ», и когда онъ важно проходилъ въ редакціонное святилище, мы только слышали благоговѣйно произносимое: «Гольцевъ пришелъ».

«Между тѣмъ подходила Пасха. Новикъ предложилъ мнѣ написать пасхальный разсказъ. Я написалъ его, и онъ былъ напечатанъ цѣлымъ фельетономъ за моей

полной подписью. Это былъ «Баргамотъ и Гараська», вошедшій въ сборникъ моихъ разсказовъ».

«Вы хотите знать, былъ ли я въ этотъ день счастливъ?—Да, конечно. До сихъ поръ никогда я не печатался «такъ пышно». Прежде были какія-то задворки,—теперь я занималъ весь нижній этажъ газеты, подъ чертой. Моя печатная строка давно перестала быть для меня новостью. Самый разсказъ при мнѣ и набирался, и корректировался, и становился въ номеръ. Но, конечно, было дорого получить его утромъ у себя дома, изъ рукъ почтальона.

«Какъ я отнесся къ нему?—Легкомысленно. Мнѣ было просто любопытно, что этотъ разсказъ прочтутъ знакомыя мнѣ семьи Д., В. и т. д. Въ этотъ же вечеръ мнѣ случилось быть въ одной изъ такихъ семей. На столѣ я нашелъ газету съ разсказомъ. Она была измята, видимо, прочитана. Признаюсь, меня удивляло, что никто не заговариваетъ о разсказѣ. Мнѣ казалось, что всѣ должны говорить о немъ.

«Съ этого и пошло. Разсказы стали время отъ времени появляться въ «Курьерѣ». Тогда же мнѣ предложили писать небольшіе фельетоны на злобы дня, подъ общимъ заголовкомъ «Впечатлѣнія» за подписью «Л—евъ». Писалъ я и большіе фельетоны по воскресеньямъ, подписывая ихъ псевдонимомъ «Джемсъ Линчъ».

XI.

«Имѣлъ ли кто-либо изъ большихъ нашихъ писателей сильное вліяніе на меня, какъ писателя? Единственнымъ въ этомъ смыслѣ былъ Горькій. Случилось такъ, что изъ-за закрытія «Нижегородскаго Листка» подписчикамъ его разсылался, по соглашенію редакціи, «Курьеръ». Такимъ образомъ, первый же мой разсказъ попалъ въ руки Горькаго.

«Однажды, когда я пришелъ въ редакцію, мнѣ сказали, что Горькій прислалъ на имя одного изъ своихъ старыхъ знакомыхъ, кажется, Н. Н. Ашешова, письмо, спрашивая, кто такой пишетъ подъ псевдонимомъ «Леонидъ Андреевъ». На это письмо я отвѣтилъ ему лично.

«Такъ началась переписка между нами, а нѣсколько позднѣе произошло и личное знакомство. Алексѣй Максимовичъ проѣзжалъ черезъ Москву экстренно и назначилъ мнѣ встрѣчу на вокзалѣ. Онъ былъ тогда въ зенитѣ своей славы. Я помню, съ какимъ волненіемъ торопился на вокзалъ, боясь, что опоздаю, и ту первую минуту, когда увидѣлъ такъ знакомое по портретамъ его лицо, барашковую шапку и узкое пальто на высокой фигурѣ.

«Ему я обязанъ безконечно въ смыслѣ проясненія моего писательскаго міровоззрѣнія. Никогда до бесѣдъ съ нимъ я не смотрѣлъ такъ серьезно на свой трудъ и свой даръ. Онъ первый заговорилъ о такой для меня сомнительной вещи, какъ мой талантъ, о моей отвѣтственности передъ этимъ талантомъ и т. д. Онъ первый научилъ меня уважать высоту писательства.

«Горькій посовѣтовалъ мнѣ направить разсказъ Миролюбову въ «Журналъ для всѣхъ». Затѣмъ появились въ «Жизни» «Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ» и «Жили-были».

«Въ смыслѣ установки имени я многимъ обязанъ покойному Н. К. Михайловскому, съ большимъ сочувствіемъ написавшему обо мнѣ въ «Русскомъ Богатствѣ».

«Вскорѣ послѣ статьи я получилъ отъ него письмо. Онъ давалъ мнѣ нѣсколько совѣтовъ и просилъ разсказъ для своего журнала. Я отвѣтилъ ему длиннымъ письмомъ на нѣсколькихъ страницахъ и вскорѣ послалъ ему свою «Мысль», потомъ напечатанную въ «Мірѣ Божьемъ».

«Онъ возвратилъ мнѣ ее при письмѣ, въ которомъ говорилъ, что не понимаетъ такого разсказа. Какой можетъ быть въ немъ идейный смыслъ? Если же это просто клиническая картина душевнаго распада человѣка, то онъ недостаточно компетентенъ, чтобы судить, насколько точно я рисую психологію больного. Тутъ нужно судить психіатру.

«Наши встрѣчи съ нимъ были немногочислены. Однажды онъ пріѣхалъ ко мнѣ на дачу. Я никакъ не могъ ожидать такой чести и съ изумленіемъ узналъ въ слѣзающемъ съ извозчика старикѣ съ дрожащими руками Николая Константиновича.

«И послѣ исторіи съ «Мыслью» онъ относился ко мнѣ очень симпатично. Въ «Русскомъ Богатствѣ» былъ затѣмъ напечатанъ мой разсказъ «Иностранецъ». Николай Константиновичъ откровенно говорилъ мнѣ о томъ, что ему во мнѣ не нравилось, и на экземплярѣ подаренныхъ мнѣ своихъ сочиненій написалъ: «Л. Н. Андрееву отъ любящаго, несмотря на «Ложь» и «Стѣну», автора». Этихъ разсказовъ онъ не одобрялъ».

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕБУСЫ.

I. Оправданіе Іуды.

I.

Самыя увлекательныя проблемы науки блѣднѣютъ передъ проблемами человѣческой психологіи. Неронъ, Людовикъ XI, Иванъ Грозный, Савонаролла, Торквемада... Какой изъ самыхъ лѣнивыхъ умовъ не останавливался подолгу предъ этими образами исторіи!

Какая логика привела Герострата съ факеломъ въ рукѣ къ храму Діаны Ефесской? Не простое же безсмысленное безуміе, да, наконецъ, и въ самомъ безуміи есть логика! Красный цвѣтокъ, который во что бы то ни стало домогается сорвать безумецъ Гаршина, — для него не простой цвѣтокъ, но центръ мірового зла.

Чего хотѣлъ Іуда, когда лобзаніемъ предавалъ Учителя? Не тридцать же сиклей, — цѣна раба, цѣна блудницы, 18—20 нашихъ рублей, — прельстили его!

Изъ довѣренной ему кошилки, — и довѣренной, очевидно, какъ честнѣйшему, — онъ могъ бы взять не 30 сребренниковъ, а 30 драхмъ, и, живя съ Іисусомъ, могъ впереди разсчитывать на триста, на три тысячи. Церковь прокляла въ своихъ пѣсняхъ «недугъ сребролюбія» Іуды. Это не вдумчиво, не глубоко, не тонко.

Психологія Іуды! Она интересовала вѣка! Теологи тупили надъ ней свои перья. Поэты и драматурги рядили Іуду въ романтическій костюмъ (Elise Schmidt. „Judas Iscarioth"). Чтобы, объяснить гнусный ужасъ Іудина предательства, придумывали любовь Іуды къ женщинѣ, затмившую его разумъ и совѣсть. Есть англійскій романъ Маріи Корелли («Варавва»), гдѣ на Іуду вліяетъ его сестра, любовница Каіафы.

II.

Строгая наука подходила къ Іудѣ, всматривалась въ его лицо и—отступала съ ужасомъ.

Штраусъ, у котораго хватило дерзновенія раскачать все зданіе христіанства, счелъ необходимымъ и сюда примѣнить свою возлюбленную теорію евангельскаго миѳа. «Ничего не было. Іуда — весь іудейскій народъ, измѣнившій Мессіи, въ олицетвореніи фантазіи первоначальной церкви». Фолькмаръ увидѣлъ здѣсь такое же благочестивое измышленіе фантазіи, но съ прямыми цѣлями отвращенія первоначальныхъ членовъ церкви отъ измѣны христіанству.

Ренанъ написалъ:

«Думаемъ, что въ проклятіяхъ, обрушившихся на Іуду, есть кое-что несправедливое. Можетъ-быть, въ поступкѣ его гораздо болѣе неразумѣнія, чѣмъ злонамѣренности... Не было ли самолюбіе Іуды уязвлено упрекомъ, полученнымъ во время трапезы въ Виоаніи? Четвертый евангелистъ старается представить его воромъ, невѣрующимъ съ самаго начала. Это лишено всякаго вѣроятія. Можно скорѣе предположить что-нибудь въ родѣ чувства зависти,—какой-нибудь внутренній разладъ. Особая ненависть противъ Іуды, какая сквозитъ въ евангеліи, приписываемомъ Іоанну, подтверждаетъ это предположеніе. Менѣе чистый сердцемъ, чѣмъ дру-

гіе, Іуда могъ, самъ того не замѣчая, слишкомъ узко понять свои обязанности... Онъ могъ кончить тѣмъ, что интересы кассы поставилъ выше дѣла, для котораго она была предназначена. Администраторъ убилъ въ немъ апостола... По его мнѣнію, Учитель слишкомъ дорого обходился своей духовной семьѣ».

Если обходился дорого, то со смертью Его долженъ былъ или совсѣмъ прекратиться притокъ пожертвованій, или еще болѣе оскудѣть. Ренанъ, вѣроятно, самъ чувствовалъ свою здѣсь полную шаткость. Онъ, впрочемъ, не всматривался пристально въ вопросъ. Онъ только намѣчалъ тропинки, по которымъ можетъ устремиться мысль.

III.

Отъ древнихъ лѣтъ, отъ бл. Ѳеофилакта идутъ попытки реабилитаціи Іуды. «Іуда дѣйствовалъ bona fide, но произошла страшная, роковая ошибка».

Наиболѣе традиціонное мнѣніе: Іуда предавалъ Іисуса, не вѣря въ возможность его смерти. Фанатикъ-націоналистъ, онъ «ускорялъ» воцареніе Мессіи. При первой попыткѣ насилія надъ Іисусомъ будетъ бунтъ. Народъ вырветъ его изъ рукъ насильниковъ. Въ крайнемъ случаѣ, Іисусъ сотворитъ послѣднее великое чудо и воцарится надъ Іудеей. «И я, а не сыны Зеведея, сяду одесную».

Но народъ обманулъ Іуду. Іудѣ оставалось удавленіе.

Это мнѣніе можно убѣдительно обосновать. Разумѣется, оно лучше недальновиднаго ортодоксальнаго «сребролюбія». За него хватались и его отстаивали люди хорошаго вкуса и научной чуткости (Лайтфутъ, Бардтъ, Нимейеръ, Шмидтъ, Павлюсъ, Тиссъ, Лиде, Шолмейеръ). Настоящую богословскую науку у насъ до послѣднихъ дней не пускали въ Россію, какъ политику, какъ порнографію. Всѣ эти богословскія мнѣ-

нія у насъ были извѣстны только спеціалистамъ. Изъ русскихъ эту теорію оправданія Іуды развивалъ Аскоченскій въ своемъ «Дневникѣ».

Другая, наиболѣе убѣдительная теорія—преданіе въ силу разочарованія въ любимомъ Учителѣ, отстаиваемая за границей Кеймомъ («Исторія Іисуса изъ Назары») и у насъ А. В. Горскимъ и въ особенности обстоятельно и тонко М. Д. Муретовымъ. До сихъ поръ это — лучшее объясненіе, къ которому склоняютъ и многія частности.

IV.

Разумѣется, очень просто могла создаться психологія разочарованія въ мессіанскомъ назначеніи Іисуса въ евреѣ-зилотѣ.

Іисусъ обличаетъ лицемѣровъ... Онъ творитъ чудеса... Грезится Іудѣ свѣтлое мессіанское царство... Но три года, три долгихъ года, какъ Іуда порвалъ съ родиной, ходитъ за Нимъ, и — попрежнему далеко мечтаемое царство, и тронъ Мессіи, и награда ему, Іудѣ! Враги утратили страхъ передъ Іисусомъ... Недавно народъ кричалъ Ему «Осанна!», и — вотъ теперь уже весь ушелъ въ предпасхальную суету и забылъ о Томъ, Кому недавно устилалъ путь одеждами... Самъ Іисусъ говоритъ уже не о славномъ царствѣ, а о томъ, что Его распнутъ, и прискорбна душа Его... Что-то странное проповѣдуетъ Онъ вмѣсто прежняго. Вмѣсто прежнихъ гордыхъ и дерзновенныхъ обѣщаній—«Блаженны изгнанные во имя Мое»... «Царство Мое не отъ міра сего»... Точно изсякла и сила Іисуса, и вотъ ужъ недѣля—нѣтъ чудесъ... Онъ прячется у виоанскихъ друзей... Онъ—Лжемессія!

А идущая Пасха наполняетъ сердце Іуды старыми, трогательными, нѣжными воспоминаніями, прелесть которыхъ можетъ понять, кажется, только еврей. Курятся

жертвы, звучатъ гимны... «Ради Невѣдомаго съ 12-ю рыбаками измѣнилъ я древнему завѣту Іеговы!..» думаетъ Іуда. Надо разсѣять обманъ. «Хотите, предамъ вамъ Его?»

Холодная обдуманность — во всемъ у Іуды... Желѣзная рѣшимость, мрачное величіе... Ни тѣни сожалѣнія, ни малѣйшаго колебанія... Такъ дѣйствуютъ только фанатики, убѣжденные въ святости своего дѣла. И вдругъ изъ увѣреннаго человѣка — растерянный, осѣвшій, идущій на самоубійство. Да, потому что Іуда увидѣлъ всю мерзость синедристовъ. Они дѣлаютъ личное дѣло, попираютъ законъ, у нихъ — даже лжесвидѣтели! Мелкія страсти, дрянныя побужденія... И Пилатъ не нашелъ вины, а они распяли!.. Ни въ какого Мессію они въ душѣ не вѣрятъ...

И Іуда идетъ самъ на казнь, не въ силахъ стерпѣть обжигающаго воспоминанія о прекраснѣйшемъ изъ сыновъ человѣческихъ, и видитъ полный крахъ и своего, и обще-іудейскаго національнаго идеала...

V.

Къ зловѣщей тѣни Іуды подошелъ русскій писатель съ несомнѣннѣйшимъ въ душѣ предрасположеніемъ къ темамъ трагическаго интереса, — писатель, котораго заинтересовала психологія человѣка, устроившаго взрывъ курской иконы, и психологія Лазаря, вышедшаго изъ гроба.

То, что разыгралось тамъ, на смѣющихся берегахъ Геннисаретскаго озера, было по началу идилліей, потомъ перешло въ трагедію, которой міръ не знаетъ равной. Въ тонахъ реалистической идилліи, оставивъ въ сторонѣ нимбы и все легендарное, ведетъ свой разсказъ Андреевъ, въ пониманіи личности Христа примыкая цѣликомъ къ Ренану и въ истолкованіи Іуды выставляя свою самостоятельную теорію.

Андреевъ исходитъ изъ настроеній 4-го евангелиста въ изображеніи Іуды. Онъ рисуетъ его человѣкомъ дурной славы, феноменальнымъ даже по своему внѣшнему безобразію. Рыжій [1]) и одноглазый, съ крючковатымъ носомъ, онъ внушаетъ всѣмъ отвращеніе и страхъ. Его считаютъ корыстолюбивымъ, коварнымъ, склоннымъ къ притворству. Онъ «всюду лжетъ, кривляется, зорко высматриваетъ что-то своимъ воровскимъ глазомъ и вдругъ уходитъ внезапно, оставляя по себѣ непріятности и ссору, любопытный, лукавый и злой, какъ одноглазый бѣсъ». Всѣ дѣйствія свои онъ сопровождаетъ пискомъ, воплемъ и смѣхомъ, похожимъ на смѣхъ гіены. Достаточно крѣпкій и здоровый, онъ зачѣмъ-то притворяется хилымъ и болѣзненнымъ. Въ довершеніе отвратительности, черепъ Іуды явственно составленъ какъ бы изъ четырехъ разрубленныхъ съ затылка частей [2]).

Іуду не любятъ. Іисусъ приблизилъ его къ себѣ, къ общему удивленію. Петръ смѣется надъ нимъ и зоветъ его осьминогомъ. Іоаннъ съ страннымъ чувствомъ смотритъ на него, когда онъ сидитъ рядомъ съ Іисусомъ. «Странная близость божественной красоты и чудовищнаго безобразія, человѣка съ кроткимъ взоромъ и осьминога съ огромными, неподвижными, тусклыми глазами»...

Галилейская коммуна живетъ патріархальною жизнью. Съ Іисусомъ они ходятъ изъ селенія въ селеніе, иногда встрѣчая тепло привѣта, иногда угрозы побіенія кам-

---

[1]) Іуду традиціонно пишутъ рыжимъ всѣ беллетристы и всѣ художники. Можетъ-быть, по простому подсказу латинской пословицы: si rufus bonus,—optimus, si malus—pessimus.

[2]) Л. Андреевъ написалъ Іуду и красками, и снимки съ этой его картины были воспроизведены въ иллюстраціяхъ. Здѣсь лицо Іуды необычайно и жутко, но въ немъ, пожалуй, больше чертъ мягкости, чѣмъ ужаса и трагизма.

ними. Что-то странное улавливаютъ апостолы во взаимныхъ отношеніяхъ Іисуса и Іуды. Іуда никогда не говоритъ прямо съ Іисусомъ, и, въ свою очередь, никогда Іисусъ не обращается къ нему. Во всѣхъ словахъ и дѣлахъ Іуды — ложь и странное, злое притворство. Но самъ онъ ослѣпленъ собой и считаетъ себя сильнымъ, смѣлымъ, прекраснымъ. Онъ ревнуетъ Іисуса къ товарищамъ и, обожая Учителя, не любитъ изъ нихъ никого.

— Почему Онъ не любитъ меня? — тоскуетъ онъ вслухъ. — Почему Онъ любитъ тѣхъ? Развѣ я не красивѣе, не лучше, не сильнѣе ихъ?..

Послѣ спора апостоловъ о первенствѣ въ царствѣ Мессіи Іуда откровенно заявляетъ, что онъ будетъ первымъ возлѣ Іисуса.

VI.

Андреевъ слѣдитъ шагъ за шагомъ осуществленіе Іудина замысла. Но, все время имѣя дѣло съ его психологіей, онъ избѣгаетъ опредѣленныхъ словъ и на всемъ протяженіи разсказа не даетъ формулы, ясно устанавливающей мотивы предательства.

Это намѣренная черта, бросающая загадочную тѣнь на весь обликъ Іуды и поддерживающая до конца интересъ разсказа. Андреевъ заставляетъ читать между строкъ, догадываться, умозаключать. Я не знаю ничего прекраснѣе такихъ недосказовъ у Достоевскаго, Ибсена. Но искусство художника въ томъ, чтобы привести читателя принудительно къ вѣрной и единственно возможной догадкѣ. Закрывая книгу, читатель долженъ знать истину.

Нужно значительное напряженіе, чтобы понять психологію Іуды у Андреева. Мнѣ уже пришлось прочитать печатный отзывъ объ «Іудѣ», гдѣ автору навязана

шаблонная интерпретація фигуры предателя. «Предалъ, чтобы ускорить объявленіе Іисуса царемъ». Это не такъ на самомъ дѣлѣ.

У Андреева Іуда обожаетъ Іисуса. Онъ любитъ его страстно и ревниво. Но онъ хотѣлъ бы, чтобы только за нимъ однимъ, прекраснымъ Іудой, осталась эта пламенная любовь. Онъ хотѣлъ бы доказать, что ничья другая любовь не идетъ въ малѣйшее сравненіе съ его обожаніемъ. Онъ какъ бы провидитъ, что въ страшный часъ все, что близко Іисусу и говоритъ о своей любви къ Нему, броситъ Его и не подыметъ пальца въ Его защиту. И это предвѣдѣніе наполняетъ его гордою радостью.

Тогда Іисусъ увидитъ воочію, что все было ложью, что окружало его, — Петры, Іоанны, Матвѣи. Никто не пойдетъ за Нимъ. Пламенный Петръ отречется отъ Него. И когда это будетъ доказано, — онъ, Іуда, пойдетъ за Нимъ, уйдетъ изъ жизни, кончитъ съ собою. Ихъ будетъ только вдвое.

Это будетъ вмѣстѣ и великою местью Іуды человѣчеству, которое онъ не любитъ, — местью и плевкомъ на вѣчные вѣки. Онъ лелѣетъ свою тайну, и пригибается подъ нею къ землѣ, и какъ бы ждетъ благословенія отъ Іисуса на свой страшный экспериментъ.

— «Велика тайна Твоихъ прекрасныхъ глазъ, но развѣ моя — меньше? Повели мнѣ остаться!.. Сними тяжесть, — она тяжеле горъ и свинца. Развѣ ты не слышишь, какъ трещитъ подъ нею грудь Іуды изъ Каріота?..»

VII.

Іуда идетъ къ Аннѣ, торгуется съ нимъ, хохочетъ отъ ужаса, когда его Іисуса, прекраснѣйшаго Іисуса, оцѣниваютъ 30-ю сребрениками.

Онъ ходитъ за Нимъ, какъ тѣнь, отъ минуты преданія. Онъ слѣдитъ надругательства надъ Нимъ римскихъ солдатъ. Онъ трепещетъ отъ ужаса, когда ему предносится мысль, что люди познаютъ невинность Распинаемаго и опомнятся, и не будетъ тогда его подвига. «Все кончено! Сейчасъ они поймутъ!» Но народъ кричитъ «распни!», и въ сатанинской радости Іуда цѣлуетъ руки Пилата.

Онъ трепещетъ, когда гвозди вбиваются въ руки Казнимаго.

— «Одна рука. Еще не поздно... Другая рука. Еще не поздно»...

Но вотъ Іисусъ и на крестѣ.

— «Осуществился ужасъ и мечты Искаріота... А вдругъ они поймутъ? Еще не поздно, Іисусъ еще живъ... Вдругъ всею своею грозною массою они двинутся впередъ, молча, безъ крика, сотрутъ солдатъ, зальютъ ихъ по уши своею кровью, вырвутъ изъ земли проклятый крестъ и руками оставшихся въ живыхъ высоко надъ теменемъ земли поднимутъ свободнаго Іисуса! Осанна! Осанна!

— Осанна? Нѣтъ, лучше Іуда ляжетъ на землѣ. Нѣтъ, лучше, лежа на землѣ и ляская зубами, какъ собака, онъ будетъ высматривать и ждать»...

Іуда трепещетъ, что его сердце, знающее невинность Распятаго, выдастъ его тайну. Онъ держитъ его рукою, а оно кричитъ: «Осанна!» Но вотъ конецъ пыткѣ Іисуса, конецъ и пыткѣ Іуды.

И все, что дальше дѣлаетъ Іуда, есть торжество демонической души, восторгъ безумца, празднующаго свой тріумфъ надъ гробомъ ревниво любимаго. Іуда ни въ чемъ не раскаивается. Онъ бросаетъ деньги Каіафѣ, гордый тѣмъ, что онъ «обманулъ» и первосвященника, какъ всѣхъ.

— Онъ былъ невиненъ и чистъ! Вы слышите? Іуда обманулъ васъ. Онъ предалъ вамъ невиннаго!.. Не Его онъ предалъ, а васъ, мудрыхъ, васъ, сильныхъ, предалъ онъ позорной смерти, которая не кончится вовѣки.

И передъ апостолами онъ ведетъ себя, какъ побѣдитель. «Я иду къ Нему. Кто за Искаріотомъ къ Іисусу?» И въ томъ же экстазѣ ревнивой гордости онъ затягиваетъ петлю на своей шеѣ.

— Ты слышишь, Іисусъ?.. Я иду къ Тебѣ. Встрѣть меня ласково. Я усталъ. Я очень усталъ. Потомъ мы вмѣстѣ съ Тобою, обнявшись, какъ братья, вернемся на землю.

VIII.

Кажется, я понялъ Андреева такъ, какъ онъ хотѣлъ. Своеобразное толкованіе, безумное толкованіе! Оно совершенно ново для науки и искусства. Въ немъ есть извѣстная убѣдительность и трагическая красота безумія, и, во всякомъ случаѣ, создать его могъ вдумчивый умъ. Это—интересная проблема, повертывающая Іуду, какъ маньяка, и планъ его, какъ idée fixe, и достаточно обходящая многія изъ трудностей.

Исторія не знаетъ примѣровъ обреченія на смерть изъ побужденій любви. Исторія не знаетъ повѣсившихся тріумфаторовъ. Но станьте на точку зрѣнія психопатическихъ извращеній, исторіи и невязчивыхъ мечтаній, и въ титанизмѣ Іуды вы уловите черты реальнаго.

Въ разсказѣ Андреева есть художественныя детали. Въ немъ много силы, красокъ, фантазіи. Сочувствуешь его тону. Только иногда нѣсколько «перепрощенъ» разсказъ, и, избѣгшій тона легенды, авторъ впалъ въ противоположную крайность, нарушающую стиль.

Разумѣется, Христосъ не долженъ былъ предстать иконописнымъ, съ благословляющею рукой и въ позѣ.

Въ реальномъ разсказѣ онъ долженъ быть реаленъ. Но когда вы читаете, что Іисусъ, слушая шутки Петра, иногда «такъ хохоталъ надъ ними, что на нѣсколько минутъ приходилось останавливать разсказъ»,—вы чувствуете диссонансъ. Хохотъ не характеренъ для Христа, нарушаетъ строгій, лирическій образъ. И это одинаково для тѣхъ, для кого Онъ—Богъ, и для кого Онъ—прекраснѣйшій изъ людей. Такъ же не стильны нѣкоторые штрихи для бурнаго Петра, который иногда рисуется у Андреева на манеръ гоголевскаго бурсака.

Художникъ беретъ въ свой образъ то, что стильно для образа и гармонично съ нимъ. Можетъ-быть, и Неронъ ласкалъ дѣтей, но художникъ, создающій Нерона, не замѣтилъ бы этой сцены, потому что совсѣмъ иначе отлился образъ Нерона, и эта подробность была бы дисгармонирующей. Въ строгомъ, грустномъ, лирическомъ образѣ ренановскаго Іисуса какая несообразность хохотъ! Десятки вѣковъ художество кисти оберегало себя отъ подобныхъ диссонансовъ. Рафаэль и Корреджіо не оставили намъ даже улыбающагося отрока Іисуса. Страшно сдержанно фантазировала мысль міровыхъ мастеровъ на темы, трогающія образъ младенца или отрока Іисуса въ обыденной, будничной обстановкѣ. Къ спящему младенцу Іисусу тянется отрокъ Іоаннъ, будущій Креститель, а Богоматерь ласково грозитъ ему пальцемъ: «Не разбуди». Дальше такихъ идиллій рѣдко шла, почти не шла художественная мысль.

И это не было только традиціонной условностью. Тутъ чувствуется вѣяніе высокаго вкуса. Реальный разсказъ, разумѣется, долженъ былъ чуждаться Христа въ позѣ и въ нимбѣ, съ иконописнымъ лицомъ. Но онъ долженъ былъ до деталей выдержать тонъ историческаго образа.

И напрасно Андреевъ пренебрегаетъ евангельскимъ подсказомъ детали тамъ, гдѣ по здравой логикѣ вещей

не могло и быть иначе. Маркъ и Лука отмѣчаютъ, что предложеніе Іуды было съ радостью встрѣчено синедристами. Иначе, конечно, и быть не могло, и напрасно беллетристъ заставляетъ Іуду многократно ходить къ Аннѣ, навязываться съ предательствомъ и встрѣчать отказы (?) первосвященника. Нуженъ ли и его «горячій и бѣшеный торгъ»? Нужно ли и то, чтобы каждую серебряную монету Іуда «пробовалъ на зубахъ»? Это утрированный штрихъ, какъ и бросаніе Іудой позднѣе сребренниковъ «въ лица первосвященника и судей», а не къ ногамъ ихъ. Такъ игралъ бы провинціальный актеръ.

То и другое, и третье — эффекты хитроумнаго режиссерства, съ которымъ, вѣроятно, скрѣпя сердце, примирился художникъ. Толпу подкупаютъ такіе эффекты. Истинный художникъ долженъ помнить Гораціево правило — писать для немногихъ...

II. Потемки души.

«Страдай и ты,—мнѣ легче будетъ».

Достоевскій.

I.

Въ біографіи одного изъ русскихъ террористовъ конца 70-хъ годовъ, если не ошибаюсь — Соловьева, есть подробность проведенія имъ послѣдней предъ покушеніемъ ночи у проститутки.

Жизнь иногда даетъ такія скрещенія высокаго и низменнаго, трагическаго и смѣшного, такъ сталкиваетъ полюсы психологіи, такъ капризно-несоотвѣтственно подбираетъ мѣста для человѣческихъ раскрытій, что ей не годится въ соперники даже изобрѣтательнѣйшій Мопассанъ.

Одна изъ самыхъ трогательныхъ въ русской литературѣ сценъ слiянiя двухъ душъ въ любви и жалости происходитъ въ грѣшномъ углу падшей женщины, и дѣйствующими лицами въ ней являются убiйца и блудница. Все искусство живописи построено на тайнѣ игры свѣта и тьмы. Тайна писательства—въ скрещенiи психологическихъ и бытовыхъ контрастовъ.

Вотъ принципъ, на которомъ создалась андреевская «Тьма».

Террористъ, которому завтра предстоитъ бросить бомбу, затравленъ сыщиками и полицейскими. Измученный безсонницею двухъ послѣднихъ ночей, отрѣзанный отъ товарищей и конспиративныхъ квартиръ, онъ идетъ въ домъ разврата, конечно, только потому, что видитъ здѣсь единственное убѣжище на страшную ночь,—можетъ-быть, послѣднюю въ жизни.

Ему 26 лѣтъ, но онъ никогда не бывалъ въ подобныхъ мѣстахъ. Мало того, онъ никогда не зналъ женщины. Не вызоветъ ли это недоразумѣнiй, которыя для него гибельны?

II.

И вотъ онъ въ необычной, странной, пряной атмосферѣ дома веселья. Зала съ золочеными стульями, огни, таперъ у фортепiано, декольтированныя дѣвицы... Съ повышенною развязностью новичка онъ приглашаетъ одну изъ нихъ въ скромномъ нарядѣ и съ наиболѣе интеллигентнымъ видомъ и идетъ въ ея комнату. Онъ удивляетъ дѣвушку, объявляя ей послѣ первыхъ же словъ знакомства, что онъ прежде всего будетъ спать. «Я, видите ли, двѣ ночи кутилъ и не спалъ совсѣмъ».

Она удивлена, но не протестуетъ и, снявъ кофточку, садится около него за заказанные имъ коньякъ и фрукты.

Онъ спитъ и просыпается подъ какимъ-то жуткимъ и пугающимъ ощущенiемъ. Такъ, «какъ бы отъ толчка»,

просыпаются обычно герои Достоевскаго въ минуты запутанныхъ психологическихъ переживаній. Ему кажется, что онъ уже выданъ, что онъ будетъ выданъ. Что-то враждебное, чего не было раньше, улавливаетъ онъ въ проституткѣ. Въ самомъ дѣлѣ, за время его сна она успѣла, во-первыхъ, опьянѣть, во-вторыхъ, узнать, что въ его карманѣ—револьверъ. Чутьемъ она догадывается, что онъ революціонеръ, и не скрываетъ отъ него своей догадки.

И тогда начинается игра въ открытую. Онъ не скрываетъ, что долженъ сдѣлать завтра, но какой бы то ни было цѣной хочетъ спасти свое дѣло.

Есть своего рода честность и у воровъ, и, дѣйствуя на ея благородство, онъ говоритъ о своемъ дѣлѣ, какъ о подвигѣ, о томъ, что всю свою жизнь онъ посвятилъ ему, что до сей поры, отдавшійся своей идеѣ, таскающійся по тюрьмамъ, чуть не пристрѣленный, онъ не зналъ счастья, близости женщинъ и т. д.

Въ разгульномъ притонѣ, подъ аккомпанементъ отчаянной музыки и пьянаго гиканья въ залѣ, странно звучатъ его слова. И странное впечатлѣніе они производятъ на изломанную душу падшей. Дѣвушка не растрогана, — она возмущена. Она бьетъ его по лицу и осыпаетъ его бранью. Она не можетъ постигнуть, какъ онъ, честный, чистый и самоотверженный, могъ прійти къ ней, падшей и ошельмованной, говорить о своемъ геройствѣ и, такъ сказать, любоваться собою на контрастѣ чистоты и грязи.

III.

Герой «Тьмы» совершенно озадаченъ поведеніемъ проститутки. Долго и тяжело пытается онъ проникнуть въ эту темную, вывихнутую душу и понять, чѣмъ онъ ее оскорбилъ. И вотъ послѣ длинныхъ разговоровъ,

послѣ новой и злой ссоры, съ обидными и жгущимися словами съ обѣихъ сторонъ, передъ гостемъ выясняется капризный строй мыслей проститутки. Онъ догадывается, что ей, безнадежно и на вѣки вѣковъ себя осудившей, несъ бы утѣшеніе и поддержку не тотъ, кто пришелъ бы къ ней съ обычною жалостью, съ шаблоннымъ призывомъ «возстать», съ великодушными рѣчами о томъ, что онъ все-таки видитъ въ ней человѣка и женщину, а тотъ, кто, будучи самъ лучше ея, опустился бы до нея, уподобился бы ей.

«— Какое ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я—плохая?—выкрикиваетъ она, вся возмущенная и негодующая.—Я давно тебя ждала.

«— Ты меня ждала?

«— Да. Хорошаго ждала. Пять лѣтъ ждала, можетъ, больше. Всѣ они, какіе приходили, жаловались, что подлецы они... Да подлецы они и есть... Такихъ мнѣ не нужно.

«— Чего же тебѣ нужно?

«— Тебя мнѣ нужно, миленькій... Спасибо, что пришелъ... Я сказала: стыдно быть хорошимъ. А ты этого не зналъ?

«— Не зналъ.

«— Ну, вотъ, узнай!..»

Она вѣритъ, что если онъ хорошій, то онъ «такъ останется, никуда не пойдетъ», останется съ нею. И эта мысль, что «стыдно быть хорошимъ», вцѣпляется въ него клещомъ.

«И вдругъ, съ тоскою, съ ужасомъ, съ невыносимою болью онъ почувствовалъ, что та жизнь кончена для него навсегда, что уже не можетъ онъ быть хорошимъ. Только этимъ и жилъ, что хорошій, только этому и радовался, только это и противопоставлялъ и жизни, и смерти,—и этого нѣтъ, и нѣтъ ничего. Тьма. И останется ли онъ здѣсь, и вернется ли онъ назадъ, къ своимъ,—у него уже нѣтъ своихъ»...

Истерически вырывается у него восклицаніе по адресу людей, ради которыхъ онъ отдалъ все, но надъ его ухомъ звучитъ тотъ же обезнадеживающій голосъ:

«— Попрятался за людей, и будетъ. Не прячься отъ правды, миленькій. Отъ нея никуда не спрячешься! А если любишь людей, жалѣешь нашу горькую братію, такъ вотъ, бери меня. А я, миленькій, тебя возьму!..»

IV.

Нелѣпая, кошмарная, новая «правда» проститутки, однако, властно одолѣваетъ террориста. Онъ вдругъ раздавленъ ею, обезсиленъ, смятъ. Ему уже ясно, что онъ останется здѣсь, съ нею, будетъ пить, будетъ развратничать и не вернется къ «своимъ», которые назовутъ его «предателемъ, трусомъ и негодяемъ».

«— Какъ странно, — думаетъ онъ, — нужно учиться быть плохимъ... Плохимъ по-настоящему, такъ чтобы... Охъ, что-то большое я разрушу! А потомъ? А потомъ, когда-нибудь, приду къ ней, или въ кабакъ, или на каторгу и скажу: теперь мнѣ не стыдно, теперь я ни въ чемъ не виноватъ предъ вами, теперь я самъ такой же, какъ вы, — грязный, падшій, несчастный. Или выйду я на площадь, падшій, и скажу: «Смотрите, какой я! Все у меня было: и умъ, и честь, и достоинство, и даже — страшно подумать — безсмертіе. И все это я бросилъ подъ ноги проституткѣ, отъ всего отказался только потому, что она плохая»...

Какъ для читателя, для него самого странны, безумны, кошмарны эти мысли.

«— Не этого я ожидалъ для моей молодой, красивой жизни! Боже мой, но вѣдь это безуміе, я съ ума сошелъ! Еще не поздно. Еще не поздно. Еще можно уйти!..»

Но онъ уже не можетъ уйти и принимаетъ эту «послѣднюю ужасную правду жизни, свою правду, которой не могли и не могутъ понять другіе люди». Онъ рѣшительно заявляетъ, что «не хочетъ быть хорошимъ», и остается здѣсь, и отдаетъ свой револьверъ, чтобы его отнесли въ контору, и безъ протеста подчиняется желанію проститутки показать его подругамъ. Пьяная свора погибшихъ женщинъ наполняетъ комнату и дико хохочетъ надъ новыми друзьями. И, поднявъ руки и какъ бы держа въ нихъ свою жизнь, революціонеръ бросаетъ ее къ ногамъ этихъ мегеръ.

«— Она была прекрасна, моя жизнь!—выкрикиваетъ онъ.—Она была чиста и прелестна, моя жизнь... И вотъ глядите: я бросаю ее!—И онъ опустилъ руки почти со стономъ, и всѣ глаза обратились на землю, какъ будто тамъ дѣйствительно лежало что-то хрупкое и нѣжное, разбитое на куски,—прекрасная человѣческая жизнь.

«— Топчите же ее, дѣвки! Топчите, чтобы кусочка не осталось!..»

Чистый рѣшилъ пасть и падетъ. Но паденіе его подниметъ падшую. Въ послѣднихъ главахъ разсказа Андреевъ показываетъ въ ней пробужденіе готовности самой прикоснуться той «хорошей» жизни, какая была у него, вплоть до рѣшимости «пойти къ нимъ» и послужить его дѣлу.

И когда затѣмъ подъ утро притонъ окружается полиціей и давно разыскиваемый ею революціонеръ попадаетъ въ ея руки,—у нея, уже отрезвившейся, хватаетъ духу не отречься отъ него и вслухъ заявить:

«— Онъ лучше васъ всѣхъ!»

V.

Какъ всегда, въ особенности въ послѣднее время у Андреева (въ особенности въ «Іудѣ»), у него и во «Тьмѣ» выступаютъ черты какого-то экстатическаго творчества.

Странно причудлива его психологія, исключительна, необычна. Десятки и сотни иныхъ людей поступили бы иначе, чѣмъ поступаетъ его герой. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ многіе изъ нормальныхъ людей могли бы быть героями «Бездны»? Развѣ не исключителенъ типъ юноши, который пробирается къ прислугѣ именно въ ту ночь, когда его отецъ мертвымъ лежитъ на столѣ? («Мысль»). Развѣ всѣ могутъ не только пережить, но даже просто понять его психологію Іуды, «предающаго изъ ревности» и любви?

Вѣроятно, были бы возможны возраженія даже противъ внѣшнихъ деталей разсказа, — «наканунѣ террористическаго акта не ходятъ къ проституткамъ»,—если бы не имѣлось подъ рукой готоваго житейскаго случая. Конечно, было указано на странность подчиненія «новой», неожиданной «правдѣ» человѣка, закаленнаго въ своихъ идеалахъ борьбы, выносившаго ихъ за цѣлую жизнь, не случайно увлекшагося ими, какъ интересной игрой. Конечно, былъ заявленъ и рѣшительный протестъ противъ кошмарности этой «правды». Какъ можно утѣшаться чужимъ паденіемъ, и какъ на такое «утѣшеніе» можетъ пойти нормальный человѣкъ?

Такія замѣчанія законны безъ всякихъ возраженій. И покуда вы остаетесь въ области трезвой, здравой и рядовой психологіи, вы не сумѣете ихъ ничѣмъ побѣдить.

Да, складъ міровоззрѣнія, закрѣпленный вѣчнымъ фанатическимъ стремленіемъ, книгою, общеніемъ съ единомышленниками, одиночествомъ тюрьмы, тяготами, высылками, дѣйствительно не такъ-то скоро поколеблется, и ужъ едва ли разлетится, какъ пыль, подтаетъ, какъ воскъ, отъ убѣжденій полупьяной проститутки! Да, во мнѣ, въ васъ, въ нормальномъ человѣкѣ при нормальныхъ условіяхъ трудно за какой-нибудь часъ совершенно вывернуть наизнанку сложившееся пониманіе правды и служенія людямъ. Но въ томъ оправда-

ніе Андреева и въ томъ смыслѣ его психологической проблемы, что логика души—нѣчто въ высочайшей степени своеобразное и прихотливое, и ея законы неуловимы никакими учебниками.

Трудно разрушаются установившіяся міровоззрѣнія, однако то, что случилось съ Савломъ по дорогѣ въ Дамаскъ, полная революція пониманія «правды», совершается посейчасъ, сряду и сплошь, и всегда приходитъ въ экстазѣ и бурѣ и въ краткомъ мгновеніи.

Логика руководитъ рѣшеніями ума, однако, Тертулліанъ говорилъ не только за себя, когда отмѣчалъ, что вѣритъ факту именно въ силу его нелѣпости (credo, quia absurdum). Мармеладовъ слишкомъ хорошо зналъ, что̀ онъ несетъ мучительно любимой семьѣ своимъ запоемъ, однако, запивалъ и не потому только, что его кровь была наслѣдственно отравлена алкоголемъ, а потому, что было величайшее, но какое-то и подслащенное страданіе — чувствовать себя предъ семьею такъ-таки совсѣмъ подлецомъ и измѣнникомъ слову и смиряться въ своемъ безмѣрномъ паденіи.

VI.

Я хочу сказать, что для человѣческой души иногда есть высшая принудительная логика въ томъ, что безумно нелогично. Первый Достоевскій подошелъ у насъ къ этой тайнѣ и символизировалъ ее въ понятіи «наслажденія зубной болью». Андреевъ въ «Тьмѣ» задается именно такой задачей заглянуть въ эти причудливыя бездны, гдѣ логика какъ бы перехлестнула черезъ свои обычныя грани, выгнулась, вывернулась, но опять стала для человѣка неотразимой, принудительной логикой, какъ змѣя, вывернувшаяся въ обратную сторону, опять описываетъ кругъ и опять ловитъ ртомъ хвостъ.

— Если нѣтъ рая для всѣхъ, то и для меня его не надо»...

Вспомните, какъ подобное этому вы читали въ великой русской книгѣ, въ дерзновенныхъ рѣчахъ Ивана Карамазова о дѣтскихъ слезкахъ, которыхъ не стоитъ весь міръ и не искупитъ весь міръ:

«— Отъ высшей гармоніи совершенно отказываюсь! Не стоитъ она слезинки хотя бы одного только замученнаго ребенка, который билъ себя кулаченкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ своей неискупленными слезками своими къ «Боженькѣ»... Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человѣчеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданіями неотомщенными... А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно»...

Читатель прикидываетъ Андреевскую психологію на себѣ и отвѣчаетъ: «Я такъ не сдѣлалъ бы». Какъ вдругъ поставить на смарку все міровоззрѣніе? Какъ отказаться отъ дѣла, которое было не случайнымъ, не порывомъ увлеченія, а основнымъ дѣломъ жизни?

Ну, а многіе изъ голодающихъ людей приняли рѣшеніе Раскольникова? Многіе ли изъ ревнующихъ мужей испытали ту злую сладость притворнаго униженія, какая насыщала «Вѣчнаго мужа»? Представимъ ли себя въ положеніи Свидригайлова? А и то, и другое, и третье такъ несомнѣнны, что, кажется, все это было въ настоящей жизни, а не въ геніальныхъ книгахъ.

Послѣ того, какъ прошелъ Достоевскій, уже никто не рѣшится отрицать за художникомъ правъ касанія не той психологіи, какая обща всѣмъ, а тѣхъ причудливо-исключительныхъ извивовъ человѣческаго ума и воли, какіе могли бы быть свойственны нѣкоторымъ. Огромное поле реальнаго здороваго чувства распахано. По нему прошли со своими плугами богатыри, Тургеневъ и Толстой.

Можетъ-быть, эпоха властнаго царствованія его и его школы близится къ чертѣ. Можетъ-быть, наступила пора царствованія другого колосса нашей литературы, виднаго сейчасъ уже со всѣхъ литературныхъ улицъ и перекрестковъ,—Достоевскаго.

VII.

Титаны исчерпали содержаніе здоровой психологіи своими волшебными ковшами, можетъ-быть, надолго, и послѣ Толстого намъ уже все сейчасъ въ реально-нормальной области кажется перепѣвомъ. Строгій къ себѣ художникъ ищетъ трудныхъ задачъ, проходя, какъ хорошій шахматистъ или математикъ, мимо упражненій, рѣшаемыхъ по готовому шаблону.

Настоящій морякъ призванія пренебрегаетъ затишьемъ и алчетъ бури. Мнѣ кажется, что въ литературѣ близится пора повышеннѣйшаго интереса къ психологическимъ бурямъ, изверженіямъ и экстазамъ. Рядомъ со здоровымъ драматизмомъ здоровой страсти развернется драматизмъ экстаза, приближающаго здороваго человѣка къ больному и дѣйствительность къ кошмару. Больной, неврастеническій, психопатическій вѣкъ идетъ навстрѣчу этой школѣ.

Леонидъ Андреевъ не подлаживается къ нему, не ищетъ у него. Онъ самъ вышелъ изъ этого вѣка, какъ Аѳина изъ головы Зевса. Онъ—сынъ своего времени, и всегдашній интересъ его къ людямъ исключительной психологіи, къ субъектамъ, симулирующимъ безуміе и впадающимъ въ истинное безуміе («Мысль»), взрывающимъ чудотворныя иконы («Савва») и т. д., вплоть до «Тьмы», есть естественное, ненаигранное, безъ всякой поддѣлки выявленіе его писательскаго интереса и художнической сущности.

Что-то кошмарное, больное, эпилептическое, пьяное есть въ «Тьмѣ» Андреева. Онъ правъ, избирая фономъ для этой трагедіи пряную атмосферу дома разврата, обставляя ее алкоголемъ, безсонницей, полукошмарнымъ ощущеніемъ бытія подъ мыслью о завтрашнемъ преступленіи и смерти отъ бомбы или на эшафотѣ, аккомпанируя рѣчамъ террориста и проститутки хаосомъ отрывистыхъ звуковъ, доносящихся изъ зала, и пьянымъ гиканьемъ и топотомъ танцующихъ ногъ.

Вспоминается кошмарный Гойа, и просится подъ его карандашъ сцена, гдѣ пьяныя, отвратительныя, полураздѣтыя проститутки пляшутъ на пустомъ мѣстѣ, куда якобы брошена имъ подъ ноги жизнь случайнаго гостя. Эта жуть обстановки нѣсколько приближаетъ къ постиженію и жуткую психологію героя «Тьмы». Настоящій художникъ кисти могъ бы вдохновиться этой сценой.

VIII.

Много и съ недовѣріемъ говорили и о самой психологіи «сладости паденія» ради падшаго и о психологіи утѣшенія чужимъ паденіемъ. Но «страдай и ты, мнѣ легче будетъ» — фраза, записанная еще Достоевскимъ. И она проливаетъ свѣтъ на душевный укладъ проститутки. Много жизненныхъ драмъ построено на этой психологіи. Надо присмотрѣться.

Тотъ же Достоевскій приблизитъ къ нашему пониманію и психологію террориста. Достоевскій первый остановился на анализѣ «сладости страданія», «сладострастія страданія». Мало этого, онъ коснулся даже «сладострастія паденія». Вспомните Мармеладова. Сквозь его покаянное слово Раскольникову въ трактирѣ не сквозитъ ли и нѣкоторая сладость его самоощущенія себя падшимъ и безнадежнымъ «подлецомъ» предъ своею семьею, предъ женою, предъ дочерью, выброшенною на улицу?

«— Пусть! Пусть! Се человѣкъ!..» Не можете ли вы, а осмѣлитесь ли вы, молодой человѣкъ, взирая въ сей часъ на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?»

Кто разберется въ потемкахъ человѣческихъ душъ? Но въ этомъ сознаніи, что никто не «осмѣлится», что у него, Мармеладова, уже давно «звѣриный образъ», что онъ неисправимъ, есть какое-то терпкое и мучительное самоуслажденіе. «Такова уже черта моя, а я прирожденный скотъ!» И то, что онъ пропилъ даже чулки своей жены, даже не башмаки, а чулки, — что онъ взялъ съ дочери 30 копеекъ, добытыя ея тѣломъ, доставляетъ ему сладкую муку растравляемой раны:

«— А я вотъ, кровный-то отецъ, тридцать-то эти копеекъ и стащилъ себѣ на похмелье! И пью-съ! И ужъ пропилъ-съ!.. Развѣ я не чувствую?.. И чѣмъ болѣе пью, тѣмъ болѣе и чувствую. Для того и пью, что въ питіи семъ состраданія и чувства ищу. Пью, ибо сугубо страдать хочу!..»

Есть самоуслажденіе и щекочущая боль въ сознаніи паденія. Тѣмъ болѣе можетъ быть это сладострастіе страданія въ паденіи «ради другого». Если это не вовсе убѣдительно, спорно, сомнительно вышло подъ перомъ молодого беллетриста, — это надо отнести не на счетъ органической порочности замысла, а на долю несовершеннаго выполненія. Такія темы, въ самомъ дѣлѣ, подъ силу только колоссамъ.

Переворотъ, совершающійся въ самой проституткѣ въ финалѣ разсказа,—психологически еще болѣе слабое мѣсто «Тьмы». Получается странное впечатлѣніе полной перемѣны ролями героевъ разсказа. Чистый палъ ради падшей, падшая отъ этого нравственно прозрѣла. Это дѣланно, это неправдиво и портитъ вещь. Это—«отъ лукаваго», отъ расчетливаго, пожалуй, подсказа либеральнаго лагеря.

IX.

И разсказъ Андреева въ цѣломъ мнѣ представляется болѣе интереснымъ не со стороны того, что онъ положительно даетъ, а со стороны тѣхъ возможностей, какія онъ открываетъ въ авторѣ и въ будущей литературѣ «психологическаго уклоненія отъ нормальнаго».

Нѣтъ, есть еще увлекающая по интересности область уклоненій и изломовъ, которая можетъ быть такъ же интересна, какъ интересны въ природѣ бури, ураганы, изверженія огнедышащихъ горъ и землетрясенія, а не одинъ тихій и прекрасный пейзажъ, за которымъ нѣкоторымъ казался конецъ свѣта и конецъ литературы.

Кажется, что, слѣдуя за Достоевскимъ, держась даже за край его одежды, моментами подчиняясь ему, какъ ученикъ учителю, Андреевъ продолжаетъ указывать мостъ, ведущій отъ литературы нормальной психологіи, той, что гордилась своею общечеловѣчностью и символизировала въ Толстомъ, такомъ ясномъ, такомъ трезвомъ, такомъ здоровомъ, къ психологіи исключительнаго, экстазнаго чувства, немного больного или въ очень значительной мѣрѣ больного, какъ больны Мышкины, Карамазовы, Свидригайловы и Раскольниковы.

Идея страданія и состраданія такъ близка русской душѣ, революціонное въ Россіи время такъ подчеркнуло это, что положительно не пришлось бы удивиться никакому экстазу въ этой области. Можно понять извѣстную сладость «страданія пасть» ради падшаго.

Андреевъ во-время опускаетъ занавѣсъ надъ своей драмой. Не поколебалъ ли новый день «новой правды» террориста,—онъ не хочетъ думать. И, повторяю, если недоумѣннымъ и фальшивымъ кажется въ финалѣ перемѣна ролями героя и героини, этотъ порывъ проститутки итти въ его дѣло,—это надо отнести на долю

простой недостаточности авторскихъ силъ предъ огромной задачей.

Каково будетъ мѣсто этой будущей «литературы экстаза», — говорить съ точностью еще рано. Но что идетъ пора, когда все чаще и чаще будутъ появляться произведенія, имѣющія дѣло съ «уклонами» ума и воли, съ «потемками душъ», съ «болѣзнями мысли»,—это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

III. Клиническая литература.

I.

Нужны ли литературѣ «Записки сумасшедшаго»? Нужно ли искусственно ихъ создавать, когда онѣ, съ высшимъ мастерствомъ поддѣланныя, будутъ все же менѣе записками сумасшедшаго, чѣмъ подлинный дневникъ любого паціента клиники Николая чудотворца?

Вопросъ этотъ особенно охотно ставили послѣ появленія андреевскихъ «Моихъ записокъ», какъ ставили его 75 лѣтъ назадъ, когда появились гоголевскія «Записки сумасшедшаго». Мы такъ уже отвыкли отъ учебниковъ эстетики, что едва ли кто вспомнитъ, существуетъ ли въ нихъ опредѣленный параграфъ, строго «запрещающій» писателю касанія этой области. Новая литература, вообще говоря, взломала всѣ путы эстетикъ, какъ разлившаяся рѣка ломаетъ весенній ледъ. И если этотъ параграфъ есть, то вотъ уже почти полвѣка писатель, можно сказать, только и занимается, что его разрушеніемъ.

Нервическое, больное, психопатическое прорвалось въ литературу и властно въ ней хозяйничаетъ. Извѣстный психіатръ Чижъ насчиталъ у Достоевскаго больше 30 фигуръ душевно-больныхъ. Мопассанъ далъ безумную

«Орля». Гаршинъ оставилъ «Красный цвѣтокъ». По формѣ все это не дневникъ, не записки сумасшедшихъ, но все это—подлинная литература бреда. Однако уже сцена изъ четвертаго акта «Короля Лира», гдѣ онъ говоритъ свои безумные, но безсмертные монологи, не есть ли тотъ же перехватъ въ области мышленія, гдѣ безумное граничитъ съ геніальнымъ? Жизнь разрѣшила вопросъ и захерила параграфъ еще тогда, когда въ Англіи писалъ Шекспиръ, а въ Россіи Грозный только что кончилъ казнить людей на дыбѣ.

Такія вещи, какъ «Записки», еще больше, чѣмъ «Тьма», даютъ съ особенною ясностью видѣть, какъ неистощима и необъятно широка можетъ быть область творчества мысли, и что останется ей и тогда, когда совершенно будетъ израсходована вся психика ясныхъ и здоровыхъ душъ.

Съ прямыхъ линій литература устремляется на путь изломанной линіи и круга, и это зрѣлище обѣщаетъ быть ослѣпительно интереснымъ. Искусство углубляется въ самыя потаенныя нѣдра душъ, въ душевный зигзагъ, въ психологію притворства и извращенности.

Оно уже не только не ставитъ точекъ надъ і и не подаетъ читателю матеріалъ разжеваннымъ, какъ дѣлалъ писатель «добраго стараго времени»,—оно идетъ даже дальше чтенія между строкъ. Оно предлагаетъ читать въ строкахъ противоположное тому, что въ нихъ написано.

Преступникъ оправдывается, но каждое новое слово его оправданія укрѣпляетъ въ васъ увѣренность въ его преступности. Психически больной всѣми средствами доказываетъ свою духовную цѣлость, нормальность и здоровье.

— Дайте мнѣ одну строку, написанную человѣкомъ, и я докажу вамъ по ней, что онъ, по меньшей мѣрѣ, заслуживаетъ смертной казни.

Приблизительно такъ гласитъ очень вѣрное изреченіе одного изъ мудрецовъ новыхъ временъ. Пусть обвиняемый напишетъ самъ свою защитительную рѣчь,—можно продолжить этотъ афоризмъ,—и онъ самъ разобьетъ послѣднія колебанія въ томъ, что его надо сослать на галеры.

II.

«Записки» Андреева—исповѣдь старика, состарившагося въ тюрьмѣ, куда онъ попалъ двадцати семи лѣтъ и гдѣ провелъ всю свою жизнь. Его обвинили въ цѣломъ рядѣ безчеловѣчныхъ преступленій. Онъ пишетъ не то дневникъ, не то исповѣдь.

По видимости—онъ ничего не хочетъ достигнуть этими записками. По несомнѣнному вашему убѣжденію—онъ хочетъ оправдать себя, разрушить послѣднія сомнѣнія въ своей преступности, сбросить съ себя тѣнь подозрѣнія въ болѣзни или психозѣ.

И каждымъ новымъ словомъ въ свою защиту онъ кричитъ въ ваши уши, что убійца онъ, что въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, что онъ страдаетъ самою безспорною формою душевнаго разстройства, подтверждаемаго всякимъ зигзагомъ его мысли, всякою мелочью его внѣшняго проявленія.

Вся повѣсть Андреева—это литературная игра въ кошку-мышку, художественный фокусъ, математическаго типа задача въ искусствѣ. Это тонкое блюдо, разсчитанное на гастронома. Здѣсь нужно смотрѣть на строки и читать подъ ними противоположный имъ смыслъ.

Если бы только теоретически такая тема пришла въ голову писателю,—это уже ставило бы его въ ряды избранныхъ. Малѣйшимъ толстымъ нажимомъ здѣсь можно испортить всю красоту, всю стильность вещи.

У юристовъ практикуется интересная игра, преслѣдующая цѣль урока. Неофитамъ судебнаго дѣла пред-

лагается, на основаніи данныхъ Евангелія, осудить или оправдать Христа, обвинить или оправдать Брута по тексту шекспировской трагедіи.

Профессоръ судебной медицины и психіатръ по повѣсти Андреева могли бы произвести превосходный экзаменъ студенту, изучающему эту сложную область. Такую работу расшифрованія писательскаго текста въ психіатрическомъ отношеніи у насъ не разъ производили выдающіеся эксперты дѣла надъ книгами Достоевскаго (Чижъ, Баженовъ). Научная экспертиза, пришедшая въ восторгъ отъ «Идіота» и «Бѣсовъ», совершенно зачеркнула значеніе перваго нашего опыта въ этой области—гоголевскихъ «Записокъ» Поприщина. Гоголь былъ слишкомъ здоровъ, когда писалъ ихъ.

Записки Андреева даютъ прямыя иллюстраціи къ теоретическимъ страницамъ учебника психіатріи. Изученіе болѣзни чувствуется въ этой повѣсти, и трудно повѣрить противному, если бы это даже утверждалъ самъ авторъ. Нужно быть психіатромъ, чтобы чувствовать каждую спеціальную деталь. Нужно быть только внимательнымъ читателемъ, чтобы понять безъ всякихъ авторскихъ подчеркиваній значеніе нѣкоторыхъ вкрапленныхъ въ текстъ, какъ бы противъ воли вырвавшихся у автора, фактическихъ черточекъ. И на этой повѣсти, какъ на оселкѣ, можно испытывать читательскую чуткость и тупость.

III.

Если бы «Мои записки» появились анонимно, можно было бы безошибочно сказать, что авторъ ихъ—авторъ «Мысли», Андреевъ. Такъ, Свифтъ не подписывалъ своихъ сочиненій, и всѣ знали, что ихъ писалъ Свифтъ. Или налицо невѣроятность,—среди насъ живетъ большой и вдумчивый художникъ, великолѣпно овладѣвшій

писательской техникой, но находящійся подъ спудомъ, работающій въ тишинѣ, не оглашавшій своихъ работъ, вотъ до этихъ «Записокъ».

Въ повѣсти Андреева совсѣмъ нѣтъ того, что называется приключеніемъ, фабулой, внѣшнимъ движеніемъ. Она вся изъ такихъ психологическихъ переливовъ змѣинаго цвѣта.

Вы начинаете читать эти записки узника, прожившаго въ своей тюрьмѣ буквально отъ 27-лѣтняго возраста и до сѣдыхъ волосъ, просто съ глухимъ подозрѣніемъ, въ самомъ ли дѣлѣ невиненъ этотъ человѣкъ, который уже съ десятой строки своихъ мемуаровъ торопится заявить намъ о своей невинности.

Вы не знаете ничего о немъ, какъ не знаете еще и никакихъ частностей того страшнаго и звѣрскаго кроваваго преступленія, за которое онъ обвиненъ,—убійства его отца, старшаго брата и сестры при какихъ-то невѣроятныхъ подробностяхъ звѣрскаго извращенія.

Но подозрѣніе просачивается въ вашъ мозгъ съ первыхъ же страницъ, и оно ширится, растетъ и, наконецъ, заливаетъ душу увѣренностью, что, конечно, преступникъ и есть этотъ безумецъ, котораго по началу вы могли признать за совершенно нормальнаго, логически и почти математически точно мыслящаго человѣка.

Постоянныя заявленія о своей чистой и святой совѣсти кажутся что-то черезчуръ подозрительными въ устахъ невиннаго человѣка, какъ вѣчныя подчеркиванія нормальности не совсѣмъ натуральны въ устахъ дѣйствительно здороваго человѣка. Извѣстно, до какой степени логика безумцевъ утонченнѣе, острѣе и глубже логики здоровыхъ людей. Компетентные люди говорятъ, что душевно-больной совершаетъ свой побѣгъ изъ больницы съ такимъ предусмотрѣніемъ милліона мельчайшихъ случайностей, какое впору только генію или дьяволу. Вы знаете поэтому, что трудно надѣяться, чтобы

безумецъ проговорился и выдалъ себя, настораживаетесь и слѣдите за нимъ, какъ сыщикъ за жертвой.

Мнѣ кажется, уже изъ этихъ немногихъ словъ можно видѣть, какой захватывающе-жгучій интересъ могъ бы представлять такой замыселъ для умнаго читателя. И совершенно ясно, какому большому художнику онъ единственно подъ силу.

Какъ всегда, у Андреева замыселъ оказался несравнимо лучше исполненія.

IV.

Какъ игра въ шахматы интересна только при равенствѣ силъ противниковъ, такъ подобная психологическая тема можетъ считаться удачно выполненной лишь тогда, когда умственной силѣ читателя писатель противопоставитъ дѣйствительную же умственную силу своего героя. Поставь онъ точку надъ і, и потеряетъ прелесть цѣлый десятокъ страницъ, веденныхъ съ тонкостью, чуткостью и мастерствомъ.

Если не ошибаюсь, съ именемъ Пушкина связанъ такой анекдотъ. Кто-то изъ его собратій написалъ критику, воспользовавшись обычной въ старыя времена формой разговора между двумя лицами. Критика вышла умная и мѣткая. Но когда критикъ спросилъ о ней Пушкина, тотъ отвѣчалъ:

— Все, что ты говоришь отъ себя, очень вѣрно и умно. Но охота же была тебѣ съ такимъ дуракомъ разговаривать!

Бѣлинскій былъ у насъ первымъ, кто въ этомъ жанрѣ критики сталъ скрещивать мнѣнія двухъ, одинаково сильныхъ собесѣдниковъ.

Малѣйшій толстый нажимъ, малѣйшій пересолъ въ дневникѣ преступнаго безумца,— и онъ превращенъ въ такого «дурака» въ глазахъ читателя, и вещь испорчена. Безумецъ не долженъ быть недальновиднѣе чи-

тающаго. Всегда священный для художника совѣтъ Горація писать «для немногихъ», хотя бы съ рискомъ остаться непонятымъ чернью, въ этомъ случаѣ трижды обязателенъ для писателя.

Нужно держаться на той грани, гдѣ за узкой тропинкой начинается бездна, нужно выдержать на пространствѣ всей повѣсти ту тонкость художественнаго штриха, къ какой обязываетъ тема? Въ самомъ дѣлѣ, не высшая ли прелесть такой психологической повѣсти въ томъ, чтобы отдать читателя во власть вѣчно колеблющихся, скользящихъ, какъ змѣи, переливающихся всѣми цвѣтами радуги настроеній. Сейчасъ сомнѣнія, сейчасъ убѣжденіе въ томъ, что предъ вами и безумецъ и преступникъ, сейчасъ новыя и новыя колебанія: неужели безумецъ можетъ бросать такія свѣтлыя, глубокія и новыя мысли, неужели у преступника можетъ быть такое свѣтлое и безоблачное настроеніе покоя и внутренняго удовлетворенія?

Авторъ «Записокъ» такъ играетъ на читательской душѣ въ первыхъ главахъ повѣсти. Къ великому сожалѣнію, къ крайней досадѣ онъ раскрываетъ свои карты въ дальнѣйшихъ главахъ.

Если раньше были только намеки на то, что заключенный подверженъ безспорному психозу, что, помимо воли, онъ выдаетъ въ себѣ садическія наклонности (любуется трупомъ въ студенческой препаровочной, думаетъ о кровавыхъ кускахъ человѣческаго мяса при взглядѣ на бурый кирпичъ зданій, сладострастно мечтаетъ о томъ, какъ его пальцы вонзились бы въ горло когда-то любимой имъ женщины),—то во второй половинѣ повѣсти предъ вами настоящій субъектъ психіатрической клиники со всѣми признаками бреда параноика, съ элементами маніи величія и съ повышенною иногда пугливостью и нервнымъ безпокойствомъ, вызывающими мысль о маніи преслѣдованія.

V.

Предъ вами человѣкъ, съ гордостью заявляющій вамъ, что это ему тюремное дѣло обязано изобрѣтеніемъ такъ называемаго «глазка» въ камерныхъ дверяхъ, благодѣтельнаго для тюремнаго начальства. Передъ вами непризнанный философъ, носящійся со «священной формулой желѣзной рѣшетки».

И небо и землю узникъ видѣлъ только въ эти мелкіе квадраты, раздѣлившіе небо и землю ровными правильными линіями. И рѣшетка для больной головы становится символомъ міровой цѣлесообразности, «схемой, въ которой расположены управляющіе міромъ законы, упраздняющіе хаосъ и на мѣсто его возстановляющіе забытый людьми строгій, желѣзный, ненарушимый порядокъ». Онъ гордъ своимъ философскимъ изысканіемъ и своимъ спокойствіемъ мудраго.

«— Сколько людей слабыхъ погибло бы на моемъ мѣстѣ жертвою безумія, отчаянія, тоски,— восклицаетъ онъ,—а я побѣдилъ все! Я перевернулъ міръ; моей душѣ я придалъ ту форму, какую пожелала моя мысль; въ пустынѣ, работая одинъ, изнемогая отъ усталости, я воздвигъ стройное зданіе, въ которомъ живу нынѣ радостно и спокойно, какъ царь. Разрушьте его,—и завтра же я начну новое и, обливаясь кровавымъ потомъ, построю его... Я знаю истину! Я постигъ міръ! Я открылъ великое начало цѣлесообразности! Я разгадалъ священную формулу желѣзной рѣшетки!..»

Въ финалѣ повѣсти предъ вами уже безспорнѣйшій маньякъ, способный заткнуть за поясъ и самого Поприщина. Ему кажется, что міръ смотритъ на него, какъ на «учителя», что женщины считаютъ его святымъ, а его величественное молчаніе дѣлаетъ его подобнымъ «вѣчно молчащему Богу».

«— И кланяющіяся женщины и хворыя дѣти, которыхъ нерѣдко нахожу я у порога моего жилища, съ несомнѣнностью ждутъ отъ меня пустяка—исцѣленія и чуда. Что же, пройдетъ еще годъ или два, и я стану творить чудеса нисколько не хуже тѣхъ, о какихъ разсказываютъ они съ такимъ восторгомъ... Слишкомъ низко кланяются они, а то я и вправду не удержался бы отъ соблазна сотворить два-три небольшихъ, но эффектныхъ чуда»...

VI.

Еще Тургеневъ сказалъ, что каждый писатель даетъ не то, чего хотѣлъ бы отъ него критикъ, а то, что могъ и хотѣлъ дать онъ самъ. Мы не въ правѣ упрекать автора за то, что тонами откровеннаго безумія, крикомъ пьянаго экстаза больной мысли онъ кончилъ свою повѣсть.

Намъ больше хотѣлось бы, чтобы авторъ удержался надъ бездной,—ибо ни съ чѣмъ несравнимъ захватъ движенія по краю бездны,—хотѣлось бы, чтобы «Записки» остались увлекательно странной художественной загадкой, ребусомъ, заключились въ переливахъ сомнѣнія и увѣренности и отвѣтили бы: «да, убійца; да, преступникъ»—только своею послѣдней строкой.

Это нашъ замыселъ. У Андреева былъ другой. Было бы недоразумѣніемъ судить его при свѣтѣ того другого замысла, какой ожидался, былъ подсказанъ первыми страницами.

Но ужъ, конечно, не достоинство повѣсти то, что послѣдняя часть ея окрасилась тонами безумія, что въ ней галлюцинированіе и бредъ вклубились, врѣзались въ реальное до того, что и читателю моментами уже не разобрать, было это или грезилось, была сво-

бода и «лоно природы», или былъ сумасшедшій домъ и испытаніе. Вотъ почему, оцѣнивая въ должную мѣру превосходный авторскій замыселъ, я не отдалъ бы «Запискамъ» преимущества предъ глубокою и такъ родственною имъ «Мыслью», обладающей преимуществомъ трезвой и захватывающей ясности.

Мнѣ не удалось сказать ни одного слова о философіи этого страшнаго дневника сумасшедшаго, который вспышками своего безумія зловѣще освѣщаетъ моментами весь ужасъ нашей жизни, съ тюрьмами и тюремщиками, пытками души и самоубійствами, нашимъ «счастьемъ» и нашимъ бытомъ, которую мы считаемъ такою «нормальною» и «законною». Но это уже больше дѣло публициста и философа общественности, и дѣло критики—развѣ только устремить сюда ихъ вниманіе.

На первомъ чтеніи „Разсказа о семи повѣшенныхъ“.

I.

Это было въ первыхъ числахъ апрѣля 1908 года,— тогда только что стукнуло десять лѣтъ писательству Андреева.

За нѣсколько дней до чтенія Андреевъ сказалъ мнѣ:

— А я только что отошелъ отъ новой работы, которая меня измучила. Я написалъ новый разсказъ съ простымъ названіемъ—«Разсказъ о семи повѣшенныхъ». Какъ догадываетесь, это совсѣмъ на близкія намъ темы. Я вдумываюсь въ психологію семерыхъ, обреченныхъ на смертную казнь, изъ тѣхъ, о которыхъ мы каждый день утромъ читаемъ въ газетахъ: «Семеро приговорены въ Ригѣ», «четверо въ Ревелѣ» и т. д. Вотъ по поводу «Жизни человѣка» всѣ говорятъ и пишутъ, что я ушелъ въ какую-то совсѣмъ исключительную манеру и ужъ не могу писать въ прежней реально-психологической. Вы увидите, что, пользуясь въ извѣстномъ случаѣ формою примитива, можно вовсе не отказываться отъ той прежней манеры, въ которой писали Толстой, Чеховъ, въ какой написаны и мои «Жили-были». Просто каждая тема подсказываетъ свою спеціальную форму, какъ лирика требуетъ стиха, а описаніе—прозы.

— Еще только «Красный смѣхъ»,—продолжалъ онъ,— такъ измучилъ меня, какъ этотъ разсказъ. Тогда я почти

полгода не находилъ въ себѣ силъ приняться за другую работу. И, вѣроятно, теперь будетъ то же. Впечатлѣнія войны такъ властно осѣли на душу, что вытѣснили все остальное. Теперь эти впечатлѣнія—сидѣнія въ тюрьмѣ подъ одною мыслью о предстоящей казни. Можетъ-быть, вы не повѣрите и вамъ это покажется рисовкою, но постоянною думою объ этомъ, постояннымъ поставленіемъ себя на мѣсто приговоренныхъ я создалъ себѣ адское настроеніе, которое сгустилось въ послѣдніе дни до крайняго предѣла. Просыпаясь, я ловилъ себя на какой-то тяжелой мысли. Мнѣ казалось, что я долженъ чего-то ждать, что вотъ-вотъ совершится что-то жуткое и тяжелое. Мнѣ казалось, что сейчасъ кто-то войдетъ и скажетъ, что совершилось несчастье. Не дальше, какъ нѣсколько дней назадъ, я понялъ, въ чемъ секретъ. Я просто такъ фиксировалъ свою мысль на психологіи моихъ несчастныхъ семерыхъ, что и самъ невольно раздѣлялъ ихъ предсмертную тоску. Нѣсколько дней, какъ я кончилъ разсказъ, и теперь нѣтъ ничего подобнаго. И я свѣтло смотрю на шумящій проспектъ, на людей, на гостей.

II.

Андреевъ жилъ тогда еще на Каменноостровскомъ, въ огромномъ красивомъ домѣ новой постройки, а не въ своей дачѣ, въ Райвола. Проспектъ кипѣлъ жизнью. Была весна. Но немножко угрюмо было въ большомъ его кабинетѣ, съ стильною кожаною мебелью, съ нѣсколько жуткою картиною Рериха, изображающею семь черныхъ вороновъ, опустившихся на холмѣ, съ нѣсколько сухимъ и суровымъ и темнымъ колоритомъ.

Почти не было картинъ. Изъ портретовъ висѣли только портреты Горькаго, Шаляпина. На этажеркѣ

стоялъ единственный съ автографомъ портретъ Берты Зуттнеръ, приславшей ему свою фотографію послѣ появленія «Краснаго смѣха».

Андреевъ былъ настроенъ нервно, мечталъ объ отдыхѣ, полномъ и абсолютномъ, безъ знакомыхъ, безъ гостей, безъ дѣлъ, безъ незнакомыхъ посѣтителей, заглядывавшихъ къ нему иногда ночью для того только, чтобы на него посмотрѣть.

— Уѣхать куда-нибудь на лоно природы,—говорилъ онъ,—или лечь въ клинику, такъ чтобы отрѣзать всѣ проводы къ міру и отдаться, напримѣръ, всецѣло во власть Жюль Верна.

Въ условленный вечеръ въ квартирѣ Андреева собралось до 30—35 человѣкъ его близкихъ знакомыхъ. Преобладали литературные люди.

Часовъ въ девять всѣ мы собрались въ его кабинетѣ. Самъ онъ сѣлъ за письменный столъ. Лампа съ низко опущеннымъ зеленымъ абажуромъ оставляла весь кабинетъ въ тѣни, вырывая изъ мрака только лицо его, склонившагося надъ рукописью, и воротъ суконной черной блузы съ бантомъ галстука.

III.

Литераторское чтеніе принято издавна противопоставлять актерскому. Въ немъ, можетъ-быть, нѣтъ такой эффектности и выразительности, но зато въ немъ нѣтъ и тѣхъ потокъ искусственности и того расчета, какія отличаютъ даже идеальное актерское чтеніе. И всегда его портятъ.

Про Достоевскаго разсказываютъ, что онъ читалъ, запинаясь, нервничая, торопясь и поправляясь, но тѣ, кто слышали монологъ Мармеладова въ его исполненіи, говорятъ, никогда уже не переживали такого волненія

и захвата, какое сообщалъ имъ Достоевскій—ни тогда, когда слышали Андреева-Бурлака, ни въ иныхъ случаяхъ.

Чтеніе Андреева совершенно чуждо актерскихъ пріемовъ и достоинствъ. Это чтеніе простое, безыскусственное, но красивое и захватывающее этой простотой. Ровнымъ, спокойнымъ голосомъ онъ началъ разсказъ о настроеніяхъ министра, встревоженнаго извѣстіемъ о готовящемся на него покушеніи.

— Въ часъ дня, ваше превосходительство!..

Потомъ прошла исторія захвата злоумышленниковъ, такая простая и обыкновенная и разсказанная такими простыми и знакомыми словами. Еще дальше раскрылась внутренность каземата, и мы познакомились съ тоже знакомыми фигурами заговорщиковъ изъ молодежи.

Была мертвая тишина въ кабинетѣ. Только часто вспыхивала спичка въ рукахъ чтеца, закуривавшаго папиросу за папиросой, и на минуту водворялось молчаніе, когда онъ доходилъ до конца главы и произносилъ названіе слѣдующей. Во время чтенія вошло еще нѣсколько лицъ и усѣлось въ дверяхъ.

Свободный отъ расчета на эффектъ, такой объективный, такой ровный въ своемъ темпѣ разсказъ захватывалъ медленно, но прочно. Когда дальше пошли подробности психологическихъ переживаній молодыхъ людей, Цыганка и чухонца Янсона, волненіе начало сообщаться слушателямъ. Что изумительно удавалось Андрееву, какъ чтецу,—это фигура Цыганка. Хищно-жизнерадостный, весь кипящій ничѣмъ неукротимою жаждою жизни, орловскій дикарь стоялъ, какъ живой. Его хвастливые возгласы такъ полновѣсно и кругло срывались съ устъ Андреева.

Потомъ пошли дни и часы смертнаго томленія осужденныхъ. Почувствовалось, какъ вдругъ сгустилась

психологическая атмосфера въ комнатѣ. Послышался чей-то женскій вздохъ. Руки одной-другой дамы скользнули по глазамъ.

IV.

Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на двухъ человѣкъ въ этой полутемной комнатѣ, которые должны были съ совершенно исключительнымъ чувствомъ, съ чувствомъ повторнаго переживанія слушать все то, что здѣсь разсказывалъ художникъ.

Я говорю про «экспертовъ смерти»—шлиссельбуржцевъ Морозова и Стародворскаго, которыхъ авторъ, конечно, пригласилъ съ тѣмъ, чтобы услышать отъ нихъ искренній голосъ, насколько его писательскія догадки оказались близкими къ тому, что они пережили не въ воображеніи, но въ страшной дѣйствительности. Вѣдь они оба перенесли ужасъ приговора къ смертной казни, потомъ замѣненной пожизненнымъ заключеніемъ въ шлиссельбургской могилѣ.

Далеко выдвинувшись впередъ огромнымъ корпусомъ, обнявъ колѣно, на виду у всѣхъ сидѣлъ Стародворскій, огромный, съ крупными и рѣзкими чертами лица, похожаго на лицо пожилого деревенскаго дьякона, съ длинными волосами, серебрившимися сѣдиной. Онъ точно застылъ въ своей позѣ. Мнѣ думалось, что, если бы этотъ разсказъ, который онъ слушалъ, былъ въ десять разъ блѣднѣе, онъ съ такою же яркостью переживалъ бы въ немъ свое собственное былое страданіе и могъ быть, пожалуй, не меньше взвинченъ и изнервленъ.

Маленькое, ласковое, съ добрыми-добрыми морщинками около молодыхъ ласковыхъ глазъ лицо Морозова было по обыкновенію нервно, но спокойно. Было видно только, что онъ весь ушелъ во вниманіе и не отводилъ

своихъ умныхъ, черныхъ глазъ отъ чтеца. Рядомъ съ нимъ сидѣла его молодая жена.

Впечатлѣніе, произведенное концомъ разсказа, было большое. Никто, конечно, не охалъ, не всхлипывалъ, не уходилъ съ рыданіями, но въ мертвомъ молчаніи, которое прорѣзалъ безстрастный, спокойный и твердый, безъ малѣйшей дрожи голосъ читавшаго, чувствовалась жуткая напряженность, какая бываетъ передъ грозой.

V.

Вотъ и послѣднія страницы. Мы уже пережили волненіе Цыганка, которому такъ страшно итти подъ намыленную веревку одному, уже взглянули въ смущенныя и виноватыя лица исполнителей казни. Причудливымъ пятномъ врѣзалась въ память чернѣющая въ снѣгу потерянная калоша, и вотъ кроткое, теплое солнце, одинаково сіяющее злымъ и добрымъ, правымъ и виноватымъ, освѣтило картину казни...

Андреевъ поставилъ точку, сложилъ рукопись.

Я не помню, чтобы аплодировали. И думаю, что не аплодировали. Теперь, черезъ годъ, эта подробность кажется мнѣ не идущей къ тому настроенію, которое тогда раздѣляли всѣ мы; кажется, было молчаніе—не то молчаніе, какое покрываетъ иногда слабую вещь писателя, которому не знаешь, что сказать. Это было молчаніе волненія, захвата, подчиненія художественной силѣ прочитаннаго.

Кажется, самъ Андреевъ нарушилъ молчаніе.

— Ну, какъ?

Онъ спрашивалъ полусмущенно, полуволнуясь и до несомнѣнности ясно обращая вопросъ къ тѣмъ двумъ, которымъ здѣсь принадлежало право судить больше, чѣмъ присяжнымъ критикамъ.

Первый началъ говорить Стародворскій.

— Я не могу сказать, что это лучшая ваша вещь,— началъ онъ,—только потому, что—по совѣсти долженъ сказать—не читалъ всего, что вами написано. Но такъ, безотносительно, я бы сказалъ, что это ваша прекрасная вещь. Меня удивляетъ, какъ вы, человѣкъ, не переживавшій на самомъ дѣлѣ тоски неизбѣжной смерти, могли проникнуться нашими настроеніями до такого удивительнаго подобія. Это все удивительно вѣрно. Это все такъ. Конечно, это еще болѣе потрясаетъ, гнететъ, ломаетъ человѣка въ дѣйствительности. Но вотъ, что я замѣчу. Того состоянія безнадежности, той увѣренности въ казни, какое у васъ отличаетъ нѣкоторыхъ, и уже готовности ее принять, я, по крайней мѣрѣ, не пережилъ. И думаю, что здѣсь вы, вообще, не совсѣмъ правы. Думаю, что нѣтъ такого приговореннаго, который, уже наглядно видя, что смерть неминуема, что висѣлица готова, что его уже ведутъ на нее,—все-таки и въ эту минуту не вѣрилъ бы въ свое спасеніе. Нѣтъ, всѣ мы безъ исключенія держались за эту надежду до самаго конца. Мы ждали невѣроятнаго. Мы прямо требовали чуда. Наступитъ послѣдняя минута, и вотъ чудо произойдетъ. И я буду, буду, буду жить! Этотъ инстинктъ жизни у васъ прекрасно подчеркнутъ въ чухонцѣ, въ его «я не хочу, чтобы меня вѣшали», но потомъ вы все-таки примирили ихъ всѣхъ со смертью. Это то единственное, что я хотѣлъ бы сказать.

VI.

Потомъ говорилъ Морозовъ.

Какъ всегда весь нервный, торопящійся, жестикулирующій, онъ началъ говорить о томъ, что сейчасъ въ этой комнатѣ онъ пережилъ такую бездну своихъ

личныхъ воспоминаній, что ему даже трудно сосредоточиться на прямой темѣ разсказа.

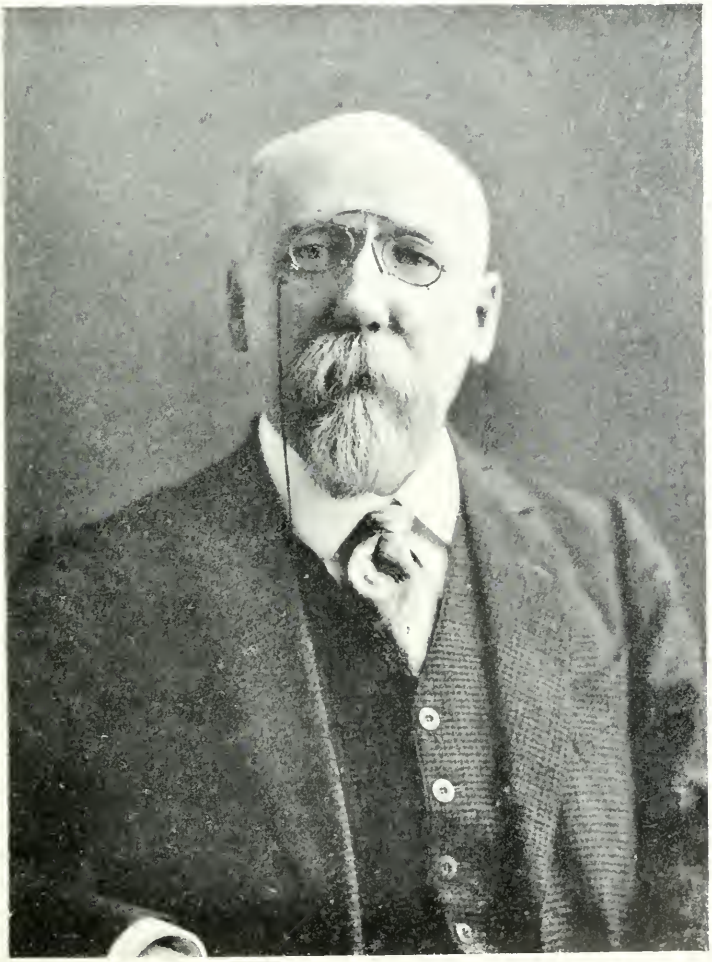
— Я могу только сказать,—говорилъ онъ,—что все это дѣйствительно правдиво и мѣтко и глубоко. Конечно, вы удивительно догадались о многомъ. Но вотъ скажу, что здѣсь могутъ быть и есть такія частности, которыхъ совершенно невозможно предугадать человѣку, не пережившему этой драмы. Напримѣръ, вспомню о себѣ. Вы знаете, что я былъ такъ же, какъ эти семеро, приговоренъ къ смерти. Намъ еще не былъ прочитанъ приговоръ, но мы знали это съ несомнѣнностью, и когда насъ вызвали прослушать этотъ приговоръ, мы знали, что̀ мы услышимъ. И вотъ въ эту минуту, когда, казалось бы, ни о чемъ нельзя было думать, кромѣ какъ о предстоящемъ ужасѣ,—вы знаете, какая мысль доминировала у меня надо всѣми остальными? Это была мысль о томъ, какъ съ должнымъ достоинствомъ принять страшную новость. Какъ не показать людямъ, которыхъ я ненавидѣлъ, какъ враговъ, что я потрясенъ, что я убитъ, что мнѣ жалко жизни? Какъ сдѣлать такъ, чтобы они, мои враги, увидѣли, что я не такой, какъ они, и иду на смерть спокойнымъ? Тутъ по выходѣ изъ камеръ мы должны были встрѣтиться со всѣми товарищами. Ихъ было много. Всѣмъ послѣдующимъ приходилось проходить мимо тѣхъ, кто вышелъ раньше. И вотъ, если я не боялся за то, что я спасую передъ моими врагами, я боялся, что я не выдержу предъ этими моими друзьями. Вѣдь надо сказать, что мы не видѣлись почти годъ, съ той минуты, какъ отъ насъ отняли свободу. Можно было расплакаться, можно было ужаснуться при видѣ нѣкоторыхъ. Можно было своимъ видомъ повергнуть въ отчаяніе кого-либо. Я рѣшилъ собрать всѣ свои силы и спокойно, если можно съ улыбкой, протянуть руку каждому. Я такъ и сдѣлалъ. Но вотъ подробность, говорящая о

томъ, до какой степени въ такія минуты можетъ прямо-таки атрофироваться человѣческій мозгъ. Одинъ изъ нашихъ товарищей по несчастью показался мнѣ настолько окаменѣвшимъ, что я не рискнулъ протянуть ему руку. Онъ стоялъ, какъ каменный. Смотрѣлъ куда-то въ пространство такимъ мертвымъ, такимъ пустымъ, такимъ чужимъ взглядомъ, что было ясно, что онъ совершенно не понималъ, не чувствовалъ, не воспринималъ того, что происходило здѣсь, кто шелъ мимо него, что значило пожатіе моей руки. И я, повторяю, прошелъ мимо него, хотя мы имѣли право на обмѣнъ могучимъ рукопожатіемъ предъ тѣмъ, какъ насъ повели бы на казнь...

...Вотъ то, что помнится мнѣ отъ этого вечера, отъ тѣхъ словъ, какія были тогда сказаны. Можетъ-быть, память измѣнила мнѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, но настроеніе перваго чтенія этой вещи было именно такое.

Весь вечеръ разговоръ неизбѣжно вращался около прочитаннаго разсказа. Можетъ-быть, потомъ онъ свелся къ практическимъ соображеніямъ о томъ, увидитъ ли онъ безпрепятственно свѣтъ, или изъ него будутъ вырѣзаны страницы, но это опять же былъ разговоръ на тему прочитаннаго, и ни о чемъ другомъ въ этотъ вечеръ говорить не хотѣлось.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.



ЗАГАДКИ СФИНКСА.

I.

Изъ одной бесѣды съ Ѳ. Сологубомъ мнѣ запомнилась такая частность.

Мнѣ хотѣлось по какому-то поводу услышать отъ него самого личные комментаріи на то, что мнѣ, какъ читателю, казалось въ его книгѣ неяснымъ.

Оговорюсь, я считаю это естественнѣйшимъ и законнѣйшимъ правомъ читателя, и литературнаго обозрѣвателя въ особенности. Въ Пушкинѣ, въ Лермонтовѣ много загорѣлось, засверкало, прояснилось, благодаря подсказамъ ихъ друзей, ихъ знакомыхъ, съ ихъ словъ комментировавшихъ ихъ страницы.

Въ книгахъ Брандеса, можетъ-быть, самыя интересныя страницы тѣ, гдѣ онъ дѣлится съ читателемъ разъяснительными письмами или отрывками изъ бесѣдъ съ Ибсенами, Бьернсонами.

И вотъ, помню, меня удивило, когда вмѣсто прямого отвѣта Сологубъ сталъ развивать передо мною свою теорію о томъ, что никакого личнаго комментарія автора къ своему произведенію быть не можетъ. Единственный комментаторъ писателя—его читатель. Пониманіе сочиненія есть дѣло личнаго читательскаго ума.

— Есть произведенія и произведенія,—сказалъ я.— Было бы смѣшно спрашивать у Писемскаго или Островскаго, что̀ онъ хотѣлъ сказать своимъ бытовымъ сочиненіемъ. Но есть вещи, окрашенныя такъ индивиду-

ально, проявляющія настолько капризную физіономію писателя, отражающія до того прихотливое и исключительное его настроеніе, что читателю трудно въ немъ разобраться. Мало этого: не бывало ли примѣровъ, когда даже просто сказанное слово художника такъ перетолковывалось невѣжествомъ или партійнымъ пристрастіемъ, что художнику приходилось выступать съ самозащитой. Развѣ Гончаровъ на закатѣ жизни не написалъ самъ комментарія къ своему «Обрыву»?

Сологубъ рѣшительно отстаивалъ свою точку зрѣнія.

— Писателя комментируетъ самъ читатель, и только онъ одинъ. Какъ бы исключительно ни было мое настроеніе, вотъ въ этомъ разсказѣ, въ этомъ стихотвореніи,—я надѣюсь, оно найдетъ сочувственное сердце.

— Но вѣдь тогда сколько читателей, столько и толкованій! Сколько головъ, столько и умовъ!

— Это ничего, что одинъ пойметъ такъ, другой пойметъ иначе. Въ этомъ и сила и смыслъ творчества. Мое «я», то, что называется Ѳедоромъ Сологубомъ, есть какая-то сумма разнородныхъ наслѣдственныхъ вліяній. Кто разберетъ, что лично отъ меня, что отъ моего дѣда. Но вотъ, мнѣ дано воплотить въ словахъ какое-то чувство, какое подготовлялось, можетъ-быть, цѣлымъ родомъ людей. Не думайте поэтому, что я уклоняюсь отъ комментарія потому, что не хочу его дать. Можетъ-быть, я просто и не могу его дать. Было такое настроеніе, и написалось такое стихотвореніе. Этими стихотворными строками я сказалъ то, что мнѣ хотѣлось въ данную минуту сказать. Само собою, я старался найти здѣсь для этого лучшія слова, какія только я могъ сказать. Я напрягался весь, я далъ лучшее и большее, что могъ дать въ этомъ случаѣ. Если это вышло непонятно, то какъ же я могу сказать это яснѣе въ частной, напримѣръ, бесѣдѣ, когда я неподготовленъ, вышелъ изъ того настроенія, забылъ его?..

— Но, гдѣ же, скажите, предѣлъ читательскому произволу?

— Критерій для читателя—общій духовный обликъ поэта. Не надо подходить къ писателю съ дрянными намѣреніями. Вотъ вы помните, въ моихъ «Навьихъ чарахъ» дѣйствуютъ, между прочимъ, «тихіе мальчики». Кто-то изъ пишущихъ въ газетахъ, не постѣснялся высказать отвратительное предположеніе о той цѣли, для какой они существуютъ въ усадьбѣ Трироднова. Но въ романѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія для такихъ гнусныхъ догадокъ. Вотъ такіе комментаріи могутъ оскорблять автора.

II.

Этотъ разговоръ меня удовлетворялъ мало. Послѣдній примѣръ самого Сологуба былъ самымъ серьезнымъ возраженіемъ противъ его теоріи. Творческая истина мнѣ казалась и кажется такой же единой, какъ истина математическая или философская. Есть одно шекспировское пониманіе Гамлета, и всѣ семьдесятъ другихъ пониманій будутъ ложны. Прочтите современное стихотвореніе-модернъ десяти слушателямъ,—они предложатъ вамъ десять пониманій его. Еще не обезпечитъ ли эта теорія права самой необузданной и нелогичной графоманіи? Наконецъ общій обликъ писателя въ сущности опредѣляется только тогда, когда онъ умретъ. Гдѣ же коррективъ, пока онъ живетъ и пишетъ? И то, что слѣдомъ за этимъ сказалъ Сологубъ, мнѣ казалось подтверждающимъ опять-таки мою мысль.

— Понять писателя,—сказалъ онъ,—можно только тогда, когда его изучатъ и изучатъ всего. Лично я не могу претендовать даже на приблизительное знаніе меня читателемъ. Больше половины моей литературной дѣятельности прошло внѣ вниманія читателей

и критики. Мною интересуюся теперь, но вся первая половина моего поприща моимъ читателямъ не ясна, если не вовсе неизвѣстна.

Я чувствовалъ себя въ логическомъ кругѣ. Въ частности, личность Сологуба, какъ писателя, должна была остаться для меня такой же неясной, какъ раньше. Понять его отдѣльныя вещи правильно можно было, только пользуясь коррективомъ его цѣльнаго писательскаго облика. Его цѣльный писательскій обликъ ускользнулъ отъ всѣхъ писавшихъ о немъ раньше меня и не можетъ быть доступенъ мнѣ потому, что онъ пишетъ и сейчасъ и, можетъ-быть, напишетъ еще столько же, сколько написалъ.

Потомъ я увидѣлъ, что рѣчи Сологуба о вниманіи читателя и критика къ сочиненіямъ писателя носили не мимолетный характеръ попутно брошеннаго афоризма. Они были принципомъ, послѣдовательно проводившимся этимъ писателемъ. Въ одной книгѣ о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія, куда эти поэты дали автографическія странички, замѣняющія біографіи, я нашелъ вмѣсто такой біографіи нѣсколько строкъ письма Сологуба.

Онъ писалъ:

— Я съ большимъ удовольствіемъ исполнилъ бы всякую вашу просьбу, но это ваше желаніе не могу исполнить. Моя біографія никому не нужна. Біографія писателя должна итти только послѣ основательнаго вниманія критики и публики къ сочиненіямъ. Пока этого нѣтъ.

Это былъ тотъ же затаенный упрекъ критику и читателю, проводившему первыя книги Сологуба слабымъ вниманіемъ, какой я слышалъ отъ него раньше.

Въ другое мѣсто, въ одинъ литературный альманахъ, гдѣ откровеннѣйшимъ образомъ, съ самодовольнѣйшими росчерками расписалась многочисленная литературная

молодежь, вмѣсто автобіографіи Сологубъ далъ тотъ же отвѣтъ, только уже съ оттѣнкомъ почти раздраженія.

— Моей автобіографіи я прислать не могу, такъ какъ думаю, что моя личность никому не можетъ быть въ такой степени интересна. Да мнѣ и некогда заниматься такимъ ненужнымъ дѣломъ, какъ писаніе автобіографіи.

III.

Среди писателей, наиболѣе шумѣвшихъ въ послѣднее время и взысканныхъ модой, обликъ Сологуба стоитъ нынѣ совершенно особнякомъ. Въ послѣдніе годы, которые поистинѣ можно назвать комическимъ временемъ въ литературѣ, мы узнавали мельчайшія подробности жизни не только о тѣхъ настоящихъ писателяхъ, о которыхъ дѣйствительно интересно знать и мелочи ихъ жизни, но и относительно совершенныхъ пустышекъ, докладывавшихъ намъ съ любезной поспѣшностью, изъ сколькихъ гимназій и сколько разъ ихъ исключали и сколькими парами брюкъ они располагаютъ.

Безспорное достоинство Сологуба,—что и въ дни, когда, несомнѣнно, ему не было отбоя отъ газетчиковъ, онъ сумѣлъ сохранить гордое одиночество и красивую тишину въ своемъ домѣ и въ своей душѣ.

Взысканный извѣстностью и модой, онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго шага въ сторону любезныхъ интервьюеровъ. Не только ни одинъ интервьюеръ не разсказалъ мелкихъ подробностей его домашняго уклада, но мы даже не знаемъ о немъ самыхъ общихъ свѣдѣній, которыя неизбѣжно узнаешь просто о сколько-нибудь даровитомъ пишущемъ человѣкѣ, года черезъ три его работы. Это какой-то Мельхиседекъ въ литературѣ безъ генеалогической таблицы, безъ послужного списка.

Широкій читатель знаетъ о немъ едва ли не то, что по своимъ лѣтамъ онъ никоимъ образомъ не можетъ быть причисленъ къ той молодежи, имена которой постоянно сплетаются съ его именемъ. Энциклопедическій словарь прибавляетъ сюда положительно не болѣе трехъ строчекъ: родился въ 1863 году, окончилъ курсъ въ спб. учительскомъ институтѣ, настоящая его фамилія Ѳедоръ Кузьмичъ Тетерниковъ.

Немногое, опять всего нѣсколько строкъ, прибавитъ сюда освѣдомленность литературныхъ кружковъ.

Въ 1894 году онъ появился въ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника». Тамъ очень понравился его разсказъ «Тѣни», такъ шедшій къ общему настроенію, усвоенному этимъ журналомъ Л. Гуревичъ и А. Волынскаго. Разсказываютъ, что тутъ же въ редакціи былъ надуманъ псевдонимъ для начинающаго автора, уже тогда вступившаго въ первый годъ четвертаго десятка.

О первомъ же разсказѣ его уже появились рецензіи, и въ обществѣ были довольно оживленные споры, очень ли это хорошо или очень худо. Въ кружкахъ знали, что до послѣдняго времени авторъ, пишущій подъ фамиліей Сологуба, состоялъ въ должности инспектора одного изъ городскихъ мужскихъ средне-учебныхъ заведеній, и былъ долженъ,—кажется, былъ вынужденъ,—оставить службу послѣ того, какъ въ бурные годы опредѣлилось его явно-оппозиціонное настроеніе къ старому режиму.

Библіографъ можетъ прибавить сюда, что послѣ первыхъ знаковъ вниманія критики и публики Сологубъ проходилъ поприще достаточно въ тѣни. Его романъ «Тяжелые сны» почти не произвелъ никакого впечатлѣнія ни при первомъ появленіи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», ни въ отдѣльномъ первомъ изданіи.

Его «Мелкій бѣсъ», печатавшійся въ революціонный 1905 годъ, во временно разгорѣвшемся и скоро закрыв-

шемся журналѣ «Вопросы Жизни», прошелъ по тому времени опять почти незамѣтно. Онъ даже не былъ здѣсь конченъ, и на это никто не посѣтовалъ вслухъ. Въ этотъ годъ было не до художественной литературы.

IV.

Но капризное лицо судьбы уже слагалось въ улыбку чрезвычайной благосклонности къ Сологубу. Въ мартѣ 1907 года «Мелкій бѣсъ» въ полномъ видѣ появился въ изданіи только что взявшаго силу «Шиповника». Этотъ романъ принесъ Сологубу настоящую славу. Амфитеатровъ поставилъ его въ прямое преемство съ большими бытописательскими созданіями нашихъ богатырей Тургенева, Гончарова. Сейчасъ онъ вышелъ уже пятымъ изданіемъ. Успѣхъ безпримѣрный для современнаго писателя, если исключить Толстого, Горькаго и Андреева.

«Шиповникъ» издалъ полное собраніе сочиненій Сологуба.

Кажется, этому изданію должна принадлежать роль исключительная въ судьбѣ Сологуба. Судя по первому тому стихотвореній, ясно, что рядомъ съ выходомъ изъ типографіи отпечатанныхъ листовъ, Сологубъ ведетъ серьезную и строгую работу пересмотра своей литературной казны. Онъ какъ бы озабоченъ подготовительной работой, которая помогла бы его критику и его читателю составить, наконецъ, о немъ полное и вѣрное сужденіе.

По Горацію, онъ строитъ и рушитъ, мѣняетъ квадратное круглымъ». Онъ налагаетъ послѣдній чеканъ на металлъ своихъ стиховъ. Онъ намѣренно выбрасываетъ многія изъ стихотвореній, хотя бы даже когда-то около нихъ сосредоточивались восторгъ и злобность критиковъ и насмѣшливость карикатуристовъ и пародистовъ.

Онъ намѣренно нарушаетъ хронологическій порядокъ печатанія стиховъ, располагая ихъ такъ безъ помощи заголовковъ и отдѣловъ, чтобы читатель улавливалъ ихъ внутреннюю связь, и цѣлыя книги казались бы правильно развивающеюся психологической повѣстью.

Въ добрый часъ! Это необходимо Сологубу болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Рѣдко о какія литературныя скалы такъ злобно и враждебно ударяли бы волны критическаго одобренія и возмущенія. Посейчасъ, и послѣ «Мелкаго бѣса», Сологубъ далеко не есть непререкаемая величина. У литературныхъ старовѣровъ посейчасъ не рѣдкость мнѣніе, что этотъ романъ не болѣе, какъ невоздержная карикатура на русскую провинцію съ интересными мѣстами, но въ цѣломъ испорченная совершеннымъ неправдоподобіемъ сценъ и преувеличеніемъ крайностей.

Въ то время, какъ въ глазахъ утонченниковъ-модернистовъ, въ оцѣнкѣ, напримѣръ, «Вѣсовъ», гдѣ онъ всегда былъ почетнымъ и желаннымъ гостемъ, Сологубъ — отецъ русскаго модернизма, тонкій и изящный писатель, явно нащупывающій новые пути въ искусствѣ, рѣдкій стилистъ, достигающій исключительныхъ красотъ, русскій Бодлэръ и т. д.—для другихъ это поэтъ-извращенникъ, «страшная, вывихнутая, исковерканная душа».

«Сологубу, — пишетъ С. Яблоновскій, — попалъ въ глазъ тотъ осколокъ чортова зеркала, который раньше сидѣлъ въ глазу андерсеновскаго Кая, а въ этомъ зеркалѣ все отражается такимъ отвратительнымъ, искривленнымъ, поганымъ, скотскимъ».

Это онъ воспѣлъ дѣвицъ, развращающихъ юнаго мальчика («Мелкій бѣсъ»). Это онъ въ одной изъ своихъ драмъ представилъ отца, предлагающаго родной дочери «сжечь ветхія слова», которыя ихъ раздѣляютъ.

Подобно грозящей комете
Идешь ты ко мне
Вы немеркнущем свете,
Вы огне.

Все ярче, страшнее и ниже
Горит твой венец.
Все ближе
Конец.

Федор Сологуб.

18 июня 1898 г.

Онъ—«проповѣдникъ зла» и дьяволопоклонникъ, нѣкогда дословно пѣвшій:

„Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
И мой корабль пошелъ ко дну,
Я возопилъ: „Отецъ мой дьяволъ!
Спаси, помилуй, я тону",
Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей!
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ темныхъ дней".

Дьяволъ внялъ мольбѣ Сологуба, — цитирую того же автора,—и спасъ его. И дожилъ Сологубъ до старческаго возраста; вы всѣ видѣли, какимъ почтеннымъ дѣдушкой, хотя и со злымъ лицомъ, выходилъ онъ на аплодисменты[1]) и остался вѣренъ онъ обѣщанію, которое далъ отцу-дьяволу:

„Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню.
Хулу надъ міромъ я возставлю
И, соблазняя, соблазню".

V.

Литературная сокровищница Сологуба очень велика. Сейчасъ онъ—одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ беллетристовъ и поэтовъ. Въ своихъ настроеніяхъ при этомъ онъ до такой степени дитя минуты, что въ его книгахъ можно найти благодарнѣйшій матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ и совершенно противорѣчивыхъ выводовъ. Для исчерпывающаго очерка его понадобился бы цѣлый рядъ статей.

Да, у него есть и наклонъ къ извращеніямъ, и проповѣдь зла. Но у него есть и великолѣпная реальная

---

[1]) Разумѣются выходы на сценѣ послѣ постановки «Мелкаго бѣса».

хватка жизни, есть и молитвенная лирика, есть и умиленные гимны небу, которые, ничуть не смущаясь именемъ, могли бы взять въ дѣтскую хрестоматію самые строгіе ортодоксалы. Есть поэты, которыхъ по основному мотиву ихъ пѣсенъ можно, такъ сказать, вытянуть въ одну линію. Не таковы ли Надсонъ, Плещеевъ, Майковъ, Щербина? Сологубъ діаметрально противоположенъ имъ. Онъ весь зависитъ отъ настроенія.

Въ другихъ томахъ стиховъ Сологуба мы натыкаемся и на демонологическія темы. Но уже по первому тому передъ нами цѣльная и законченная поэтическая личность. Съ ней можно самостоятельно и независимо считаться.

Надо съ первыхъ строкъ сказать, что это настоящій, глубоко-задумчивый поэтъ, который знаетъ, что такое вдохновеніе. Почти странно чувствовать, какъ Сологубъ, такой капризный, часто изломанный, часто непонятный,—здѣсь ясенъ, доступенъ и потому близокъ. Перелистывая, я не нашелъ здѣсь почти ни одной изъ тѣхъ пьесъ, которыя когда-то такъ странно воспринимались, не укладывались въ умѣ и чувствѣ, вызывали протестъ, рождали насмѣшку. Ни этихъ «отцовъ-дьяволовъ», ни хлыстовскихъ экстазовъ разнузданной плоти, ни извращенныхъ призывовъ, ни сѣрой недотыкомки, ни колдовства и волхвованій въ стилѣ черной мессы.

Передъ вами—усталая современная душа, постигшая нѣжную, умиляющую красоту природы и понявшая весь ужасъ, всю сѣрость и безысходность бытія. Страшно жить среди тайнъ, съ которыхъ невозможно приподнять даже уголка завѣсы, противъ которыхъ безплодно протестовать.

Остается—совсѣмъ тихо, покорно, дѣтски-довѣрчиво преклониться, не желать ничего измѣнить ни въ людяхъ, ни въ мірѣ и терпѣливо ждать доброй всепримиряющей гостьи—Смерти, которая придетъ не страшнымъ чудо-

вищемъ съ провалившимся носомъ и костлявыми пальцами, но какъ добрая, прекрасная женщина, несущая сладость нирваны.

VI.

Вотъ Сологубъ перваго тома, если хотите, первой фазы. Что остается человѣку въ этой тоскѣ жизни? Мечтать о красотѣ,—отвѣчаетъ Сологубъ,—и красотою преобразить міръ, охраняя свою мечту отъ грубыхъ и злыхъ прикосновеній земли. Онъ проситъ не воплощаться реально ту, кого любитъ, и остаться навѣкъ легкой грезой. «Храни безмѣрныя надежды,—звѣздой далекою свѣтись,—чтобъ наши грубыя одежды—вокругъ тебя не обвились».

Все и всѣ въ жизни какъ зыбкія тѣни. «Изъ тьмы вырастая мелькаетъ—и вновь уничтожиться въ ней—торопится стая—тѣней». Отсюда одинъ выводъ: «Не надѣйся, не смущайся,—преходящимъ не прельщайся,—безъ печали дожидайся—утѣшительнаго сна.—Все, чѣмъ жизнь тебя манила,—обмануло, измѣнило,—неизбѣжная могила—не обманетъ лишь одна».

Сологубъ живетъ въ этомъ волшебномъ мірѣ грезы. «Пріучивъ себя къ мечтаньямъ,—неживымъ очарованьямъ—душу слабую отдавъ,—жизнью занятъ я минутно,—равнодушно и попутно,—какъ вдыхаютъ запахъ травъ». «Глаза мои дремотные — въ видѣнья мимолетныя—безумно влюблены». До реальной жизни, до злобы дня поэту нѣтъ дѣла. Чрезвычайно характерны для него такія строки:

— «Расцвѣтайте расцвѣтающіе, — увядайте увядающіе,—догорай объятое огнемъ!—мы спокойны не желающіе,—лучшихъ дней не ожидающіе,—жизнь и смерть равно встрѣчающіе—отуманеннымъ лицомъ». «Не легко мнѣ,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—я живу печаленъ.—Я суровой скорби въ жертву данъ.—Никакимъ

желаньемъ не ужаленъ, — ни въ какой не вдамся я обманъ». Какое-то буддійское спокойствіе, пассивность брамина отличаетъ его, когда онъ подчеркиваетъ свою полную покорность управляющему имъ Року.

— «Я зажгу восковую свѣчу—и къ Творцу моему воззову,—преклоняя главу и колѣни:—бытія моего не хочу,—житія моего не прерву,—до послѣдней пройду всѣ ступени.—Только воля Господа и есть.—И не я выбиралъ этотъ путь,—и куда онъ ведетъ, я не знаю,—и спѣшу я молитвы прочесть,—и не смѣю въ ночи отдохнуть,—и главу и колѣни склоняю».

Или еще:

— «Я люблю мою темную землю,—и въ предчувствіи вѣчной разлуки—не одну только радость пріемлю,—но смиренно и тяжкія муки.—Ничего не отвергну въ созданьи,—и во всемъ есть восторгъ и веселье.—Есть великая трезвость въ мечтаньи—и въ обычности бурной похмелье.—Преклоняюсь предъ Духомъ Великимъ—и съ Отцомъ бытіе мое слито,—и созданьемъ Его многоликимъ—отъ меня ли единство закрыто».

Совсѣмъ впадая почти въ пушкинское очарованіе природой, «равнодушной у гробового входа» человѣка, Сологубъ кончаетъ свое новое, никогда раньше не печатавшееся стихотвореніе такими стихами:

— «Я въ тиши во тьмѣ блуждаю — и въ лабиринтѣ изнемогъ,—и ужъ давно не понимаю—моихъ обманчивыхъ дорогъ.—Все жду томительно: устанетъ—судьба надежды хоронить,—хоть передъ смертью мнѣ протянетъ—путеводительную нить.—И вновь я выйду на свободу—подъ небомъ яснымъ умереть,—и, умирая, на природу—глазами ясными глядѣть».

Какъ все это понятно, какъ все это близко, особенно людямъ нашего вѣка съ усталой душой, съ разбитыми нервами! Любуясь этою нитью алмазовъ, откуда выброшены весь стеклярусъ и всѣ стразы, можно впер-

вые ясно и убѣжденно почувствовать, какого большого и прекраснаго поэта мы имѣемъ въ Сологубѣ. Случайные капризы и гримасы отброшены, все суетное, мелкое, въ минуту прихоти рожденное и, можетъ-быть, «изъ житейской корысти» увидѣвшее свѣтъ—отпало, и на васъ смотритъ серьезное, грустное, прекрасное лицо брата по душевнымъ переживаніямъ.

VII.

Но откройте другую книжку Сологуба, и вы увидите передъ собою совсѣмъ иное, неожиданное, новое, странное, непонятное лицо.

Романъ «Навьи чары»—самое типичное въ этомъ отношеніи созданіе Сологуба. Вотъ попытка соединить, повидимому, несоединимое — откликъ на злобу дня съ самымъ откровеннымъ фантазированіемъ.

Вотъ странный романъ, совмѣщающій краски кроваваго кошмара недавняго дня съ тонами мистики, съ чистѣйшей фантастикой и лирикой!

Роману трудно найти параллель въ прошломъ нашей литературы. Нужно было наступленіе нашихъ неврастеническихъ, вывихнутыхъ дней, чтобы стало возможнымъ господство принциповъ, какимъ подчинено здѣсь творчество Сологуба. Фантастическіе романы писались у насъ еще въ концѣ XVIII вѣка, процвѣтали въ 20-хъ годахъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не найти той смѣси стилей, той логической пестроты содержанія, какая отличаетъ «Творимую легенду», «Каплю крови» и «Королеву Ортруду».

Ни одинъ изъ старыхъ романистовъ не рисковалъ на такое сочетаніе реальной, прямо «газетной», хроникерской правды съ цвѣтами фантазіи и уклонами мистики.

Сейчасъ все это преподносится читателю всерьезъ. Читатель озадаченъ, сбитъ съ толку и ломаетъ голову—шутка ли это? Не ждать ли разгадки, которая, можетъ-быть, завтра поставитъ его, повѣрившаго сегодня, въ смѣшное положеніе? Не одинъ изъ категоріи читателей, живущихъ чужимъ подсказомъ, съ грустью думаетъ о тѣхъ временахъ, когда въ такихъ случаяхъ приходилъ Скабичевскій и клалъ всякую вещь на свою полочку.

Увы, журнальные критики вымерли, какъ ихтіозавры. Въ журналахъ больше нѣтъ критическихъ статей, разливающихся на пять листовъ.

VIII.

Трудно сейчасъ сказать, какая степень успѣха выпала на долю этой работы Сологуба. Романъ дружно пародировали спеціалисты. Одна-другая эффектно выхваченная изъ него страница обошла десятки газетъ въ сопровожденіи восклицаній недоумѣнія и нѣкотораго смущенія. Кто-то отмѣтилъ, что «у Сологуба опять порка». Кто-то высказалъ скверное предположеніе о тѣхъ «тихихъ мальчикахъ», которые живутъ въ колоніи помѣщика Триродова.

Но яснаго, безоблачнаго, всѣмъ явнаго успѣха романа никакъ нельзя засвидѣтельствовать. Въ нашъ легкомысленный вѣкъ, когда книга замѣнилась газетой, мнѣніе—ироніей, драгоцѣнности—брильянтами Тэта и критика — шаржемъ, пародія стала наиболѣе выгодной формой литературнаго заработка, и пародіи пишутся даже на Година. Изъ наличности ихъ еще ничего не слѣдуетъ.

Первыя впечатлѣнія прочтенія и «Творимой легенды» и «Капли крови» уже прошли. О романѣ говорили больше въ кружкахъ и о немъ мало писали. Ему уди-

влялись, какъ многому въ Сологубѣ. Какъ при появленіи первой части спрашивали, что значитъ «навій», и искали разъясненій въ словарѣ Даля, такъ послѣ выхода второй части недоумѣвали кто же, наконецъ, эти «тихіе мальчики», которые теперь были уже почти на каждой страницѣ, что это за таинственный эликсиръ, который Триродовъ варитъ здѣсь для того, чтобы потомъ, напившись его, переселиться въ блаженную страну Ойле, кто, наконецъ, этотъ таинственный Эммануилъ Осиповичъ Давидовъ, появляющійся на послѣдней страницѣ романа?

Жанръ романа Сологуба близится къ тому, который въ болѣе грубой и совсѣмъ уже нелогичной, почти бредовой формѣ трогалъ Андрей Бѣлый въ своихъ «Симфоніяхъ», гдѣ рядомъ дѣйствовали и миѳическіе центавры, и реальнѣйшіе приватъ-доценты, и олицетворенія стихій, и Владиміръ Соловьевъ ходилъ по крышамъ вмѣстѣ съ мартовскими котами...

IX.

Вотъ передъ вами цѣлый рядъ ультрареальнѣйшихъ сценъ изъ самаго недавняго прошлаго. Разсѣкаютъ воздухъ и опускаются на спины казацкія нагайки, шныряютъ сыщики, кого-то тащатъ въ участокъ, обыскиваютъ, бьютъ по лицу. Городовые сѣкутъ въ застѣнкѣ захваченную дѣвушку. Дѣйствуютъ резиновые пруты, «извивающіеся, какъ змѣи». Проходятъ патріотическія манифестаціи.

Въ грязной и вонючей пивной сидятъ хулиганы и черносотенцы, поютъ «частушки», своеобразно мечтаютъ:

— Хоть бы жидовку зарѣзать!

Хулиганы бродятъ по улицѣ и ради озорства подкалываютъ старухъ. «Широкій ножъ, блестя въ вечер-

ней мглѣ, поднялся въ широко размахнувшейся рукѣ и вонзился въ старую».

Охамѣвшій сыщикъ слоняется подлѣ трактира и пристаетъ къ прохожимъ:

— Донесу, арестую, давай гривенникъ!

«Давали. Боялись,—разсказываетъ Сологубъ привычнымъ для него лапидарнымъ языкомъ.—Каждаго встрѣчнаго задѣвалъ. Съ мужчинъ сбрасывалъ шапки, женщинъ щипалъ. Мальчиковъ дралъ за уши. Женщины съ визгомъ шарахались отъ него. Мужчины, кто поробче, бѣжалъ. Посмѣлѣе, останавливались съ угрожающимъ видомъ» и т. д.

Словомъ, такія строки и страницы, которыя могли бы привести въ дикій восторгъ «товарищей» и сдѣлать честь любому изъ тѣхъ беллетристовъ-ремесленниковъ, которые въ освободительные дни наперерывъ заполняли журналы такой беллетристикой, думая, что преслѣдовать въ разсказѣ дурныхъ городовыхъ, какъ выражался Чеховъ, значитъ дѣлать самую настоящую «революцію въ литературѣ».

И вотъ рядомъ съ этимъ «товарищескимъ» обличительствомъ въ «Каплѣ крови» выступаетъ самое откровенное и непринужденное фантазерство, приближающее романъ въ иныхъ мѣстахъ положительно къ тексту сказки изъ Шехеразады.

Передъ вами колонія Триродова, страннаго человѣка, живущаго въ области таинственныхъ явленій и постиженій. Онъ, видимо, знаетъ какую-то міровую тайну, и этимъ знаніемъ, «вѣдовствомъ» окрашена вся его жизнь.

Онъ окруженъ какими-то «тихими мальчиками», — тихими и бѣлыми. Это не люди и не ангелы, но что-то вѣщее и таинственное дано имъ. Когда хулиганы нападаютъ на дѣвушку, которую любитъ Триродовъ, и ей, одинокой, грозитъ въ лѣсу несчастье, — они оказываются тутъ какъ тутъ.

Въ нужное и критическое мгновенье они набрасываются, «легкіе и быстрые», на дикихъ парней.

«Бѣлые, безумные, обступили, облѣпили, повалили. Усыпили. Оттащили въ глубину темнаго оврага. И безсильные распростерли на жесткихъ травахъ нагія тѣла».

X.

Тихому мальчику Гришѣ отведена въ романѣ особенно видная роль. Кажется, онъ таинственно проходитъ черезъ стѣны, какъ безплотный. Неизъяснимымъ влеченіемъ увлекаетъ онъ обыкновеннаго деревенскаго мальчика Егорку къ страстному желанію ухода съ земли. Полный экстаза, Егорка падаетъ передъ Гришей на колѣни и цѣлуетъ его легкія ноги.

— Вамъ, государямъ-ангеламъ, отъ поту лица своего молюсь!..

Какъ по щучьему велѣнію, волей Гриши передъ Егоркою открывается чудесная долина, и въ легкомъ хороводѣ передъ нимъ пляшутъ тихія дѣти.

— Ты на землѣ, не въ раю,—говоритъ ему сладкій голосъ,—а крыльевъ намъ ненадобно.

«Увлекли, чаровали, ласкали, — повѣствуетъ Сологубъ.—Показали ему всѣ лѣсныя дива подъ пенечками и подъ кусточками, подъ сухими листочками». Цѣлую недѣлю гоститъ земной мальчикъ у неземныхъ, пропадая въ это время изъ дома. Мать задаетъ ему порку. Егоркѣ уже не хочется жить на землѣ... «Уже тихія дѣти въ очарованной долинѣ перестроили его душу на иной ладъ». Мальчикъ умираетъ. Ночью его вызываетъ изъ могилы (!) таинственною силою Триродовъ.

— «Какая-то дивная энергія, собранная имъ, одному ему знакомымъ способомъ, теперь медленно источалась изъ него. Между нимъ и могилою, гдѣ смертнымъ сномъ томился отошедшій отъ жизни от-

рокъ, пробѣгалъ тайный токъ, чаруя и пробуждая спящаго въ гробу»...

Егорка попадаетъ въ сонмъ «тихихъ мальчиковъ» и остается съ ними. У него уже нѣтъ паспорта, и жизнь его иная.

На утро судебный слѣдователь разрываетъ могилу и находитъ пустой гробъ.

Вы хотите совсѣмъ сказки изъ Шехеразады,—вотъ передъ вами путешествіе Триродова и любимой имъ дѣвушки Елисаветы въ блаженную землю Ойле.

«— Тѣсенъ, несносенъ для насъ этотъ нашъ міръ,— говоритъ таинственный человѣкъ любимой женщинѣ.— Бѣдный міръ, гдѣ люди сами на себя куютъ оковы! О, Елизавета, знаешь ли ты блаженную землю Ойле?.. Хочешь ли ты на нее? Хочешь? Въ земныхъ предѣлахъ— одна секунда, а тамъ проживемъ цѣлый вѣкъ и насладимся утѣхами дивной жизни...»

Дѣвушка соглашается.

«— Свѣтила небесныя благопріятны въ эту ночь нашему замыслу,—говоритъ Тридоровъ,—и гороскопъ ойлейской жизни нашей будетъ свѣтелъ нынѣ».

Оба они идутъ на высокую башню со стѣнами и потолкомъ изъ стеколъ въ бронзовыхъ рамахъ. Здѣсь круглый столъ уставленъ флаконами, по формѣ напоминающими химеръ парижскаго собора. Въ нихъ цвѣтныя жидкости. Въ широкую чашу Триродовъ выливаетъ содержимое флаконовъ. Жидкости пѣнятся, шипятъ, пронизываются цвѣтными огоньками. И онъ и она пьютъ таинственный напитокъ. И вотъ—

«Они проснулись на землѣ Ойле подъ яснымъ Маиромъ. Невинные, какъ дѣти. И говорили нарѣчіемъ, новымъ и милымъ, какъ языкъ первозданнаго рая... Прожили вѣкъ на Ойле, а на землѣ прошла одна секунда».

И тогда они снова вернулись на землю.

XI.

Въ такомъ родѣ все повѣствованіе Сологуба. Здѣсь на каждой страницѣ потайныя двери, таинственныя явленія то тихихъ мальчиковъ, то сына Триродова, тоже загадочнаго и страннаго Кирши, странные предметы, въ родѣ какихъ-то призмъ на столѣ Триродова,—словно мистическія памятки о какихъ-то ушедшихъ въ землю людяхъ.

Странные экстазы душъ, вдругъ раскрывающихся для любви или такъ же вдругъ гаснущихъ, точно подъ какимъ-то гипнозомъ. Странныя прозрѣнія въ прежнія перевоплощенія. Такъ въ памяти спасенной отъ хулигановъ Елисаветы смутно встаетъ что-то подобное, случившееся въ прошлыхъ вѣкахъ ея существованія, — вспоминается ей «высокій скорбный путь—жизнь королевы Ортруды».

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Сологубъ отходитъ отъ точной прозы злободневной хроники, самый пейзажъ его принимаетъ беклиновскія очертанія. Онъ условно называетъ солнце «пламеннымъ небеснымъ зміемъ». Въ реальное описаніе у него врѣзаются подробности фантастическаго міра, черты прямо беклинскаго пейзажа.

— «На берегу рѣки было прохладно... Пахло гарью лѣсного пожара... У плотины купалась зеленоволосая, зеленоглазая русалка и плескалась хрупко-звучною волною и въ ладъ плеску струй смѣялась звонко».

— «Гулянье было, и влеклись люди по сорнымъ дорожкамъ и въ тѣснотѣ и толкотнѣ... Веселый былъ гомонъ, и хихикали дѣвочки. И смѣшили ихъ гимназисты и чиновнички. Въ толпѣ сновали сѣрые чертенята. А когда шутики-жутики вскакивали къ барышнямъ на плечики и засовывали подъ корсажъ за рубашку, къ упругимъ грудямъ, мохнатыя щекочущія лапки,—барышни взвизгивали»...

Я давно жду появленія въ русской литературѣ серьезной работы врача-психіатра, который бы взглянулъ на многія наши литературныя явленія послѣднихъ лѣтъ не съ точки зрѣнія человѣческаго вырожденія, какъ это дѣлалъ Максъ Нордау, но съ простой точки зрѣнія врача, изучающаго неврастениковъ.

«Навьи чары»—типичнѣйшее явленіе этой категоріи. Эта развинченность воображенія, эта капризная смѣсь реальнаго съ чистой фантастикой, эти невольныя тамъ и здѣсь проявленія не совсѣмъ здороваго эротическаго чувства, этотъ, наконецъ, разбросанный и нервный лапидарный стиль, напоминающій небрежный черновикъ или замѣтки записной книжки,—все это несомнѣнные симптомы больного вѣка.

Влюбленный юноша идетъ увидѣть любимую дѣвушку, самъ не зная, что сейчасъ встрѣтитъ человѣка, имѣющаго побужденія внушить ему къ этой дѣвушкѣ равнодушіе. Сологубъ разсказываетъ:

— «Любилъ. Какая грусть! Весенняя истома и радость утренней прохлады, далекій звонъ, слезы на глазахъ, и она улыбнется, пройдетъ, милая... Какая грусть! Такое все темное въ мірѣ, и любовь и равнодушіе».

— Вдругъ совсѣмъ близко Петръ увидѣлъ Триродова. Триродовъ шелъ прямо на Петра. Словно не видѣлъ. Двигался какъ-то механически и быстро. Какъ кукла, движимая точно разсчитаннымъ заводомъ. Шляпа въ опущенной рукѣ. Лицо поблѣднѣлое. Дикій взоръ. Глаза горящіе. Слышались отрывистыя слова. Шелъ такъ стремительно, что Петръ не успѣлъ посторониться. Сошлись лицомъ къ лицу. Почти столкнулись».

XII.

Говорятъ, это новый стиль. Мнѣ кажется, это просто развинченный стиль,—стиль, не представляющій никакой новости для тѣхъ, кто просматривалъ, напримѣръ,

записныя книжки старыхъ писателей, хотя бы Достоевскаго,—эти помѣтки «только для себя».

Точки, поставленныя тамъ, гдѣ старый писатель ставилъ запятую, еще не дѣлаютъ новаго стиля. Это не литературное, но чисто-типографское новшество выдѣляетъ опредѣленія или дополненія въ особыя предложенія между двухъ точекъ.

Не новость и то своеобразное построеніе фразы, какое иногда нравится Сологубу.

— «Пыльная, подъ быстрыми колесами влеклась дорога... Сладко и горько влюблялась, мерцаніемъ сонныхъ глазъ сладкую выдавая мечту»...

Это же старая латынь, такъ знакомая намъ, старымъ классикамъ, нѣкогда налагавшая свою печать на языкъ Ломоносова, сдѣлавшая риторичными нѣкоторыя страницы у Гоголя и, славу Богу, теперь отвергнутая русскимъ языкомъ, какъ чуждая и неидущая языку!..

Не новы и тѣ цвѣты краснорѣчія, которые иногда пышно расцвѣтаютъ на страницахъ Сологуба.

«— Сладостны ощущенія бытія, полнота жизни и восторга, — не говоритъ, а глаголетъ Елисавета. — Точно раскрылось надо мною новое небо и первый разъ цвѣтутъ на землѣ фіалки и ландыши, орошенные первой росой, и первый разъ милыя хозяйки изъ душистой чаполоти дѣлаютъ майскій напитокъ»...

Хулиганъ рвалъ елисаветину одежду руками и зубами. «Быстро обнажались алыя и бѣлыя розы ея тѣла»,—замѣчаетъ авторъ.

Всѣ эти «розы тѣла» и «майскіе напитки» и самое имя Елисаветы мы встрѣчали еще у блаженной памяти старичковъ, вплоть до Марлинскаго... Ничто не ново подъ солнцемъ!

И вотъ вы добросовѣстно прочитали вторую половину широко расплеснувшагося романа Сологуба. На

послѣднихъ страницахъ, гдѣ на сцену появляется еще новый таинственный гость Эммануилъ Осиповичъ Давидовъ, чувство недоумѣнія сгущается плотнымъ облакомъ.

Передъ вами форменное литературное радѣніе хлыстовскаго типа съ самыми безспорными блестками интереснаго, оригинальнаго таланта, съ самымъ необузданнымъ смѣшеніемъ правды жизни съ прихотливой выдумкой.

Не сатира ли? — спрашиваете вы себя. Но только мгновеніями вы могли бы отвѣтить на это положительно. Не шутка ли?

Но серьезно и торжественно лицо разсказчика, и, кажется, почтительно и убѣжденно онъ относится къ той мистикѣ, которая окутываетъ его романъ, и въ знакомыхъ съ оккультизмомъ вызываетъ воспоминаніе о нашихъ старыхъ мистическихъ книгахъ временъ розенкрейцерства.

Три вышедшіе пока томика, каждый не меньше десяти печатныхъ листовъ, вплоть до «Королевы Ортруды», это—три разочарованія, возрастающія въ геометрической прогрессіи.

Чѣмъ еще удивитъ этотъ писатель, всегда такой исключительный, такой своеобычный, точно намѣренно оригинальничающій, капризный въ настроеніяхъ?

Реальность и фантазія, митинги и рѣчи эсъ-деков, и рядомъ — потайныя двери, волшебные напитки и «навьи» тропы. Казацкія нагайки и мертвецы, встающіе изъ могилъ и ведущіе земные разговоры!

Современный трезвый бытъ, и на фонѣ его таинственный человѣкъ, которому повинуются силы природы, который ходитъ по потайнымъ коридорамъ и въ магическихъ зеркалахъ кажетъ юныя лица состарѣвшимися!..

Реализмъ Зола и современныхъ представителей крикливой «товарищеской» беллетристики, и рядомъ умер-

шая романтика Марлинскаго съ его цвѣтословіемъ, даже Карамзина съ его сладкостью, съ его произношеніемъ именъ, въ родѣ «Елисаветы», съ его «алыми и бѣлыми розами» на женскомъ тѣлѣ!..

Какая смѣсь одеждъ и лицъ, картинъ, стилей, настроеній, эпоса и лирики, объективныхъ показаній и личныхъ попутныхъ переживаній! Какое непринужденнѣйшее покачиваніе въ лодочкѣ фантазіи по волѣ волнъ, въ пріятной полудремѣ, со слипающимися глазами, которые на секунду пріоткроются, сладко сощурятся, впустятъ въ сознаніе кусочекъ солнечной дѣйствительности и снова сомкнутся, не мѣшая «чарованьямъ красныхъ вымысловъ».

XIII.

Третья часть романа логически совершенно разрознена съ первыми. На тончайшемъ мистическомъ волоскѣ виситъ она для внимательнаго глаза.

Дѣвицу «Елисавету» во второй части едва не обезчестили хулиганы. Въ самую критическую минуту, когда дѣвушка, застигнутая ими въ полѣ наединѣ, уже теряла силы въ борьбѣ съ ними, вдругъ, точно по щучьему велѣнью, на выручку ей явились «тихіе мальчики». Они спасли ее, и вотъ на утро этого дня Елисаветѣ «ясно вспомнилось теченіе этой странной и яркой жизни, — высокій, скорбный путь, жизнь королевы Ортруды»...

Надо видѣть здѣсь очевидный намекъ на перевоплощеніе. Вѣроятно, въ одномъ изъ прежнихъ переживаній Елисавета именно и была королевой Ортрудой. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ и Ортруда готова вообразить себя Елисаветой.

Читателю предлагается перенестись въ иной вѣкъ, подъ иное небо, въ иную страну, къ инымъ именамъ. Можетъ-быть, нѣкоторые изъ нихъ окажутся, такъ ска-

зать, параллельными героями первыхъ частей романа, повторными.—все въ Божьей и Сологуба волѣ.

Но пока для этого нѣтъ никакихъ данныхъ. И въ самой Ортрудѣ, собственно, ничѣмъ не подчеркнуто внутреннее сходство съ Елисаветой.

И вотъ, при всемъ моемъ уваженіи къ таланту Сологуба, сказавшемуся въ «Мелкомъ бѣсѣ», и при вниманіи къ его выпаду въ первыхъ же строкахъ «Ортруды» противъ «злой и назойливой обычности», силящейся «оклеветать сладкіе вымыслы и брызнуть исподтишка гнусною грязью шумныхъ улицъ на прекрасное лицо» мечты,—при всемъ этомъ да проститъ мнѣ авторъ мое откровенное мнѣніе, что на этотъ разъ онъ ушелъ съ головой въ сочинительство, такъ-таки совершенно явное, ненужное, никчемное и даже просто неинтересное сочинительство.

Сологубъ совершенно отдается своимъ настроеніямъ. Его мало или вовсе не интересуетъ то, что о немъ подумаетъ читатель, найдетъ ли онъ это реальнымъ, а то вымышленнымъ, пойметъ ли это, или остановится въ недоумѣніи передъ тѣмъ. Вѣдь по теоріи импрессіонизма писатель пишетъ то, что ему нравится. Онъ можетъ написать даже то, чего самъ не могъ бы объяснить и гдѣ у него только одинъ отвѣтъ: «Такъ написалось». Почему же бы тогда не быть въ романѣ и ковру-самолету?

Я не принадлежу къ людямъ, на которыхъ термины производятъ магическое и гипнотизирующее дѣйствіе. Я знаю что такое импрессіонизмъ, но я знаю также, и что такое чепуха.

Пресловутыя «Симфоніи» Андрея Бѣлаго, сколько бы ихъ ни ставили подъ эгиду теоріи импрессіонизма,—для меня только чепуха, и писателю, который говоритъ, что онъ самъ не можетъ объяснить того, что онъ написалъ, я не смотрю съ восторженнымъ довѣріемъ въ ротъ.

Когда писатель идетъ въ своемъ романѣ «куда глаза глядятъ», сливая въ одну кучу и митинги, и чаши съ волшебнымъ эликсиромъ, и хулигановъ-сыщиковъ, и встающихъ изъ гроба мертвецовъ,—я сознаю, что это—одинъ изъ самыхъ легкихъ видовъ литературнаго труда, но эти пустяки не рождаютъ во мнѣ даже капли интереса, какъ пестрая феерія со взрывомъ кораблей и чертями въ зоологическомъ саду. Еще Салтыковъ осуждалъ тѣхъ, кто думаетъ, что для писанія достаточно только поплевать на перо.

XIV.

Гдѣ происходитъ дѣйствіе «Королевы Ортруды»?

Тамъ, гдѣ «синее море, голубое небо, изумрудныя травы, черные волосы, знойные глаза».

Будь не пять, а двадцать пять такихъ опредѣленій,—ихъ банальные эпитеты только усилятъ непредѣленность страны. Любая южная страна. Намѣренно пестрыя имена. Тутъ и англійское Танкредъ, но и явно итальянскія Джіованни Канто или Бартоломео Монигетти, но и чистокровно испанскія Мануэль Кабрера или Фернандо Валенцуела, но и французскія Клара или Жоржъ.

Какъ будто прошлое, но рядомъ книжка современнаго Пьера Луиса подъ подушкой сельской учительницы, къ которой приходитъ въ гости королева (!), и газеты, «изъ-за розничной продажи гонящіяся за сенсаціонными новостями».

Героиня—Ортруда, королева совсѣмъ изъ любой фееріи. Королева влюбилась въ принца Танкреда.

— Я очень радъ, что имѣлъ счастье познакомиться съ вами!—сказалъ онъ ей при первой встрѣчѣ.

— О, это я, которая (!) рада этому,—неизвѣстно на какомъ языкѣ отвѣтила Ортруда и отдала ему руку.

Танкредъ измѣнялъ королевѣ на каждомъ шагу. Это всѣ знали, кромѣ ея самой. Сама она только невинно

заглядывалась на пажей, но была крѣпко вѣрна мужу. Она одиноко гуляла въ лѣсу, гдѣ наткнулась разъ на контрабандистовъ, которые чуть не зарѣзали ея. Ходила любоваться потайнымъ дворцовымъ ходомъ, извѣстнымъ только тремъ людямъ въ государствѣ. Королева нажимала потайныя точки, складывала условныя слова, и передъ ней, какъ въ сказкахъ Шехеразады, плавно отодвигаются стѣны.

Танкредъ увлекаетъ и увлекается, и его романамъ посвящена значительная часть романа. Ортруда ходитъ по потайнымъ коридорамъ, невинно бесѣдуетъ съ пажами, узнаетъ о мужнихъ измѣнахъ, узнаетъ о заговорѣ на династію.

Все это ни дать ни взять, какъ въ любой сказкѣ, въ феерiи. Даже вся та же бутафорія, тѣ же шаблоны эпитетовъ, тотъ же, словно бы намѣренный избитый языкъ лубочнаго повѣствованія.

— Меня влечетъ къ вамъ обаяніе вашей дѣвственности!—говоритъ амантъ своей аманткѣ, точно цитируя «Битву русскихъ съ кабардинцами».

— Увы! Ненаглядный мой цвѣтокъ, алая моя роза, мнѣ очень надо ѣхать, — говоритъ король возлюбленной, — это очень важное дѣло, государственный интересъ!..

— А, вы отправляетесь на свиданье!

— Милая Маргарита, какія мысли приходятъ въ вашу причудливую головку!

«Огни восхищенія пронизали ея невинное тѣло».

А всего лучше объясненіе короля и королевы,—совсѣмъ языкомъ тѣхъ великосвѣтскихъ повѣствователей, которые думаютъ, что при дворѣ каждое воскресенье ѣдятъ макароны, а въ баню тамъ ходятъ не иначе, какъ въ 25-копеечную.

— Ортруда, вы хотите со мною развестись?—съ удивленіемъ спросилъ Танкредъ.

— Да.

— Ортруда, взвѣсьте послѣдствія, — говорилъ Танкредъ убѣждающимъ голосомъ. — Вѣдь это скандалъ на весь свѣтъ.

— А вы боитесь скандала?—презрительно спросила Ортруда.

— Въ нашемъ положеніи...

Ортруда нетерпѣливо прервала его:

— Да, въ нашемъ положеніи есть и другой выходъ... Разводъ или смерть...

— Вы хотите, чтобы я умеръ? Вамъ достаточно сказать одно слово...

— Я не скажу этого слова, принцъ Танкредъ, и васъ прошу не говорить жалкихъ словъ. Прощайте!

Если это не языкъ «Битвы русскихъ съ кабардинцами»,—я ничего не понимаю въ стиляхъ!

XV.

Куда еще заѣдетъ Сологубъ въ своей лодочкѣ или, лучше, на своемъ коврѣ-самолетѣ,—я не знаю. Ясно только, что такъ можно уѣхать далеко. До той грани, гдѣ уже и уравновѣшенный читатель откладываетъ книгу въ сторону.

Сейчасъ языкъ русскаго лубка. Сейчасъ ни дать ни взять—Марлинскій.—«Непроглядный мракъ откутывалъ испуганную землю, дрожащія въ ярости волны и ожесточенное небо. Жалобно стонали и трещали деревья.—Страхъ смерти носился надъ ними. Вѣтеръ свистѣлъ,—милліоны змѣй носились въ воздухѣ съ яростнымъ шипѣніемъ... Волны казались безумно-пьяными отъ бѣшенства и печалей. На мигъ проглатывая тьму, съ безумной торопливостью насыщая бѣшенство желаній, вспыхивали синія и зеленыя змѣи молній» и т. д.

Сейчасъ скверный газетный жаргонъ съ «экспропріаціей», «пролетаріатомъ», «синдикатами», «регистраціей», съ глаголами—«агитировать», «прогрессировать», «организовать». Сейчасъ модерненскій выкрутасъ.

— Кружились топоты бѣгущихъ ногъ...

— Лицо, пронизанное сладкими очарованіями исходящей изъ трепетной плоти прелести...

Шагъ въ область поэтической сказки, и рядомъ разсужденія изъ передовицы:

— «Соціализмъ силенъ только до тѣхъ поръ, пока онъ еще остается въ области пріятныхъ мечтаній»... «Соціалистическая пропаганда усиливается, число рабочихъ ассоціацій и синдикатовъ возрастаетъ чрезвычайно, и химерическія идеи соціализма становятся весьма популярны въ широкихъ слояхъ народа» и т. д.

И тутъ же явное уже глумленіе надъ русскимъ языкомъ, смѣхъ прямо въ лицо читателю,—слова, не вложенныя кому-нибудь въ уста, но принадлежащія самому автору:

— «Странно и больно спорили въ Имогенѣ противочувствія, и это дульцинировало (?!) ея внезапное влеченіе къ празднично-прекрасному Танкреду и альдонсировало ея обыкновенную любовь къ жениху»...

Это уже нѣчто и совсѣмъ безпримѣрное для русскаго писателя-художника,—нѣчто, ставящее вещь ниже и внѣ критики.

Всякій шагъ моднаго человѣка подхватывается и народируется сотнями литературныхъ ничтожествъ, и вотъ почему я считаю послѣдній романъ Сологуба не только ошибкой, но и преступной ошибкой. Одинъ изъ очень талантливыхъ писателей, авторъ превосходнаго «Мелкаго бѣса», поэтъ, насчитывающій въ своихъ книгахъ десятки стихотвореній истинно-прекрасныхъ,—онъ даетъ примѣръ великаго соблазна «малымъ», узаконяя своимъ авторитетомъ безшабашное, разнузданное, невмѣ-

няемое, эксцентрическое и никчемное сочинительство, въ которомъ литературные безвкусники готовы видѣть новое слово и урокъ маэстро.

Когда печатаются эти строки, послѣдняя часть «Навьихъ чаръ» еще покоится въ портфелѣ автора. Если эта часть что-либо измѣнитъ, то очень немногое. Уже совершенно опредѣленно по тремъ первымъ частямъ этого большого романа можно сказать, что это неосиленная идея, что до высоты «Мелкаго бѣса» Сологубу здѣсь безмѣрно далеко, что романъ слишкомъ прямо упирается въ ту область «красныхъ вымысловъ», которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ самостоятельно занимать современную человѣческую мысль. Талантъ писателя и посейчасъ разбрасываетъ блестки направо и налѣво, но въ цѣломъ—только впечатлѣніе слишкомъ индивидуалистическаго, слишкомъ личнаго каприза.

Чарованья красныхъ вымысловъ.

I.

Кромѣ переводныхъ сочиненій, бываютъ еще какъ бы переводныя общественныя и литературныя теченія.

Когда-то, можетъ-быть, это было невидно, но теперь ужъ всѣмъ ясно, насколько заимствованнымъ явленіемъ было у насъ, напримѣръ, декадентство первичныхъ фазъ.

Не такъ давно нѣкоторые изъ молодыхъ беллетристовъ удивили россійскую критику своимъ устремленіемъ въ область литературной поддѣлки, какъ бываютъ поддѣлки старой бронзы или фарфора. Кузьминъ и Ауслендеръ успѣли уже составить себѣ на этомъ имя.

У нихъ есть все, чего просишь: и поддѣланный Плутархъ («Подвиги Великаго Александра» Кузьмина), и Декамеронъ, и Гептамеронъ, и новеллы Людовика XI, и Светоній, и чуть не Поль-де-Кокъ («Приключенія Эме Лебефа»).

Сейчасъ на Западѣ и у молодой Польши стилизація въ большомъ почетѣ. Варьируютъ евангельскія сказанія, старинную легенду. Талантливый Марсель Швобъ оставилъ не одну книжку великолѣпныхъ поддѣлокъ подъ старинную лѣтопись временъ крестовыхъ походовъ или подъ сухой и выточенный «подъ Тацита» латинскій разсказъ («Вымышленныя жизни»).

Переведите любой изъ нихъ съ французскаго на латинскій и напишите его буквами стариннаго манускрипта на пожелтѣвшемъ пергаментѣ,—завзятые знатоки примутъ его за подлинный.

Въ литературѣ есть свои законодатели, которые такъ же тиранически хозяйничаютъ въ области вкусовъ, какъ Вортъ законодательствовалъ въ женскихъ модахъ. Какъ въ не очень далекое время въ музыкальныхъ, но безсмысленныхъ пѣсенкахъ нашихъ декадентовъ слышались голоса Бодлэра или Верлэна, такъ теперь на платьѣ нѣкоторыхъ беллетристовъ и поэтовъ можно безъ особеннаго труда разсмотрѣть парижское или берлинское клеймо.

Но есть и болѣе благородная зависимость русскаго отъ иностраннаго. Однородность литературныхъ явленій иногда рождается не изъ обезьянства и моды, но отъ однороднаго біенія сердецъ.

Подъ разными широтами возникаютъ одинаковыя думы, и одно безпокойство становится общимъ американцу и французу. Штирнеръ и Ницше стали близки въ такой же мѣрѣ англичанину, какъ думы Кнута Гамсуна—русскому.

У нашего поэта, не читающаго по-французски, иногда вдругъ мелькаетъ стихъ, какой можно принять за плагіатъ изъ поэта, никогда имъ не слыханнаго.

Нѣкоторые наши современные писатели не произвели бы диссонанса, родившись во Франціи. Какъ вѣхи, они сближаютъ страны. Въ нихъ сошлись лучи тѣхъ солнцъ, которыя ярче всего горятъ для современнаго вѣка.

II.

Одинъ изъ такихъ писателей у насъ—мнѣ кажется, Сологубъ. Его «Навьи чары» не перестаютъ быть не-

удачнымъ романомъ, но ясно, что отъ вѣка, отъ сегодняшняго дня въ Сологубѣ и его полетъ въ фантастику, и его потребность соприкоснуть грубую хронику дня съ мистикой, и его жадное исканіе чуда, которое спасало бы чистую дѣвушку отъ негодяя-хулигана и давало бы усталымъ людямъ возможность улетать въ блаженныя страны.

Но трагедія Сологуба, какъ человѣка сегодняшняго дня, какъ плоти отъ плоти нашей и крови отъ нашей крови, въ томъ, что, желая чуда и ища его сердцемъ, онъ въ него ничуть не вѣритъ и не можетъ вѣрить. Онъ слишкомъ для этого дитя вѣка, слишкомъ много читалъ ученыхъ книжекъ и соотвѣтственно имъ повернулъ свой умъ.

Какъ онъ можетъ хотѣть, чтобы мы увѣровали въ его разсказъ, когда самъ онъ чуду не вѣрилъ? Конечно, мы холодны, конечно, улыбаемся тамъ, гдѣ онъ разсказываетъ намъ сказку.

Сологубъ оказывается передъ нами въ печальнѣйшей позиціи законоучителя, который разсказываетъ дѣтямъ священную легенду, самъ ей не вѣря. Какъ хочетъ онъ, чтобы дѣти слушали его съ захваченнымъ вниманіемъ и вѣрили его слову?

Чтобы совершенно ярко почувствовать эту психологію Сологуба, надо обратиться къ его «Книгѣ очарованій». Какъ онъ ищетъ здѣсь очарованій и какъ самъ трусливо разбиваетъ свою вѣру и высмѣиваетъ наивно вѣрующихъ!..

«Книга очарованій» открывается рядомъ легендъ и новеллъ, построенныхъ на канвѣ евангельскихъ сказаній или притчей. Таковы сюжеты, но это истинный продуктъ вѣка. Ни одной легенды авторъ не беретъ въ той наивности созерцанія міра, какая отличала записки галилейскихъ рыбаковъ и потомъ стала традиціонной для правовѣрныхъ христіанъ. Къ чуднымъ легендамъ Еван-

гелія здѣсь подходитъ современный человѣкъ, для котораго сказка умерла, и который центръ чуда перенесъ съ внѣшняго явленія на человѣческую психику, воспринимающую явленіе.

Тутъ, если хотите,—чудо еще большее; если хотите,— и никакого чуда нѣтъ.

III.

Вотъ первая легенда—«Претворившая воду въ вино».

Бракъ въ Канѣ. Учителя просятъ обратить воду въ вино. Но точно уклоняется Учитель отъ чуда. Его слова загадочны. Онъ велитъ наполнить чаши водой и нести гостямъ. Что же?—произошло чудо или нѣтъ?

Одни пьютъ и говорятъ, что это—вино. Для другихъ это прежняя вода. Только одна дѣва пьетъ эту воду съ глубокою вѣрою въ чудо, и великою радостью освѣщается ея лицо.

— «Пьяная водою, какъ виномъ, крѣпкимъ и сладкимъ, она плакала отъ восторга и восклицала, хваля Учителя и Пророка, и плясала, кружась и ударяя въ ладоши».

Одна на всемъ пиру она видѣла чудо. Предъ одною ею открылось небо.

Штраусъ, подыскивавшій нѣсколько естественныхъ объясненій происшествія въ Канѣ, не намѣчалъ такой проблемы. И онъ и Ренанъ, вѣроятно, съ интересомъ прослушали бы теорію Сологуба. Для автора «Книги очарованій» подобныя чары надъ душами—самое интересное и единственно интересное въ человѣческой жизни. На его взглядъ это чудо, видѣнное одною, выше чуда, ослѣпившаго всѣхъ.

Та же власть очарованія водитъ Сологубомъ, когда онъ пишетъ другую легенду—«Мудрыя дѣвы».

И по строенію разсказа и по философіи его ясно, что этотъ разсказъ вышелъ изъ той же головы.

Ночь. Ждутъ Жениха. Бесѣдуютъ тихо мудрыя и немудрыя дѣвы. И вотъ, соскучивъ, немудрыя уходятъ туда, гдѣ весело. Но терпѣливо ждутъ мудрыя. И тихо бесѣдуютъ «о Женихѣ и о тайнѣ», и ждутъ.

Но проходитъ ночь. Не пришелъ Женихъ. Мудрыя дѣвы одиноко садятся за трапезу и преломляютъ хлѣбъ, и льютъ вино, и тѣшатъ себя иллюзіей—«краткое время побылъ съ нами Женихъ и ушелъ». И радостно обнимаютъ одна другую.

Тогда приходятъ немудрыя дѣвы. Онѣ не видятъ на головахъ мудрыхъ никакихъ золотыхъ вѣнцовъ, про которые тѣ говорятъ въ экстазѣ своей радости. И онѣ не вѣрятъ, что Женихъ былъ, и уходятъ, издѣваясь надъ ними.

И опять находится только одна среди нихъ, готовая понять пережитое чудо.

— Счастливыя, счастливыя мудрыя дѣвы! Какъ завиденъ вашъ высокій удѣлъ!

Мудрыя дѣвы поднимаютъ прозрѣвшую, цѣлуютъ, утѣшаютъ, касаются пальцами ея головы и говорятъ, какъ принято говорить въ поэтическихъ пьесахъ Метерлинка или Гауптмана:

— Вотъ мы надѣли на тебя, милая сестра, золотой вѣнокъ!.. Какъ ярко сверкаетъ твой вѣнецъ въ лучахъ восходящаго солнца!

IV.

Величіе чуда духовнаго перерожденія Сологубъ цѣнитъ во сто кратъ выше внѣшняго физическаго чуда. Это красиво и одухотворенно, но въ этомъ желаніи раціоналистически освѣтить евангельскую легенду, приспособить ее къ утонченнымъ понятіямъ вѣка, въ глубинѣ души безнадежно невѣрующаго, въ этой готовности

пожертвовать прелестью сказки, съ которою было легче жить, есть что-то вспугивающее поэтическій колоритъ легенды.

Поэтъ не боится сказки. Въ «Горѣ» Лѣскова человѣкъ молится, чтобы двинулась гора, и—гора двигается. Лѣсковъ этого не испугался, не остановился передъ боязнью того, что нѣкоторые засмѣются, не повѣрятъ, скажутъ — нелѣпо, невозможно! Чтобы такъ писать, надо самому вѣрить.

Поэтъ знаетъ Библію и не считается ни со Штраусомъ, ни съ Ренаномъ, ни съ Фейербахомъ. И прелесть той наивной сказки, какою, напримѣръ, вѣетъ отъ легендъ Анатоля Франса, Флобера, нашихъ Толстого и Лѣскова, отлетѣла отъ повеллъ Сологуба.

Холодомъ разсудочности, стальною логикою человѣка двадцатаго столѣтія, здравомысліемъ приватъ-доцента вѣетъ отъ его страницъ.

Въ третій разъ ту же тему чуда, какъ гипноза, Сологубъ трогаетъ въ новеллѣ «Алчущій и жаждущій».

Утомленные крестоносцы подходятъ къ Дамаску. Они голодны, жаждутъ, измучены путемъ, истомились незнаніемъ дороги. Дерзновенно, какъ евреи къ Моисею, они вопіютъ къ ведущему ихъ «благочестивому Ромуальду изъ Турени»:

— Мы голодны!

— Мы жаждемъ!

— Накорми насъ!

— Напой насъ!

— Покажи намъ дорогу!

Никнетъ головою Ромуальдъ и говоритъ съ грустью:

— Не изъ песку ли, попираемаго ногами вашими, сотворю я вамъ пшено?

И уже кричатъ легковѣрные:

— Изъ песку сотворилъ Ромуальдъ намъ пшено!— и готовы насытиться одною мыслью о чудѣ.

Они требуютъ отъ него воды и на такой же отвѣтъ его, подобный отвѣту Моисея:

— Не ударомъ ли посоха по камню изведу я для васъ источникъ воды?

Радостно кричатъ:

— Изъ камня извелъ Ромуальдъ источникъ холодной воды!

И когда, наконецъ, измученный, онъ совершенно отказывается вести толпу и бросаетъ свой посохъ, легковѣрные цѣпляются за этотъ кусокъ дерева.

— Посохъ благочестиваго Ромуальда изъ Турени покажетъ намъ дорогу!

И часть крестоносцевъ идетъ за этимъ посохомъ, перешедшимъ въ другія руки, и, дѣйствительно, спасается, когда самъ Ромуальдъ и съ лишнимъ три тысячи окружающихъ его становятся добычею пустынныхъ шакаловъ.

Характерно, что Сологубъ и дважды и трижды возвращается къ своей темѣ осужденія человѣческой жадности къ внѣшнему чуду, варьируя на разные лады евангельскій подсказъ, — «родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему». Но слѣпой вѣрѣ,—учитъ онъ,—дается очарованіе чуда. Дается даже тогда, когда тотъ, отъ кого ищутъ чуда, прямо отрицаетъ его возможность.

Къ тому же сказочному типу принадлежатъ и другіе разсказы Сологуба: «Страна, гдѣ воцарился звѣрь» и «Очарованіе печали».

Въ первомъ царь, всѣмъ обязанный своему сверстнику и товарищу, убираетъ его съ земли изъ жалкихъ опасеній за цѣлость своего трона и короны. Суть разсказа въ томъ, что рабственная толпа его подчиненныхъ одобряетъ всякую гнусность своего правителя только потому, что онъ—правитель.

И когда даже царь превращается въ дикаго звѣря и пожираетъ своего недавняго друга, и тогда народъ въ рабьей радости восклицаетъ:

— Дивное чудо сотворили великіе боги въ знакъ милости къ нашей странѣ! Возлюбленному царю нашему дали они грозный обликъ звѣря, чтобы его страшные когти и могучія челюсти сокрушали кости его враговъ!

Въ новеллѣ «Очарованіе печали» мачеха - королева завидуетъ своей падчерицѣ, ибо та превосходитъ ее красотою, обвѣянною прелестью грусти.

Тутъ всѣ декораціи и вся бутафорія сказки: и живая, и мертвая вода, и воскресеніе умершихъ, и злыя вѣдьмы и т. д. Идея разсказа—та, что печаль есть одно изъ высочайшихъ очарованій земли. Красота печали можетъ быть выше красоты радости.

V.

Новеллы Сологуба чрезвычайно характерны для современнаго вѣка — не потому, что на ихъ внѣшности лежитъ слѣдъ тѣхъ литературныхъ новшествъ, какія заявили себя въ послѣднее время и далеко не всегда красивы, но потому, что въ ихъ философской подкладкѣ сквозитъ именно современная душа, современный умъ, алчно жаждущій чудеснаго, но самъ же первый протестующій противъ вѣры во что-нибудь непозитивное, сверхчувственное, фантастическое.

Такъ Гауптманъ любилъ модернизовать сюжеты, влагая въ оболочку какого-нибудь «Бѣднаго Генриха» тоску и исканія своего вѣка. Въ восторгахъ Сологуба передъ дѣвами, переживающими великое душевное чудо, сквозь его осужденіе взрослыхъ младенцевъ, готовыхъ принимать песокъ за пшеницу и пыль камней за воду и обожествляющихъ дерево посоха, слышится протестъ утон-

ченной, но глубоко раціоналистической души, повергнутой въ отвращеніе стаднымъ чувствомъ современной толпы, вопіющей, какъ въ старину: «хлѣба и чуда!» и бѣгущей за современными магами и оавматургами.

Названіе «Книги очарованій» очень идетъ ко всему вообще подбору разсказовъ сборника. Психологическое чудо, «обольщеніе сердца» какимъ-нибудь однимъ влеченіемъ, сладостнымъ или горькимъ, здоровымъ или болѣзненнымъ,—вотъ господствующая тема Сологуба.

Въ «Опечаленной невѣстѣ» такое маленькое чудо развертывается уже на фонѣ современной жизни и нынѣшней интеллигентной души. Кружокъ молодыхъ дѣвушекъ увлекается странною мыслью. Когда въ городѣ умираетъ молодой человѣкъ, у котораго еще не было подруги, одна изъ кружка беретъ на себя роль «опечаленной невѣсты». Въ глубокомъ траурѣ ходитъ она на панихиды и на похороны, идетъ за его гробомъ, навязывая себѣ грустную идею оплакиванія умершаго.

Психологію дѣвушки, взявшей на себя такую миссію, — отъ принятія на себя роли до момента преданія землѣ мнимаго жениха, — Сологубъ слѣдитъ съ тою внимательностью таланта, какую не новость отмѣчать въ этомъ столько же талантливомъ, сколько болѣзненно настроенномъ беллетристѣ.

Этотъ разсказъ — только новое подтвержденіе той мысли, которую мнѣ давно доводилось высказывать не разъ по поводу раннѣйшихъ произведеній Сологуба,— о мотивѣ «самовнушеній», всегда звенящемъ въ его созданіяхъ. Мальчикъ, вмѣстѣ съ матерью сходящій съ ума на игрѣ въ тѣни («Тѣни»); дѣвочка, умирающая подъ гнетомъ кошмарной мысли, что въ нее залѣзъ червякъ («Червякъ»); впавшій въ дѣтство старичокъ, послѣ всѣхъ впечатлѣній жизни нашедшій тихую радость въ катаніи по-дѣтски обруча («Обручъ»); Передоновъ, изнемогающій подъ навязчивой идеей о Недо-

тыкомкѣ, — все это фигуры, которыя психіатръ расположилъ бы по одной линіи и въ одной палатѣ своей клиники и куда ввелъ бы вотъ и эту новую героиню, вмѣстѣ съ чернымъ крепомъ искусственно натянувшую на себя и печальную психологію опечаленной невѣсты [1]).

Вѣкъ нервный, вѣкъ больной, но едва ли и въ немъ дѣйствуетъ подобный герой! Вѣчно горящая, изысканная, утонченная мысль беллетриста чувствуется на этомъ созданіи Сологуба. Это — чрезвычайно интересно, какъ психологическая задача. Такіе сюжеты интересовали Мопассана. Но такія вещи никогда не выйдутъ за предѣлы чистой беллетристики, въ буквальномъ пониманіи слова.

VI.

Въ ту же категорію разсказовъ о герояхъ съ навязчивой идеей до извѣстной степени просится и разсказъ «Прятки». Разница здѣсь только развѣ въ томъ, что дѣло идетъ уже не о самовнушеніи, а о гипнозѣ со стороны, — какъ бы о «сглазѣ», по-простонародному.

Маленькая Лелечка, счастье и радость семьи, больше всего любитъ играть съ матерью въ прятки. Грубая, нечуткая нянька бросаетъ жуткое слово матери, безумно любящей ребенка, что «это нехорошо».

— Прячется, прячется да и спрячется, — говоритъ она, съ мѣста сочиняя примѣту и выдавая ее потрясенной матери за «вѣрную».

Душа матери смущена. Болѣзнь и въ самомъ дѣлѣ валитъ дѣвочку въ постель. Умираетъ маленькая Ле-

---

[1]) О психологіи «навязчивыхъ идей», какъ одного изъ преобладающихъ мотивовъ писательства Сологуба, см. въ моей книгѣ «Помраченіе божковъ и новые кумиры», стр. 167—182.

лечка, и обезумѣвшая мать мечется за маленькимъ гробикомъ и, присѣвъ за дверью, кричитъ:

— Лелечка, тю-тю!..

Видимъ, какъ все своеобразно, ярко индивидуально, лично окрашено у Сологуба. Вырвите любой изъ разсказовъ, включите въ книжку журнала, въ альманахъ, въ чье-нибудь полное собраніе, — и сразу угадаете: Сологубъ!

Удивительный писатель, какъ-то странно отколовшійся отъ своего поколѣнія, искусственно приставленный къ молодому, но не имѣющій и въ немъ ни друзей, ни учениковъ, ни земляковъ.

Мы точно просмотрѣли его молодость, не знаемъ біографіи, не запаслись никакими подсказами, уясняющими психику.

Но одно ясно, — что большею частью онъ искренъ, хотя бы поэтому троекратному, четверократному возвращенію къ одной и одной мысли, къ одной психологической проблемѣ, почти до повтореній, до полныхъ схематическихъ совпаденій. И еще ясно, что болѣзненный изломъ современной души нашелъ въ немъ исключительно колоритнаго художника.

Его болѣзни мысли — болѣзни многихъ людей нашего вѣка. Его протестъ противъ оплѣшивѣвшихъ душъ въ родѣ Передоновыхъ, его влеченіе къ чуду и вмѣстѣ протестъ противъ тупой толпы, жаждущей чуда, какъ хмеля, — наше влеченіе и нашъ протестъ. Многое въ немъ трудно понять, но еще болѣе трудно понять многое въ современномъ вѣкѣ, который, пожалуй, и у насъ и за моремъ лучше вѣдать психіатру, чѣмъ художнику.

АЛЕКСАНДРЪ КУПРИНЪ.

ПѢСНИ ЗЕМНОЙ РАДОСТИ.

I.

...Маленькій неказистый ресторанъ Капернаумъ, излюбленный уголокъ извѣстнаго кружка петербургскихъ литераторовъ, журналистовъ, репортеровъ... Среди гостей—почти завсегдатай Куприпъ... Здѣсь онъ выбираетъ себѣ иногда типы для своего творчества... Здѣсь родился его Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ... Громкій смѣхъ, шутки, остроты... Батареи бутылокъ на столѣ... Широкое лицо Куприна съ выдающимися скулами раскраснѣлось, умные глаза замѣтно сузились... Грузной и тяжеловѣсной походкой онъ направляется къ выходу...

Такъ одинъ изъ литературныхъ завсегдатаевъ того же ресторана зачерчиваетъ силуэтъ Куприна. Черты иностраннаго писателя-богемы выдвигаются въ этомъ описаніи на первый планъ. Кой-что, прямо не выдвинутое въ этой картинкѣ литературныхъ нравовъ, читатель самъ дочитываетъ между строкъ. Купринъ очерчивается какъ какой-то Бодлэръ, Верлэнъ, отчасти, можетъ быть, Эдгаръ По.

Прибавьте къ этому подробности газетныхъ интервью объ образѣ жизни этого писателя-кочевника, сегодня находящагося въ Балаклавѣ, завтра высылаемаго изъ нея по приказу Думбадзе и оказывающагося въ какомъ-нибудь Житомирѣ, послѣ новаго скачка появляющагося въ Одессѣ или мелькающаго въ Ригѣ.

Присоедините сюда его послѣднія «экстравагантности», говорящія о какой-то ненасытной жаждѣ земныхъ впечатлѣній, — объ его полетѣ на воздушномъ шарѣ, его «сошествіи на дно морское» въ резинѣ водолаза, его появленіе на императорской сценѣ въ видѣ персонажа новой и ходкой пьесы-памфлета,—и передъ вами, дѣйствительно, совсѣмъ интернаціональный обликъ писателя,—не то молодой Пшибышевскій, не то д'Аннунціо, повидимому, не пренебрегающій никакимъ средствомъ рекламы и вѣрнымъ шагомъ идущій къ намѣченной цѣли—извѣстности, растущей со дня на день. Таковъ внѣшній обликъ.

Даже въ нашъ вѣкъ, когда о Ростанахъ, пожалуй, больше кричатъ по поводу ихъ новыхъ виллъ, чѣмъ по поводу ихъ новой пьесы, когда извѣстность,—если ее хотятъ удержать подольше,—нуждается въ поддержкѣ великолѣпныхъ замковъ въ средневѣковомъ стилѣ, съ латинскими надписями, или паровыхъ катеровъ,—даже въ нашъ вѣкъ писатель, поднимающійся на шарѣ и опускающійся въ море, ставитъ себя въ исключительно кричащую позицію.

II.

Какимъ, однако, страннымъ диссонансомъ звучитъ все это для того, кто знаетъ Куприна по его сочиненіямъ и по его жизни! Достаточно взглянуть на его портретъ, чтобы видѣть, какъ нестильно для этого человѣка, съ простымъ русскимъ, ударяющимъ слегка въ татарскій стиль лицомъ, облекаться въ тогу помѣшаннаго на рекламѣ француза!

Его укладъ жизни чисто студенческій, и тому, кто вошелъ подъ его кровъ съ готовой характеристикой á la Ростанъ или д'Аннунціо, никогда бы не пришло бы въ голову, что онъ въ домѣ Куприна. Наконецъ самое содержаніе всего имъ написаннаго—всюду самая непод-

крашенная, обыкновенная русская жизнь, безъ всякаго эффектничанья сильными страстями или трагическими развязками, въ самой манерѣ поразительная простота и благородство формы Толстого, Чехова... Какъ все здѣсь несхоже съ ходячей характеристикой!..

Такъ жизнь часто задаетъ загадки. Бываютъ изумительно стильные, выдержанные образы въ жизни и исторіи, выдержанные до конца, до мельчайшей черты лица. Такъ когда-то Розановъ удивительно мѣтко высказался о лицѣ Толстого, воплотившемъ въ себѣ весь психическій обликъ великаго писателя-мыслителя, — «Великій русскій мужикъ». Брандесъ однажды написалъ цѣлую статью о томъ же писателѣ на основаніи его портретовъ въ юности, молодости и подъ старость.

Иногда случается какъ разъ наоборотъ. Тонкій, изящный, изысканно остроумный Ренанъ вылился въ образъ тучнаго, тяжелаго, флегматичнаго патера. Такъ капризно-двойственно, противорѣчиво сложился и образъ Куприна.

III.

Въ прошломъ году Купринъ могъ бы отмѣтить 20-лѣтіе своей литературной дѣятельности. Такимъ образомъ извѣстность пришла къ нему не скоро. Начало признанія его надо относить къ появленію перваго томика его разсказовъ, изданныхъ «Знаніемъ» въ 1903 году. Но и тогда, всего какихъ-то шесть лѣтъ назадъ, общее признаніе его не было даже настолько рѣшительно, чтобы его имя было явно выдѣлено послѣ имени Андреева, какъ первое и крупнѣйшее среди «горьковскаго выводка».

Настоящая извѣстность пришла къ Куприну только въ началѣ 1905 года, когда появился его «Поединокъ». Переведенный на французскій, нѣмецкій, польскій и

итальянскій языки, онъ заставилъ интересоваться Купринымъ и заграницу.

Слава пришла къ молодому писателю (въ этомъ году ему исполняется 40 лѣтъ) въ пору полнаго расцвѣта его таланта. До сей минуты онъ растетъ и шлифуется. То высокое совершенство, какого онъ достигаетъ, напримѣръ, въ «Листригонахъ», одной изъ позднѣйшихъ вещей,—почти невозможно предугадывать по такой, напримѣръ, ранней, по-своему красивой, но отмѣченной всѣми пріемами начинающаго — повѣсти его, какъ «Олеся».

Купринъ часто небрежничаетъ. Въ его писательскомъ и человѣческомъ темпераментѣ, повидимому, неотрицаема черта какой-то типично-русской безалаберности. Иногда онъ торопится и комкаетъ, не щадя даже лучшихъ своихъ вещей. Такъ скомканъ конецъ «Поединка». Такъ въ концѣ первой части «Ямы» сдѣланъ невозможно фальшивый перелетъ, который не позволяетъ даже представить, какъ писатель выберется изъ того ложнаго положенія, въ какое онъ себя поставилъ, и какъ на этой «первичной лжи» можно построить что-либо художественное. Но надо быть слѣпымъ и безвкусникомъ, чтобы не чувствовать, что въ его лицѣ предъ нами роскошный, благоуханный талантъ, на которомъ можно слагать самыя смѣлыя надежды.

IV.

Почти удивительно для нашего вѣка здоровье этого таланта.

Въ немъ нѣтъ малѣйшаго надлома, малѣйшей извилины. Ничто отъ той нѣсколько болѣзненной психологіи, какая отличаетъ Гауптмана, Метерлинка, Кнута Гамсуна, нашего Андреева и иныхъ родственниковъ Достоевскаго, не привзошло въ творческую психологію Куп-

рина. Безъ особенной натяжки его можно было бы представить дѣйствующимъ въ дни расцвѣта Тургенева, Толстого, Гончарова. Если бы понадобилась такая историческая мистификація, изъ него пришлось бы удалять только страницы и зачеркнуть нѣсколько слишкомъ опредѣленныхъ датъ.

Нѣчто отъ кряжистой, черноземной, здоровой силы нашихъ старыхъ богатырей—отъ природы лежитъ въ натурѣ Куприна и создаетъ его стихію. Изъ всѣхъ молодыхъ писателей Толстой исключительно выдѣляетъ его, восторгается имъ, вслухъ читаетъ его въ своей семьѣ,—и какъ могло бы быть иначе? Отецъ всегда радуется сыну и учитель—вѣрному ученику. Въ Толстомъ—это радость отца, видящаго, что его сынъ вышелъ «весь въ него»—«мои глаза, моя улыбка, мой складъ ума, мои интонаціи!» Пока живы Куприны, Толстой можетъ быть спокоенъ за господство своей династіи въ литературѣ.

Не по теоретическому подсказу, не изъ расчета, не по сознанію выгодъ, но органически Купринъ продолжаетъ вести все ту же толстовскую борозду. Выгоды модернизма, какъ моды, ни на мгновеніе не соблазнили его. Если бы не десятокъ пародій, въ которыхъ онъ ядовито упрекнулъ литературныхъ гримасниковъ за ихъ юродства, можно было бы сказать, что онъ точно не замѣтилъ праздника на улицѣ модернизма, пренебрегъ всѣмъ разнообразіемъ новаго типа эстетовъ, просмотрѣлъ декадентскій карнавалъ.

И было положительно комично видѣть во дни нашихъ модернистскихъ увлеченій, какъ поклонники «новой школы», не желая упустить Куприна, восторгались имъ, одновременно восторгаясь вычурами Бальмонта, Гиппіусъ, Андрея Бѣлаго или А. Добролюбова. Это была самая откровенная расписка въ неискренности. Въ Куприпѣ сверкалъ талантъ, но это былъ вполнѣ «старый» писатель—по своему строенію, по симпатіямъ, даже по

формамъ. Только въ эти формы онъ внесъ ту тонкость, изящество и кружевность, какія стали обязательными для русскаго писателя послѣ Чехова.

V.

Если бы нужно было однимъ словомъ опредѣлить стихію Куприна, отмѣтить въ немъ то, что составляетъ его сущность, я бы сказалъ, что это писатель-жизнелюбъ.

Чудесный восторгъ передъ жизнью, безумная жажда ея, восторженная влюбленность въ теплую, милую землю, въ дымящійся весенній лѣсъ, въ русское росистое поле, въ черную южную ночь, въ сильнаго, здороваго человѣка, въ прекрасное женское тѣло — вотъ сфера Куприна.

Эта не любовь къ природѣ, а какая-то буйная влюбленность, какой-то страстный экстазъ предъ природою—такъ же характерны для него, какъ мистика жизни для Метерлинка, поэтическая тоска для Гауптмана, титаническое дерзаніе для Ибсена, соціальное протестантство для Оскара Уайльда или муки ревнующей и поддразнивающей любви для Кнута Гамсуна.

У Куприна есть утопическій разсказъ о томъ, какъ въ 2906 году люди, ставшіе свободными отъ всѣхъ золъ современной жизни, анархически вольные, гордые, смѣлые и равные, на минуту жалѣютъ о томъ, что имъ не довелось жить, когда человѣчество только отвоевывало свою свободу и въ борьбѣ складывало головы на плахѣ. Такъ Купринъ, если бы попалъ въ рай, вѣроятно, запросилъ бы земли,—бѣдной, грѣшной, но матерински теплой, ласково грѣющей его земли, съ пекущимъ солнцемъ, запахами полевыхъ цвѣтовъ, упругой рыбой въ рѣкѣ, свободной птицей въ воздухѣ, своеобразныя повадки которой плѣняютъ его невыразимой прелестью, какъ уличнаго мальчишку.

Природа ему представляется влюбленной женщиной, пышущей страстью.

— «Какая-то сдержанная страсть, какое-то жгучее желаніе наполняло воздухъ и бродило между деревьями, и подымалось изъ травы въ пьяномъ запахѣ цвѣтовъ. И казалось, что кто-то шепчетъ въ темнотѣ непонятныя, безумныя слова, чьи-то раскрытыя, опаленныя зноемъ губы приближаются къ лицу, чье-то тихое, жаркое дыханіе касается щеки и шевелитъ волосы на вискахъ».

VI.

Эта любовь у Куприна не выдуманная и не наигранная, не придуманная теоретическимъ подсказомъ, что такое настроеніе имѣло бы успѣхъ въ наше хмурое время. Эта черта въ сильнѣйшей степени роднитъ его съ Гамсуномъ. Хорошо изучившій того и другого положительно можетъ указать параллелизмъ,—конечно, случайный,—въ книгахъ талантливаго норвежца и у нашего писателя.

Что-то языческое, звѣриное, какъ въ гамсуновомъ «Панѣ», въ этомъ смыслѣ живетъ въ Куприпѣ. Вы точно видите, какъ широко раздуваются его ноздри, когда онъ вдыхаетъ сырой воздухъ балаклавскаго побережья, пропитанный запахомъ рыбы, или ароматъ лѣса, гдѣ у рѣки, неподвижной какъ болото, сидятъ копокрады. Можетъ-быть, я вызову улыбку сравненіемъ, но у Куприна какое-то повышенно-развитое обоняніе, какое отличаетъ не человѣка, а собаку или вообще звѣря. Посмотрите его книги, намѣренно останавливаясь на его опредѣленіяхъ запаховъ, и вы увидите такое богатство гаммы, въ какомъ съ нимъ могутъ соперничать изъ русскихъ писателей только такіе любители и знатоки русской природы, лакомившіеся ею, какъ завзятые гурманы,—какъ Аксаковъ, Тургеневъ и Толстой. Онъ

ловить, напримѣръ, сладковатый, «похожій сначала запахомъ на резеду, дымокъ махорки». Вамъ это никогда не приходило въ голову. Но теперь, когда Купринъ подсказалъ вамъ это, вы видите, что это именно такъ, а не иначе, и вы десятки разъ чувствовали это, но не находили для опредѣленія точнаго слова.

VII.

Все то, гдѣ Купринъ проявляетъ себя съ этой стороны, т.-е. какъ пѣвецъ человѣческой радости жизни, есть и останется лучшимъ, что онъ писалъ. Такъ великолѣпны его «Конокрады», изумительно густыми красками написанная картина убійства мужиками неустрашимаго удальца-конокрада Бузыги, грозы деревень, романически-живописнаго героя въ тонахъ Горькаго.

Такъ волнующею тоскою заражаетъ его разсказъ «Болото», гдѣ красиво, скорбно и почти умиленно Купринъ оплакиваетъ несчастную красавицу-дѣвочку, обреченную умереть, подобно всему своему роду, въ гнилой низинѣ, гдѣ густой, влажный туманъ выпиваетъ человѣческіе соки.

Какъ очарованный, какъ остолбенѣлый онъ любуется въ «Жидовкѣ» изумительной красотой еврейской дѣвушки, случайно встрѣченной проѣзжимъ офицеромъ въ какой-то провинціальной дырѣ, въ убогой жидовской корчмѣ. Нигдѣ болѣе купринское міровоззрѣніе не приближается такъ тѣсно къ міровоззрѣнію Чехова, излившему то же умиленіе, то же преклоненіе передъ женской красотой въ своихъ «Красавицахъ».

При всемъ изобиліи въ литературѣ послѣднихъ дней откровенныхъ разсказовъ на темы чувственности можно указать мало вещей, которыя могли бы соперничать съ «Корью» по великолѣпной сочности и силѣ натурализма въ изображеніи власти надъ человѣкомъ его плоти.

Молодой, впечатлительный, физически еще чистый студентъ переживаетъ рѣзкую ссору съ помѣщикомъ, у котораго состоитъ репетиторомъ. Студентъ рѣшаетъ бѣжать изъ усадьбы отъ непріятнаго ему человѣка. Но въ этотъ же день влюбленная въ него жена обидчика бросается въ его объятія. Честному студенту претитъ это воровство у собственности врага, но власть тѣла колдуетъ надъ нимъ, и именно въ этотъ день падаетъ для него завѣса познанія добра и зла.

Это молодое, всесокрушающее, почти звѣриное влеченіе передано Купринымъ съ захватывающею силою первоклассного мастера.

VIII.

Естественное, природное настроеніе, преклоненіе предъ красотою страсти увлекло Куприна, можетъ-быть, единственный разъ въ невыгодную сдѣлку,—это было тогда, когда онъ написалъ «Суламиѳь». Прямой подсказъ его повѣсти—библейская «Пѣснь пѣсней». Онъ вдохновляется ею всецѣло. Въ ней онъ находитъ и содержаніе повѣсти, изъ нея черпаетъ и образы и всю орнаментику ея.

Цѣлые стихи онъ выхватываетъ изъ еврейской книги и такой инкрустаціей разнообразитъ повѣствованіе. Изъ готовыхъ литературныхъ образцовъ предъ его глазами, очевидно, стоятъ флоберовская «Саламбо».

Съ момента первой встрѣчи слѣдитъ авторъ любовь Соломона къ простой и незнатной еврейкѣ-дѣвушкѣ, Суламиѳь,—любовь, захватывающую всего Соломона великаго, мудраго, искусившагося въ любви къ своимъ семи стамъ женъ и тремъ стамъ наложницъ, и, конечно, всю Суламиѳь, переживающую первую любовь.

Вся эта исторія проходитъ естественно въ атмосферѣ примитивной восточной жизни, въ краскахъ палящаго

восточнаго солнца, на просторѣ царственнаго богатства и безграничнѣйшей свободы мудрѣйшаго изъ царей.

Естественно примитивенъ самый рисунокъ фабулы. Все вниманіе ушло въ любовныя сцены, въ цвѣтистый узоръ влюбленныхъ рѣчей, прямо взятыхъ мѣстами изъ «Пѣсни пѣсней», въ уловленіе дикой красоты докультурнаго счастья.

Фабула повѣсти разрѣшается очень обыкновеннымъ, если не сказать банальнымъ, концомъ. Ревнующая Суламиѳь къ Соломону египетская царица Астисъ, вкусившая ранѣе любви царя, подговариваетъ влюбленнаго въ нее юношу умертвить Суламиѳь. Дѣвушка падаетъ подъ его кинжаломъ. Безутѣшенъ и убитъ скорбью великій Соломонъ...

До очевидности ясно, что̀ подкупило и увлекло Куприна въ эту работу. Вѣрный пѣвецъ плоти, провозвѣстникъ законности ея власти, такъ язычески любящій солнце, природу, творящую мать-землю, врагъ культурной церемонности и несвободы въ вопросахъ любви и страсти,—онъ полетѣлъ, какъ мотылекъ на огонь, на подсказъ, вѣроятно, любимой, великолѣпной библейской пѣсни. Она вся такъ полна солнца, зноя, красочныхъ пятенъ, такъ безбрежно широка въ своемъ земномъ захватѣ.

IX.

Очевидно, Куприну хотѣлось захватить культурнаго читателя, отвыкшаго отъ могучей страсти, разучившагося свободно чувствовать, разгораться, дерзновенно взлетать контрастомъ свободной, языческой, стихійной и всеобъемлющей страсти, противопоставивъ это настоящее чувство современнымъ суррогатамъ любви. Видно, что онъ тронулъ археологію, пересмотрѣлъ книги съ апокрифами о Соломонѣ.

Но еще Байронъ сказалъ, что напрасно золотить настоящее золото или раскрашивать лилію. «Пѣснь пѣсней» — прекрасна и тогда, когда она остается произведеніемъ Соломона, которому ее приписывала древность, или того безвѣстнаго геніальнаго еврея, который не оставилъ человѣчеству своего имени, а не Куприна.

И блестки, сверкающія тамъ и здѣсь въ повѣсти, лучшее, что есть въ повѣсти — есть именно то, что взято изъ библейской книги. Работа самого Куприна не воплотилась въ цѣльное созданіе, не кристаллизовалась, не вылилась въ одно плотное и однородное цѣлое.

Введенный сюда апокрифъ такъ и остался апокрифомъ, цитата изъ «Пѣсни пѣсней» такъ и есть цитата, и кто библейски образованъ, тотъ не можетъ не чувствовать старанія автора тамъ, гдѣ онъ вмазываетъ, вкрапливаетъ, врѣзаетъ въ свой собственный текстъ красивую вставку изъ слоновой кости еврейской поэзіи.

Иногда это и къ мѣсту и недурно, а въ Библіи лучше!.. Красоты простоты и безыскусственности, — то именно, чѣмъ очарователенъ библейскій гимнъ любви, — отлетѣли. Всюду видна рука искусника.

Такія мозаичныя вещи хороши только тогда, когда весь трудъ сплавился воедино, сталъ цѣльнымъ. Изъ «Саламбо» Флобера щипцами нельзя вырвать ни одного кусочка мозаики безъ порчи романа. Но зато Флоберъ и сидѣлъ надъ огранкою своихъ каменьковъ десятками лѣтъ!

Вещь Куприна скорѣе можно приблизить къ тѣмъ многочисленнымъ археологически-библейскимъ попыткамъ Эберса («Дочь египетскаго царя» и др.), какія съ легкой руки нѣмецкаго романиста стали появляться десятками во всѣхъ литературахъ, не исключая и нашей. Это персидскіе ковры, шитые мѣстами и шелкомъ, но въ огромной части дешевой и взлохмаченной шерстью.

Есть и еще одно непремѣнное условіе успѣха такихъ стилизованныхъ вещей—онѣ должны быть кратки. Повѣсть Куприна велика для своей короткой темы. Читаешь подобный маловыразительный діалогическій узоръ, какой у насъ пользовали еще въ тридцатыхъ годахъ въ такъ называемыхъ восточныхъ повѣстяхъ, бывшихъ въ большомъ ходу,—и скучаешь.

— Скажи мнѣ, мой царь, не удивительно ли, что я полюбила тебя такъ внезапно? Я теперь вспоминаю все, и мнѣ кажется, что я стала принадлежать тебѣ съ самаго перваго мгновенія, когда не успѣла еще увидѣть тебя, а только услышала твой голосъ. Сердце мое затрепетало и раскрылось навстрѣчу къ тебѣ, какъ раскрывается цвѣтокъ во время лѣтней ночи отъ южнаго вѣтра. Чѣмъ ты такъ плѣнилъ меня, мой возлюбленный?..

Въ этомъ безсильномъ діалогѣ даже не узнается Купринъ, какъ не чувствуется онъ и въ такихъ неизбѣжныхъ деталяхъ «восточной» фабулы, какъ скоропалительная любовь съ перваго взгляда, какъ убійство изъ ревности.

X.

Въ проповѣди личности Купринъ—товарищъ Горькаго, для котораго такъ же «гордо звучитъ» слово человѣкъ, и который такъ же полонъ ненависти ко всему, что сводитъ людей подъ одинъ ранжиръ, къ одной колодкѣ, превращаетъ личности въ оловянныхъ солдатиковъ.

Я не знаю, нужно ли точно изслѣдовать оттѣнки въ этой «проповѣди личности» и искать для нея формулъ, выработанныхъ соціологами и философами. Любители рамокъ и формулъ, не успокоивающіеся до тѣхъ поръ,

пока писатель не положенъ на свою полочку, не раздробленъ по косточкамъ, не подведенъ подъ школу, не подогнанъ подъ философскую систему и не скрѣпленъ подобающимъ ярлыкомъ,— уже пробовали свое искусство и свои силы и на Куприпѣ.

Широкое жизнелюбство, прекрасное стояніе настражѣ правъ личности — развѣ сами по себѣ недостаточно красивыя знамена, подъ которыми можетъ стоять писатель? Какъ хотѣлось бы, чтобы Купринъ просто и не мудря остался подъ ними, не стараясь записаться ни въ ницшеанцы, ни въ штирнеріанцы, ни въ марксисты, ни въ анархисты, куда его такъ усердно тянули и тянутъ критики разныхъ лагерей!

Элементы облагороженнаго анархизма, ницшеанской любви къ сильному, конечно, неотрицаемы въ его настроеніяхъ. Но при чемъ здѣсь ученыя системы и философскія книжки? Тогда почему бы не произвести въ анархисты жизнелюба Овидія или Гомера, опротестовавшаго кровь войны?

Страшно подумать, что и Купринъ, подъ эти модныя апраксинскія завыванія: «къ намъ пожалуйте», сдѣлаетъ уступку книжникамъ и модникамъ, совершивъ грѣхъ передъ своимъ прекраснымъ талантомъ. Увы, намеки на это уже есть. Какою фальшью звучатъ, напримѣръ, въ монологахъ Назанскаго въ «Поединкѣ» цѣликомъ выхваченныя изъ Штирнера слова:

— «Вы — царь міра, гордость и украшеніе, вы — богъ всего живущаго,— поучаетъ Назанскій Ромашова.— Дѣлайте, что хотите. Берите все, что вамъ нравится, не страшитесь никого во всей вселенной, потому что надъ вами никого нѣтъ и никто не равенъ вамъ. Настанетъ время и великая вѣра въ свое *я* осѣнитъ головы всѣхъ людей» и т. д.

XI.

Купринъ очень близокъ Чехову по формѣ своихъ писаній, по пріемамъ наблюденія жизни, по манерѣ. Огромное различіе его отъ покойнаго художника — въ его «волѣ къ жизни», жадности жизни, обожаніи жизни, ея весны, ея разлива, бури, похоти, страсти...

Все это было у юнаго Чехова, и все это убилъ туберкулезъ, окрасилъ щемящею тоскою ранняго августовскаго умиранія.

Но иногда, какъ въ «Мелюзгѣ», Купринъ приближается къ Чехову и въ настроеніи унынія.

«Мелюзга» — это двое полуинтеллигентовъ, закинутыхъ за полутораста верстъ отъ желѣзнодорожной станціи, въ чортову глушь, въ деревню, опоясанную лѣсомъ,—фельдшеръ и сельскій учитель.

Это—конь и трепетная лань, но судьба, не спрашиваясь, не соображаясь, вырвала ихъ изъ милліоновъ и столкнула лицомъ къ лицу въ царствѣ лаптей и овчинныхъ полушубковъ.

Фельдшеръ — циникъ и сильный, почти наглый человѣкъ, лѣчитъ безъ колебаній, безъ угрызеній больныхъ стариковъ, истерическихъ бабъ, рветъ зубы, вскрываетъ тупымъ и грязнымъ ланцетомъ крестьянскіе нарывы.

Учитель Астреинъ живетъ далеко не въ такомъ почетѣ у мужиковъ, уныло учитъ ребятъ, спитъ и думаетъ.

Онъ—мечтатель. Ему хочется вѣрить, что будетъ время, кто-то придетъ и объявитъ какую-то счастливую, неожиданную вѣсть, и придетъ конецъ подлому, сѣрому существованію.

Неудачникъ-семинаристъ, онъ способенъ красивыми словами излагать дорого давшіяся мечты.

О нищих.

Девяносто дневи 3.00 50 Ко.

Первый нищий, который на утро нашей
обращенной утренней подачки о двенадцатом дне,
был по губернскому положению. Неизвестно своего
будущего, он ранним всю прилежанной от утренней
шарф. Кусочек мяса, хотя сам и был сыт в
дни время. На другой день — на — он отдал голодному
брату в пищу, сказав, что ему самому не
хватает. На третий день он украл, на
четвертый убил, на пятый он отравил
соседей, что вот этого шалаша, эти стада,
эти женщины и эти дети принадлежат нашему

Автографъ А. Куприна.

— Вы тоже ждете, — говоритъ онъ фельдшеру, всегда съ оттѣнкомъ злости старающемуся расхолодить его въ его мечтахъ. — Это ожиданіе чуда — точно въ крови у всего русскаго народа. Мы родились съ нимъ на свѣтъ Божій. Иначе невозможно жить, Сергѣй Опреичъ, страшно жить! Поглядите вы на мужиковъ. Ихъ можетъ разбудить, расшевелить и увлечь только чудо. Пойдите вы къ мужику съ математикой, съ машиной, съ политической экономіей, съ медициной... Вы думаете онъ не пойметъ васъ? Онъ пойметъ, потому что онъ все способенъ понять, что выражено логично, просто и безъ иностранныхъ словъ. Но онъ не повѣритъ отъ васъ ничему, что просто и понятно. Онъ убивалъ докторовъ въ оспенныя и холерныя эпидеміи, устраивалъ картофельные бунты, билъ кольями землемѣровъ. Изобрѣтите завтра самое вѣрное, ясное какъ палецъ, но только не чудесное средство для поднятія его благосостоянія—и онъ сожжетъ васъ послѣзавтра. Но шепните ему, только шепните на ухо одно словечко: золотая грамота! или—антихристъ! или—объявился! Все равно, кто объявился, лишь бы это было нелѣпо и таинственно — и онъ тотчасъ же выдергиваетъ стягъ изъ пряселъ и готовъ итти на самую вѣрную смерть. Вы его увлечете въ любую, самую глупую, самую смѣшную, самую отвратительную и кровавую секту, и онъ пойдетъ за вами. Это чудо! Пусть нынче его же сосѣдъ Иванъ Евграфовичъ вдругъ откашлянется и начнетъ говорить нараспѣвъ и въ носъ, зажмуря глаза:—и было мнѣ, братіе, сонное видѣніе, что воплотится во мнѣ древній змій Илья Пророкъ—и мужикъ сегодня же поклонится Ивану Евграфову, какъ святителю или какъ обуянному демономъ. Онъ восторженно повѣритъ любому самозванцу, юродивому предсказателю, лишь бы слова ихъ были вдохновенны, туманны и чудесны. Вспомните русскихъ

самозванцевъ, ревизоровъ, явленныя иконы, ереси, бунты—вы вездѣ увидите въ основѣ чудо. Стремленіе къ чуду, жажда чуда—проходитъ черезъ всю русскую исторію!.. Мужикъ вѣритъ глупому чуду не потому, что онъ теменъ и не развитъ, а потому что это духъ его исторіи, непреложный историческій законъ...

XII.

Онъ говоритъ немножко книжно, немножко черезчуръ красиво для сельскаго учителя. Это похоже на передовицу, на рѣчь Куприна, а не Астреина, но это глубоко вѣрныя заключенія о русской душѣ.

Астреинъ мечтаетъ, а кругомъ — сѣрая, чеховская жизнь, съ безконечнымъ спаньемъ, ребятишками, бабами, холодомъ въ школѣ, озлобленными, но безтолковыми спорами съ другомъ-врагомъ, фельдшеромъ. Они спорятъ и ссорятся, по нѣскольку дней не видятся, и снова сходятся и обѣдаютъ вмѣстѣ, и въ очередь покупаютъ водку. И проходятъ мѣсяца, и ничто не измѣняется въ ихъ бытіи.

Свѣтлымъ пятномъ, прямо событіемъ проходитъ въ ихъ жизни поѣздка на именины въ Рождество къ священнику, въ 12-ти верстахъ отъ ихъ деревни. Легкій, неумѣлый и неуклюжій флиртъ, — и сердца двухъ отшельниковъ на нѣкоторое время расцвѣтаютъ подъ свѣтомъ женскаго обаянія.

Но проходятъ дни, теряютъ нѣжность воспоминанія, и остается отъ нихъ та же злая пустота, тѣ же платоническіе разговоры о будущемъ человѣчества, о радости сознанія «малюсенькой» для него пользы, тѣ же злобные выкрики фельдшера:

— Къ чорту будущее человѣчество! Пусть оно подохнетъ отъ сифилиса и вырожденія!..

Съ тоски, съ горя, съ отчаянія сожители наркотизируютъ себя эѳиромъ, — но опять истощается эѳиръ, и возвращаются будни и тоска. Все рѣзче струя враждебности, какая неизвѣстна у двухъ людей, всецѣло отданныхъ одинъ другому на исключительное вниманіе и изученіе, врѣзается въ эту вынужденную «дружбу».

Настаетъ весна. Фельдшеръ и учитель ѣдутъ на лодкѣ на прогулку. Случай — царь въ русской жизни, въ особенности подобной. Оба они гибнутъ, нанесенные теченіемъ на шлюзы.

И когда гибнутъ, что-то мягкое, ласковое, человѣческое пробуждается въ обоихъ сердцахъ, покрывшихся коростой злобности. Они тонутъ оба, и рѣка несетъ ихъ избитыя мертвыя тѣла...

Жизнь выплеснула ихъ, мелкихъ и незамѣтныхъ, какъ рыбакъ выбрасываетъ изъ сѣтей мелюзгу-рыбешку. И никто не замѣтилъ ихъ отсутствія.

Чисто чеховская философія вѣетъ надъ разсказомъ Куприна, и никакого новаго вывода не сдѣлать отсюда, чѣмъ сдѣланные раньше изъ Чехова. Только мысль объ умягченіи души передъ лицомъ смерти скользитъ по финалу разсказа красивымъ, свѣтящимся бликомъ, и это уже свое, купринское.

XIII.

Влюбленіе въ жизнь, очарованіе бытіемъ, дерзкій протестъ или нѣжная печаль за попраніе правъ человѣка наслаждаться бытіемъ,—вѣютъ надъ всѣми остальными вещами Куприна.

Этимъ вѣяніемъ оттѣненъ «Поединокъ», гдѣ, закрывая книгу, читатель весь переполняется гнѣвнымъ чувствомъ къ людямъ и жизненнымъ условіямъ, безвре-

мощно сломившимъ молодого, славнаго, жадно шедшаго навстрѣчу всѣмъ впечатлѣніямъ бытія, поручика Романова, жертвы нелѣпыхъ преданій военщины.

Гнѣвомъ на попраніе самаго святого человѣческаго чувства, на превращеніе любви въ грязную физіологическую потребность дышитъ его «Яма».

Въ «Прапорщикѣ армейскомъ», одной изъ наиболѣе блѣдныхъ своихъ вещей, Купринъ не боится стать на сторону сѣренькаго, въ сущности, безцвѣтнаго, наивнаго и мало развитого прапорщика, безъ ума влюбившагося въ свѣтскую полудѣву, уже искусившуюся во всѣхъ видахъ любовнаго спорта и выбрасывающую бѣднаго поручика изъ своего сердца и изъ своей жизни, какъ выжатый лимонъ или бумажку отъ съѣденной конфеты.

И нѣсколько вялый, можетъ-быть, стилизованно-обезцвѣченный (ибо это дневникъ безцвѣтнаго человѣка), этотъ разсказъ такъ же, какъ самыя яркія вещи Куприна, вопіетъ, что въ любви нѣтъ армейскихъ и неармейскихъ чувствъ, что захудалый, провинціальный поручикъ здѣсь такъ же прекрасенъ, какъ Наполеонъ передъ своей избранницей.

Убійство, изъятіе изъ жизни хищнаго волка Бузыги для Куприна есть такое же отвратительное преступленіе, какъ убійство Ромашова на поединкѣ, и пугливый еврейчикъ въ «Трусѣ», однажды осмѣлѣвшій до того, чтобы пойти за контрабандой и напугавшійся до смерти,— по-своему правъ, трепеща за свою жизнь, потому что это совершенно справедливо, что на всей землѣ, со всѣми чертогами царей и золотыми горами милліонеровъ, нѣтъ и не можетъ быть другой цѣнности, которая могла бы для него жалкаго ямщика, кривоногаго Мойши Файбишъ, сравниться съ цѣнностью его жизни.

XIV.

Отсюда, отъ этой исключительной любви къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, та черта въ творчествѣ Куприна, какая обусловливаетъ у Толстого сочиненіе «Холстомѣра» и у Чехова «Каштанки»,—его разсказы изъ міра животныхъ. Для Куприна человѣкъ равноцѣненъ совершенно въ такой же мѣрѣ, какъ призовой конь «Изумрудъ», какъ пойнтеръ Джекъ («Собачье счастье»), какъ тетеревъ или глухарь въ весеннемъ лѣсу («На глухарей»), или бѣлуга, бьющая гибкимъ хвостомъ по дну лодки балаклавскаго рыбака («Листригоны»).

Всѣ эти лошади, собаки, глухари и бѣлуги такъ же цѣльно захватываютъ его вниманіе, какъ и человѣкъ. Онъ любовно и съ захватомъ подмѣчаетъ мельчайшія повадки животныхъ и птицъ, воскрешая въ памяти непревосходимаго мастера этого дѣла Аксакова, съ его забытыми «Записками ружейнаго охотника» или «объ уженьи рыбы»,—мастера, къ которому сопернически подходили только Тургеневъ и Толстой.

«Изумрудъ»—коротенькая, безпритязательная исторія лошади.

Это достаточно сказать, чтобы читатель вспомнилъ:

— Холстомѣръ!

Толстой—это Исаакій, высящійся въ небѣ и способный убить все, что бы съ нимъ ни поставили рядомъ,—памятникъ Петра, московскіе пассажи, Зимній дворецъ, Василія блаженнаго или швейцарскій замокъ. «Холстомѣръ» убилъ «Изумрудъ».

И это надо сказать при одновременномъ признаніи за Куприным сохраненія и въ новомъ разсказѣ всей своей художнической силы. Герой его разсказа, четырехлѣтній жеребенокъ «Изумрудъ», выписанъ съ мастерствомъ, съ тонкой, часто мило-наивной наблюдатель-

ностью человѣка, способнаго красиво и глубоко любить природу и прекрасную тварь, и чувствовать превосходство разлитой въ мірѣ, въ животномъ, въ растеніи, вѣчной правды надъ жалкой и лживой человѣческой правдой, заплатанной и фальсифицированной.

Видно, что Купринъ «видѣлъ» лошадь, а не сочинялъ о ней повѣстушку въ кабинетѣ. «Изумрудъ» дышитъ, коситъ глазъ, тяготѣетъ къ другимъ лошадямъ, спитъ и видитъ сны, ѣстъ, радуется свѣжему воздуху и т. д., какъ настоящая лошадь.

Вы видите ее, но... вы не можете отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что это вамъ уже знакомо, что когда-то, давно такъ, что вы забыли подробности и помните только общее, какой-то волшебникъ уже ввелъ васъ въ этотъ мутный, полуинстинктивный, только съ временными проблесками смутнаго сознанія мірокъ, и— оставилъ въ душѣ слѣдъ навсегда.

И, разумѣется, не идолопоклонство внушаетъ эти строки. Ихъ подсказываетъ общее впечатлѣніе чтенія. Купринъ неминуемо впалъ въ тона Толстого.

Слабая сторона разсказа и въ скудости его замысла. Исторія о томъ, какъ люди намѣренно сгубили травленымъ овсомъ прекрасную спортивную лошадь, можетъ дать поводъ къ размышленію о томъ, какъ хорошо въ своей естественной красотѣ, силѣ и правдѣ тварь, и какъ дрянны люди. Но—«больше ничего не выжмешь изъ разсказа моего».

Вспомните «Холстомѣра». Тамъ цѣлая драма происходитъ передъ вами въ наивно простомъ отраженіи въ разсказѣ лошади, видѣвшей виды.

У Куприна, правда, есть одно серьезное оправданіе. Толстовскій «Холстомѣръ» мыслитъ мозгомъ человѣка, «Изумрудъ» нигдѣ не превышаетъ понятій лошади. Онъ воспринимаетъ все по-лошадиному,—инстинктомъ, носомъ, ушами, своей кожей, но нигдѣ не мыслитъ, какъ

человѣкъ. Можетъ-быть, отсюда та неясность финала, дающая читателю больше догадокъ, чѣмъ прямыхъ фактовъ, но авторъ сознательно шелъ на это, чтобы не нарушить своей «лошадиной правды».

XV.

Было ярко впечатлѣніе «Ямы» Куприна, и она ударила по сердцамъ,—въ особенности по сердцамъ матерей, чистаго юношества, переживающаго пору полового созрѣванія, чистой женской молодежи, отъ которой ужъ нельзя было спрятать эту книгу при всѣхъ стараніяхъ.

Со времени «Крейцеровой сонаты» я не знаю другой повѣсти на тему половой чистоты, которая была бы такимъ искреннимъ бунтующимъ крикомъ писательской души, говорила съ читателемъ такимъ честно-открытымъ, прямымъ языкомъ, безъ умолчаній, намековъ и деликатныхъ смягченій, и такъ смѣло касалась страшныхъ язвъ жизни, о которыхъ мы всѣ знаемъ и которыя стараемся не замѣчать.

Вотъ книга, способная разстроить, лишить аппетита, навѣять ночью тревожный сонъ. Мужчины все это знаютъ, видѣли, сами бывали «тамъ». Женщины прочитали это, какъ откровеніе.

До нихъ все это долетѣло отрывкомъ, мелькомъ, смягченнымъ устами мужей, преувеличеннымъ или искаженнымъ устами подругъ. Онѣ могли читать «Петербургскія трущобы» или научныя книги о «Торгующихъ тѣломъ». Но и фельетонный романъ, и строгое описаніе, данное опытнымъ докторомъ,—не то, что художественная картина.

Гоголь, написавшій «Невскій проспектъ», кажется, первый у насъ серьезно и реалистически тронулъ скользкую тему о падшей женщинѣ и домѣ терпимости. Это—

одна изъ самыхъ романтичныхъ его повѣстей, и съ Гоголя у насъ установилась реалистически не очень вѣрная, но психологически чудесно-красивая, характерная для русской души традиція идеализировать падшую.

Эту традицію можно прослѣдить черезъ Сонечку Достоевскаго, черезъ пѣсни Некрасова, черезъ всю плеяду шестидесятниковъ, черезъ «Погибшее, но милое созданье» Крестовскаго, вплоть до гаршинской «Надежды Николаевны», до «Наташки» Ясинскаго, «Припадка» Чехова и «Рыбьихъ стоновъ» Альбова.

XVI.

Лишь въ самое послѣднее десятилѣтіе, въ которое, вообще, нотускнѣло нѣчто въ писательской душѣ, пошатнулась и эта традиція. У Горькаго въ «Васькѣ Красномъ» проститутка — отвратительное животное. Въ арцыбашевскомъ «Счастьѣ» она гнусна,—старая, костлявая, съ провалившимся носомъ. Послѣ прочтенія андреевскаго «Въ туманѣ» не чувствуешь нѣжности, жалости къ падшей, чувствуешь омерзѣніе къ этой женщинѣ, зарѣзанной и лежащей съ отвратительнымъ вздутымъ животомъ кверху.

Развѣ не видѣлъ раньше русскій писатель этого отвратительнаго живота, распухшихъ глазъ, склянокъ съ мутными лѣкарствами отъ гнусныхъ болѣзней?

Видѣлъ, разумѣется, но намѣренно прошелъ мимо, отвернулся, взялъ красивое, трогательное,—оплеванную женскую красоту, искорку, тлѣющую въ душѣ, святое ощущеніе попранной человѣчности.

Въ этой маленькой неправдѣ, въ этомъ возвышающемъ обманѣ есть нѣчто плѣнительное и трогательное. Такъ для матери и дѣти уроды—красавцы, и любящій не хочетъ видѣть,—да и не видитъ,—какихъ-нибудь изъяновъ на лицѣ любимой.

Передъ Гоголемъ, Достоевскимъ, Чеховымъ, Гаршинымъ предстала «въ прелюбодѣяніи ятая», и они — ни одинъ—не нашли въ себѣ духа бросить въ нее камень Напротивъ, посмотрѣли ласковымъ, братскимъ взглядомъ, пожалѣли, прикрасили, причесали.

Это было, повторяю, очень красиво, но чуть-чуть, а иногда и значительно шло въ разрѣзъ съ правдой. Было смертельно жаль Сонечку Мармеладову, героиню «Записокъ изъ подполья», Надежду Николаевну, красавицу, которая разбила сердце гоголевскому художнику.

А по Невскому ходило наглое, тупое, раскрашенное безполое существо, циническое, пьяное, басящее, сквернословящее, похотливое и грязное. Если идеальный юноша или какой-нибудь эксцентрикъ изъ категоріи романтиковъ, выставленныхъ въ «Бѣлыхъ ночахъ», увлекшись однимъ изъ нихъ, отдавалъ ему душу, выкупалъ изъ притона, поднималъ изъ грязи до себя,—оно снова черезъ годъ, черезъ полгода неизбѣжно падало въ грязь, какъ неизбѣжно, по физическому закону, падаетъ брошенный кверху камень, и возвращалось въ прежній притонъ, къ прежнему разврату и пьянству.

Подлинная правда о «погибшемъ, но миломъ созданьѣ» была подъ спудомъ со временъ Петронія, одного изъ первыхъ бытописателей «веселыхъ домовъ». Типъ проститутки-идеалистки былъ преувеличенно выдвинутъ, переоцѣненъ, взятъ слишкомъ распространительно, какъ слишкомъ преувеличенно взятъ былъ, напримѣръ, Горькимъ философствующій и ницшеанствующій босякъ, на самомъ дѣлѣ приходившійся одинъ на тысячу.

XVII.

Купринъ взялъ на себя задачу восполненія пробѣла. Онъ дерзнулъ на «всю правду» о проституткѣ.

Сильно чувствующая душа подсказала ему ту единственно вѣрную позицію, какой онъ долженъ былъ держаться.

Онъ не идеализируетъ проститутки. Онъ не отнимаетъ у нея ея глубокой, жуткой «корпоративной ненависти» къ мужчинѣ.

Среди его типовъ есть натуры грубыя, хамскія, тупыя. психопатическія. Его «дѣвицы» ведутъ себя цинически, говорятъ гнусныя слова. Ихъ вкусы грубы, и онѣ почти завидуютъ той изъ своихъ подругъ, которой выпало счастье... спать съ палачомъ.

Но такая глубокая печаль по оплеванной человѣческой душѣ, по загрязненномъ таинствѣ сліянія половъ, такая жалость за искалѣченную жизнь, которая могла сказочно расцвѣсти, а кончится неизбѣжной палатой венерической больницы, — вѣетъ надъ всею повѣстью, что—уберите съ нея имя Куприна, замаскируйте имена дѣйствующихъ, время и мѣсто, — вы скажете съ полной рѣшительностью: эта книга могла родиться только подъ перомъ русскаго писателя.

Въ повѣсть время отъ времени властно врѣзается публицистическій элементъ. Художественный критикъ можетъ поставить ему въ вину, что среди героевъ у него положительно есть Здравомыслъ, которому остальные персонажи подаютъ реплики и который выкладываетъ передъ читателемъ все, что хотѣлъ сказать писатель.

Этого ни просмотрѣть, ни скрыть, ни замолчать. Это ни въ какомъ случаѣ не достоинство художественнаго романа. Къ счастью, Купринъ — слишкомъ художникъ, и его Здравомыслъ — все-таки не ходячая схема, не аппаратъ для выкладыванія передъ читателемъ страницъ научной монографіи о проституціи.

Въ его репортерѣ Платоновѣ, случайно оказавшемся въ студенческой компаніи, заѣхавшей въ «заведеніе Анны

Марковны», есть черты живого лица. Можетъ-быть, онъ немножко идеализованъ, но вѣдь бываютъ же все-таки и въ подлинной жизни хорошіе люди. Говорить складно и говорить много—присуще его профессіи.

XVIII.

Устами этого героя Купринъ даетъ мотивировку своей новой повѣсти.

«— Наши русскіе художники слова, самые совѣстливые и самые искренніе во всемъ мірѣ художники,—почему-то до сихъ поръ обходили проституцію и публичный домъ. Почему? Право, мнѣ трудно отвѣтить на это. Можетъ-быть, по брезгливости, по малодушію, изъ боязни прослыть порнографическимъ писателемъ, наконецъ, просто изъ страха, что наша кумовская критика отожествитъ художественную работу писателя съ его личной жизнью и пойдетъ копаться въ его грязномъ бѣльѣ. Или, можетъ-быть, у нихъ не хватаетъ ни времени, ни самоотверженности, ни самообладанія вникнуть съ головой въ эту жизнь и подсмотрѣть ее близко-близко, безъ предубѣжденія, безъ громкихъ фразъ, безъ овечьей жалости, во всей ея чудовищной простотѣ и будничности»...

«— Одинъ большой писатель, — человѣкъ съ хрустально-чистой душой и замѣчательнымъ изобразительнымъ талантомъ,—подошелъ однажды къ этой темѣ, и вотъ—все, что можетъ схватить глазъ внѣшняго, отразилось въ его душѣ, какъ въ чудесномъ зеркалѣ. Но лгать и пугать людей онъ не рѣшился. Онъ только поглядѣлъ на жесткіе, какъ у собаки, волосы швейцара и подумалъ: «А вѣдь и у него, навѣрно, была мать». Скользнулъ своимъ умнымъ, точнымъ взглядомъ по лицамъ проститутокъ и запечатлѣлъ ихъ. Но того, чего онъ не зналъ, онъ не посмѣлъ написать... Есть двѣ

странныхъ дѣйствительности, древнихъ, какъ человѣчество: проститутка и мужикъ. И мы о нихъ ничего не знаемъ, кромѣ какихъ-то сусальныхъ, пряничныхъ, ерническихъ изображеній въ литературѣ»...

Купринъ, какъ видимъ, облегчаетъ задачу критика настолько, что даже разбирается въ художественной литературѣ своего предмета. Чеховское отношеніе къ нему,—потому что, конечно, для всякаго ясно, что рѣчь о Чеховѣ,—психологически освѣщено съ совершенной точностью. Одна изъ самыхъ безпокойныхъ и нервныхъ вещей Чехова, «Припадокъ», говоритъ о томъ, какъ остро и чутко Чеховъ могъ задумываться надъ судьбой падшей. Лѣтъ за сорокъ до него такъ же мучительно думалъ объ этомъ Помяловскій. Но Чеховъ не «изучалъ» этого быта и не полагался на свою творческую ощупь въ такой экзотической области.

«Настоящей» книги о падшей не было. Соня не центральна въ «Преступленіи и наказаніи». Но такую книгу долженъ дать русскій писатель, и репортеръ Куприна очень правъ, выражая эту мечту:

— Я вѣрю, что не теперь, не скоро, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, но придетъ геніальный и именно русскій писатель, который вберетъ въ себя всѣ тяготы и всю мерзость этой жизни и выброситъ ихъ намъ въ видѣ простыхъ, тонкихъ и безсмертно жгучихъ образовъ. И всѣ мы скажемъ: да вѣдь это все мы сами видѣли и знали, но мы предположить не могли, что это такъ ужасно!..

XIX.

«Яма» — уже пророчество, уже прелюдія къ этой книгѣ. Въ ней еще оказалась неизбѣжной публицистика. Въ ней еще много, какъ въ старину выражались, «физіологіи», описательныхъ освѣдомленій объ обычаяхъ и правахъ «заведеній», мѣшающихъ чистой психологіи. Но это уже шагъ къ настоящей художественной правдѣ о русской проституткѣ.

Купринъ знаетъ этотъ бытъ и хозяйственно разбирается здѣсь въ лицахъ и явленіяхъ. Заведеніе въ кварталѣ большого южнаго города, называемое «Ямой», у него живетъ. Живетъ и молодежь, проводящая здѣсь ночи.

Есть что-то отъ толстовской лѣпки, густоты письма, простоты слова и грубой его экспрессіи въ повѣсти Куприна. Никто другой въ Россіи такъ не могъ бы сейчасъ написать. На одной страницѣ иногда набросанъ образъ, и вы видите его ярко и ясно.

Возьмите такую эпизодическую фигуру, какъ Ванька-Встанька, — этого сѣдого старика, состарѣвшагося въ домѣ терпимости, истиннаго проститута-приживалку, строящаго изъ себя дурака на потѣху обитательницъ и гостей заведенія.

— Имѣю честь представиться: тайный почетный посѣтитель мѣстныхъ благоугодныхъ заведеній, князь Бутылкинъ, графъ Наливкинъ, баронъ Тирутинкевичъ-Фьютинковскій... и т. д.

Вы слушаете его прибаутки, его глупые стихи, всматриваетесь въ этотъ красный носъ и лицо, блѣдное отъ безсонныхъ ночей,—и видите его живьемъ. Вы встрѣчали его, этого паразита человѣчества, едва терпимаго даже въ домѣ терпимости, который такъ нѣкогда и разсыплется тутъ и упадетъ, дохлый, подъ залихватскій плясъ толстыхъ ногъ и подъ звуки разухабистой польки,—этого достойнаго реквіема для такой амфибіи...

Такъ, яркіе и зловѣщіе, проходятъ здѣсь передъ вами герои и жертвы этой «неправдоподобной» жизни-фантасмагоріи, освѣщенной жуткимъ и точно кровавымъ свѣтомъ условленнаго «краснаго фонаря».

Палачъ, ночующій у «дѣвицы», цирковый атлетъ, огромный и громоздкій, похожій «на лошадь, введенную въ комнату», ломака-актеръ, попавшій въ полосу загула и разврата, гнусные, слюноточивые старички, охочіе до

молодого мяса, трепещущіе отъ страха и похоти гимназисты, расплачивающіеся горячимъ и вспотѣвшимъ рублемъ за тѣло, на пять минутъ отданное въ обладаніе, голубоглазыя старушки-содержательницы, такъ нѣжно любящія свою родную дочь и такъ дьявольски-цинически торгующія чужими дочерьми, и сами эти «дѣвушки», — красивая Женя съ ея ненавистью къ самцамъ, загадочная Тамара, готовившаяся къ публичному дому въ... монастырской кельѣ бѣлицы, несчастная истеричка Паша, — почти единственная, находящая сладость въ промыслѣ проститутки,—все это проходитъ передъ вами длинной галлереей причудливыхъ, кривляющихся, какъ у Гойи, образовъ.

Купринъ не смягчаетъ красокъ, описывая своихъ «героинь». Но въ монологахъ его Здравомысла разлито столько трогательной жалости, искренняго протеста противъ попранія красоты и святости тѣла, — что эту книгу можно безъ боязни дать юношѣ. Она не разожжетъ его похоти, но отброситъ его на версту отъ «краснаго фонаря», этого символа какой-то невѣдомой, загадочной и этою загадочностью влекущей жизни.

Страстный во всемъ, что имъ написано, апологетъ радости бытія, — Купринъ даетъ «Ямой» максимальное проявленіе этого восторга жизни. Весь паѳосъ его отсюда, изъ стремленія возстановить правду и красоту, которымъ люди должны были пѣть гимнъ и которыя ими заплеваны и втоптаны въ грязь.

— Человѣкъ рожденъ для великой радости, для безпрестаннаго творчества, въ которомъ онъ — богъ, для широкой, свободной, ничѣмъ не стѣсненной любви, — любви ко всему: къ дереву, къ небу, къ человѣку, къ собакѣ, къ милой, кроткой, прекрасной землѣ, — ахъ, особенно къ землѣ, съ ея блаженнымъ материнствомъ,

съ ея утрами и ночами, съ ея прекрасными ежедневными чудесами. А человѣкъ такъ изолгался, испопрошайничался и унизился!..

XX.

Лѣсковъ однажды про свое и Толстого писаніе сказалъ:

— Мы не кружева плетемъ, а идемъ войной на дьяволовъ.

Именно на дьявола лжи, на дьявола похоти, на дьявола гнусной корысти идетъ въ лицѣ Куприна русскій писатель, и какимъ жалкимъ плетеніемъ кружевъ кажется передъ такимъ благороднымъ дѣломъ все пачкунство современныхъ попрошаекъ литературной славы!

Трудно гадать на половинѣ о цѣломъ. Конецъ первой части «Ямы», гдѣ студентъ выбираетъ одну изъ дѣвицъ,—случайную, незнакомую,—чтобы ее спасти изъ омута, уже звенитъ какимъ-то фальшивымъ звукомъ.

Положимъ, что по существу всегда есть и было что-то фальшиво звучащее въ такихъ «спасаніяхъ» и въ жизни, не только въ книгахъ, и дай Богъ, чтобы я ошибался.

Но что бы ни было дальше, то, что уже стало извѣстнымъ подъ именемъ «Ямы», есть прекрасное созданіе, въ которомъ сказалось лучшее, что есть въ русской душѣ, и къ чему не можетъ остаться равнодушной хорошая русская душа.

Преклоненіе передъ бытіемъ опредѣляетъ всю философію Куприна. Отсюда у него — апоѳеозъ личности, гимны человѣческой свободѣ, протесты противъ всего, принижающаго жизнь—не человѣческую только, гдѣ всѣ равноправны,—и Соломонъ съ Суламиѳью, и поручикъ Ромашовъ, и конокрадъ Бузыга, и трусъ Файбишъ, и послѣдняя проститутка изъ Ямской слободы, — но и всякую жизнь вообще, такъ что и ло-

шадь убивать преступно ничуть не меньше. Какъ брамминъ, Купринъ смотритъ подъ ноги, чтобы не раздавить букашки.

XXI.

Здѣсь кончается десница Куприна, и начинается его шуйца. Область прикладного творчества, творчества по заказу редактора, сегодняшнихъ злобъ дня и послѣдней идейной моды—вовсе не сфера Куприна. И не было еще ни одной его побѣды, когда онъ выступалъ на этотъ путь.

Когда добровольный сыщикъ сталъ моднымъ героемъ беллетристики, Купринъ написалъ «Мирное житіе», разсказъ о добровольцѣ-доносчикѣ, дѣлящемъ свою душу между церковью и писаньемъ анонимныхъ писемъ. Ничего не уяснилъ онъ намъ этой вещью въ психологіи черносотенства. Въ его «Обидѣ» монологъ вора, просящаго не смѣшивать его съ врагами свободы и полицейскими, звучитъ великою фальшью. И положительно неправдоподобно, чтобы прекрасные гимны свободѣ не кто другой, а Купринъ вложилъ въ уста хулигана. Точно валикъ трогательнаго церковнаго реквіема вставили въ разбитый органъ паршивенькаго, проплеваннаго ресторана.

Откликаясь на японскую войну, Купринъ поставилъ японскаго шпіона въ условія такой невѣроятной неосторожности, что опять замыселъ «Штабсъ-капитана Рыбникова», даже при всѣхъ частичныхъ достоинствахъ его письма,—точно и не-купринскій.

Прикладная цѣль и расчетъ намѣреннаго показанія идеализма, разбившагося о камни жизни, заставилъ Куприна сдѣлать необычайно рискованный ходъ въ его послѣднемъ романѣ «Яма».

Но десница и шуйца у Куприна обѣ одинаково интересны, а по поводу его шуйцы можно было бы сдѣлать

широкія и интересныя обобщенія о современномъ художествѣ вообще. Какъ интересно въ немъ сочетаніе великолѣпнаго статика съ слабымъ динамикомъ! Какъ характерна въ немъ ненависть къ толпѣ, къ формѣ, къ сословію, выдвинувшему форму во главу угла! Какъ любопытна его философія жизни и смерти. Какъ чудесно онъ умѣетъ изображать человѣческую «ликвидацію жизни» въ смерти! Какъ онъ нѣженъ и какъ онъ хочетъ казаться жестокимъ, свирѣпымъ, кровожаднымъ!..

Но все это—темы для большихъ самостоятельныхъ статей, матеріалъ для той книги, которую уже заслужилъ Купринъ и которой въ правѣ ждать читатель.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

I.

Начало этой карьеры теряется почти за двумя десятилѣтіями отъ нашего дня въ парадоксальномъ, уже угасшемъ литературномъ теченіи, и едва ли впервые это имя появилось не въ сосѣдствѣ съ именемъ Емельянова-Коханскаго, юноши, который, проснувшись въ одинъ день, задумалъ писать риомованныя строки совершенно безъ всякаго смысла, а потомъ печатать ихъ на розовой бумагѣ съ приложеніемъ собственнаго портрета, гдѣ онъ былъ изображенъ съ крыльями лермонтовскаго демона за плечами.

Тогда же нашумѣло его знаменитое одностишіе о бѣлыхъ ногахъ, которое навѣки прилипло къ имени Брюсова и котораго недоброжелатели не хотятъ ему простить посейчасъ.

Потомъ появились книжки «Русскіе символисты», гдѣ Брюсовъ пѣлъ «фіолетовыя руки», и еще долго, — уже тогда, когда дѣтскія и юношескія шалости стали смѣняться у него великолѣпными, сверкающими, очаровательными стихами, когда уже появились «Третья стража», «Риму и міру», и «Вѣнокъ»,—имя Брюсова все еще представлялось окутаннымъ дымомъ, двигалось къ славѣ сквозь шумъ и смѣхъ, говоръ и брань.

Рѣдко кто такъ долго и такъ тяжело, какъ Брюсовъ, проходилъ полосу искуса и мытарствъ, приводящихъ къ извѣстности.

И вотъ эта полоса совершена. Оставьте въ сторонѣ безвкусные клики Эллисовъ, которые въ своихъ услугахъ опаснѣе врага и которые въ дикомъ азартѣ за разъ готовы называть Брюсова и Демономъ мысли, и Геніемъ страсти, и Ангеломъ печали. Обратитесь къ людямъ настоящаго критическаго вкуса, и вы встрѣтите и здѣсь уже безоблачное признаніе большого поэтическаго таланта Брюсова.

«Если бы у насъ существовалъ титулъ короля поэтовъ, то такимъ, несомнѣнно, былъ бы избранъ Валерій Брюсовъ. И по праву. Это настоящій поэтъ. Его имя сохранится въ русской литературѣ наравнѣ съ именами Баратынскаго и Тютчева» (Д. Философовъ).

II.

Такова формула отношенія къ Брюсову большинства современныхъ критиковъ. Ни старымъ поэтамъ, ни Фофанову, ни Бунину, ни Бальмонту не посвящается столько фельетоновъ. Ни одному поэту не удается вызывать столько хвалебныхъ брошюръ и враждебныхъ памфлетовъ, пытающихся совершенно развѣнчать его (Айхенвальдъ). Издаются цѣлыя книги, въ сотни страницъ, имѣющія цѣлью выслѣдить его языкъ и доказать его недостатки (А. Шемшуринъ, «Стихи Брюсова и русскій языкъ»).

Въ лагерѣ старовѣровъ, желающихъ умереть, не сдѣлавъ ни одного шага въ сторону новыхъ теченій въ искусствѣ, имя Брюсова все еще стоитъ подъ херемомъ Владимира Соловьева, нѣкогда осудившаго первую книжку Брюсова. Эту «клятву» не такъ-то легко сбросить. Напротивъ, для сторонниковъ новой поэзіи, хотя бы и

осуждающихъ всякій вывертъ, всякое фокусничество въ стихотворствѣ,—Брюсовъ успѣлъ стать иконой.

Обстоятельства создали ему и красивое независимое положеніе въ литературѣ. До послѣдняго года онъ стоялъ во главѣ капризнаго, но интереснаго литературнаго журнала. Моментъ краха «Вѣсовъ» онъ встрѣтилъ, твердо стоя въ редакціи другого, серьезнаго толстаго журнала. Недавній кружокъ, объединившійся около него, распался еще за годъ до момента прекращенія его журнала. Въ какомъ-то привлекательномъ одиночествѣ стоитъ онъ посейчасъ, совершенно очевидно сторонясь отъ базара литературной суеты, отъ газетной работы, отъ посѣщеній интервьюеровъ, отъ литературныхъ анкетъ, какъ истинный аристократъ среди все болѣе и болѣе растущаго царства пошлости и мѣщанства.

III.

Уже давно наша поэзія порвала съ русской народностью, и Брюсовъ — типичный поэтъ интеллигенціи. Разумѣется, у него можно найти десятки стихотвореній, которыя могли бы быть доступны и народу, и ребенку, могли бы даже «пойти въ народъ», но въ огромномъ большинствѣ имъ написаннаго онъ—выразитель современной утонченной интеллигентской души.

Когда изъ біографіи его узнаешь, что онъ сынъ московской купеческой семьи,—почти удивляешься. Откуда эти настроенія Верхарновъ, Бодлеровъ, Верлэновъ, въ этой душѣ, развивавшейся рядомъ съ Кремлемъ, Замоскворѣчьемъ и Цвѣтнымъ бульваромъ? Появись сейчасъ Брюсовъ въ Парижѣ, пиши онъ на французскомъ языкѣ,—это было бы менѣе удивительно.

Брюсовъ—поэтъ думы, а не чувства. Вотъ полная аналогія Баратынскому и полный контрастъ Фету, Фофанову. Чистая лирика, наивное чувство природы почти

вовъ отсутствуютъ у Брюсова. «Какъ мало чувства, какъ много мозга! —думаешь, переходя отъ одной его книги къ другой и третьей.

Какъ полно онъ умѣлъ ухватить жизнь въ своихъ путешествіяхъ, въ книгахъ, въ размышленіяхъ! Это настоящій профессоръ рядомъ, напримѣръ, съ Фофановымъ. И Парижъ, и Венецію, и Римъ, и Египетъ, и Сѣверъ—все это онъ видѣлъ и запечатлѣлъ въ своихъ стихахъ. И какъ запечатлѣлъ, — съ великолѣпнымъ постиженіемъ духа исторіи, характера народа, какъ можетъ только человѣкъ, который, прежде чѣмъ пріѣхать въ страну, прочиталъ о ней десятки книгъ.

Начитанность — большое достоинство профессора. Я не знаю, очень ли это большое достоинство въ поэтѣ. Но Брюсовъ въ этомъ смыслѣ совершенно не имѣетъ равнаго среди современниковъ. Кругъ его интересовъ такъ широкъ, что хочется вспомнить слова Дмитрія Карамазова: «Широкъ человѣкъ, — слишкомъ широкъ, — я бы сузилъ».

На совсѣмъ небольшомъ пространствѣ времени Брюсова могутъ заинтересовать и ассирійскій царь Ассаргадонъ, и египетскій Рамзесъ, и Александръ Великій, и Данте, и Боккачіо, и Донъ-Жуанъ, и Баязетъ, и Марія Стюартъ, и Наполеонъ, и рязанскій князь Иванъ Ивановичъ, и старый викингъ далекаго сѣвера, и халдейскій пастухъ знойнаго востока.

IV.

Почти невѣроятно, чтобы всѣ эти психологіи, подчасъ почти полярно-противоположныя, могли естественно придти въ одну голову! Почти хочется предполагать, что въ противовѣсъ началу путра онъ искусственно искалъ вдохновенія, намѣренно перелистывалъ исторію, пересматривалъ старыя гравюры, какую-нибудь портрет-

ную галлерею, останавливался въ музеяхъ передъ статуями и муміями, прикидывая, что и какъ можно «воспѣть».

То аполлоніанское начало, которое теперь такъ модно противопоставлять діонисіанскому, вакхическому, т.-е. начало сознательности, разсудочности въ творчествѣ, въ противовѣсъ началу нутра, вдохновенія, внезапнаго, помимовольнаго взлета и озаренія,—имѣетъ въ Брюсовѣ типичнѣйшаго своего представителя.

И чѣмъ дальше идутъ года, тѣмъ Брюсовъ все болѣе отходитъ отъ наивности, непосредственности писательства, уходя въ искусство чеканки, высѣканія изъ мрамора, рѣзьбы по мѣди и стали. Я не хочу понизить ни на одну іоту цѣнности и красоты его поэзіи, но объ ней можно сказать, что это есть истинная «литература литератора».

Какъ голодный волкъ смотритъ на все, что видитъ, съ одной точки зрѣнія: можно ли это съѣсть, такъ Брюсовъ уже совершенно отравленъ мыслью — «можно ли это воспѣть», на что бы онъ ни смотрѣлъ, — на море, небо, лѣсъ, цвѣтокъ, женщину, солдата, памятникъ архитектуры!

Во вступительной пьескѣ къ своей послѣдней книгѣ «Всѣ напѣвы», съ искренностью, достойною въ этомъ случаѣ особеннаго почтенія, Брюсовъ раскрылъ это свойство своей души:

Всего будь холодный свидѣтель,
На все устремляя свой взоръ.
Да будетъ твоя добродѣтель —
Готовность войти на костеръ.
Быть-можетъ, все въ жизни лишь средство
Для ярко пѣвучихъ стиховъ,
И ты съ безпечальнаго дѣтства
Ищи сочетанія словъ.
Въ минуты любовныхъ объятій
Къ безстрастью себя приневоль,

И въ часъ безпощадныхъ распятій
Прославь изступленную боль.
Въ снахъ утра и въ бездне вечерней
Лови, что шепнетъ тебѣ рокъ,
И помни: отъ вѣка изъ терній
Поэта завѣтный вѣнокъ.

Это настроеніе холоднаго, мудраго, вѣщаго созерцанія не есть удѣлъ ни человѣка въ молодости, ни народа въ младенческіе и юные періоды.

V.

Самъ Брюсовъ для своего труда и для своей извѣстности еще слишкомъ молодъ, ему сейчасъ всего 37 лѣтъ. Но какъ онъ старъ съ этимъ настроеніемъ, съ своимъ холоднымъ взглядомъ на жизнь, съ своимъ «сердцемъ-склепомъ», какъ онъ его назвалъ въ одномъ мѣстѣ!

Талантливыхъ людей жизнь иногда дѣлаетъ какъ бы физическими фокусами, которые собираютъ въ себѣ всѣ лучи эпохи. Такъ Чеховъ вобралъ въ себя хмурость сумеречнаго человѣка. Такъ несравнимо меньшій Надсонъ выразилъ мечту объ ожидаемомъ пророкѣ. Такъ въ Брюсовѣ отразилось раннее утомленіе его поколѣнія, раннее пресыщеніе всѣмъ, чѣмъ можетъ манить земля, ранній переходъ къ тому состоянію, когда человѣкъ ничего не хочетъ, ничего не ждетъ.

Какъ царство бѣлаго снѣга,
Моя душа холодна.
Какая странная нѣга
Въ мірѣ холоднаго сна.
Какъ царство бѣлаго снѣга,
Моя душа холодна.
Проходятъ бѣлыя тѣни,
Подобно чарамъ волхва.
Звучатъ и клятвы, и пени,
Любви и побѣды слова.

Проходятъ блѣдныя тѣни,
Подобно чарамъ волхва.
А я всегда, неизмѣнно,
Молюсь неземной красотѣ.
Я чуждъ тревогамъ вселенной,
Отдавшись холодной мечтѣ.
Отдавшись холодной мечтѣ,
Я молюсь неземной красотѣ.

И съ холодной душой ко всему совершающемуся кругомъ Брюсовъ уходитъ въ былую красоту Египта и Ассиріи, Греціи и въ особенности Рима. Онъ любитъ все это прошлое, окаменившееся, окристаллизовавшееся гораздо больше живой природы, которую видитъ сейчасъ.

Можетъ-быть, непроизвольно, можетъ-быть, намѣренно онъ назвалъ всѣ свои книги стиховъ латинскими или греческими названіями: Me eum esse, Tertia vigilia, Urbi et urbi, Stephanos. Онъ такъ часто говоритъ о перевоплощеніи душъ, что, пожалуй, можно подумать, будто онъ въ самомъ дѣлѣ въ это вѣритъ. И если въ этомъ вѣрованіи есть доля истины, то можно дать голову на отсѣченіе, что онъ когда-то былъ римляниномъ и ходилъ по форуму—съ типичной волей римлянина, съ такимъ же, какъ сейчасъ, стальнымъ взглядомъ, съ такимъ же мускулистымъ, упругимъ тѣломъ, съ такимъ же изумительнымъ искусствомъ владѣть своими нервами.

VI.

При всемъ сходствѣ книгъ Брюсова съ книгами Верхарна, Верлэна—Брюсовъ не переводъ и не подражаніе. И его любовь къ книгѣ, и его жадность видѣть міръ со всей его исторіей, и его мистика, и его уклонъ въ оккультизмъ, — вещественнымъ доказательствомъ котораго является его романъ «Огненный ангелъ», — и его разсудочность, и его «холодные сны» — все это живое наслѣдство, завѣщанное той части нашего поколѣнія,

которой суждено быть высшею представительницею интеллигентности.

И какъ это поколѣніе, такъ и Брюсовъ не прямо уперлись въ холодную стѣну этой ранней разочарованности и усталости. И это поколѣніе, и Брюсовъ прошли черезъ вершины земныхъ радостей и печалей.

Они вкусили въ максимальной степени всего, что можетъ дать жизнь и уму, и чувству, и тѣлу. Раннее утомленіе явилось именно итогомъ касанія самыхъ послѣднихъ граней и науки, и искусства, и паѳоса мистики, и экстазовъ любви и сладострастія.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я оговариваюсь, что ни на минуту не заглядываю въ личную біографію поэта. Я ничего не знаю изъ нея. И это не нужно. Критикѣ есть дѣло только до его книгъ.

Что такое сладострастіе Баратынскихъ, Козловыхъ, Языковыхъ, Рылѣевыхъ передъ тѣми стонами чувственности, какія прорѣзаютъ книги Брюсова!

Захватъ этихъ поэтовъ ближайшей къ Пушкину плеяды — это паѳосъ первой любви здоровыхъ юношей въ сравненіи съ истиннымъ вакхизмомъ любви у Брюсова! Цензоръ 30-хъ годовъ упалъ бы въ обморокъ отъ тѣхъ стихотвореній, которыя теперь спокойно читаемъ у Брюсова мы, воспитавшіеся въ иныхъ понятіяхъ. Вспомните «Тѣни», «Въ Дамаскъ», «In hac lacrimarum valle», «Сладострастіе», «Таинства ночей», «Въ ночномъ безлюдьи» и др.

Проблема пола, нашедшая въ прозѣ такого мучительно глубокаго философа и художника, какъ Розановъ, нашла своего поэта въ Брюсовѣ. И тотъ же отсвѣтъ мистики, который озаряетъ все у Розанова, падаетъ на рифмы Брюсова.

Во всей современной литературѣ нигдѣ съ такою силою и дерзостью не выражена идея соприкосновенія полового съ религіознымъ, священнымъ, небеснымъ, какъ

въ стихотвореніи Брюсова «Въ Дамаскъ». Можетъ быть или возмутительно-кощунственна, или трогательно благоговѣйна трактовка этой темы, гдѣ два любящихъ представляются какъ бы священнослужителями, міръ—храмомъ, ночь—алтаремъ и звѣзды—лампадами.

Губы мои приближаются
  Къ твоимъ губамъ,
Таинства снова свершаются,
  И міръ—какъ храмъ.
Мы, какъ священнослужители,
  Творимъ обрядъ.
Строго въ великой обители
  Слова звучатъ.
Ангелы, ницъ преклоненные,
  Поютъ тропарь.
Звѣзды—лампады зажженныя,
  И ночь—алтарь.
Что насъ влечетъ съ неизбѣжностью,
  Какъ сталь магнитъ?
Дышимъ мы страстью и нѣжностью,
  Но взоръ закрытъ.
Водоворотомъ мы схвачены
  Послѣднихъ ласкъ.
Вотъ онъ, отъ вѣка назначенный,
  Нашъ путь въ Дамаскъ!

— Этотъ весьма легкій и общедоступный путь въ Дамаскъ,—сыронизировалъ по этому случаю Венгеровъ,—можетъ возбудить улыбку.

VII.

И вотъ гдѣ разница между Брюсовымъ и Бальмонтомъ! Тамъ, гдѣ Бальмонтъ весь земной, плотской, тамъ, гдѣ онъ захлебывается въ безумствѣ сладострастной молодой радости,—лицо Брюсова глубоко серьезно, благоговѣйно-умиленно и строго. Бальмонтъ кажется юношей, срывающимъ первые цвѣты любовнаго восторга,

Брюсовъ — зрѣлымъ мужемъ, пережившимъ безумства чувственности и мудро вдумывающимся въ глубокія духовныя тайны, до которыхъ человѣкъ восходитъ черезъ чувственность.

Нужно хорошо узнать Брюсова, чтобы въ этой сторонѣ его психики вѣрно понять его.

Было время, когда пишущій эти строки раздѣлялъ общій взглядъ на это стихотвореніе, какъ почти на преступленіе слова. Такой внимательный и чуткій, но весь позитивный, весь чуждый всякой мистикѣ критикъ, какъ Венгеровъ, нашелъ въ себѣ только улыбку, когда подошелъ въ своей критической статьѣ къ «Пути въ Дамаскъ».

Сотрясающій захватъ пола, экстазы любви имѣютъ въ Брюсовѣ почти предѣльное по силѣ воплощеніе въ русской литературѣ не только нынѣшняго дня, но и всей вообще. И вотъ, однако, поэтъ, съ книгами котораго нечего было бы дѣлать порнографамъ и эротоманамъ!

Даже тогда, когда для Брюсова теменъ или остается въ сторонѣ вопросъ объ одухотвореніи любви, гдѣ предъ нимъ налицо только «власть тѣлъ», иногда простая продажа, проституированіе тѣлъ,—и тамъ въ немъ удивительно его благоговѣйное, священное чувство передъ этою оплеванною и попранною человѣкомъ тайною міра, и онъ силится поставить священное на святое мѣсто. Вотъ человѣкъ, который подписался бы обѣими руками подъ тою мыслью Розанова, когда-то встрѣченною сплошнымъ хохотомъ туной толпы, что умѣстна была бы извѣстнаго рода молитва для супруговъ съ спеціальнымъ назначеніемъ.

VIII.

И для Брюсова одинаково доступны и одинаково облекаются поэтической дымкой всѣ вопросы, связанные съ поломъ. Щекотливѣйшее положеніе беременности жен-

щины, отъ котораго съ ужасомъ бѣжали всѣ поэты, съ тѣхъ поръ, какъ погасла чудесная традиція языческаго преклоненія предъ природой, — вдохновляетъ Брюсова на истинно восхитительное стихотвореніе, которое не обезславило бы даже корифея поэзіи.

«Habet illa in alvo».

Ея движенья непроворны,
Она ступаетъ тяжело,
Неся сосудъ нерукотворный,
Въ который небо снизошло.
Святому таинству причастна
И той причастностью горда,
Она по-новому прекрасна,
Внѣ вожделѣній, внѣ стыда.
Въ ночь наслажденья, въ мигъ объятья,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатья,
О чемъ не вѣдала она.
Въ изнеможеньи и въ истомѣ
Она спала безъ грезъ, безъ силъ,
Но, какъ въ эоирномъ водоемѣ,
Въ ней цѣлый міръ уже почилъ.
Ты зналъ ее межъ содроганій,
И думалъ, что она твоя,
И вотъ она съ безвѣстной грани
Приноситъ тайну бытія...

Чудесный стихъ звенитъ звономъ мѣди. Таинственная истина природы дается здѣсь въ прямыхъ, безъ околичностей, словахъ, но они звенятъ прекрасно и свято, какъ въ церковной пѣснѣ, которая тоже не знаетъ обходныхъ словъ и называетъ вещи своими именами и торжественно и свято говоритъ о разверзающихся ложеснахъ, но не вызываетъ улыбки или укоризненныхъ мыслей, а трогаетъ и умиляетъ.

Свершилось. Сонъ недавній явенъ,
Мигъ вожделѣнья воплощенъ,
Съ тобой твой сынъ предъ Богомъ равенъ,
Какъ ты сама, безсмертенъ онъ.

Что было свято, что преступно,
Что соблазняло мысль твою,—
Ему открыто и доступно,
И онъ, какъ первенецъ въ раю.
Что пережито,—не вернется.
Беремъ мы миги, ихъ губя,
Ему же солнце улыбнется
Лучомъ, погасшимъ для тебя.
И снова будутъ чисты розы,
И первой первая любовь,
Людьми извѣданныя грезы
Невѣдомыми станутъ вновь.
И кто-то, сладкій ядъ объятья
Вздохнувъ съ дыханьемъ темноты,
Быть-можетъ, такъ же въ часъ зачатья
Въ его рукахъ уснетъ, какъ ты...

О великой тайнѣ природы и человѣка Брюсовъ говоритъ здѣсь языкомъ, достойнымъ великой тайны. Онъ нашелъ для этого могучія и благоговѣйныя слова въ томъ языкѣ, на которомъ обслуживается и наша будничная прозаическая жизнь, которымъ мы осуждаемъ уличную проститутку и пишемъ газетную хронику. Мистическій круговоротъ, поддерживающій жизнь на землѣ, какъ неугасимый огонь въ Божьемъ храмѣ, зачерченъ съ глубиною и силою, ставящею талантливость на грань съ геніальностью. Сейчасъ только одинъ поэтъ въ Россіи могъ написать эти строки, и этотъ поэтъ — Брюсовъ. Если бы такимъ языкомъ мы могли посвящать дѣтей въ тайну пола,—вѣроятно, ни одинъ отецъ не могъ бы на это посѣтовать.

IX.

Такъ понимая эту тайну, Брюсовъ естественно даетъ апоѳеозъ любви. При раскопкахъ Помпеи, въ массѣ лавы нѣкогда были найдены два тѣла—мужчины и женщины, сплетшихся въ объятіяхъ. Тамъ, гдѣ другой прошелъ бы равнодушно, Брюсовъ вдохновляется на прекрасное стихо-

Голосъ мертваго.

... Что здѣсь? гробъ, да прахъ, да тлѣніе!
А кругомъ, сквозь смерть, я чую
Все веселье весеннее,
Долго бабочекъ пугливую,
Радость луга, распростертаго
Подъ лучами солнца ясного...
Помни, помни голосъ мертваго:
Лишь одно любви — прекрасное!

Валерій Брюсовъ

твореніе Помпеянка, гдѣ онъ возстановляетъ слова женщины, говорящей возлюбленному о своей вѣчной вѣрности, и восторгается символическою красотой помпейской находки.

Вѣка прошли, и, какъ изъ алчной пасти,
Мы вырвали былое изъ земли
И двое тѣлъ, какъ знакъ безсмертной страсти,
Нетлѣнными въ объятіяхъ нашли.
Поставьте выше памятникъ священный, —
Живое изваянье вѣчныхъ тѣлъ,
Чтобъ память не угасла во вселенной
О страсти, перешедшей за предѣлъ!

Любовь и страсть для Брюсова — не простая услада для людей, не похоть, не развлеченіе. Всюду мистическій свѣтъ озаряетъ въ его глазахъ тайну пола. Въ цѣломъ десяткѣ стихотвореній онъ говоритъ о любви, какъ страданіи, о пыткѣ тѣлъ, отдающихся безъ чувства, объ ужасѣ женщины, обязанной торговать любовью.

Какъ онъ понимаетъ муки осужденной жрицы любви, для которой любовь давно превратилась въ ремесло и которой, несмотря на ея молодость, даже и во снѣ уже не могли бы присниться очарованія ласкъ!

И если Богъ пошлетъ мнѣ сонъ
О недоступномъ и о счастьѣ,
Мнѣ про любовь не скажетъ онъ,
Мнѣ не приснится сладострастье.
Но буду вновь ребенкомъ я,
Подъ бѣлымъ пологомъ кроватки,
И сядетъ рядомъ мать моя,
Озарена огнемъ лампадки...

Какъ отрокъ библіи, воспѣтый Пушкинымъ, Брюсовъ нѣкогда сошелъ съ пути вѣчной красоты, намѣченнаго Пушкинымъ. Когда онъ вернулся подъ вѣчные кровы ея, онъ сталъ настоящимъ и большимъ поэтомъ, не видѣть размѣры котораго можетъ только невѣжество, и

отрицать красоту котораго можетъ только завѣдомая недобросовѣстность.

Онъ не поэтъ русскаго народа въ широкомъ смыслѣ. Но такими не были ни Тютчевъ, ни Баратынскій, ни Случевскій. Онъ не выразитель даже всѣхъ настроеній интеллигенціи. Онъ — прекрасный поэтъ интеллигентнаго меньшинства, воплотившій и его мистику, и его культъ чувственности, и его разсудочность, и его умственный интересъ, и его утомленіе.

Другимъ останутся плѣненный смертью Сологубъ, влюбленный въ цвѣты Бальмонтъ, задумчиво тоскующій Бунинъ, задушевный Фофановъ, дремотный Блокъ, а всѣ шестеро вмѣстѣ они—лучшее доказательство волшебной жизненности безсмертнаго Пушкина.

Въ старомъ домѣ, на Цвѣтномъ бульварѣ.

I.

Бѣлый каменный домъ на Цвѣтномъ бульварѣ, глубоко уходящій корпусомъ во дворъ.

Передъ фасадомъ широкій, стройный бульваръ, который, вѣроятно, красивъ весною и лѣтомъ. Мелкіе, сѣренькіе, кривые переулки кругомъ и около. Типичный видъ московской окраины, ничѣмъ не отличной отъ провинціи.

Домъ старинной стройки. Широкая чугунная лѣстница, по которой рядомъ пройдутъ пятеро человѣкъ и которая строена, очевидно, въ то доброе, старое время, когда архитекторъ не жалѣлъ мѣста и не выгадывалъ экономно каждую четверть аршина. На лѣстницѣ темно, звенятъ шаги по чугуну. Впору не Москвѣ, а хотя бы Нюрнбергу. Если здѣсь ребенкомъ хаживалъ Брюсовъ,— онъ могъ ловить здѣсь особое настроеніе стараго германскаго, итальянскаго замка.

Въ той части дома, которая занята Брюсовымъ, свѣтлѣе, веселѣе. Солнце бьетъ во входную дверь. По лѣстницѣ долго топаютъ ноги горничной, прежде чѣмъ откроется дверь. Немножко вѣетъ русской дворянской старинкой.

Это совмѣщеніе новизны и модернизма съ самой очевидной стариной, типичная вообще черта для Москвы, сумѣвшей совмѣстить Кремль съ декадентствомъ, «Московскія Вѣдомости» съ «Вѣсами», «Золотое Руно» съ Васнецовымъ, — въ частности типично для Брюсова и для всего рода Брюсовыхъ.

Онъ никогда не рекламировалъ своей біографіи. Ея почти не знаютъ. Не знаютъ и того, что занятіе поэзіей почти наслѣдственно въ брюсовскомъ родѣ.

Въ этой купеческой, интеллигентской семьѣ издавна чтили музъ. Дѣдъ Брюсова писалъ стихи, повѣсти и драмы. Отецъ тоже писалъ стихи и печаталъ ихъ въ мелкихъ изданіяхъ. Верхарны, Верлэны, Бодлэры, Ришпены и Рене-Гили, которые стоятъ здѣсь на полкахъ книжныхъ шкаповъ,—давно родственны стѣнамъ этого стараго московскаго дома.

II.

«... Среди толпы поразило меня лицо молодого человѣка, мнѣ неизвѣстнаго... Онъ стоялъ, скрестивъ руки и поднявъ лицо... Былъ застегнутъ узко и плотно въ сюртукъ... Волосы и борода были черны. Лицо очень блѣдно, съ неправильными, убѣгающими кривизнами и окружностями овала. Лобъ скругленъ по-кошачьи. Больше всего останавливали вниманіе глаза, точно нарисованные черной краской на этомъ гладкомъ лицѣ и обведенные ровной, непрерывной каймой, какъ у деревянной куклы. Казалось, что рѣсницы обожжены ихъ огнемъ. Изъ низко стоячаго воротника, съ трафаретнымъ, точно напечатаннымъ чернымъ галстукомъ, шея торчала деревянно и прямо. Когда онъ улыбался, то большіе зубы оскаливались яростно, и лицо становилось звѣринымъ...»

Такъ критикъ декадентскаго толка Максимиліанъ Волошинъ нѣсколько лѣтъ назадъ описывалъ внѣшность Брюсова.

Совсѣмъ недавно Андрей Бѣлый не менѣе напыщенно, приподнято и курьезно живописалъ Брюсова *).

---

*) „Лугъ Зеленый", стр. 195 и далѣе.

— Вы вошли въ редакцію «Вѣсовъ», и вотъ первое, что тамъ бросилось въ глаза,—въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ высокій, стройный брюнетъ, словно упругій лукъ, изогнутый стрѣлой (?), или Мефистофель, переодѣтый въ наши одежды (?), склонился надъ телефонной трубкой. Здоровое, насмѣшливое холодное лицо, съ черной заостренной бородкой,—лицо, могущее быть блѣднымъ, какъ смерть (!),—то подвижное, то изваянное изъ металла (?). Холодное лицо, таящее порывы мятежа и нѣжности. Красныя губы стиснутыя, точно углемъ подведенныя рѣсницы и брови. Благородный высокій лобъ, то ясный, то покрытый легкими морщинками, отчего лицо начинаетъ казаться не то угрюмымъ, не то капризнымъ... Вы не знаете, что сказать: вдругъ кажетесь себѣ самому глупымъ,—глупѣе, чѣмъ до сихъ поръ себя считали (!?).

— Вамъ вдругъ начинаетъ казаться, что это колдовство, что Валерій Брюсовъ нарочно такой передъ вами, чтобы скрыться. Можетъ-быть, передъ вашимъ приходомъ онъ чертилъ здѣсь магическіе круги. А сейчасъ,—прямо такой, какой стоитъ съ телефонной трубкой и въ застегнутомъ сюртукѣ,—провалится сквозь полъ или улетитъ въ трубу на шабашъ вмѣстѣ съ героями своего «Огненнаго ангела». И комната ужъ не комната (!). И не дѣловой господинъ, склоненный надъ телефономъ, а врубелевскій Демонъ, склоненный надъ міромъ (!). Гдѣ вы? Не лучше ли вамъ уйти пока не поздно? (!)

— Церемонно пружиннымъ (?) движеніемъ (онъ) показалъ вамъ стулъ. Самъ не сѣлъ. Руками держась за спинку стула, приготовился васъ слушать. Вы еще ничего не сказали. Почему-то вамъ кажется, что изъ васъ насильно вынули мысли (!!), и вы забываете самое нужное, о чемъ нужно поговорить. «Я могу удѣлить вамъ пять минутъ».—«Трр»—телефонъ. Прыжокъ (!) къ телефону: «Книгоиздательство Скорпіонъ».—Телефон-

ная трубка опять упала. Вернулся. Молчитъ. Взоръ опущенъ, но вамъ кажется, что на васъ смотрятъ (!) сквозь опущенныя вѣки. Строгая властность вниманія гипнотизируетъ васъ (!). Вы непроизвольно уже боретесь съ гипнозомъ (!!). Слагаете оружіе, и тутъ онъ начинаетъ съ вами говорить такъ вѣжливо. Грустная дѣтская улыбка мерцаетъ на совершенно серьезномъ, строгомъ лицѣ. Лицо то прекрасно, то некрасиво (?). То строенъ, то неуклюжъ. То угловатость движеній, то гибкость ихъ необычайная. То непріязненное чувство шевелится у васъ къ этому необыкновенному человѣку, къ этому уже не человѣку, разложившему себя на безуміе и застегнутый сюртукъ, такъ что уже нѣтъ въ немъ человѣка, а только безуміе въ сюртукѣ. То, наоборотъ, вы хотите преклониться передъ нимъ...»

Деревянная кукла, деревянная шея, убѣгающія кривизны лица и окружности овала, «безуміе въ сюртукѣ», внезапное ощущеніе своей глупости,—все это, конечно, не при чемъ, когда рѣчь идетъ о Брюсовѣ. Все это—знакомая «спираль», и то привскакиванье на цыпочки, безъ котораго декаденту не обойтись.

Но въ первомъ описаніи не все плохо. Эти «рѣсницы, обожженныя огнемъ глазъ»,—это почти прекрасно. Скругленный по-кошачьи лобъ—не совсѣмъ-то, но тоже близко къ правдѣ.

Въ остромъ, внимательномъ взглядѣ Брюсова, въ его сдержанномъ спокойствіи, подъ которымъ чуется огненность темперамента, въ крѣпко стиснутыхъ челюстяхъ, — отъ чего образовалась даже ранняя рѣзкая складка у носа, — во всемъ складѣ этого лица, въ густомъ, рѣзкочерномъ цвѣтѣ волосъ бороды, — есть что-то, напоминающее звѣря-хищника, насторожившуюся рысь, что-то дѣйствительно сильное, желѣзное, непреклонное.

Съ этимъ выраженіемъ удивительно гармонируетъ довольно любимая имъ поза человѣка, скрестившаго руки на груди. Физіономистъ безошибочно угадалъ бы здѣсь острый умъ и огромную волю.

Чтобы выдержать себя такъ, какъ выдержалъ себя Брюсовъ за тотъ 15-лѣтній срокъ, какой онъ извѣстенъ въ литературѣ, гдѣ къ первому періоду его карьеры эпиграфомъ служитъ пресловутое одностишіе, а въ послѣднемъ онъ возведенъ на высоту самаго сильнаго молодого поэта,—дѣйствительно былъ нуженъ не маленькій характеръ.

III.

Брюсовъ не снимался въ интересныхъ блузахъ. Вообще рѣдко снимался. Отсутствіе всего показного, искусственнаго, разсчитаннаго отличаетъ и его домашній укладъ.

Здѣсь царитъ стиль строгой простоты. Можетъ-быть, единственная роскошь—это библіотека въ его кабинетѣ, но опять совсѣмъ не похожая на библіотеки типично московскихъ любителей, которые блеснутъ передъ вами всѣми сортами затѣйливыхъ переплетовъ послѣдней выдумки.

Слѣдъ дѣйствительно работающаго человѣка лежитъ на этой библіотекѣ. Иной языковѣдъ могъ бы позавидовать Брюсову въ знаніи языковъ. Въ этой библіотекѣ и французскія, и нѣмецкія, и англійскія, и итальянскія, и испанскія, и чешскія, и латинскія, и греческія книги.

Эти полки—какъ бы отраженіе разныхъ полосъ увлеченій хозяина. Вотъ цѣлый шкапъ французскихъ поэтовъ отъ Вольтера до Верхарна. Вотъ англичане и—полоса влеченій къ Шекспиру, Байрону, Шелли, Уайльду.

Вотъ полки, посвященныя оккультнымъ наукамъ. Онѣ могли бы привести въ восторгъ любителя. Здѣсь

и Агриппа изъ Неттесгейма, и пожелтѣлыя пергаментныя книжки, похожія на молитвенники. «Черезъ все надо пройти», и Брюсовъ, отдавшій дань этой области, не потерялъ къ ней интереса и посейчасъ. Отсвѣтъ занятій его въ этой сферѣ опредѣленно лежитъ на его романѣ «Огненный ангелъ», гдѣ знатокъ оккультизма найдетъ исключительное знаніе исторіи, догмата и обряда магіи.

Съ годъ назадъ этотъ романъ Брюсова, представляющій стилизованную поддѣлку подъ рукопись XVI вѣка, вызвалъ неожиданный комплиментъ по адресу автора. Нѣмецкій критикъ «Berliner Lokal-Anzeiger» усомнился въ томъ, что романъ написалъ дѣйствительно русскій.

— Я не вѣрю,—написалъ онъ,—въ русское происхожденіе романа, ибо такое знаніе этой части нашей исторіи едва ли доступно для иностранца*).

IV.

Особыя полки заняты римской литературой въ подлинникахъ.

— Это мое постоянное и даже теперешнее увлеченіе,—говоритъ Брюсовъ.—Римскіе классики меня увлекаютъ. И я плѣненъ не авторами золотого вѣка, не многословнымъ Овидіемъ и не Виргиліемъ, который, конечно, великолѣпенъ, а позднѣйшими писателями IV вѣка. По-моему, они не только не уступаютъ тѣмъ, но восходятъ даже на ступень большаго совершенства. Христіанскіе писатели этого времени не даютъ и тѣни представленія о красотѣ и силѣ ихъ латыни. До какого совершенства они довели свой стиль!..

---

*) Предварительно тоже замѣчаніе у критика «Baseler Nachrichten», 1910, 28 декабря.

Брюсова всегда занималъ и сейчасъ особенно занимаетъ вопросъ о новыхъ формахъ стиха. Поэты этого періода даютъ превосходный матеріалъ для такихъ соображеній. Брюсовъ показываетъ мнѣ книгу одного римскаго поэта временъ Константина Великаго, который заслуживаетъ имени прямо волшебника или фокусника слова.

Онъ придумываетъ не одинъ и не два стиха, а цѣлую страницу гекзаметровъ и пентаметровъ, которые сохраняютъ смыслъ, читать ли ихъ слѣва направо, или справа налѣво.

Цѣлыя страницы онъ заполняетъ длинными стихами съ акростихами, которые и начальными, и конечными буквами говорятъ разные комплименты императору.

На страницахъ стиховъ заглавными буквами изображаются разныя фигуры, монограммы Христа, его символы и т. д.

Онъ беретъ полустишія изъ Виргилія и комбинируетъ ихъ въ гекзаметры, такъ что получается самостоятельная поэмка совсѣмъ другого содержанія, какъ если бы кто-нибудь сочеталъ изъ разныхъ полустишій, напримѣръ, Евгенія Онѣгина какое-нибудь самостоятельное стихотвореніе!..

Это прямо какой-то магъ стихотворной техники, похитившій секретъ у природы и унесшій съ собой тайну своего прихотливаго, по никому не нужнаго искусства!..

Брюсовъ перелистываетъ эту книжечку римскаго поэта, наполненную стихотворными фокусами, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ ухищренія первыхъ нашихъ декадентовъ и нынѣшнихъ версификаторовъ, фабрикующихъ стихи-урны, стихи-мечи.

— Конечно, это фокусничество,—говоритъ онъ,—но какая же должна быть техника стиха, чтобы такъ играть!

Что передъ этимъ наши секстины съ какимъ-нибудь повтореніемъ шести риѳмъ въ шести строкахъ или наши акростихи! Мнѣ хочется познакомить нашихъ любителей стихотворнаго искусства съ этимъ исключительнымъ версификаторомъ, хотѣлось бы даже сдѣлать попытку перевода одного изъ такихъ стихотвореній-причудъ, съ сохраненіемъ этихъ узоровъ и рисунковъ оригинала. Вѣдь надъ такой страничкой, которую можно читать и спереди, и сзади, и накрестъ, — надо было просидѣть не дни, а недѣли!

Когда заходитъ разговоръ о современномъ русскомъ искусствѣ, о современной поэзіи, Брюсовъ охотно говоритъ о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произошли здѣсь за какія-нибудь 15 лѣтъ, о томъ, какъ безнадежно умерли нѣкоторые пріемы старой школы, какъ невозможно стало къ нимъ какое бы то ни было возвращеніе.

— Поэзія неизбѣжно должна была войти въ другое русло. У насъ мало знаютъ французскую поэзію. Тамъ это еще яснѣе. Тамъ прошли сотни поэтовъ, и посмотрите у нихъ хотя бы описаніе весны! Нѣтъ ни одного образа, ни одного намека на образъ, который бы уже не былъ использованъ!..

Но Брюсовъ хорошо видитъ и отжитость тѣхъ формъ, съ какими когда-то выступили декаденты.

— Все это было когда-то мило и, можетъ-быть, даже нужно. Теперь къ этому такъ же невозможно вернуться, какъ взрослому къ дѣтскимъ игрушкамъ. Какой-нибудь эпитетъ, въ родѣ «поцѣлуйный», былъ тогда новъ и умѣстенъ, потому что сказанъ чуть не въ первый разъ, но, если я его увижу въ стихотвореніи, появившемся въ свѣтъ вчера, мнѣ будетъ, право, какъ-то неловко за автора. Все это прошло. Нельзя уже стоять у прежней черты,—иначе покажешься смѣшнымъ. Во мнѣ, во всякомъ другомъ то, прежнее, явилось извѣстной стадіей развитія, и теперь не нужно ни мнѣ, ни кому-либо. Еще

годъ назадъ я ушелъ изъ «Вѣсовъ» именно потому, что почувствовалъ, какимъ уже пережиточнымъ, отсталымъ явленіемъ стала теперь ихъ проповѣдь.

Многія изъ раннихъ стихотвореній Брюсовъ давно пересталъ вводить въ зрѣлые сборники своихъ стиховъ. Это, впрочемъ, не значитъ, что онъ рѣшительно хочетъ ихъ забвенія.

— Это не нужно, и это было бы несправедливо — вычеркивать слабое и юношеское. Когда-нибудь я соберу и это и издамъ. Если поэтъ интересенъ, то и первые шаги его любопытны.

V.

Первыя книжки стиховъ Брюсова давно стали совершенно библіографическою рѣдкостью. «Русскихъ Символистовъ» уже не достать теперь ни у какого букиниста.

— Какой смыслъ могло имѣть ваше одностишіе о «блѣдныхъ ногахъ»?—спрашиваю я.— Правда ли, будто оно относилось къ снятому съ креста Христу? Въ такомъ случаѣ, въ немъ въ самомъ дѣлѣ былъ смыслъ.

— Нѣтъ. Я не разумѣлъ этого. Тогда, въ самомъ началѣ, я и Бальмонтъ ничуть не меньше, чѣмъ и сейчасъ, интересовались всякими новыми формами стиха. Мы остановились на фактѣ, что у римлянъ были законченныя стихотворенія въ одну строку. У нихъ въ самомъ дѣлѣ есть однострочныя эпиграммы или эпитафіи, вполнѣ округленныя по смыслу. Я просто хотѣлъ сдѣлать такую попытку съ русскимъ стихомъ.

Въ тишинѣ работаетъ Брюсовъ. Онъ сторонится газеты, считалъ бы пыткою срочную работу.

— Новый сборникъ стиховъ растетъ, какъ растетъ лѣсъ, — медленно, постепенно и для самого незамѣтно.

Потомъ видишь, что уже составилась новая книга. Тогда пора издавать ее. Спѣшно, на заказъ, я не могу работать. Я только удивляюсь на тѣхъ, кто можетъ срочно работать въ литературѣ,—въ особенности на газетныхъ людей. Былъ случай, меня довольно настойчиво просили давать фельетоны въ одну газету здѣсь, въ Москвѣ,— я согласился и — ничего не могъ написать. Не ищу я и газетной славы. Такъ спокойнѣе. А то былъ у меня одинъ человѣкъ и написалъ, что я родился и провелъ юность передъ дверьми публичнаго дома. Помилуйте,—я въ первый разъ узналъ это отъ него. При всей нелюбви къ письмамъ въ редакцію, я счелъ себя вынужденнымъ сказать, что ничего подобнаго не говорилъ ему.

ІЕРОНИМЪ ЯСИНСКІЙ.

Іеронимъ Ясинскій.

I.

Современныя поколѣнія уже не застали часа большого успѣха этого писателя. Какъ-то вдругъ, въ пору яркаго горѣнія этой звѣзды, на нее нашли тучи и заслонили ее. Позднѣе иногда она разгоралась моментами острымъ и безпокоящимъ свѣтомъ. Послѣ Лѣскова никто не вкушалъ такъ болѣзненно терній писательства и огорченій писательскаго одиночества. Онъ выстоялъ противъ ожесточеннѣйшихъ критическихъ походовъ. Временами противъ него составлялись какъ бы нѣмые заговоры молчанія. И какъ у Лѣскова, съ которымъ въ немъ есть вообще много общаго, — и по темпераменту чистаго художника, и по задору шествія противъ теченій, и по превосходному мастерству сюжетной выдумки, и по рѣдкому ощущенію стиля,—бурныя нападенія и злое замалчиванье шли совершенно независимо отъ паденій или вспыхиваній этого таланта, ровно горящаго на протяженіи всей жизни.

Звѣзда Ясинскаго взошла на самомъ рубежѣ восьмидесятыхъ годовъ. Первые сочные, ароматные разсказы его появились въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ которыхъ тогда оставался уже послѣдній великанъ — Салтыковъ. «Отечественныя Записки» дѣлали тогда писателя въ одинъ день, какъ впослѣдствіи это право сохранилось за Михайловскимъ. Очень слабая вещь не могла пройти тамъ, гдѣ властно хозяйничалъ редактор-

скій карандашъ великаго сатирика. Проскользнувшая въ журналѣ средняя вещь моментально и навсегда закрѣпляла за писателемъ репутацію заурядности. Брилліантъ вдругъ загорался тысячью огней, какъ если бы его поднесли подъ электрическую люстру.

Такъ вдругъ среди гражданственныхъ повѣстей съ либеральной тенденціей, среди милыхъ, но анемичныхъ разсказовъ Гаршина загорѣлись первые разсказы Ясинскаго. Отъ его «Наташки» Салтыковъ пришелъ въ восторгъ. Эта исторія дѣвушки, почти дѣвочки, которую нужда и человѣческое хамство гонятъ на Невскій проспектъ, очаровала его. Это было немножко смѣло по тому времени. Салтыковъ покрылъ ее своею рукою властною, и подъ этой эгидой она прошла въ первоклассномъ журналѣ. Старому литературному волку и на этотъ разъ не измѣнилъ его глазъ. Въ молодомъ авторѣ шелъ дѣйствительно настоящій писатель.

II.

«Старый годъ», и «Болотный цвѣтокъ», и «Всходы», и «Спящая красавица» — все, что потомъ прошло въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ», говорило о несомнѣнномъ ростѣ начинающаго писателя. Въ письмахъ Салтыкова есть нѣжныя строки объ авторѣ «Наташки». Кто-то въ эту пору обратился къ Гончарову съ просьбой оцѣнить рукопись какого-то начинающаго и дать ему урокъ. Гончаровъ отвѣтилъ письмомъ:

«— Изъ молодыхъ начинающихъ писателей можно указать на одного съ явными признаками недюжиннаго таланта и значительнаго умѣнья писать, — это на Ясинскаго и на его повѣсть, напечатанную въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Прочтеніе этой повѣсти помогло бы автору вѣрнѣе опредѣлить по соб-

ственному впечатлѣнію то, что можно признать дарованіемъ и почему».

Ясинскаго замѣтили въ редакціяхъ. На его сторонѣ было уже и читательское признаніе. Истинные корифеи обласкали его.

— Самымъ литературнымъ днемъ своей жизни,—говорилъ мнѣ онъ,—я считаю тотъ, въ который получилъ письмо отъ Салтыкова и немедленно помчался къ нему на Литейную. Я сидѣлъ у него въ кабинетѣ, онъ говорилъ мнѣ что-то поощрительное, а у меня шумѣло въ головѣ. Онъ довелъ свою любезность до того, что извинился за свою редакцію, цѣлую недѣлю державшую въ своемъ портфелѣ мою рукопись. И на будущее время онъ предоставилъ мнѣ право непосредственно обращаться къ нему. Я смотрѣлъ на этого писателя, «Губернскіе очерки» котораго я читалъ еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, и личность котораго представлялась мнѣ въ ореолѣ литературной легенды, и не находилъ словъ, чтобы разомкнуть оцѣпенѣвшія губы. Къ тому же я никогда не отличался краснорѣчіемъ. Онъ замѣтилъ мое смущеніе и сталъ еще ласковѣе. Началъ шутить, назвалъ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» консисторіей. Онъ былъ въ ватномъ азіатскомъ халатѣ, какіе были въ модѣ еще въ шестидесятыхъ годахъ. Лицо у него было измученное, на письменномъ столѣ передъ нимъ лежали большіе листы бумаги, исписанные его характерномъ почеркомъ, безъ помарокъ. Хотя я уже печатался и даже былъ немного извѣстенъ, какъ беллетристъ, но только признаніе меня Салтыковымъ окрылило мою душу.

— Вторая литературная радость моя была встрѣча съ Тургеневымъ на вечерѣ у Сибирякова. По извѣстной народіи Достоевскаго я представлялъ его себѣ небольшого роста,—и вдругъ увидѣлъ богатыря съ серебряной головой, съ лицомъ добрымъ, глубокимъ и загадочнымъ,

Пожалъ онъ мнѣ руку съ такой мягкой мощью, что казалось, ему суждено еще долго жить. Изъ всѣхъ нашихъ писателей Тургеневъ производилъ на меня всегда своими произведеніями самое магическое впечатлѣніе. Его «Отцы и дѣти» прочитаны были мною въ тринадцать лѣтъ залпомъ въ одну ночь, его «Записки охотника» и до сихъ поръ моя настольная книга.

— Въ третій разъ сильное впечатлѣніе произвелъ на меня пріемъ Гончарова, который пожелалъ меня видѣть, и къ которому я отправился въ гости на Моховую вмѣстѣ съ покойнымъ Яковомъ Утинымъ. Онъ былъ живой, говорливый, — великолѣпный, состарѣвшійся Обломовъ. Въ его кабинетѣ я увидѣлъ даже обломовскій диванъ. «Обломова» я прочиталъ тоже еще въ ранней юности, и многія сцены и картины романа живутъ въ моей душѣ и нынѣ, словно пережитые мною самимъ. Гончаровъ наговорилъ много хорошаго по поводу моихъ повѣстей въ «Отечественныхъ Запискахъ». А. И. Урусовъ, которому Утинъ разсказалъ о нашемъ визитѣ, сказалъ мнѣ вскорѣ послѣ того: «Салтыковъ произвелъ васъ изъ унтеръ-офицеровъ въ капитаны, а Гончаровъ—въ полковники».

III.

Максимъ Бѣлинскій вошелъ подъ кровъ Салтыкова беллетристомъ безъ ярлыка. Это было трудно въ тѣ дни. Начиналась пора, когда «направленіе» вело писателя на высоты, хотя еще и далеко было до той вакханаліи «направленства», редакціоннаго и критическаго, которое позднѣе перекосило всѣ линіи художественнаго творчества, понизило красоту Глѣба Успенскаго, сузило художественные горизонты Короленки, омрачило первыя десятилѣтія писательства Чехова. Самъ Салтыковъ, можетъ-быть, уже кряхтѣлъ подъ начинающимся гнетомъ

узкоколейной тенденціозности и, можетъ-быть, потому такъ нѣжно онъ оберегалъ Гаршина и такой окрыляющей лаской встрѣтилъ и Ясинскаго.

— Вы въ мою консисторію не ходите, — сказалъ онъ ему въ одно изъ новыхъ свиданій. — Имѣйте дѣло непосредственно со мной. Тамъ васъ сманятъ въ свою вѣру.

Салтыковъ зналъ, что говорилъ. Такъ на его глазахъ «сманивали» Успенскаго, изъ сочиненій котораго, по указанію Михайловскаго, «ради идейности» въ полномъ собраніи вылетали цѣлыя страницы наиболѣе художественныхъ сценъ, если они немножко «вредили идеѣ» или не шли съ нею въ ногу.

Въ 1884 году надъ «Отечественными Записками» грянула гроза. Въ мартовской книжкѣ еще прошла «Спящая красавица», — въ апрѣлѣ журналу былъ уже подписанъ смертный приговоръ. Уже старый, уже болѣющій, Салтыковъ стоналъ, какъ левъ, выгнанный изъ своей пещеры. Самъ перешедшій въ «Вѣстникъ Европы», онъ рекомендовалъ своихъ старыхъ сотрудниковъ въ «Русскую Мысль», «Новь» и подававшій тогда надежды «Наблюдатель».

Цѣлая полоса жизни Ясинскаго связана съ этимъ послѣднимъ журналомъ той поры, когда Пятковскій еще не страдалъ своею карикатурной болѣзнью юдофобства, перешедшею позднѣе въ форменный психозъ.

Здѣсь и въ «Вѣстникѣ Европы» прошли первые романы Ясинскаго, нѣжные и задушевные, грустно романтическіе, какъ «Свѣтъ погасъ» или «Горный ручей», полемически-вызывавшіе, какъ «Принархъ Плутарховъ» или «Лицемѣры». Портретное сходство героевъ нѣсколькихъ романовъ съ хорошо извѣстными фигурами литературнаго міра, явный памфлетизмъ, переливающійся иногда, какъ въ «Принархѣ» прямо въ боевую пародію,—создали около нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей долгій

полемическій гулъ. Ясинскому не простили этой дерзости, — ни тогда, ни послѣ. Черезъ долгіе годы и десятилѣтія ему приходилось считаться съ отголосками этихъ упрековъ. И злость, направлявшаяся на него, была тѣмъ яростнѣе, что и въ памфлетѣ яркая талантливость била въ глаза.

И въ ранней молодости, и позднѣе Ясинскій уцѣлѣлъ отъ консисторій, отъ которыхъ его предостерегалъ Салтыковъ.

Нѣтъ ничего выгоднѣе для писателя, какъ держаться за приходъ. Мы знаемъ въ этомъ отношеніи истинные курьезы въ литературѣ. Всегда взвинченный, прописной Мачтетъ подъ перьями Ангеловъ Богдановичей и Коми. могъ вырастать въ большую литературную величину за взмыленныя повѣсти о прекраснодушнѣйшихъ либералахъ и злочестивыхъ реакціонерахъ, надъ которыми теперь улыбаются гимназисты.

Ясинскій жилъ безъ тѣлохранителей и трубадуровъ, не вынося духоты узкихъ кружковъ, не давая взятокъ направленію. Въ первыхъ повѣстяхъ его, посвященныхъ преимущественно русскому югу, великолѣпенъ русскій еврей. Но попробуйте опредѣлить, — что это: юдофильство или юдофобство? Здѣсь и на самомъ дѣлѣ не было ни юдофильства, ни юдофобства, потому что художникъ не знаетъ ни того, ни другого. Не зналъ этого и Гоголь, когда писалъ Янкеля. Знаютъ только беллетристы прикладныхъ тенденцій и критики-политики.

Восьмидесятые годы жили указкой Скабичевскаго, Протопопова, — людей рѣзко партійныхъ. Ихъ надежда на то, что въ Ясинскомъ идетъ пѣвецъ прогрессивной молодежи — и только ея — обманула ихъ.

Такъ недоразумѣніе встрѣтило Ясинскаго въ самомъ началѣ его карьеры. И критикѣ, и, можетъ-быть, читателю во что бы то ни стало хотѣлось усвоить ему черты направленства. Во «Всходахъ», «На чистоту» и въ дру-

гихъ разсказахъ, впослѣдствіи объединенныхъ въ одной книгѣ подъ общимъ заглавіемъ «Семидесятые годы», онъ выступилъ бытописателемъ современной ему прогрессивной молодежи. Самъ отъ этой молодежи, Ясинскій, конечно, нашелъ на своей палитрѣ самыя свѣтлыя краски для ея изображенія. Всѣ его Сергѣевы, Лизы Лоскотины — милая, безкорыстная, самоотверженно настроенная молодежь изъ протестующей интеллигенціи.

Здѣсь вы слышите ихъ молодые споры о переустройствѣ родины, видите отраженія идеализма, всегда отличавшаго наше передовое движеніе. Всѣ симпатіи Ясинскаго на сторонѣ этой молодежи и, хотя по условіямъ времени фигура и агитатора, и просто политика, — если она не подвергалась вышучиванію, — могла проходить въ русскомъ романѣ лишь въ значительной отдаленности отъ передняго плана, въ намекѣ и тѣни, — вы чувствуете, какимъ теплымъ, какимъ нѣжнымъ, слегка грустнымъ чувствомъ, обвѣяны у него такія дѣятельницы «движенія», какъ Лиза.

Время идеалистическаго подъема, какъ извѣстно, скоро омрачилось и грустными разочарованіями. Кипѣніе вызываетъ на поверхность накипь, и какъ въ дни движенія 60 годовъ прицѣплялись къ прогрессу и ничтожества (ихъ мечталъ осмѣять Помяловскій и осмѣивалъ Михайловскій), такъ было и въ 70 и 80 годахъ. Въ ряды сильныхъ и искреннихъ людей, лелѣявшихъ настоящую мечту народослуженія, попадали и пустышки, только тормозившія движеніе, попадали слабые и безвольные люди, рано остывавшіе и терявшіе вѣру. Тогда же, рисуя свѣтлое движеніе, Ясинскій заклеймилъ своей ироніей типы подобныхъ «либеральныхъ балалаекъ», въ родѣ «Пети Крохобора», лицемѣровъ, въ родѣ Антіоховыхъ («Новый»), безхарактерныхъ Пьеровъ («Всходы») или грустно сдающихся Протопоповыхъ («На чистоту»).

Въ отраженіи типа русскаго интеллигента, который «пошелъ на убыль», прошла литературная работа Ясинскаго второй манеры. Цѣлая плеяда писателей восьмидесятниковъ рисовала намъ типъ новыхъ Рудиныхъ, слабовольныхъ, разочаровавшихся въ своихъ силахъ, подшибленныхъ людей, Астровыхъ, Войницкихъ («Дядя Ваня»), Ивановыхъ. Всѣ они когда-то мечтали о содержательной жизни, но устали прежде, чѣмъ вышли на работу, и сошли на нѣтъ. Цѣлую галлерею людей этого, «пожертвованнаго», какъ хорошо выразился кто-то, поколѣнія, такихъ «слабняковъ» и безвольниковъ изобразилъ Ясинскій въ своихъ романахъ.

IV.

Былъ ли въ этомъ грѣхъ Ясинскаго, что такая перемѣна окраски стала явной на его галлереѣ современниковъ? Либеральная критика того времени опредѣленно сознала это, какъ грѣхъ. Безъ сомнѣнія, онъ не подвергся бы ея нареканіямъ и потомъ прямой опалѣ, если бы остался при прежнихъ пріемахъ игры. Еще цѣлую четверть вѣка наша беллетристика извѣстнаго прихода пробавлялась панегириками либеральнаго типа.

Художническая широта помѣшала Ясинскому уйти въ Мачтеты. Совершая грѣхъ предъ катехизисомъ прогрессистовъ, Ясинскій захотѣлъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ рожденъ, — свободнымъ художникомъ. Въ свое время надѣлалъ большого шума его откровенный манифестъ, напечатанный имъ въ кіевской «Зарѣ». Онъ писалъ, что, только прочитавъ «Анну Каренину», онъ «прозрѣлъ» для широкаго художественнаго взгляда на жизнь. Вольное чистое художество заманило его, зачаровало и увлекло. Вмѣсто пѣвца прогрессивной молодежи онъ сталъ въ ряды тѣхъ свободныхъ пѣвцовъ

своего поколѣнія, къ которымъ мы причислимъ Чеховыхъ, Альбовыхъ, Потапенко, Гнѣдичей и др.

У Чеховыхъ, Альбовыхъ, Баранцевичей, Бибиковыхъ, иногда у Станюковича, у Шеллера—передъ вами банкротъ-восьмидесятникъ. Ясинскаго отличаетъ отъ всѣхъ другихъ то, что предпочтительною областью, гдѣ онъ показывалъ это банкротство «героя нашего времени», была область личнаго чувства. Въ то время, какъ тѣ показывали безсиліе «слабняка» въ политическомъ дѣлѣ, въ общественной жизни, въ земскомъ служеніи, рисовали Астровыхъ и Ивановыхъ, надѣдавшихся въ тридцать лѣтъ подъ тяжестью принятой на себя задачи,— Ясинскій говорилъ: посмотрите, какъ эти люди ничтожны даже въ вопросахъ своего личнаго счастья, какъ ихъ характера не хватаетъ даже на то, чтобы создать нѣчто сколько-нибудь сносное для семьи и жены, чтобы не измѣнить невѣстѣ наканунѣ свадьбы, и т. д.

Пьеры изъ «Всходовъ», измѣняющіе милой дѣвушкѣ ради флиртующей губернаторши; Чуфрины, обладающіе способностью только втихомолку срывать «цвѣты удовольствія» и въ рѣшительную минуту, когда женщина беззавѣтно готова на ломку всей жизни, оказывающіеся ничтожествами, безъ мужества и безъ чести («Бунтъ Ивана Ивановича», «Загадочныя отношенія»); легкомысленные Осняковы и Раковичи, вся жизнь которыхъ складывается, какъ «вѣчный праздникъ»; Засяткины, при незаурядныхъ дарованіяхъ и удачѣ непоправимо калѣчащіе свою и чужую жизнь полнѣйшею распущенностью въ сердечныхъ привязанностяхъ («Лицемѣры»); Оранскіе, мужчины-кукушки, разбрасывающіе своихъ сыновей и потомъ обреченные на тоску поздняго покаянія предъ лицомъ не желающихъ ихъ знать дѣтей («Нежеланныя дѣти») и т. д., и т. д.,—все это одного поля ягоды, печальные продукты одной поры без-

времена, потускнѣнія идеализма, измельчанія характеровъ.

Не пропустилъ Ясинскій и соотвѣтственный женскій типъ. Интересное отраженіе его вы найдете въ его «Музѣ», гдѣ глубокое и сильное чувство мужчины сталкивается съ поверхностнымъ увлеченіемъ ничтожной, трепещущей передъ нагурнымъ вопросомъ женщины-рабы.

И эти герои Ясинскаго далеко не всегда ничтожества. Очень часто они и талантливы, и умны, и незаурядны. Ни въ одномъ изъ этихъ качествъ нельзя, напримѣръ, отказать герою «Учителя», сектантски-страстному искателю нравственной истины, умѣющему «глаголомъ жечь сердца людей», но—увы!—оказывающемуся въ вопросѣ любви такимъ же маленькимъ и слабосильнымъ, какъ многіе и многіе изъ людей его эпохи.

V.

Ясинскій какъ бы спеціализировался на вопросахъ сердца, и неудивительно, что его романы представляютъ такое разнообразіе рѣшеній проблемъ любви, съ такою детальностью и тонкостью слѣдятъ иногда за нарастаніемъ или паденіемъ чувства, какъ этого мы не встрѣтимъ почти ни у кого изъ современныхъ авторовъ.

Творчество чувства, а не творчество ума отличаетъ Ясинскаго и является едва ли не первымъ козыремъ въ его игрѣ. Только тотъ можетъ зажигать, кто самъ горячъ, и въ нѣжности, мягкости и подчасъ мучительности изображаемаго имъ чувства (какъ въ «Прекрасныхъ уродахъ», въ «Свѣтъ погасъ», «Ксеніи», «Вѣрочкѣ»)—главная привлекательность Ясинскаго. Въ этомъ отношеніи творчество его представляетъ полный контрастъ творчеству, напримѣръ, Боборыкина, — хо-

— Взгляните на птиц:
они не сеют и не жнут,
а Отец ваш небесный
кормит их, сказал Иисус
о возлюбленной Второй
и прекрасной утрени.
...Они взглянут и увидят,
как в мерном воздухе
безмятежно реют стрижи
и, сложив в объятьи
крылья, умирают
в стуже и падают,
очарованные, на снег.

І. Шмелёв

лодному, разсудочному, «умственному», хотя въ смыслѣ улавленія современныхъ теченій и болѣе отзывчивому.

Подобно тому же Боборыкину, Ясинскій имѣетъ очень часто дѣло съ адюльтеромъ, но, чего вы никогда не найдете у многихъ, — онъ любитъ и умѣетъ съ удивительной нѣжностью слѣдить и только что зарождающееся, молодое, чистое чувство. Что-то идеальное одухотворяетъ такіе типы его, какъ Ксенія и Водольцевъ, и какъ сочныя бытовыя детали, почерпнутыя прямо изъ жизненной цѣлины, часто грубоватой и слишкомъ «натуралистической», заставляютъ иногда, при чтеніи Ясинскаго, вспоминать о Писемскомъ, такъ эта черта нѣжности чувства ставитъ Ясинскаго въ прямые ученики Тургенева. Такія вещи, какъ, напримѣръ, «Свѣтъ погасъ», нельзя читать безъ глубокаго «зараженія» мучительными настроеніями героя романа, Багрянова. До очевидности ясно, что здѣсь бездна лично пережитаго страданія любви.

Высшая привлекательность повѣсти Ясинскаго — въ ея поэтическомъ колоритѣ. Любви, ея бурямъ, солнечнымъ днямъ, вспышкамъ и закатамъ онъ отдалъ весь свой талантъ. Одна точка горитъ для него въ мірѣ, слѣпитъ, какъ солнце. Онъ не умѣетъ и не хочетъ писать ни о чемъ другомъ. Ни о чемъ другомъ не умѣлъ и не хотѣлъ писать Тургеневъ. Да и какіе же престолы и царства міра выше этого?

Ни въ комъ изъ нынѣшнихъ беллетристовъ авторъ «Первой любви» не имѣетъ такого близкаго по темпераменту, по лиризму, по изяществу послѣдователя.

Въ послѣднихъ сочиненіяхъ Ясинскій тотъ же, что былъ. Такъ же нѣжны его краски, такъ же восторженно онъ преклоняется предъ женщиною, предъ красотою, предъ безуміемъ любви, какъ въ старину. Только еще сгущеннѣе отсвѣтъ мистическаго на его разсказахъ.

Это чудесно въ его романѣ «Жаръ-птица», гдѣ реальныя переживанія ребенка наканунѣ паденія крѣпостныхъ узъ сплелись съ фантастическими впечатлѣніями стоящей въ небѣ кометы.

Разумѣется, далеко не все огромное содержаніе романовъ Ясинскаго исчерпывается намѣченною психологіей. Картина нравовъ, начертанная имъ, разбрасывается очень широко. Практики, лицемѣры, безпочвенники, люди «здравыхъ понятій» (аналогія героя Потапенки) нашли здѣсь свое отраженіе, обвѣянное здоровымъ юморомъ, — наслѣдственною чертою нашихъ писателей изъ южанъ, отъ Гоголя и Квитки до нашихъ дней.

Психологія людей двухъ категорій нашла въ частности особенно удачное освѣщеніе у Ясинскаго,—это психологія людей старѣющихъ, тяжело доживающихъ послѣднія сумерки умершей молодости, одинокихъ холостяковъ, праздно прожившихъ жизнь и обреченныхъ на безслѣдную смерть («Старый другъ», «Цвѣтникъ»), и психологія эгоистовъ-хищниковъ, близкихъ къ преступному типу, съ чертою лицемѣрія и эротоманскаго сластолюбія.

Огромная наблюдательность беллетриста-«бытовика» даетъ Ясинскому возможность чувствовать себя «дома» въ самыхъ, повидимому, несродныхъ областяхъ. Вы не удивляетесь этой его наблюдательности, знакомясь съ картинами южно-русскаго городского и деревенскаго быта по его раннимъ разсказамъ,—все это естественно слишкомъ близко автору, первыя жизненныя впечатлѣнія котораго слагались именно здѣсь. Все это,—отъ сдобной малорусской красавицы-помѣщицы или расцвѣтающей панеики изъ-подъ Кіева до несчастнаго затравленнаго еврейчика, плетущагося въ балагулѣ, — слишкомъ ему родное и знакомое, и неудивительно, что иногда бѣглой парой строкъ онъ такъ живо возсоздаетъ подобные типы.

Но въ романахъ изъ жизни профессоровъ университетскаго города («Ординарный профессоръ», «Старый другъ»), изъ быта актеровъ («Трагики», «Искра Божья»), изъ нравовъ литераторовъ или художниковъ («Лицемѣры», «Принархъ Плутарховъ», «Горный ручей», «Свѣтъ погасъ») или петербургскихъ любителей и антикваровъ («Любители», «Нечистая сила», «Ниточка», «Великій человѣкъ») — васъ удивляетъ та же черта прекраснаго знанія быта и типовъ.

VI.

Жившій только въ литературѣ и только литературой, Ясинскій всегда былъ ей близокъ больше, чѣмъ кто-либо изъ его плеяды. Огромное большинство молодежи, сейчасъ бодро работающей и составляющей себѣ имена, начинало въ его журналахъ.

Онъ первый смѣлою восторженною статьею привѣтствовалъ только что восходящую звѣзду Л. Андреева. Онъ увидѣлъ въ Брюсовѣ большую поэтическую силу, когда еще Брюсовъ не встрѣчалъ ничего, кромѣ насмѣшекъ. Онъ встрѣтилъ привѣтомъ Бальмонта, Блока, Городецкаго. Чуткая молодежь уловила въ старомъ писателѣ искреннее тяготѣніе къ тѣмъ элементамъ новизны, какіе они несли.

Пріятно видѣть, однако, что отмѣчаемое настроеніе въ Ясинскомъ не идетъ дальше теоретическаго сочувствія, и личное творчество его, всегда носившее печать трезваго и умнаго исканія новизны, до послѣднихъ дней ни съ какой стороны не приближается къ творчеству Андреевъ Бѣлыхъ и ему подобныхъ. Въ рѣчи объ этихъ исканіяхъ нельзя не упомянуть объ огромномъ техническомъ и чисто-стилистическомъ талантѣ Ясинскаго.

Молодежь новаго поколѣнія оцѣнила въ Ясинскомъ чистаго художника, для котораго красота всю жизнь была богомъ, часто даже требовавшимъ жертвы богу прямой пользы и гражданственной тактики.

Она оцѣнила это постоянство влеченія и ту молодую дерзость литературнаго исканія, за какую Ясинскій выслушалъ въ своей жизни много упрековъ. Не его ли готовы были упрекать въ порнографіи еще 30 лѣтъ назадъ, когда его погибшая, но милая «Наташка»,—теперь верхъ благопристойности и приличія въ сравненіи съ современной «дѣвицей»,—вышла на страницы «Отеч. Записокъ».

Послѣдніе годы писательства Ясинскаго внесли въ его разсказъ новыя черты какого-то какъ бы саркастическаго воспріятія жизни. Это уже не благодушный хохлацкій юморъ Потапенки, нѣкогда свойственный и самому Ясинскому. Что-то наболѣвшее и въ значительной мѣрѣ злое чувствуется въ его отношеніяхъ къ жизни и людямъ. Это точно чувство стараго исповѣдника людей, который выслушалъ уже на своемъ вѣку столько грязныхъ исповѣдей, видѣлъ столько неприкрашеннаго человѣческаго порока, такъ привыкъ ловить подъ приличной маской подлинное грѣшное и безобразное лицо, что онъ уже не можетъ безъ чувства брезгливости, безъ пренебреженія смотрѣть на человѣческое стадо. Только къ дѣвушкѣ, къ ребенку сохранилъ онъ неоскудѣвшую нѣжность.

Такой колоритъ ярко легъ, напримѣръ, на прекрасный романъ «Въ одинъ ненастный день», гдѣ сквозь шутку и карикатуру сквозитъ горькая до ужаса оцѣнка принизившейся до карикатуры дѣйствительности.

Отсюда превосходно удается Ясинскому психологія лицемѣровъ, сложныхъ натуръ, въ родѣ художника Совершенскаго изъ «Нечистой силы» или Скряжановскаго

изъ «Ксеніи», — людей, въ которыхъ дьявольское коварство, прирожденное шпіонство и психопатическая черта утонченнаго саркастическаго издѣвательства вырождается въ какой-то своеобразный садизмъ. Черты свидригайловщины и карамазовщины сплетаются здѣсь съ гнусной смердяковщиной.

VII.

Можетъ-быть, въ связь съ этою чертой міровоззрѣнія Ясинскаго, съ этимъ проклятіемъ человѣческой дряпности, надо поставить и все ярче разрастающуюся въ немъ струю фантастическаго.

Какой-то мистическій отсвѣтъ, точно тѣнь какой-то тайны, которую умомъ онъ отвергаетъ, какъ трезвый реалистъ и естественникъ по образованію, но сердцемъ не только принимаетъ, а и зоветъ, — ложится полосой на цѣлый рядъ его вещей.

Послѣ Лѣскова сейчасъ нѣтъ соперниковъ Ясинскому въ области загадочнаго фантастическаго разсказа. Нужно почитать его описанія сновъ (что онъ такъ любитъ), чтобы понять преимущества въ этомъ дѣлѣ настоящаго и большого художника, хотя бы, напримѣръ, передъ Ремизовымъ. Эта жилка билась въ Ясинскомъ въ самой ранней его молодости. Его сны превосходны уже въ «Спящей красавицѣ», уже въ «Наташкѣ», въ которой есть какъ бы первообразъ сновъ гауптманской «Ганнеле».

Во многихъ его разсказахъ странные и прихотливые, мутные и жуткіе проходятъ образы, въ которыхъ странно смѣшивается реальное съ сверхчувственнымъ, дѣйствительность со сномъ. Вспомните страннаго человѣка въ монашеской одеждѣ, который въ двѣнадцать часовъ появляется средь шумнаго бала въ веселомъ и пьяномъ

клубѣ и, сложивъ на груди руки, медлительно и зловѣще прохаживается среди маскированныхъ смѣющихся фигуръ взадъ и впередъ по освѣщенной залѣ, какъ призракъ съ того свѣта, наводя жуть на веселящихся и мало-по-малу заставляя ихъ покинуть клубъ.

Не съ загадочною ли областью небытія соприкасается жизнь въ «Приказчикахъ смерти», гдѣ любовь гримасничаетъ въ жуткой ночной атмосферѣ мастерской гробовщика?

Не такова ли страшная старуха въ «Мертвыхъ цвѣтахъ»,—отвратительно одѣтая, сморщенная, какъ печеное яблоко, съ слезящимися мышиными глазами, пристающая на мокрой панели къ прохожимъ съ просьбою купить у нея вѣточку резеды и гвоздики? Не вырываетъ ли она эти цвѣтки изъ вѣнковъ покойницъ, оставленныхъ въ одиночествѣ въ холодныхъ и угрюмыхъ церквахъ, какъ снится писателю въ жуткомъ снѣ?..

Такими странными, полуфантастическими образами полны въ особенности послѣднія книги Ясинскаго. Хорошій художникъ кисти могъ бы дать по Ясинскому прекрасную галлерею такихъ образовъ, которые могли бы продолжить кошмарную галлерею Франчески Гойи. Здѣсь передъ вами палицо тотъ призрачный, блѣдный Петербургъ,—Петербургъ больныхъ бѣлыхъ ночей, мозглыхъ осеннихъ тумановъ, холодный, дождливый, самъ похожій на призракъ, который вотъ-вотъ закачается, какъ туманъ, и уйдетъ въ холодное небо, оставивъ на своемъ мѣстѣ одну хаотическую пустоту, какъ это грезилось нѣкогда великому русскому пророку и юродивому Достоевскому...

ГРАФЪ САЛІАСЪ.

РОМАНИСТЪ „НА ПОКОѢ“.

I.

Уходятъ и уходятъ одинъ за другимъ писатели «стараго поставленія».

Левъ Толстой — уже единственный, надъ кѣмъ еще простерты благословляющія длани Чернышевскаго. Съ Алексѣемъ Потѣхинымъ умеръ послѣдній писатель «добролюбовскаго посвященія». Съ покойнымъ графомъ Е. А. Саліасомъ ушелъ послѣдній литераторъ, на которомъ покоилось благословеніе Герцена и Огарева.

Въ послѣдніе годы отошедшій отъ литературы, забытый критикой, зачисленный въ ряды покончепныхъ и забытыхъ, отодвинутый совсѣмъ вправо, Саліасъ всего менѣе позволялъ угадывать своихъ крестныхъ отцовъ въ этихъ двухъ столпахъ русскаго литературно-политическаго протеста.

Но онъ никогда не переставалъ гордиться ихъ благословеніемъ, которое, по счастью, было для него задокументировано, и любилъ напоминать эти строки:

— «Прежде всего хочу васъ спросить,—писалъ нѣкогда Огаревъ его матери, извѣстной писательницѣ Евгеніи Туръ, изъ-за границы:— «Тьма», повѣсть въ «Современникѣ», Женни? Мнѣ чудится, что вы говорили, что онъ

подписывается «Вадимъ», а Герценъ мнѣ сказалъ, что онъ видѣлъ эту рукопись у Жени на столѣ. Увѣренъ, что эта повѣсть его. Читалъ я ее вечеромъ, внизу, прочелъ, пошелъ къ себѣ наверхъ, раскрылъ свой альбомъ съ фотографіями и поцѣловалъ его портретъ. Больше въ похвалу ему ничего сказать не могу. Тутъ чрезвычайно симпатичный талантъ, и я съ глубокой радостью даю ему свое благословеніе».

— «Я беру изъ рукъ Огарева перо,—приписывалъ на томъ же письмѣ Герценъ,—только для того, чтобы прибавить отъ себя, что «Тьма»—чудесная вещь, и если въ ней есть недостатки, то это недостатки молодости. Если это писалъ вашъ сынъ, какъ мы выдумали сами, то я поздравляю обѣихъ матерей, т.-е. васъ и Россію, съ новымъ талантомъ».

Саліасъ никогда не забывалъ этого благословенія. Никогда въ немъ не замирали совершенно исключительныя симпатіи къ манерѣ письма Герцена, Тургенева. Впослѣдствіи осудившій все современное писательство и имѣвшій мужество сознаваться, что онъ считаетъ литературу законченною Толстымъ, онъ съ трогательною ласкою вспоминалъ обаяніе Тургенева, какъ художника, и Герцена, какъ бытописателя старой Руси, и въ его голосѣ звучали ноты совсѣмъ особенной нѣжности, когда онъ называлъ эти имена.

Но кругомъ всѣ забыли объ этомъ. Съ легкой руки либеральничающихъ критиковъ онъ еще со времени «Пугачевцевъ» былъ зачисленъ въ лагерь «консервативныхъ романистовъ». Скорѣе могли представить, что его крестнымъ отцомъ былъ Лажечниковъ или Зотовъ. Саліасъ раздѣлилъ общую участь русскихъ историческихъ романистовъ. Ни Алексѣй Толстой, ни Данилевскій, ни Всеволодъ Соловьевъ, ни Полевой, ни Карновичъ не стояли въ тѣхъ рядахъ, которымъ сопутствовалъ попутный вѣтеръ критическаго и читательскаго благоволенія.

Цѣлый міръ, огромный и содержательный, такой красочный вначалѣ и такъ неподвижно и однотонно сложившійся подъ конецъ, умеръ вмѣстѣ съ Саліасомъ. Онъ родился тогда, когда еще русская жизнь пѣла въ полный голосъ красивую поэму нашихъ дворянскихъ гнѣздъ, еще было далеко наше помѣщичье оскудѣніе, впослѣдствіи воспѣтое Тургеневымъ, еще ничѣмъ не вспугиваемая стояла чудесная и поэтическая тишина въ нашихъ старо-дворянскихъ усадьбахъ...

Десятилѣтнимъ мальчикомъ Саліасъ еще могъ видѣть Гоголя и Жуковскаго. Онъ пережилъ восторги современниковъ великой и неповторенной исторіей Рашели. Ему было уже 20 лѣтъ, когда пришелъ Базаровъ и началъ раскачивать вѣковые устои русской жизни. При немъ союзный флотъ подходилъ къ Кронштадту. Живыми, незабываемыми образами прошли передъ нимъ старикъ Аксаковъ, Огаревъ, Хомяковъ, Грановскій, Кудрявцевъ, Тургеневъ, актеръ Щепкинъ, Островскій. При немъ зажглись, блеснули мерцающимъ свѣтомъ и трагически скатились звѣзды несчастнаго Помяловскаго, рано сгорѣвшаго Слѣпцова и бобыля Рѣшетникова. Пѣсковъ, котораго мы знали сѣдымъ, больнымъ, сутулящимся, ему представлялся еще съ черными, какъ смоль, волосами и огненными глазами.

Какая старина!..

Слагалось какое-то совершенно своеобразное, полное прелести и сожалѣнія настроеніе, когда приходилось сидѣть съ нимъ, живымъ хранителемъ невозвратной старины, и слушать его воспоминанія—страшно сказать!—о томъ, что было тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ! Въ немъ было мудрое спокойствіе старости, дѣлавшее для него невозможнымъ брюзжаніе на новыя времена и новыхъ людей. Онъ не осуждалъ огуломъ нынѣшнее, не захваливалъ взасосъ «доброе старое время», не жаловался на свое забвеніе, котораго не могъ не видѣть.

Онъ какъ-то отгораживалъ, уединялъ, оберегалъ себя отъ этого «новаго», которое во многомъ ему не нравилось, и умѣлъ создать себѣ удивительно красивую оболочку жизни, какой-то уголокъ сороковыхъ годовъ въ двадцатомъ вѣкѣ, въ сторонѣ отъ новаго базара житейской суеты. Восемнадцать лѣтъ почти безвыѣздно онъ прожилъ въ тихомъ, словно бы сонномъ домѣ въ Москвѣ, «у Покрова въ Левшинѣ», оградивъ себя тамъ отъ назойливаго звона телефоновъ, отъ непоэтичнаго свѣта электричества, отъ гула трамваевъ и дыма автомобилей.

Теперь опустѣлъ этотъ тихій уголокъ. Не знаю, можетъ быть, теперь уже и до «Покрова въ Левшинѣ» добрался трамвай съ своими звонками и трескомъ, и вздрогнули, и убѣжали поэтическія тѣни, уютно дремавшія въ немъ два десятилѣтія.

II.

Мое первое обращеніе къ Евгенію Андреевичу относилось къ 1901 году. Газетою, въ которой я работалъ, былъ объявленъ литературный конкурсъ. Вмѣстѣ съ Мордовцевымъ, Немировичемъ-Данченко, Случевскимъ, Ясинскимъ былъ участникомъ жюри и Саліасъ.

Ему были посланы подлежавшія сужденію рукописи. Онъ прислалъ свой отзывъ, прибѣгнувъ къ пятибалльной системѣ. Помню, Саліасъ не нашелъ ни одной вещи «на пять». Онъ писалъ, что «вполнѣ» ни одинъ разсказъ ему не понравился. Когда позднѣе мнѣ пришлось познакомиться ближе съ литературными взглядами его и съ оцѣнкой самого себя, я могъ увидѣть, какую высокую снисходительность проявилъ онъ на этотъ разъ, восходя хотя бы до четверки.

Въ февралѣ 1902 года графъ Саліасъ пріѣхалъ въ Петербургъ продавать романъ. Отношенія у редакціи

съ нимъ были давнія. Онъ списался съ нами, и я поѣхалъ къ нему для переговоровъ.

Саліасъ стоялъ въ «Grand Hôtel». Во всѣ свои позднѣйшіе пріѣзды онъ останавливался здѣсь, занимая два номера. Онъ привыкалъ къ мѣсту настолько, что въ одномъ отелѣ останавливался на протяженіи 42-хъ лѣтъ! Сразу было видно, что всѣ ему здѣсь дѣйствительно знакомы, видимо, цѣнили его графство и извѣстность, и стоило ему показаться на коридорѣ, какъ пятеро служащихъ обступали его и оказывались къ его услугамъ.

Я ожидалъ встрѣтить двойного генерала—отъ литературы и отъ колыбели. Онъ былъ уже «маститъ», офиціально значился «завѣдующимъ московскимъ отдѣленіемъ архива министерства императорскаго двора», графство его было родовое и безспорное. Я надѣлъ черный сюртукъ и приготовился къ холодку офиціальной бесѣды.

Онъ разсѣялъ мои опасенія съ первой же минуты, этотъ изящный, сухощавый старикъ, средняго роста, съ тонкимъ галльскаго типа, аристократическимъ лицомъ, съ ласковыми, умными и еще сейчасъ прекрасными глазами. По отцу въ его жилахъ текла кровь француза, и, вѣроятно, въ этомъ медики нашли бы научное объясненіе всегда отличавшей его живости, легкости и веселости. Онъ точно зналъ секретъ очарованія и съ первыхъ же словъ создалъ настроеніе откровенности и непринужденности, почти до иллюзіи давняго и доброжелательнаго знакомства.

Ни малѣйшей натяжки или намека на желаніе «занять» не было въ его разговорѣ. Секретъ былъ, вѣроятно, въ томъ,—помимо всякой свѣтскости и воспитанности, — что онъ чувствовалъ за собой огромное духовное содержаніе, шестьдесятъ сознательно воспринятыхъ лѣтъ, и зналъ, что онъ можетъ быть интересенъ во всемъ, чего ни коснись изъ области жизни и знанія,

какъ можетъ быть профессоръ освѣдомленъ въ прочитанномъ курсѣ.

Для него была обѣденная пора, и онъ предложилъ раздѣлить съ нимъ его трапезу. Но самый обѣдъ занималъ его настолько мало, что было похоже, будто онъ просто отбывалъ безразличную для него повинность.

— Старые годы требуютъ немногаго, — пояснилъ онъ.—По мнѣ хоть совсѣмъ не ѣсть. Я естественный вегетаріанецъ, — не въ силу какихъ-либо теорій или принциповъ, а просто такъ. Мяса не только не ѣмъ, но иногда не могу и смотрѣть, какъ его ѣдятъ. Иногда совсѣмъ забываю про обѣдъ. Вчера до поздняго вечера я просидѣлъ безъ пищи и не вспомнилъ. Пріѣзжаетъ дочь, видитъ, — я совсѣмъ голодный. Конечно, пришла въ ужасъ и распорядилась, а мнѣ самому сдѣлать это было просто лѣнь.

Было похоже, что онъ самъ чувствовалъ и свою оригинальность, и свою почти чудаковатость, и онъ охотно разсказывалъ о себѣ и подчеркивалъ въ себѣ то, что у него было, какъ онъ выражался, «не по-людски».

— Я привыкаю къ мѣсту, какъ кошка, — разсказывалъ онъ.—Разъ остановился въ отелѣ и остался ему вѣренъ сорокъ лѣтъ. Даже разъ поспорилъ съ хозяиномъ, что отель прежде назывался «Napoléon». Не вѣрятъ. Вижу, думаютъ—«изъ ума выжилъ старикъ». Поспорили на бутылку шампанскаго. И что жъ? Я оказался правъ. Правда, всего только одинъ годъ, но все-таки отель существовалъ подъ этимъ названіемъ.

Попутно вдругъ посыпались подробности анахоретской жизни графа въ Москвѣ.

— Я живу въ своей квартирѣ у Покрова въ Левшинѣ, — разсказывалъ онъ, — безвыѣздно десять лѣтъ. Я не показываюсь рѣшительно нигдѣ. Ни съ какими литературными кружками, ни съ какими литераторами,

ни съ старыми, ни съ новыми я не вожу знакомства. У меня есть въ Петербургѣ старые добрые знакомые въ литературѣ, Суворинъ, Шубинскій. Есть нѣсколько издателей и—больше я совершенно никого не знаю. Водить знакомство мнѣ теперь, въ мои года, не подъ силу. Ни для кого своихъ привычекъ я уже не сталъ бы ломать. Я встаю иногда въ 4 часа дня. Высовываю иногда голову въ форточку и дышу. Это моя прогулка. Если я и въ самомъ дѣлѣ соберусь иногда гулять,—начинается такая процедура, что откажешься отъ всякой прогулки. Начинается исканье шапки, потомъ саногъ, потомъ калошъ. Оказывается, одно унесено въ чистку, другое убрано, — легко сказать, — три недѣли не бралъ этихъ вещей въ руки...

— Между нами, — продолжалъ онъ, — я ничего не читаю. Толстого кончилъ на «Аннѣ Карениной». И не хотѣлъ больше читать. Только вдругъ попала въ руки «Смерть Ивана Ильича». Я гостилъ въ Варшавѣ у сестры. Потомъ блуждалъ за границей,—протащилъ этого самаго Ивана Ильича съ собой черезъ Вѣну, черезъ Парижъ, въ Біарицъ. Не могу сбросить человѣка,—да и только. На моихъ рукахъ умеръ! Вотъ это — письмо, это художество, а не плетеніе кружевъ! Дальше ужъ я и Толстого не читалъ. Чеховъ? Чехова я не люблю. Конечно, талантъ, но не перворазрядный. Взять «Мужиковъ»! Снялъ чудесную фотографію и расгруппировалъ. Это сюда, то туда. Все порознь вѣрно, а цѣлаго нѣтъ. И все мелочи! Горькаго не нахожу большимъ талантомъ. Все это ужъ было. Красиво пишетъ, но не ново. Кричатъ, потому что это модно. Я думаю, что это все пройдетъ, схлынетъ, какъ вода. Все это не идетъ дальше Толстого. Вся вообще литература не пошла дальше «Карениной». Все, что пошло потомъ,—перепѣвы. Нужно новое, а новаго нѣтъ. И нѣтъ новаго, большого писателя. То-есть, можетъ-быть, онъ и есть, можетъ-быть,

онъ ходитъ гдѣ-нибудь тутъ, около «Grand Hôtel», гдѣ мы съ вами сидимъ и обѣдаемъ, но въ литературѣ онъ еще не показывался.

— Въ литературѣ вообще оцѣнки иногда произвольны до ужаса. Многое такъ и не оцѣнивается никогда въ должную мѣру. Я, напримѣръ, считаю вещью большого значенія драму «Дѣло» моего родственника Сухово-Кобылина. Можетъ-быть, эта вещь ничуть не меньше «Ревизора», и тѣмъ болѣе, что она хватаетъ не по чиновничьей мелкотѣ, а по міру крупныхъ взяточниковъ. Сухово-Кобылинъ очень цѣнилъ «Смерть Тарелкина», а по-моему,—она никуда не годилась. Вотъ вамъ два суда—и публики, и автора, и оба ложные. А правда ни тамъ, ни тутъ.

III.

— Ради Бога, не подумайте, — въ этотъ же вечеръ говорилъ мнѣ Саліасъ, — что я хочу набить цѣну себѣ. Это казалось бы тѣмъ естественнѣе, что я хочу продать вамъ романъ. Конечно, мнѣ было бы пріятно безъ хлопотъ продать вещь «изъ полы въ полу», не обращаться больше никуда и уѣхать въ свое Левшино. Однако, если вы меня попросите по совѣсти сказать, хорошій романъ я вамъ предлагаю, или дрянь, я отвѣчу: дрянь. Задумалъ хорошо, а сдѣлалъ скверно. Это моя вѣчная трагедія. Въ головѣ одно, а на бумагѣ другое.

Лицо Евгенія Андреевича вдругъ стало серьезнымъ, глаза грустными.

— Я былъ лѣнтяй,—съ рѣзкой экспрессіей сказалъ онъ.—Я зарылъ въ землю свой талантъ, который у меня былъ, былъ, былъ. Я самъ знаю, что былъ. Я не былъ такъ счастливо поставленъ, какъ нѣкоторые наши писатели, имѣвшіе возможность писать «для души». Пи-

сательствомъ я зарабатывалъ хлѣбъ. Мнѣ нужно было писать много. Мнѣ некогда было думать, ждать, перечитывать, передѣлывать. Зато и вышло въ результатѣ, что теперь меня почти не тянетъ перечитать ничего изъ написаннаго, кромѣ, пожалуй, «Петербургскаго дѣйства» или «Новой Сандрильоны». За послѣднія семнадцать лѣтъ я написалъ только одинъ порядочный романъ и два разсказа. Все остальное — дрянь. Все рождаетъ теперь горькое чувство. Вообще, я не люблю себя, какъ писателя. Люблю только нѣкоторыя страницы. Ихъ иногда перелистываю. Ловлю въ нихъ пережитыя чувства и въ дѣйствительной жизни сказанныя слова. Люблю просмотрѣть иной бѣглый женскій разговоръ,— здѣсь дѣйствительно много «натуры». Вообще, я могу сказать, что лучшая моя пѣсня не спѣта.

Я сказалъ, что буквально это же сказалъ однажды Ибсенъ, что всякій писатель недоволенъ своимъ трудомъ, и чѣмъ онъ крупнѣе, тѣмъ въ немъ острѣе боль художнической неудовлетворенности. Чеховъ еще находилъ силы перечитать свою вещь въ перебѣленной рукописи, но уже ненавидѣлъ ее въ корректурѣ.

— И это бывало,—улыбнулся онъ:—то-есть вотъ такъ же, какъ вы, меня многіе утѣшали. Возражали, что вотъ это, молъ, удалось, это хорошо. Тогда я продѣлывалъ такой экспериментъ. Я уводилъ человѣка въ мой кабинетъ и бралъ съ собою понравившуюся ему книгу, и потомъ, глава за главой, начиналъ показывать ему, какъ это надо было сдѣлать и какъ я сдѣлалъ. Я говорилъ: «вотъ здѣсь такой психологическій пропускъ». «Вотъ это совсѣмъ не вытанцовалось». «А здѣсь вотъ какую великолѣпную главу я скомкалъ». «А вотъ это шито бѣлыми нитками». И не было случая, чтобы такой человѣкъ, если онъ умѣлъ быть искреннимъ, не соглашался со мною и не говорилъ: «да, дрянь».

И это слово «дрянь» — онъ точно гвоздемъ прибилъ.

— Вотъ противъ чего я не буду возражать,—продолжалъ онъ: — это противъ того, что Богъ мнѣ далъ силы. Прежде всего я пишу съ необычайной легкостью. Про меня одинъ знакомый литераторъ сказалъ: «Саліасъ пишетъ, какъ хорошенькая женщина улыбается». Я не думаю, чтобы дѣйствительно хорошенькой женщинѣ улыбки стоили дорого. Такъ мнѣ все давалось необычайно легко. Есть у меня романъ «Свадебный бунтъ». Въ немъ листовъ тринадцать. А написалъ я его всего въ семнадцать дней, при чемъ въ эти же дни я его и задумалъ, и обработалъ, и въ редакцію отослалъ. Получаю отъ редакціи запросъ: «скоро ли кончите романъ?» Отвѣчаю «очень скоро», а въ головѣ еще даже не было сюжета. Вотъ каковъ молодецъ! Это фактъ, который я могу подтвердить точною записью въ моей записной книгѣ, въ которую я заношу, что когда сдѣлалъ, отъ перваго моего выступленія въ литературу. Тамъ этотъ мой позоръ такъ цѣликомъ и записанъ.

— Потомъ былъ у меня другой козырь: такая богатая фантазія, какая рѣдко кому достается. Тутъ ужъ, конечно, надо отнести нѣчто на долю моей французской крови. Историческій матеріалъ оживалъ передо мной въ яркихъ образахъ, почти безъ всякаго труда съ моей стороны. Я могу сидѣть у себя въ кабинетѣ и вообразить Богъ знаетъ что. Лѣтомъ могу представить, что теперь зима, снѣгъ и морозъ, и мнѣ хочется что-нибудь накинуть на себя. Разъ я вообразилъ, что взобрался на гору, гдѣ-то въ Швейцаріи, и стою надъ пропастью. И я такъ вскрикнулъ, что даже переполошилъ своихъ домашнихъ. «Что съ тобой такое?» —«Ничего. Чуть съ горы не упалъ, сидя въ собственномъ кабинетѣ!» Можно подумать, что я сочиняю. Но какой же резонъ сочинять мнѣ, сѣдому старику? Дюма-отецъ проектировалъ такъ называемый roman parlé,—другими словами, романъ-им-

провизацію. Онъ предлагалъ, чтобы ему давали тему, а онъ развивалъ ее тутъ же съ мѣста. Я иногда дѣлывалъ это въ своемъ семейномъ кругу, ради шутки. Мои дѣти говорили мнѣ, что это у меня выходило лучше писанныхъ разсказовъ. Иногда случалось такъ, что я смаху, «сбацу», какъ говорятъ петербургскіе литераторы, напишу какой-нибудь разсказъ или повѣсть, отошлю въ редакцію, да и забуду самое содержаніе. Достоевскій разъ признавался, что ему пришлось перечитывать своего «Крокодила», когда въ немъ стали выискивать намеки на дѣло Чернышевскаго. Забылъ-де. Вотъ я его понимаю.

Въ одну изъ дальнѣйшихъ встрѣчъ мнѣ пришлось воочію убѣдиться въ этой чертѣ графа Саліаса. Какъ-то къ слову мнѣ пришлось спросить его, имѣетъ ли хоть какую-нибудь фактическую подкладку одинъ изъ его чрезвычайно интересныхъ разсказовъ «Онъ же», гдѣ на мѣсто умершаго въ старомъ замкѣ графа тотчасъ послѣ его смерти появляется его двойникъ.

— Какой разсказъ? — переспросилъ Саліасъ.

Я повторилъ названіе. Онъ взметнулъ глазами и сомкнулъ ихъ, выражая полное недоумѣніе.

— Не могу вспомнить. Совершенно забылъ. Знаю, что есть такое названіе, но о чемъ, не помню, — хоть убей. А про что онъ?

Я напомнилъ канву разсказа, воспроизвелъ одну-другую частность. Саліасъ ничего не помнилъ. Только въ концѣ разговора ему вдругъ, очевидно, что-то смутно вспомнилось.

— Тамъ еще хоронятъ какую-то колоду въ гробу?.. Еще какой-то слуга хитритъ и дьяволитъ?.. Да, да, помню. Это — все чистая фантазія. И было дѣйствительно такъ, что я въ нѣсколько дней написалъ и отправилъ и забылъ.

IV.

Романъ, который привезъ Саліасъ и который сейчасъ извѣстенъ подъ названіемъ «Лебеда», предварительно назывался «Нелюди». Саліасъ любилъ эти хлесткія, простонародныя слова, глубоко родственныя русскому сердцу, и порой было странно, какъ прекрасно и умѣстно срывались они у него, урожденнаго графа, казалось бы, вовсе не имѣвшаго случая соприкасаться съ настоящимъ народомъ и увѣснстымъ «мужицкимъ» словомъ.

«Нелюди»—по понятію автора, были нынѣшніе, жидкіе, мелкіе и безпринципные люди, у которыхъ не хватаетъ пороха даже на настоящую подлость и которые такъ и околачиваются цѣлый вѣкъ въ сферѣ мелкаго жульничества и трусливаго развратца. Всматриваясь въ этихъ «молодыхъ» и сопоставляя ихъ съ людьми старыми, у которыхъ было, можетъ-быть, больше тьмы въ умахъ, но зато и больше характера, Саліасъ склонялся своими симпатіями на сторону послѣднихъ. Эти были хоть и темные, хоть и грубые, хоть и «правные», но все-таки люди. Тѣ были нелюди, «лебеда», которую было необходимо исторгнуть, хотя бы насильственно.

На фонѣ этой общей сѣрости, дряблости и вялости Саліасъ рисовалъ, пожалуй, жуткую фигуру грядущаго революціонера. Это былъ студентъ Барабановъ.

Времена тогда были въ цензурномъ отношеніи безрадостныя. Разумѣется, нечего было и думать, что этому революціонеру позволено было бы невозбранно пронести свое бытіе черезъ романъ въ двѣнадцать листовъ, и Саліасъ мастерски обходилъ трудность. Барабановъ ни на минуту не появлялся въ романѣ самъ. О немъ только всѣ наперерывъ говорили, за нимъ слѣдили, его слова цитировали. И слова были мѣткія, злыя, разрушитель-

ныя, порой хватающія черезъ край отрицанія, но заставляющія задуматься. Какимъ-то далекимъ, заревнымъ призракомъ, «какъ нѣкій демонъ», проносился этотъ персонажъ гдѣ-то въ сторонѣ, на третьемъ планѣ романа. Къ произведенію былъ эпилогъ, гдѣ Барабановъ на минуту появлялся лично. Его захватывалъ исправникъ на постояломъ дворѣ, случайно, врасплохъ. Барабановъ на его глазахъ пускалъ себѣ пулю въ лобъ. И конецъ его былъ сильный, достойный его.

Саліасъ самъ не вѣрилъ въ возможность напечатать этотъ романъ съ эпилогомъ, и прилагалъ эту главу въ отдѣльной обложкѣ — «на всякій случай».

Я ушелъ отъ Евгенія Андреевича поздним вечеромъ съ огромнымъ фоліантомъ его «Лебеды», переписанной отчасти его рукой, отчасти рукой жены, и на другой же день прочиталъ его. И сразу встало передо мной огромное затрудненіе.

Изъ-за нѣсколькихъ страницъ романъ былъ совершенно нецензуренъ,— даже до странности, если имѣть въ виду огромный писательскій вѣкъ Саліаса. Романъ становился пріемлемымъ, если бы можно было убрать нѣсколько страницъ и нѣсколько фразъ, но предложить это старому писателю, который знаетъ, что дѣлаетъ, отказывался языкъ.

И вотъ помню, какъ Саліасъ легко и безобидно разрѣшилъ это недоумѣніе.

— Помилуйте,—сказалъ онъ:—я пишу въ совершенномъ отвлеченіи отъ цензурныхъ и иныхъ соображеній. Я нигдѣ не бываю, никого не вижу. Я чистый фантазеръ. Мнѣ совсѣмъ незнакомы догадки, — «вотъ это можно, а за это газету хлопнутъ». Это ваше дѣло. Пересмотримъ романъ, и дѣло съ концомъ.

Такъ это и было сдѣлано, и романъ въ такомъ видѣ напечатанъ. Это состоялось уже нашей «весной», за которой не пришло лѣто. Характерная черточка, атте-

стующая съ самой лестной стороны жизненную мудрость и политическую проникновенность Саліаса. Тогда, еще въ самый разгаръ этой «весны», подъ пѣніе весеннихъ соловьевъ, Саліасъ уже видѣлъ, насколько всѣ наши надежды преждевременны. Собираясь отпечатать «Лебеду» отдѣльнымъ изданіемъ, онъ писалъ мнѣ:

— А я «Лебеду» подновлю и жару подбавлю для изданія, покуда еще весна, такъ какъ лѣтомъ нельзя будетъ этого сдѣлать,—этого лѣта не будетъ,—будетъ опять зима.

Письмо это помѣчено 12 декабря 1904 года.

V.

Всякій разъ, когда позднѣе Саліасъ наѣзжалъ въ Петербургъ, а иногда еще за нѣсколько времени до пріѣзда, приходилъ маленькій, изящный конвертъ съ графской коронкой и красиво переплетенной монограммой французскихъ литеръ „E. S. T.“, и въ немъ привѣтливыя странички, исписанныя красиво-размашистой, почти изысканно-витіеватою вязью, которую графологъ могъ бы взять за образчикъ почерка, говорящаго о яркости и почти необузданности фантазіи. Графъ былъ вѣренъ старымъ привычкамъ къ домамъ и людямъ. Былъ тотъ же „Grand Hôtel“, та же общая столовая. Каждый пріѣздъ мы проводили здѣсь нѣсколько вечеровъ.

Можетъ-быть, ему самому было пріятно будить замирающія воспоминанія передъ человѣкомъ, хотя бы совсѣмъ другого поколѣнія, но такимъ, который съ любовною внимательностью вслушивался въ каждую мелочь его воспоминаній о людяхъ, когда-то имъ знаемыхъ и любимыхъ, и объ его собственномъ, длинномъ прошломъ.

Онъ благоговѣлъ передъ Тургеневымъ и никого изъ «большихъ» такъ не любилъ, какъ этого писателя. Не

разъ онъ говорилъ, что пора повторнаго увлеченія Тургеневымъ, такъ сказать, «тургеневскаго рецидива», еще впереди, и что къ Тургеневу, къ его манерѣ, къ его нѣжной акварели еще вернутся послѣ вѣка реализма и натурализма, послѣ Толстого и Зола. Ни разу я не слышалъ отъ Саліаса отрицательнаго отзыва о Тургеневѣ и какъ о человѣкѣ, чего не могъ бы сказать ни о Шеллерѣ, ни о Всеволодѣ Соловьевѣ, ни о Случевскомъ.

Запомнилась такая подробность разговора, какой я нигдѣ не встрѣчалъ въ печати и которая интересна.

— Всѣ розсказни о романѣ моей матери съ Тургеневымъ, — говорилъ Саліасъ, — совершенный вздоръ. Ничего подобнаго. Говорили, что «Евгенія Туръ» есть вывороченное «Тургеневъ». По простой случайности это дѣйствительно такъ, и анаграмма получается почти полная. Однако никакой иной подкладки здѣсь нѣтъ. Мою мать звали Елизаветой, но она безумно любила имя «Евгеній» и «Евгенія». Она же была страстная поклонница Пушкина и, въ частности, «Онѣгина». Отсюда и я зовусь Евгеніемъ. А дѣло съ ея псевдонимомъ обстояло такъ: имя Евгеніи взяли безъ дальнихъ разговоровъ. Потомъ стали искать фамилію. «Евгенія Саль»—сокращенное отъ «Саліасъ», но «саль» по-французски «грязный», — некрасиво, «Евгенія Льясъ» — не звучно, «Евгенія Немиръ» — длинно. И всѣмъ понравилось «Евгенія Туръ».

Саліасъ находилъ, что Тургеневъ, какъ писатель, еще мало оцѣненъ, что его оцѣнятъ еще потомъ, какъ черезъ сорокъ лѣтъ оцѣнили, напримѣръ, Стендаля. Гораздо ниже ставилъ онъ, напримѣръ, Салтыкова, говорилъ, что онъ уже сейчасъ потускнѣлъ, хотя и признавалъ его огромную общественную заслугу. Видѣлъ онъ его всего однажды.

— Онъ тогда былъ еще чиновникомъ. Совершенно бритый, онъ игралъ въ карты, ворчалъ, нервно сбра-

сывалъ ихъ, и я подумалъ, какъ непріятно быть ему партнеромъ.

Очень хорошо Саліасъ помнилъ Огарева, часто поминалъ Аполлона Григорьева, Алмазова, Шевырева. — Щербину, Бестужева-Рюмина, Корша, Ешевскаго онъ звалъ «молодежью» и всѣхъ ихъ помнилъ еще въ студенческихъ мундирахъ. Хорошо зналъ Слѣпцова.

— Онъ былъ очень красивъ, но у него были маленькіе и мелкіе глаза, и, скрывая этотъ недостатокъ, онъ носилъ очки. Помяловскаго я засталъ уже въ расцвѣтѣ славы. Онъ гремѣлъ и его искали въ салонахъ. Я помню его въ литературномъ обществѣ, среди тогдашнихъ «молодыхъ». Чувствовалось, что онъ уже какъ-то свысока и грубовато-пренебрежительно относился къ окружавшимъ его собратьямъ. Онъ былъ уже отравленъ славой. Тогда кричали: «Что Гончаровъ и Тургеневъ, вотъ Помяловскій, Рѣшетниковъ!..»

Какъ извѣстно, у матери Саліаса были въ Москвѣ постоянные литературные журфиксы.

— Моя мать не была партійной женщиной. И къ намъ жаловали люди довольно разнообразныхъ настроеній. Каждую любопытную новинку она старалась показать гостямъ у себя. Очень часто бывала у насъ графиня Растопчина. Тогда она была еще изумительно красива. Помню, какъ сейчасъ, одинъ случай. Я былъ еще мальчикомъ, — ну, лѣтъ шестнадцати. Внизу, въ вестибюлѣ, я, по наказу матери, встрѣчалъ гостей. И вотъ впорхнула она, прекрасная, какъ истинная богиня. Порывисто направилась къ зеркалу, стала раздѣваться. Я стоялъ сзади, совершенно ошеломленный ея красотой. Мнѣ не могло притти въ голову, что вѣдь она видитъ меня въ зеркало. А она дѣйствительно увидѣла меня, вдругъ обернулась и спросила, очевидно, видя, что я остолбенѣлъ, какъ козелъ предъ статуей Мерку-

Благодарю двух одновременно
[illegible] (или недоразумения) своего
характера: до сих пор я не-
мог понять [illegible] — я знаю [illegible]
конфиденций обращаются. Вот
уже 18 лет это я знаю
не [illegible] и никого не виню

[illegible]

рія: «Что, хороша я?..» Я переконфузился безнадежно и поспѣшилъ скрыть свое лицо, наклонившись къ ея рукѣ для поцѣлуя.

VI.

Изъ другихъ разсказовъ о вечерахъ у матери вспоминаются слова Салиаса о чтеніи въ салонѣ Туръ драмы актеромъ Горевымъ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, какъ извѣстно, въ большомъ ходу была литературная сплетня, будто Островскій не самъ пишетъ свои пьесы, а пользуется трудами нѣкоего полуспившагося актера Горева, изумительно якобы талантливаго человѣка. Клевета эта стоила много крови и нервовъ нашему драматургу. И вотъ по Москвѣ пронесся слухъ, что Горевъ выступаетъ самъ съ пьесою. Литературныя кумушки подняли шумъ, — вотъ-де, когда удастся совершенно обнаружить «воровство» Островскаго.

— Не безъ большихъ хлопотъ моя мать ухитрилась раздобыть этого самаго Горева и получить отъ него согласіе прочитать его пьесу «Сплошь да рядомъ» въ ея салонѣ. Съѣхалась вся литературная Москва. Ждали грандіознаго скандала и полнаго посрамленія Островскаго. Скандалъ дѣйствительно вышелъ, но не въ ту сторону. Горевъ, жалкій и обшипанный, съ запахомъ вчерашняго перегара, въ этотъ вечеръ подписалъ себѣ полный смертный приговоръ. Его пьеса оказалась такой безвкусной мазней, заявила о такомъ писательскомъ безсиліи его, что было бы прямо смѣшно и нелѣпо послѣ этого вечера повторить обвиненіе хотя бы въ шутку. Помню еще одну подробность этого вечера. Сцены Горева изобиловали такою массою неприличныхъ словъ и простонародныхъ или купеческихъ выраженій, въ родѣ «материнъ сынъ», «коего тебя», «оскретокъ»

и т. п., что тонная публика, всѣ эти графини и баронессы, собравшіяся на вечеръ и привыкшія на этомъ мѣстѣ слышать настоящихъ мастеровъ русской литературы, положительно съ ужасомъ выслушивали чтеніе и переглядывались другъ съ другомъ, обливаясь потомъ. Ѳеоктистовъ, впослѣдствіи начальникъ печати, былъ командированъ матерью къ чтецу, чтобы тотъ хоть пропускалъ свои непристойности...

Часто любилъ Саліасъ вспоминать и о собственныхъ первыхъ шагахъ въ литературѣ. Его первая вещь «Искра Божья» была напечатана въ «Библіотекѣ для чтенія» въ редакторство Писемскаго. Кстати сказать, цензура, съ которою вообще Саліасъ на своемъ вѣку сталкивался довольно рѣдко, дала ему себя почувствовать при первой же вещи. Цензоръ сказалъ ему, что «у Бога никакихъ искръ нѣтъ», и предложилъ передѣлать заглавіе. Повѣсть была напечатана подъ названіемъ «Ксаня чудна́я», и только впослѣдствіи Евгеній Андреевичъ имѣлъ возможность возстановить подлинное названіе.

Съ улыбкой, но не безъ нѣкоторой горечи Саліасъ вспоминалъ, какъ его «обсчитали» въ первомъ почти гонорарѣ.

— Писемскій написалъ расписку, кажется, на 700 рублей,—помнится, по пятидесяти рублей за листъ. Прихожу въ книжный магазинъ Печаткина, который платилъ гонорары. Начинаетъ старикъ при публикѣ торговаться.— «Ну, скиньте двѣсти, — вы такой молодой». Кругомъ народъ. Я былъ тогда очень застѣнчивъ. Помню, было страшно неловко. И хотя я не сдавался, а все-таки скидку эту съ меня онъ произвелъ.

Возвращаясь къ разговору о цензурѣ, Саліасъ не разъ вспоминалъ нѣкоторое столкновеніе съ нею изъ-за «Петербургскаго дѣйства». Тамъ императоръ спрашиваетъ Екатерину: «Какъ вашъ сынъ?» — съ совершенно явнымъ намекомъ на то, что этого сына онъ считаетъ

ся сыномъ, но не своимъ. Эта мелочь едва не повлекла серьезныхъ непріятностей для романа.

Когда въ Россію вольнымъ потокомъ хлынула до тѣхъ поръ нелегальная литература, всѣ эти историческія сказанія о смерти Павла, смерти Петра III, жизни Екатерины и т. д., Саліасъ, конечно, могъ пожалѣть о тѣхъ временахъ, въ какія ему приходилось работать.

— Новый писатель будетъ счастливѣе насъ, писавшихъ въ смутное и тяжелое время,— слышалъ я отъ него однажды.—Конечно, разъ лгали историческіе источники, то должны были лгать и половину замалчивать и мы, историческіе романисты. Толстой отказался отъ писанія «Декабристовъ» по своимъ личнымъ причинамъ, но я хотѣлъ бы посмотрѣть, что бы такое смогъ написать Толстой о декабристахъ въ царствованіе Александра III! О декабристахъ можно писать только теперь. Собственно, это моя давнишняя мечта. «Пугачевцы», которые считаются самостоятельнымъ романомъ, на самомъ дѣлѣ — только первая часть моей исторической тетралогіи. Вторая должна была называться «Вольнодумцы», и тамъ должны были пройти Новиковъ и Радищевъ для Россіи и Людовикъ XVI для Франціи. Третью часть я предполагалъ назвать «Супостатъ». Тутъ надо было бы дать двѣнадцатый годъ. Четвертая и послѣдняя часть — «Декабристы», явилась бы эпопеей первыхъ русскихъ «освобожденцевъ», передъ которыми я благоговѣю.

Въ одну изъ самыхъ послѣднихъ встрѣчъ Е. А. говорилъ мнѣ, что мысли объ этой тетралогіи онъ не оставляетъ и посейчасъ.

— У меня уже все обдумано и много начитано, хотя пока еще не написано ничего. Моя память здѣсь еще очень хороша. Мнѣ не нужно было бы снова перечитывать ничего. Бытъ эпохи цѣликомъ сидитъ въ головѣ.

Историческія лица всѣ цѣлы. Пугачевъ стоитъ живьем Маленькіе атаманы? Но они—всѣ по чистѣйшему ти Пугачева. Память вообще сохраняется по спеціальност Я вотъ теперь все забываю: лица, время, а изученну когда-то эпоху великолѣпно помню посейчасъ. Это м напоминаетъ моего родственника Сухово-Кобылина. В глубокой старости онъ уже съ трудомъ узнавалъ ро ныхъ. Спрашивалъ свою родственницу: «Вы кто м приходитесь,—сестра?» А между тѣмъ, когда сталъ г ворить со мной о Гегелѣ, котораго страшно любил я слушалъ его полчаса и былъ пораженъ совершенн ясностью и четкостью его мысли. Если вѣрить въ пер воплощеніе, то не могло бы быть сомнѣнія, что когда-то жилъ именно въ XVIII вѣкѣ. Этотъ вѣкъ—м любимый. Въ немъ я—какъ дома. Если оставить въ ст ронѣ мистику, то этому можно подыскать и совсѣм научное основаніе. Мнѣ это какъ-то разъ подсказа въ бесѣдѣ Суворинъ. Видите ли, вѣдь я засталъ е крѣпостную Русь, а у этой крѣпостной Руси было пр мое преемство отъ Руси екатерининской. Преемствен разставлялась въ квартирахъ мебель, преемственно скл дывался обычай. Мои дѣды и бабки могли помнить е настоящихъ людей екатерининской поры. Понятно, все это видѣлъ, и клавесины при мнѣ стояли такъ, ка сто лѣтъ назадъ, и картины висѣли на старыхъ гв дяхъ. Этого уже не видятъ люди сегодняшняго дн Теперь ужъ и картины развѣшены иначе, и екатер нинскій гвоздь сохранился, можетъ-быть, только Таврическомъ дворцѣ...

Чтобы кончить о цензурѣ, надо сказать, что С ліасъ могъ вообще говорить о ней довольно спокойно. Она огорчала его ничуть не въ больш мѣрѣ, чѣмъ иныя инстанціи, съ которыми сталк вается романистъ. Онъ любилъ съ улыбкой вспомина о томъ, какъ однажды «утѣшилъ» его художни

рожъ, извѣстный въ свое время иллюстраторъ, между рочимъ, иллюстрировавшій въ старомъ «Огонькѣ» его оманъ «Моръ».

— Брожъ былъ довольно беззаботенъ по части русской сторіи. И вотъ въ одномъ рисункѣ, гдѣ мой герой редставляется императрицѣ Екатеринѣ во дворцѣ, онъ зобразилъ его съ огромной бородой, — это въ вѣкъ-то ариковъ и пудры! Я пришелъ въ дикій ужасъ. Чтобы акъ-нибудь замаскировать это невѣжество, — а вѣдь бвинили бы, конечно, автора, а не художника, — мнѣ ришлось прибѣгнуть въ слѣдующемъ номерѣ къ такому нстштюку. Я вставилъ нѣсколько строкъ о томъ, что редставлявшійся былъ такимъ бурбономъ, что, пріѣхавъ въ провинціи въ столицу, даже явился ко двору съ естриженой бородой. Вотъ какъ иногда приходилось художничать»!..

Только одна претензія Саліаса къ цензурѣ была рьезна. Онъ мечталъ объ одномъ романѣ, появленіе тораго въ Россіи считалъ невозможностью.

— Мнѣ во что бы то ни стало, — говорилъ онъ, — чется написать одинъ романъ, и я напишу его. И ли будетъ необходимость, я издамъ его за границей. конечно, за своей подписью. Я ужъ такъ старъ, о, вѣроятно, меня не станутъ изъ-за этого безпокоить. онъ будетъ нецензуренъ сплошь, отъ первой до поѣдней строки. Здѣсь я хочу запечатлѣть все, что я жу сейчасъ кругомъ себя. Иногда я склоняюсь къ сли написать его и оставить дѣтямъ. Пускай печаотъ хоть черезъ двадцать лѣтъ. Но меня останавлиетъ мысль, — будетъ ли это тогда интересно и нужно? жетъ-быть, тогда современность страшно перерастетъ нѣшнюю литературу. Будутъ писать гораздо своднѣе, сильнѣе, смѣлѣе, — другими, чудесными словами, я окажусь ненужнымъ. Къ этому меня приводитъ и гое соображеніе. Съ семидесятыхъ годовъ я ношусь

съ мыслью написать фантастическій романъ изъ жизни приблизительно XXV вѣка. Планъ этотъ у меня давно готовъ, и право изданія этого романа я даже отвоевалъ у своего издателя. Но вотъ именно этотъ планъ приводитъ меня къ мысли, что дѣйствительно такой романъ рискуетъ оказаться маринованнымъ. Это, видите ли, романъ о человѣчествѣ, какимъ оно станетъ черезъ пять столѣтій. Разумѣется, тамъ должны оказаться и всѣ изобрѣтенія человѣческой техники. Такъ вотъ въ этомъ планѣ я могъ бы вамъ показать «телеграфъ безъ проводовъ». Это я сфантазировалъ 28 лѣтъ назадъ! А теперь это—фактъ, который знаютъ школьники. Есть у меня тамъ еще «чтеніе на разстояніи». А теперь есть лучи Рентгена и, можетъ-быть, мы наканунѣ чтенія мыслей. Представьте, что же это будетъ, если такъ случится и со всѣмъ другимъ, о чемъ я загадываю?

— Все, что я читалъ изъ области фантастическаго романа, забѣгающаго за нѣсколько вѣковъ впередъ,— продолжалъ онъ, — все это не то, чего я хочу. У Беллами, у Жюль-Верна, у Уэльса все молніеносные автомобили, летающіе по воздуху аэропланы и т. д. Развѣ въ томъ дѣло? Читать ли при свѣтѣ газа или при свѣчѣ, и на чемъ ѣхать, на конѣ или летучей стальной птицѣ? Дѣло—въ нравственной перемѣнѣ человѣчества. Какъ перестроится семья? Какъ сложится жизнь мужчины и женщины? Какъ религія будетъ освѣщать жизнь, — вотъ что интересно. Развѣ пули думъ-думъ, моторы и подводныя лодки подвинули хотя бы на одинъ сантиметръ человѣчество къ міровому счастью? Вотъ выдумали электрическій свѣтъ. Ну, что изъ него особеннаго вышло? Да, свѣтитъ, портитъ глаза, а вѣдь существо-то свѣта таково же здѣсь, какъ и въ керосинкѣ. И человѣчество не стало отъ этого лучше на грошъ!..

VII.

Смерть помѣшала Саліасу осуществить и ту, и другую идею. Мы не имѣемъ ни этого романа типа мемуаровъ, ни утопіи о будущемъ, болѣе счастливомъ человѣчествѣ.

Что касается второй мысли, то очень правдоподобно, что Е. А. далеко не летѣлъ къ ней въ самые послѣдніе годы такъ свѣтло и радостно, какъ въ старину. Послѣдніе годы—съ революціей, разстрѣломъ Прѣсни, арбатскими баррикадами, забастовками и потоками крови,—вѣроятно, въ значительной мѣрѣ охладили его мечту о человѣческомъ счастьи.

Эта буря вообще произвела жестокій и болѣзненный переломъ въ Саліасѣ. Ко всему эти годы явились и годами трагическихъ надъ нимъ завоеваній старости и болѣзни. Въ 1906 году онъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, но это былъ уже не прежній Саліасъ.

Тонкія, высоко взброшенныя брови взлетѣли еще выше. Болѣзненно смотрѣли глаза, на которые уже наложило слѣдъ страданіе. Слегка дрожали тонкія, исхудавшія руки, на которыхъ вздулись синія, старческія жилы. Усохло, осунулось лицо, явилась предательская нетвердость походки. Какъ старый, усталый конь, какъ-то неувѣренно разбрасывая ноги, придерживаясь то за одну, то за другую стѣнку узкаго коридора, онъ шелъ по тому же отелю и уныло говорилъ:

— За этотъ годъ я постарѣлъ, какъ за десять лѣтъ. Не та голова, не тѣ ноги. Иногда такъ шатнетъ, что можно подумать, будто я пьяный. Недавно былъ съ дочерью на гуляньѣ, и меня такъ шатнуло, что, конечно, всѣ рѣшили—«пьяный». Старое еще помню, а вотъ что было три мѣсяца назадъ, забылъ. Все путаю. Что было мѣсяцъ назадъ, мнѣ кажется, было вчера...

Воображеніе его еще было цѣликомъ заполнено, захвачено и потрясено недавно пережитыми ужасами.

Поминутно онъ прорѣзалъ разговоръ воспоминаніями то о той, то о другой подробности московскаго возстанія. Прежде, бывало, онъ часто обращался къ разговору о томъ, что его напрасно и безъ спросу записали въ консерваторы и чуть не реакціонеры, — теперь онъ откровенно и рѣзко хотѣлъ отгородиться отъ тѣхъ, кто захватилъ въ руки знамя освобожденія. Лѣтъ пять назадъ онъ говорилъ:

— Покажите мнѣ хоть одну мою мракобѣсную страницу. Когда я стоялъ за произволъ или тьму и курилъ ѳиміамъ капраламъ, взявшимъ палку? Моя жизнь началась съ того, что въ числѣ троихъ студентовъ университета я подалъ петицію императору Александру II отъ имени студенчества и былъ за это исключенъ изъ университета. У меня есть такая эгида, какъ графскій титулъ, и, однако, мнѣ такъ счастливилось на аресты, какъ не всякому литературному плебею. Въ бытность за границей я водилъ дружбу съ людьми, отъ которыхъ правовѣрные бѣжали на пушечный выстрѣлъ. Мы были хороши съ Кельсіевымъ. Въ Парижѣ я дружилъ съ однимъ полякомъ, за голову котораго дорого дало бы въ то время русское правительство. Онъ жилъ подъ видомъ птичника. И наши бесѣды происходили въ атмосферѣ, которую безъ раздраженія могъ выносить только развѣ русскій эмигрантъ...

Теперь Саліасъ готовъ былъ открещиваться отъ всякаго общенія съ нынѣшними освобожденцами. Свѣдѣнія о дняхъ «возстанія» шли къ нему, очевидно, изъ источниковъ, окрашенныхъ вполнѣ опредѣленно.

— Насъ раздѣляютъ сорокъ лѣтъ,—говорилъ онъ,— и я могу понять, почему вы не раздѣляете моихъ понятій. Разумѣется, я не противъ свободы, но я прямо противъ тѣхъ, кто ее хотѣлъ добывать нынче. Свободу добываютъ святыя руки. Я видѣлъ, какъ ее добывали грязными. Арбатъ, гдѣ происходила стрѣльба, недалеко отъ моего

Левшина. Своими ушами я слышалъ плачъ и жалобы жены городового, котораго тамъ убили,—такого же мужика, только въ формѣ! Такъ называемые революціонеры нанимали за шестьдесятъ копеекъ дворника, и онъ носилъ доски и бревна на баррикады. Помилуйте, развѣ можно нанимать въ революцію! А вѣдь никто не будетъ отрицать, что въ эту революцію нанимали. Четырнадцатилѣтнему мальчику поручили за сорокъ копеекъ вывѣсить красный платокъ надъ кучей бревенъ. Ну, убили мальчишку! Устроивъ баррикады, снимались на нихъ въ геройскихъ позахъ, съ револьверами въ рукахъ!.. Стыдъ! Развѣ это могло притти въ голову въ такихъ обстоятельствахъ? Вѣдь вотъ декабристы тоже добывали свободу. И мое глубочайшее сочувствіе на ихъ сторонѣ. Это даже не самопожертвованіе. Это выше! Здѣсь идеализмъ, почти не повторяемый въ нашей исторіи. И если бы я писалъ теперь романъ о декабристахъ, я боялся бы, восторгаясь ими, не выказать презрѣнія къ нынѣшнимъ революціонерамъ. Я воспитался на идеяхъ гуманности, которыя сѣяли въ мою душу Тургеневы, Грановскіе, Кудрявцевы. Если бы Грановскіе и Кудрявцевы жили теперь, они съ ужасомъ отвернулись бы отъ этого вандальства, отъ этихъ потоковъ крови...

Къ этой же порѣ, къ старости, приберегла судьба и крупнѣйшее для Саліаса огорченіе. Говорю объ отреченіи его отъ правъ собственности на свои сочиненія и продажѣ ихъ въ чужія руки.

Кажется, двадцать семь съ половиною тысячъ Саліасъ считалъ совершенно точною цифрою, вознаградившею его за потерю своего первородства. Въ довольно критическую минуту жизни онъ охотно согласился на эту сумму, не предвидя, какой ростъ гонораровъ ожидаетъ литературу совсѣмъ недалеко впереди. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ девятидесятыхъ годахъ Саліасъ, конечно, могъ бы получить за свой

жизненный трудъ огромныя деньги, вмѣсто этой чечевичной похлебки.

Покойный говорилъ съ тоской объ этой своей ошибкѣ, а въ послѣдніе годы при разговорѣ на эту тему прямо махалъ рукой и просилъ перемѣнить разговоръ, чтобы не вызывать раздраженія. Случилось еще такъ, что, помимо его воли, право на единовременное изданіе собранія его сочиненій было переуступлено издателемъ одному реакціонному московскому изданію. «Саліасъ» былъ выданъ подписчикамъ въ качествѣ «безплатнаго приложенія» съ убогимъ портретомъ, въ сѣромъ, неопрятномъ изданіи. Положительно чуть не со слезами старикъ говорилъ объ этой, учиненной надъ нимъ расправѣ.

— Вѣкъ крѣпостничества прошелъ, — говорилъ онъ мнѣ однажды,—и только въ одной литературѣ еще существуютъ крѣпостные. На старости лѣтъ я оказался крѣпостнымъ Берга, который «прилагаетъ» меня, какъ онъ хочетъ и куда онъ хочетъ. Меня не спросили, хочу ли я служить тому дѣлу, которому они служатъ своимъ изданіемъ, симпатично ли мнѣ это дѣло, раздѣляю ли я ихъ мутное мракобѣсіе. Меня просто взяли и «приложили», и я не могу протестовать, потому что я дѣйствительно «продалъ себя» и выговорилъ только одно право лично издавать впредь свои воспоминанія и одинъ фантастическій романъ изъ жизни XXV столѣтія. Я не могу смотрѣть безъ содроганія на пухлую дешевку, въ какую превратили мои книги, на эту сѣрую бумагу, грязный шрифтъ, на тучи опечатокъ. Подъ какой-то мазней подписано «графъ Саліасъ», а по-моему, это «село Саліасово» или что угодно, только не мой портретъ...

Сознаніе невозможности опротестовать фактъ «приложенія», повидимому, всего болѣе удручало Саліаса.

«Карцовъ—добрый и честный человѣкъ, — писалъ онъ мнѣ въ одномъ письмѣ. — Не кулакъ. Отдалъ онъ мои сочиненія въ паршивый журналъ лакея Берга. Но на

это его право. Мотивъ, конечно, не сочувствіе Карцова «убѣжденіямъ» (???) господина Берга, а одинъ лишь денежный расчетъ ...

Отношенія писателя и посредника между нимъ и читателемъ вообще часто вызывали огорченія и протесты Евгенія Андреевича. Однажды, давая расписку въ полученіи гонорара за романъ, онъ сказалъ:

— Вотъ какъ у васъ просто, хоть и на нѣсколько тысячъ! А то обыкновенно приходится подписывать такой унизительный документъ, что стыдно за свое писательское достоинство. Я разъ сказалъ покойному издателю М.: «Не можете ли вы объяснить мнѣ, почему писатель и издатель стоятъ не на одной доскѣ. Въ вашемъ контрактѣ написано, что я продаю вамъ романъ новый, нигдѣ не напечатанный ни подъ этимъ, ни подъ другимъ названіемъ, обязуюсь не перепродавать его въ другое мѣсто, не издавать до такого-то срока и т. д.,— словомъ, не быть жуликомъ. Я подпишу все это, но подпишите и вы мнѣ, съ своей стороны, условіе, что вы тоже жуликомъ не будете, что этотъ романъ вы не издадите безобразно и съ опечатками, что не будете его продавать кусками на Невскомъ, что не испортите его непристойными рисунками и т. д.» Онъ засмѣялся, и, въ концѣ-концовъ, засмѣялся и я, потому что я просто покладливый человѣкъ. Но какъ жалко, что всѣ мы, литераторы, слишкомъ покладливые люди!..

VIII.

Съ каждымъ новымъ пріѣздомъ все старѣлъ и скудѣлъ Саліасъ. Отзвуки старости и болѣзни звенѣли и въ письмахъ.

«Я уже давно хвораю, — писалъ онъ въ началѣ 1905 г.,—и въ формѣ, которая меня смущаетъ. Безсонница! Кажется, дѣло простое, а между тѣмъ это дѣло

ужасное. Я исхудалъ и опустился страшно. Подумайте, ни ночью, ни днемъ нѣтъ сна. Теперь какъ будто пошло лучше отъ усиленнаго пріема брома, но боюсь, что такъ прекращу пріемы, то начнется опять. Надежда пріѣхать и пожить въ Петербургѣ рушилась»...

Только еще одинъ разъ мнѣ пришлось наблюдать Е. А. въ подъемѣ настроенія и даже въ извѣстномъ авторскомъ удовлетвореніи. Въ августѣ 1904 г. онъ писалъ мнѣ:

«Я на-дняхъ выѣду въ Петербургъ и, какъ пріѣду, тотчасъ вамъ напишу. Быть у васъ самъ я могу, если вы забросите въ «Грандъ Отель» вашъ адресъ на мое имя.

«Я везу романъ въ десять листовъ для помѣщенія, а куда—и самъ не знаю. Будетъ очень, конечно, обидно, если онъ попадетъ въ такой журналъ, у котораго тысячи двѣ-три подписчиковъ, потому что, къ моему великому удивленію (но и къ радости), я тряхнулъ стариной. Написалось, какъ прежде писалось. Я невольно улыбнулся, что вы считаете порядочнымъ романомъ «Лебедь». Что же бы вы теперь сказали, если бы прочли мою, мнѣ очень крѣпко правящуюся «Сатаниллу» — прозвище героини романа, которая — ангелъ-дьяволъ, un ange endiablée, какъ говорится по-французски. Я же влюбленъ въ мою героиню безъ памяти... Въ иныхъ журналахъ мнѣ выкинутъ три-четыре главы ради якобы того, что это семейные журналы, и надо, чтобы въ нихъ соблюдалось строгое благоприличіе,—собственно пуританизмъ, если не совсѣмъ pruderie. И это во время процвѣтанія вещей Горькаго и Андреева!..

«Впрочемъ, я сильно надѣюсь отдать романъ въ «Русскій Вѣстникъ». Но сколько у него читателей-подписчиковъ? Семь съ половиной или девять съ четвертью человѣкъ? По пріѣздѣ, конечно, посовѣтуюсь съ вами, что мнѣ дѣлать. Вы опытнѣе меня въ этомъ, какъ обы-

ватель Петербурга. А покуда до свиданія. Крѣпко жму вашу руку».

Въ сентябрѣ мы увидѣлись. Саліасъ вручилъ мнѣ свою «Сатаниллу» почти съ волненіемъ и слѣдомъ послалъ письмо:

«Жду васъ сегодня обѣдать въ 6 или 7 часовъ, хотя бы вы и не успѣли прочесть всего романа. Просто побесѣдовать. Меня страшно интересуетъ вопросъ: неужели я настолько постарѣлъ и поглупѣлъ, что уже не могу имѣть вѣрнаго представленія о своемъ произведеніи?

«Я считаю «Сатаниллу» лучшимъ изъ моихъ романовъ и самымъ лучшимъ за послѣднія 10—12 лѣтъ. Неужели вы мнѣ не подтвердите моего мнѣнія? Это будетъ для меня ударомъ, и главное потому, что я считаю васъ авторитетнымъ для меня оцѣнщикомъ... Написавъ романъ этотъ, я себѣ сказалъ:

— «Нѣтъ, ничего, я старъ, но еще за себя постою, писать могу!»

«И вдругъ вы мнѣ скажете, что я ошибаюсь, что романъ слабъ, неинтересенъ, плохъ. Это будетъ очень грустно! Итакъ, жду васъ съ нетерпѣніемъ. Вашъ Саліасъ».

Романъ былъ продуктомъ «чистаго искусства». Онъ не трогалъ «проклятыхъ» вопросовъ; но все огромное знаніе человѣческой души, весь свой жизненный опытъ и все писательское мастерство Саліасъ направлялъ на изображеніе оригинальной женщины, сложной натуры, обаятельной и захватывающей. Я былъ радъ, когда могъ искренно высказать полное удовлетвореніе романомъ. Фактическимъ доказательствомъ этого было то, что романъ былъ пріобрѣтенъ для изданія, къ которому я былъ близокъ.

Саліасъ казался довольнымъ,—всего больше, конечно, нравственною стороною дѣла.

— При моей антипатіи къ своимъ книгамъ,—сказалъ онъ,—я храню любовь къ нѣкоторымъ своимъ женскимъ

типамъ. Это въ особенности тогда, когда эти женщины являлись отраженіемъ подлинныхъ, какихъ я зналъ. Такъ было съ «Сандрильоной», такъ съ «Сатаниллой», и потому я люблю оба эти романа. Я люблю иногда перечитать діалоги «Сандрильоны», «Los Novios». Иногда мнѣ удавалось здѣсь пророчествовать. Разъ я написалъ романъ объ одной четѣ, какую зналъ въ дѣйствительности. Но въ концѣ я фантазировалъ. Года черезъ три то, что я сфантазировалъ, именно случилось съ этою четой.

— А вообще вы не грѣшили портретностью?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Я—чистый фантазеръ. Я вообще не могъ даже «надумывать», «выпашивать» вещей. Всегда выходило скверно. Всегда лучше было, когда я давалъ себѣ полную волю. Передъ тѣмъ, какъ писать, я не только не обдумывалъ предстоящей главы, но намѣренно или просилъ своихъ дочерей поговорить со мной о чемъ попало, или бралъ газету и уходилъ мыслью именно въ то, что было далеко отъ моего сюжета. Я—чистый импровизаторъ и беллетристъ pur sang. Замѣчу еще одну особенность: я не могъ никогда мѣнять именъ своихъ героевъ. Стоило мнѣ измѣнить разъ намѣченное имя,—исчезалъ образъ. И когда иной разъ я бралъ имя какого-нибудь знакомаго,—мнѣ потомъ представлялась, при необходимости замѣны его, почти непреодолимая трудность.

IX.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Евгенія Андреевича въ іюнѣ 1907 года, уже у него, въ Москвѣ.

Огромный московскій аулъ былъ пустъ, пыленъ, заставленъ рогатками. Москвы не было дома. Она вся выѣхала на дачи и въ свои подмосковныя. Только ста-

раго затворника можно было съ ручательствомъ застать дома, у Покрова въ Левшинѣ.

У меня въ памяти были слова изъ его письма:

— «Если вы будете въ Москвѣ, хотя бы проѣздомъ, я беру съ васъ слово навѣстить меня... Благодаря двумъ основнымъ чертамъ или недостаткамъ моего характера— домосѣдству и нелюдимости, — я живу, какъ настоящій отшельникъ. Вотъ уже восемнадцать лѣтъ, что я нигдѣ не бываю и никого не вижу. Москвичъ по рожденію и по жительству, я ухитрился пріобрѣсти въ Петербургѣ не только знакомыхъ, но и друзей. Въ числѣ послѣднихъ я считаю и васъ, несмотря на огромную разницу лѣтъ между нами. Я считаю васъ въ наше время, странное время, «сфинксское», если не просто свинское, загадочное, если не отвратительное, — считаю наше случайное знакомство прямо-таки отраднымъ явленіемъ на моемъ жизненномъ пути. Если вы будете сюда, то вспомните, что у меня большая и пустая квартира, гдѣ никого никогда не бываетъ. Самъ хозяинъ квартиры— «терпимый».

Послѣдними словами онъ намекалъ на колебаніе въ послѣдніе годы почвы подъ его служебнымъ положеніемъ. Эта служба, дававшая ему жалованье и квартиру, въ послѣдніе годы была для него уже чистой синекурой.

Послѣдній пріѣздъ его въ Петербургъ былъ связанъ съ этимъ вопросомъ. И онъ именно пріѣзжалъ хлопотать о сохраненіи за нимъ его должности, которую онъ рисковалъ потерять. Объ этой службѣ онъ говорилъ съ простодушной старческой откровенностью и, улыбаясь, разсказывалъ, что только разъ въ годъ онъ долженъ «наряливать» на себя расшитый мундиръ и не то кому-то представляться, не то кого-то съ чѣмъ-то поздравлять. Такъ онъ былъ «терпимымъ» дѣйствительно въ буквальномъ смыслѣ.

Москва уже зачинилась и покрасилась послѣ зловѣщихъ дней. Только кое-что еще напоминало о пролетѣвшей надъ ней грозѣ. Черезъ Мертвый переулокъ («какъ стильно!»—подумалъ я) я выѣхалъ къ старенькой скромной церкви у Покрова въ Левшинѣ, въ тихій, полусонный кварталъ Москвы. Невдалекѣ отъ церкви—довольно длинный двухъэтажный, старинной стройки домъ пекся на солнцѣ. Вмѣсто подъѣзда—двѣ широкія двери со стеклами. Стекла выгорѣли. Одна дверь давала впечатлѣніе чуть не заколоченной. — Это дворцовый домъ?—Это,—отвѣчалъ городовой.—«Ужъ полно,—тутъ ли живетъ Саліасъ?» подумалъ я. Оказалось, тутъ.

Я вошелъ въ домъ, и съ первыхъ шаговъ меня властно охватило настроеніе старо-барскаго московскаго дома. И лѣсенки съ пузатыми деревянными перильцами, и узкіе коридорчики, увѣшанные старинными портретами и картинами, и въ сторонкѣ гостиная съ типичнымъ колоритомъ эпохи сороковыхъ годовъ,—Боже мой, до чего все это было постарому, не по-нынѣшнему, по-своему!

Я невольно вспомнилъ слова графа объ екатерининскихъ гвоздяхъ, которые онъ еще засталъ на прежнемъ мѣстѣ. Милой прелестью невозвратныхъ дней, обаяніемъ тургеневскихъ «дворянскихъ гнѣздъ» повѣяло на меня отъ этихъ картинъ со стѣнъ, отъ портретовъ, низкихъ потолковъ, мягкой мебели,—отъ всего этого трогательнаго уюта, въ которомъ чувствовалось полное отсутствіе искусственности, поддѣлки, «стилизаціи». Все это вдругъ такъ охватило душу, что невольно почудилось, что вотъ сейчасъ снизу послышатся шаги, и тихій разговоръ, и дѣвичій смѣхъ, и войдетъ Рудинъ или Лаврецкій, Лиза или Елена, или старинныя клавесины заиграютъ забытый вальсъ двадцатыхъ годовъ...

Черезъ узкій коридорчикъ я прошелъ въ кабинетъ графа. Невольно съ первыхъ же словъ вырвалось выраженіе очарованія всей этой стильной стариной,

— Да вѣдь и я старъ,—сказалъ онъ, привставъ на своемъ креслѣ.—Ничего не подбиралъ, а такъ все само и подобралось старое. Самой молодой картинѣ у меня дѣйствительно не меньше ста лѣтъ.

X.

Я едва сдержалъ печальное восклицаніе, взглянувъ на Саліаса. До чего онъ измѣнился, одряхлѣлъ, упалъ! Мѣняла его огромная отпущенная борода и неровныя, нависшія на щеки бакенбарды. Исчезло его былое старческое изящество. Больной, умирающій Донъ-Кихотъ сидѣлъ передо мною въ креслѣ. Вмѣсто пенснэ были надѣты очки, вмѣсто изящнаго редингота — халатъ.

Саліасъ, очевидно, угадывалъ производимое имъ впечатлѣніе и первый началъ:

— А я вотъ совсѣмъ состарился, расхворался. Не схожу съ кресла. Поздно засыпаю, и вотъ сейчасъ два часа, а это — мое утро и чай.

Кабинетъ былъ большой и просторный, съ нѣсколькими письменными столами, этажерками съ книгами, старинными-старинными креслами, такими уютными, ласковыми, удобными, очевидно, когда-то, давно-давно бывшими послѣднимъ словомъ искусства и удобства.

Довольно большая этажерка была сплошь уставлена книгами самого Евгенія Андреевича.

Книги безъ переплетовъ и далеко не въ образцовомъ порядкѣ... По числу изданій съ графомъ Саліасомъ, пользовавшимся всегда совершенно исключительнымъ читательскимъ вниманіемъ, могли бы поспорить развѣ самые плодовитые изъ нашихъ романистовъ. Въ одномъ изданіи «полнаго собранія» его сочиненій г. Кардова уже къ тому времени вышло тридцать компактныхъ томовъ.

Большой письменный столъ въ темномъ углу кабинета былъ заваленъ книгами и рукописями въ такъ называемомъ живописномъ безпорядкѣ.

Напротивъ него большой столъ былъ весь уставленъ семейными фотографіями въ рамкахъ. Прекрасные фамильные портреты масляными красками висѣли на стѣнахъ. Здѣсь были два портрета отца писателя, его дѣда, бабки и прадѣда.

Надъ маленькимъ чайнымъ столомъ огромный, во весь ростъ, висѣлъ портретъ Евгеніи Туръ въ преклонныхъ лѣтахъ — увеличенная фотографія, съ исключительнымъ искусствомъ сдѣланная въ Парижѣ.

Надъ портретомъ его молодой жены висѣлъ прекрасный портретъ императрицы Екатерины, именно тотъ, который воспроизводится на сторублевкахъ.

— Я всѣмъ желаю побольше такихъ портретовъ въ собственномъ бумажникѣ, — пошутилъ Саліасъ.

Въ темномъ углу виднѣлся крупный, потемнѣвшій портретъ мужчины въ камзолѣ и прическѣ петровской поры.

— А это вотъ родоначальникъ всѣхъ насъ, братьевъ-писателей, — отрекомендовалъ онъ. — Угадайте, кто?

Полуинстинктивно, по какимъ-то черточкамъ, сохранившимся въ памяти, полусознательно я угадалъ, что это Кантемиръ.

— Вотъ и эти портреты, совершенныя уники, и кой-что другое я бы готовъ пожертвовать куда-нибудь, но только въ вѣрныя руки, — сказалъ Е. А. — Въ былое время я очень любилъ пріобрѣтать подобныя вещи. И въ старину это было много дешевле, чѣмъ теперь. Разумѣется, меня всегда особенно интересовала историческая портретная живопись. Мнѣ удалось достать рѣдкіе, единственные портреты Павла, Петра III, Анны Іоанновны, Елисаветы и т. д. Попробуйте найти, напримѣръ, гдѣ-нибудь Екатерину въ военномъ мундирѣ,

вотъ эту Салтычиху или Софью Полоцкую! Своеобразные оттѣнки ихъ лицъ, схваченные художникомъ, давали мнѣ кой-какія субъективныя проясненія въ ихъ психологіи. Сейчасъ у меня ремонтъ. И я почти на отлетѣ изъ Москвы. Многіе портреты уже сняты и вынуты изъ рамъ. Но мы все-таки ихъ посмотримъ...

Худой, испитой, слабый, онъ водилъ меня въ этотъ же вечеръ изъ комнаты въ комнату, изъ коридора въ коридоръ, по большой квартирѣ, уже разрушенной штукатурами и плотниками. Дрожалъ подсвѣчникъ въ его рукѣ, которую онъ поднималъ кверху, вырывая изъ тьмы красочные холсты. Были заурядныя вещи, были прекрасныя. Самъ онъ дѣлилъ ихъ на пять отдѣловъ и сообразно этому дѣленію завѣщалъ картины наслѣдникамъ.

Передъ чайнымъ столомъ Евгенія Андреевича стояло высокое узкое кресло. Ему измѣняли ноги, и онъ взбирался на кресло, какъ ребенокъ.

— Это мое любимое,—пояснилъ онъ.—И у матери оно было любимымъ. Только тутъ мнѣ по себѣ. Одинъ гость чуть не обидѣлся. «Что вы, говоритъ, точно на тронѣ сидите, а гостя на стулъ сажаете!» Моя единственная болѣзнь—старость. Вообще у меня ничего не болитъ. Совершенно свѣжа голова. Доктора находятъ всѣ мои органы въ порядкѣ. А вотъ ноги такъ измѣняютъ, что иногда идешь и чувствуешь необходимость опереться о стѣнку. На кресло влѣзаю, какъ малое дитя.

— Какое же происхожденіе этой болѣзни?

— А вотъ я бы дорого далъ тому, кто мнѣ сказалъ бы это. Врачи совершенно недоумѣваютъ. И остается одно послѣднее объясненіе, что это «наслѣдственное». Мой отецъ тоже страдалъ ногами. Сейчасъ меня посылаютъ въ Кисловодскъ. Но воды, говорятъ, рискованная вещь для такихъ больныхъ, какъ я. Предостере-

гаютъ, что первой ванны больной иногда не переноситъ. Вдругъ хлопнетъ. И я боюсь. А мнѣ хотѣлось бы еще показать, что я не вовсе сдаюсь. У меня есть литературные планы, и прямо хочется писать. Фантазія работаетъ, какъ и прежде. Хотя, конечно, мои лѣта немалыя. И о смерти уже не приходится говорить съ шуткой. Когда-то, во дни оны, я вотъ придумалъ надпись къ стрѣлкѣ этихъ часовъ (онъ сдѣлалъ движеніе рукой по направленію къ прекраснымъ стариннымъ часамъ на колонкѣ изъ краснаго дерева). И въ свое время это было недурно. Я написалъ на стрѣлкѣ: «Веду къ смерти». Домашніе недавно сняли надпись, потому что теперь ужъ это совсѣмъ правда, и жуткая. Здѣшней зимы я совершенно не переношу, и надо отъ нея уѣхать. Возвращусь, вѣроятно, уже на другую квартиру, а не въ эту, гдѣ прожилъ восемнадцать лѣтъ. Въ старину здѣсь была церковь, и этотъ кабинетъ былъ алтаремъ. Гдѣ печка, здѣсь, можетъ-быть, былъ престолъ...

XI.

Впечатлѣнія послѣднихъ, жуткихъ лѣтъ еще властно давили его. Ко всему, только что разыгралась скандальная эпопея Гурки, его родного племянника, и, конечно, ранила его больно. Нѣтъ-нѣтъ, и онъ возвращался къ памяти безпокойныхъ дней и, не жалуясь ни на забвеніе, ни на «молодую» литературу, ни на модныя знаменитости, съ горечью говорилъ о кровавыхъ дняхъ для Москвы.

— У меня много плановъ, и мнѣ хочется работать. Но за все это время я не написалъ ни одной строки. Послѣдніе годы общественной жизни могли мало способствовать творческимъ настроеніямъ. Прежде всего никому не было и дѣла до того, пишутся историческіе романы или нѣтъ. А затѣмъ и вообще что приходи-

лось переживать! Вѣдь я былъ безвыѣздно въ Москвѣ даже во дни вооруженнаго возстанія. Чего-нибудь стоило пережить дни баррикадъ на Арбатѣ и весь хаосъ тѣхъ дней! Моя дочь гуляла около дома, а по другой сторонѣ шелъ священникъ съ ребенкомъ, и ребенка чуть-чуть не подстрѣлила шальная пуля!.. Видите, какъ все это было недалеко отъ меня. Этотъ кровавый туманъ омрачилъ мои мечты о русской свободѣ.

И, какъ годъ или два назадъ, онъ повторилъ мнѣ свою фразу объ ужасѣ Тургенева и Грановскаго передъ багровымъ русскимъ кошмаромъ.

Я спросилъ его, слѣдитъ ли онъ теперь за современной книгой, за молодой литературой.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ: — я отсталъ. Нѣкоторые принципы молодой литературы мнѣ антипатичны. Меня вообще огорчаетъ современное паденіе идеализма не только въ литературѣ, а и вообще въ жизни, и мнѣ кажется, что вотъ людямъ вашего поколѣнія выпадаетъ благородная и трудная роль пронести идеалы добра, которымъ служили мы, старые писатели, черезъ смуту нынѣшнихъ дней и передать ихъ новымъ поколѣніямъ, какъ вотъ лѣтописцы проносятъ и передаютъ потомкамъ сказанія о событіяхъ. Можетъ-быть, поэтому я живу отчужденно и отъ современной жизни, и никуда не показываюсь. Васъ удивитъ, что, напримѣръ, въ театрѣ я былъ въ послѣдній разъ чуть не двадцать лѣтъ назадъ, когда шла пьеса А. С. Суворина «Татьяна Рѣпина». Не снимался я тоже лѣтъ двадцать. Вообще я всегда боялся рекламы. А боялся рекламы потому, что слишкомъ на нее насмотрѣлся...

Въ самомъ дѣлѣ, два юбилея Саліаса — 25-лѣтній и 40-лѣтній — прошли безъ всякой попытки подогрѣванія читательскихъ симпатій. Вещественнымъ доказательствомъ его 25-лѣтняго юбилея былъ висѣвшій въ его кабинетѣ юбилейный адресъ ему, покрытый сотнями подписей.

— Четверть вѣка вашей литературной дѣятельности исполнилось въ тысяча восемьсотъ восемьдесятъ восьмомъ году, — сказалъ я. — Значитъ, полвѣка будетъ въ тысяча девятьсотъ тринадцатомъ?

— Да, — сказалъ онъ, — было бы, но до этого года мнѣ ужъ, конечно, не дожить. Кстати, и число для меня роковое, — улыбнулся онъ. — Очевидно, это будетъ для меня послѣднее тринадцатое число.

Еще раньше я зналъ со словъ Евгенія Андреевича, что цифра 13 дѣйствительно играла до курьеза фатальную роль въ его жизни.

Онъ родился 13-го апрѣля. Годъ рожденія его — 1840 — даетъ сумму цифръ — 13. По прямой линіи графъ Саліасъ — 13-й представитель рода. Самый родъ упоминается въ исторіи Франціи въ первый разъ въ XIII вѣкѣ. Въ его имени и фамиліи, написанной по-французски — 13 буквъ.

Въ дни студенчества, 13-го октября онъ былъ избранъ въ число трехъ депутатовъ во время московской студенческой исторіи. Депутація должна была передать петицію государю, и за это молодой Саліасъ 13-го марта былъ исключенъ изъ университета. Первый гонораръ его былъ 13 рублей. 13-е августа трижды играло въ его жизни фатальную роль. Если написать по-русски литературную и офиціальную его подпись — «Графъ Е. Саліасъ» въ ней будутъ тѣ же 13 буквъ...

Саліасъ былъ попрежнему привѣтливъ и ласковъ, попрежнему интересенъ, нервенъ и оживленъ. Но я смотрѣлъ на него съ грустнымъ чувствомъ, когда онъ, странно раскидывая плохо повинующіяся ему ноги, ходилъ со мною изъ комнаты въ комнату или уныло ежился въ креслѣ. «Славный старикъ скоро умретъ, скоро умретъ, скоро умретъ», не выходило у меня изъ головы. И, прощаясь съ нимъ, я уже видѣлъ, что прощаюсь съ нимъ навѣки.

Въ ночь на 6 декабря ласковый старикъ тихо почилъ. Онъ не перенесъ воспаленія легкихъ. Новый обитатель стараго дома «у Покрова въ Левшинѣ» вспугнетъ поэтическія тѣни, уютно тамъ дремлющія. Только старожилы будутъ помнить, что здѣсь восемнадцать лѣтъ жилъ талантливый романистъ графъ Саліасъ. Лежитъ онъ на Новодѣвичьемъ кладбищѣ Москвы рядомъ съ матерью.

Умеръ Саліасъ, не выполнивъ своихъ писательскихъ надеждъ послѣднихъ лѣтъ, не написавъ ни фантастическаго романа, ни романа о современности. Критика его уже забыла. Послѣдняго утѣшенія писателя «на покоѣ» — видѣть хорошо изданное собраніе своихъ сочиненій — судьба ему не дала. Болѣзнь и старость заслонили ему радость бытія и счастье семьи. Все, что было ему дорого и свѣтило ему въ жизни, умерло, умерло, умерло. Новая жизнь нравилась ему все меньше и меньше...

И, думается, усталый и больной, онъ могъ разстаться съ землей безъ особеннаго сожалѣнія...

ВСЕВОЛОДЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Онъ дерзновенно входилъ
Въ мракъ молчаливыхъ могилъ:
Тѣни вѣковъ передъ нимъ
Всѣ проносились, какъ дымъ.
Мудрости призракъ сѣдой
Велъ его скользкой тропой,
Но воспаленнымъ мечтамъ
Чудный все видѣлся храмъ...
Храмъ тотъ—не греза, не сонъ:
Вотъ у дверей его онъ,
Вѣрный въ рукахъ его ключъ,
Зовъ его воли могучъ!

ВСЕВОЛОДЪ СОЛОВЬЕВЪ.

I.

— Не то плохо, что вы опоздали на нѣсколько минутъ,—плохо то, что я умираю...

Это были первыя слова автора «Горбатовыхъ», которыя я услышалъ отъ него въ отвѣтъ на свое привѣтствіе и извиненіе приблизительно за годъ до его смерти. Онъ былъ, какъ всегда, безукоризненно — для дома почти роскошно—одѣтъ, тщательно выбритъ, въ лицѣ не было худобы умирающаго, и оно было полно и даже свѣжо.

Но черезъ темное, дымчатое пенсне смотрѣли утомленные, печальные, немолодые глаза, и дыханіе у него было порывистое, тяжелое и напряженное, какое бываетъ у стариковъ. Что-то старо-барственное чувствовалось въ его фигурѣ, манерѣ держаться, слушать и говорить, но отсутствіе бороды молодило его. И, несмотря на то, что волосы его явно серебрились и ему шелъ шестой десятокъ, его какъ-то нельзя было назвать старикомъ. Давно уже онъ страдалъ сердцемъ, внушавшимъ серьезныя тревоги, и усиленно лѣчился.

— Что-то странное съ моимъ сердцемъ,—пояснилъ онъ.—Никто ничего не понимаетъ. Я не могу спать,—боюсь, что задохнусь. Профессоръ запретилъ выходить изъ дому, и я сижу здѣсь въ четырехъ стѣнахъ, какъ узникъ въ темницѣ, оторванный отъ міра, отъ воздуха, пью капли, микстуры и считаю часы, приближающіе смерть...

Было литературное дѣло, касавшееся его послѣдняго романа «Цвѣты бездны» и заставлявшее меня его безпокоить. Дѣловой разговоръ неизбѣжно наклонилъ бесѣду въ сторону литературы.

— Я вѣдь отставной, — съ горькой усмѣшкой сказалъ онъ. — Опальный и покончeнный. Мое время прошло. Теперь я никому не нуженъ и не интересенъ.

Охлажденіе послѣ огромнаго вниманія публики произвело на Соловьева тяжелое впечатлѣніе. Онъ жилъ, въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее десятилѣтіе какъ бы уже въ отставкѣ отъ литературы, въ какомъ-то почти безучастіи къ себѣ, въ паническомъ страхѣ и отвращеніи къ какимъ-либо рекламнымъ о себѣ напоминаніямъ. У него не было даже своего портрета позднѣйшихъ лѣтъ, и на фотографіи, снятой лѣтъ за пять до его смерти и наиболѣе распространенной, онъ еще представляется моложавымъ, полнымъ, совсѣмъ не такимъ, какимъ былъ въ послѣдній, изнурившій его годъ. Въ нѣкоторомъ какъ бы отдаленіи отъ него совершался базаръ современной литературы, гдѣ торговали и торговались, — съ новыми богами, съ новыми именами, которыхъ онъ не могъ и не хотѣлъ услѣдить...

Ему, очевидно, доставляло какое-то терпкое удовольствіе бередить ноющую, вѣчную рану, и онъ точно радъ былъ попыткамъ возраженія, какъ новому поводу настаивать на своей мысли.

— Нѣтъ, нѣтъ, я еще живу, но я умеръ. Полевой, нынѣ уже покойный, въ своей исторіи литературы такъ прямо и написалъ, что я уже умеръ. Другой авторъ ходкой исторіи литературы напрямки назвалъ весь трудъ моей жизни лубкомъ. Я не могъ никогда и не могу сейчасъ пожаловаться на читателя. Онъ меня любилъ и дарилъ такими вещественными проявленіями симпатій, — кучами писемъ, показаніями библіотечной статистики, — какихъ, безспорно, не видѣло большинство

моихъ собратій. Знаете, — онъ улыбнулся: — бывали презабавные курьезы. Когда я кончилъ «Послѣднихъ Горбатовыхъ», нѣкоторые изъ читателей посылали мнѣ письма, спрашивая, въ какомъ уѣздѣ теперь проживаютъ мои герои. Но критика всегда была ко мнѣ презрительна и враждебна. Какія поносныя статьи удѣляла она мнѣ, какія нелѣпыя обвиненія, сколько вообще слѣпого и невѣжественнаго издѣвательства надо мной судьбы и литературы! Чужіе стихи печатались за моей подписью. Библіотеки подъ мое имя ставили стихи и разсказъ брата Владимира. Когда онъ защитилъ диссертацію, въ газетахъ писали: «молодой ученый—не только философъ, но и изящный беллетристъ, *и ею перу принадлежитъ повѣсть «Княжна Острожская»*. Меня травили, какъ врага. Я молчалъ. Я никогда не заявлялъ печатно объ этихъ ошибкахъ и никого собой не безпокоилъ. Только поначалу я вздумалъ было откликаться на обвиненія, когда писалъ у Саліаса въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Совсѣмъ юношей я былъ у него секретаремъ. Но отецъ далъ мнѣ добрый совѣтъ разъ навсегда бросить полемику. «Тебя не хватитъ на пять лѣтъ такой жизни. Прочитай, что пишетъ писатель побольше тебя», —и онъ открылъ мнѣ страничку изъ воспоминаній Тургенева: «Еще одинъ послѣдній совѣтъ молодымъ литераторамъ и одна послѣдняя просьба. Друзья мои, не оправдывайтесь никогда, какую бы ни взводили на васъ клевету. Не старайтесь разъяснить недоразумѣнія, не желайте—ни сами сказать, ни услышать «послѣднее слово». Дѣлайте свое дѣло, а то—все перемелется. Во всякомъ случаѣ, пропустите сперва порядочный срокъ времени и—взгляните тогда на всѣ прошедшія дрязги съ исторической точки зрѣнія» [1]). И я сохранилъ этотъ завѣтъ, какой бы вздоръ обо мнѣ

---

[1]) Тургеневъ, «По поводу Отцовъ и дѣтей». Т. XII, 102.

ни писали и какъ позорно ни обвиняли. Мнѣ иногда совѣтовали отвѣчать. Я молчалъ. Я даже просилъ: «не безпокойтесь доставать брани обо мнѣ,—это не такъ интересно, какъ вы думаете». Я зналъ людей, которые давали мнѣ въ печати возмутительную оцѣнку и черезъ какой-нибудь годъ печатали обо мнѣ восторженныя статьи. «И башмаковъ еще не износили!» Не правда ли, я имѣю право не совсѣмъ довѣрять критической искренности?

Оживившись, онъ началъ вспоминать примѣры недобросовѣстнаго отношенія критики къ другимъ авторамъ, литературные скандалы на этомъ фонѣ и, повидимому, искренно удивился, что я знаю о травлѣ Маркевича Буренинымъ и о другихъ случаяхъ, которыхъ лично уже не могъ застать, и разъ или два указалъ даже годъ и книжки журналовъ, гдѣ разразилась полемика.

— Вы, кажется, странный человѣкъ, — улыбнулся онъ.—Вы все читали. Вы, при вашей молодости, помните годъ напечатанія «Марины изъ Алаго Рога». Вотъ мы столько времени сидимъ, говоримъ о литературѣ, и намъ не скучно. Вы, кажется, любите литературу?

Онъ услышалъ искренность въ моихъ увѣреніяхъ, и что-то юношеское мелькнуло въ его глазахъ, горячія, искреннія ноты зазвучали въ голосѣ.

— Дайте вашу руку, если вы ее дѣйствительно любите. Я тоже люблю ее страстно, болѣзненно, какъ маньякъ. Любите ее! Какъ мало теперь людей, которые ее безкорыстно любятъ. Ее совсѣмъ не любятъ (тоска послышалась въ его голосѣ). А я бы не могъ дня прожить безъ литературы. Всю жизнь я горѣлъ ею. Послѣдніе годы я долженъ былъ отчасти уйти въ чужое мнѣ, служебное дѣло. Это меня гнететъ, давитъ. Но она все-таки моя царица, и безъ нея я не могъ бы жить.

Тотъ рабъ ея, кто разъ ее полюбитъ». Мое сердце — врагъ мой, но и сейчасъ я лелѣю замыслы и жду свой часъ свободы. Теперь я кончаю «Цвѣты бездны», большая часть которыхъ уже была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Знаете что,—удѣлите мнѣ вечеръ вниманія: я прочту вамъ вновь написанное. Мои родные искренни, но они, можетъ-быть, дружественно пристрастны ко мнѣ. Чужіе, можетъ-быть, льстятъ. Мнѣ было бы интересно мнѣніе стороннаго литературнаго человѣка, которому нѣтъ поводовъ ни лгать, ни льстить...

Я выразилъ ему мое удовольствіе, и онъ обѣщалъ меня увѣдомить письмомъ о днѣ чтенія.

II.

...Ему было не лучше и на этотъ разъ, и онъ читалъ тяжело, съ постоянными паузами, съ одышкой, точно волнуясь, отдыхая все чаще и чаще, чѣмъ дальше двигалось чтеніе.

— Вы счастливецъ,—можете пить вино и чай. А мнѣ осталась только вода съ малиновымъ вареньемъ и... капли.

Онъ читалъ красиво, ясно, безъ дѣланнаго паѳоса. Литераторское, а не актерское чтеніе, въ которомъ гораздо больше вкуса, искренности и силы. Кабинетъ съ фамильными портретами и картинами, оригинально выгнутымъ стариннаго типа шкапомъ для книгъ и мягкою мебелью — былъ въ полумракѣ. Только нашъ уголъ, его, сидящаго въ креслѣ, и столъ съ рукописью освѣщала электрическая лампочка. Когда наступало время, онъ принималъ лѣкарство и изрѣдка прохаживался по кабинету уже совсѣмъ нетвердою, старческою походкой.

— Усталъ. Поговоримъ.

И мы говорили по получасу, по часу. Съ трудомъ дошелъ онъ до намѣченнаго мѣста.

— Будетъ. Остальное я не читалъ еще и своимъ, на-дняхъ прочту это и имъ, и вамъ вмѣстѣ. Однако я не ожидалъ, что окажусь сегодня такимъ молодцомъ.

Въ этотъ вечеръ онъ много разсказывалъ о себѣ, о своей литературной дѣятельности.

— Хронику Горбатовыхъ, — говорилъ онъ, — естественно родила сама жизнь. Я задумалъ поначалу одинъ романъ. Дописывая послѣднія главы его, я уже видѣлъ, что не утерплю и вернусь къ своимъ героямъ снова. Такъ и вышло, и то же повторилось при второмъ, третьемъ, четвертомъ романахъ, пока все не завершилось пятымъ. У меня гдѣ-то въ хроникѣ есть замѣчаніе, что я пользовался особыми фамильными документами. Это, разумѣется, авторскій вымыселъ. У меня не было такой канвы. Правда, одно лицо дало мнѣ возможность видѣть частную переписку Павла I, для меня очень цѣнную. Конечно, я изучалъ много рукописей. Благодаря положенію отца, я имѣлъ возможность въ историческихъ музеяхъ и архивахъ видѣть такіе документы, какихъ не могъ видѣть никто. Именно изъ такихъ документовъ я вынесъ свое, а не иное освѣщеніе личности Павла I, за пристрастіе къ которому меня упрекаютъ. Но фамильныхъ записокъ не было. И въ этомъ смыслѣ никогда въ жизни мнѣ не счастливилось. Все являлось естественнымъ итогомъ долгихъ изученій и воображенія. Романы имѣли успѣхъ. Я могу это сказать безъ похвальбы, потому что при нихъ «Нива» возросла съ 20 тысячъ подписчиковъ до 100.

Неизбѣжно рѣчь коснулась основаннаго Всеволодомъ Сергѣевичемъ «Сѣвера».

— Это было тоже одно изъ проявленій моей страсти къ литературѣ, — сказалъ онъ. — Я думалъ дать настоящій литературный дешевый журналъ, но при несомнѣн-

Как в краю неизвѣстномъ, чужомъ,
Все покинутой грѣется домъ,
Как живутъ дорогія чудѣса
В отраженіи вѣчномъ мечтъ —
Так, средь мукъ тоскливыхъ, нуждъ,
Изъ душевной свѣтлой глубины —
Отраженья отчизны моей —
Возвращаются вновь сны....

Всеволодъ Соловьевъ

номъ его сравнительномъ успѣхѣ,—такъ удачно рѣдко кто начиналъ,—я понесъ въ нѣсколько лѣтъ колоссальные убытки—до 100.000 р. и потерялъ здоровье. Боже мой, какую кабалу я несъ! Какое было возмутительно-неблагодарное непониманіе черни! Съ огромными усиліями и за значительныя деньги я добывалъ, напримѣръ, рѣпинскій карандашный рисунокъ Толстого, и меня засыпали письмами: «Ну, Всеволодъ Сергѣевичъ, провели вы насъ,—обѣщали картины, а даете то, что намажетъ мой 9-лѣтній Коля!» А сколько ночей я просидѣлъ, выправляя начинающихъ! Скверно сдѣлано, а горитъ искорка, и—сидишь, свое отдаешь. О, какъ тогда я обкрадывалъ самого себя! Мои крестныя дѣти—поэтъ Сафоновъ и поэтесса М. Лохвицкая. Остальное все затерялось въ морѣ посредственности. Но все-таки то время было лучше, чѣмъ теперь. Потомъ пошло сплошное меркантильное направленіе.

И онъ говорилъ о современности, взволнованный и гнѣвный.

— Не тѣ времена, не тѣ люди. Мы благоговѣли передъ стариками, и старики любили насъ. Я ужъ не говорю о великанахъ. Мнѣ выпало счастье близости къ Достоевскому. Храню его письма. Вотъ книга съ его автографомъ. (Онъ взялъ, кажется, «Преступленіе и наказаніе», врученное авторомъ «дорогому Всеволоду Сергѣевичу».) Многаго я не могъ внести въ свои печатныя воспоминанія объ этомъ человѣкѣ великаго духовнаго порыва и вмѣстѣ великаго грѣха. Мы, впрочемъ, любили и небольшого писателя. Теперь не любятъ писателя вообще. И намъ остается допѣвать печальныя осеннія пѣсни. Вотъ, вы знаете, что я писалъ и пишу стихи, а спросите—многіе ли еще это знаютъ...

Онъ взялъ миніатюрную книжечку, въ пергаментѣ, и раскрылъ ее.

— Сюда вношу, что напишется, и—только. Зачѣмъ печатать то, что никого не интересуетъ? Вотъ вамъ,— онъ улыбнулся,—если хотите, прочту. Вы не осудите.

Онъ читалъ позднѣйшія свои пьески, и отъ нихъ, дѣйствительно, вѣяло осенью. Это были пѣсни догорающаго заката. Я высказалъ ему свое впечатлѣніе.

— А развѣ я не на закатѣ? Вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ старъ. И сердце, сердце!..

III.

... Мы говорили объ его мистическихъ произведеніяхъ и мистическихъ склонностяхъ. Я отмѣтилъ, что постоянная повторяемость у него мистическаго мотива, всѣ его загадочныя фигуры въ романахъ, Николай и Нуръ Сингъ въ «Горбатовыхъ», Захарьевъ-Овиновъ въ «Волхвахъ» и «Великомъ Розенкрейцерѣ», герой «Кимениса», рука котораго машинально пишетъ какъ бы подъ диктовку таинственнаго существа, загадочный «Персъ изъ Индіи», герой «Магнита», чувствующій таинственныя влеченія къ странной женщинѣ, и т. д.,—выдаютъ какъ бы дѣйствительную вѣру его во все, о чемъ онъ разсказываетъ, говорятъ не о случайномъ писательскомъ увлеченіи интересной темой, не о порывѣ, но о постоянной такого свойства настроенности.

— Вы правы,—отвѣтилъ онъ.—Я былъ бы лжецомъ и игрушечныхъ дѣлъ мастеромъ, если бы сочинялъ это, не вѣря, и игралъ въ эти литературныя бирюльки. Я, дѣйствительно, глубоко вѣрю, что «есть многое на свѣтѣ, что не снилось нашей школьной мудрости». Эту вѣру въ таинственное я пронесъ черезъ всю жизнь, глубоко въ ней убѣдился и готовъ былъ бы сейчасъ подтвердить ее смертью. Да, я умеръ бы за нее! И если бы не было этой вѣры или вдругъ не стало, то-есть, я убѣдился бы, что это вздоръ, — не стоило бы жить. Многіе годы я

посвятилъ изученію мистики. Кабы вы знали, какой подготовки стоилъ «Розенкрейцеръ»! Съ дѣтства меня глубоко интересовалъ духовный міръ. Я не оставлялъ безъ разсмотрѣнія и частныхъ отраслей этого знанія. Въ Парижѣ я бралъ уроки у знаменитаго хироманта Дебарроля. Сколько времени я возился съ Блаватской! Я хватался за все, гдѣ чувствовалъ легкое приподнятіе таинственной завѣсы Изиды. Я былъ внимателенъ къ своей жизни и останавливалъ вниманіе надъ тѣмъ, мимо чего обычно проходятъ. Попробуйте такъ слѣдить за своей жизнью, и многое, повидимому, мелкое и ничтожное, вдругъ освѣтится передъ вами какъ значительное, важное, полное глубокаго смысла, выдающее участіе разумной силы. Передо мной прошли замѣчательные люди и удивительныя книги и рукописи. Въ «Розенкрейцерѣ» мнѣ не удалось сказать и десятой части того, что я хотѣлъ бы сказать, хотя изучившій мистику и найдетъ тамъ между строкъ гораздо больше, чѣмъ простой читатель. И мое сѣмя падало не всегда на камни. Иногда я слышалъ живой откликъ на свое слово. Мнѣ никогда не забыть, какъ по напечатаніи «Розенкрейцера» ко мнѣ явился одинъ офицеръ, пріѣхавшій спеціально откуда-то издалека, съ безпокойнымъ вопросомъ, который онъ поставилъ мнѣ съ дрожью въ голосѣ: «Скажите мнѣ, только совершенно искренно: правда ли то, что вы написали въ «Розенкрейцерѣ»? Если это вашъ вымыселъ,—пусть это признаніе останется въ вашихъ стѣнахъ. Если же это правда, такъ вѣдь это настолько значительно, что стоитъ бросить все—службу, радости жизни, семью, обезпеченное положеніе, любимое дѣло—и итти, и искать...» Я отвѣтилъ ему коротко: «Если это выдумалъ я, — преклоняйтесь предо мной, потому что, значитъ, я геніаленъ, если мой умъ могъ создать все это». И на этомъ кончился нашъ разговоръ.—Я не знаю, кто такъ летѣлъ на этотъ интересъ таинственнаго, какъ

я или мой братъ Владиміръ. Всѣ Евзаніи Паладино, Самборы и всяческіе иные спириты, чудотворцы, юродивые и шарлатаны прошли передъ нашими глазами. Какіе сеансы были у насъ съ братомъ наединѣ, когда мы просиживали ночи, и у насъ сами загорались и сами гасли свѣчи? Одинъ случай остался навѣки въ моей памяти. Ночью мнѣ приснились стихи. Это сряду и сплошь бываетъ съ тѣми, кто пишетъ стихи. Я всталъ и записалъ ихъ. Утромъ ко мнѣ пришелъ Владиміръ и разсказываетъ. «Какая странность! Мнѣ ночью приснились стихи и—не хуже того, что я пишу днемъ. Слушай!» Я уже зналъ, что онъ прочтетъ мои, и—такъ вышло...

Во все это онъ вѣрилъ кротко и просто, и во многое, еще менѣе вѣроятное и неожиданное. Когда разъ я невольно воскликнулъ: «Вы меня мистифицируете!»— В. С. поднялъ руку къ головѣ и сказалъ: «Посмотрите, у меня сѣдые волосы, а вы почти мальчикъ! Зачѣмъ мнѣ васъ мистифицировать?» Мнѣ казалось, что часто онъ самъ увлекался, вводилъ, самъ того не замѣчая, въ разсказъ, какъ прирожденный беллетристъ и любитель мистики, подробность, какой не было въ дѣйствительности. И, можетъ-быть, въ разсказѣ о приснившихся стихахъ правда была только въ сродствѣ образа, въ совпаденіи стиха, — что въ его памяти искренно претворилось въ чудо, какъ часто бываетъ съ ищущими чуда...

— Я всегда былъ мистикомъ, — продолжалъ Всеволодъ Сергѣевичъ,—и все въ этой области меня влекло. Мнѣ всегда нравились старинныя вещи. Я вѣрю, что нѣкоторая часть духовнаго какъ бы отслояется на вещественное. Оттого я очень люблю, напримѣръ, древнія иконы. Меня ничуть не удивляетъ старообрядецъ, въ которомъ такой образъ сразу воспламеняетъ духъ. Фамильная иконка, маленькій мѣдный складень, которымъ прабабка благословляла мать! Вотъ этакая! (Онъ куда-то

вышелъ и черезъ минуту принесъ маленькую мѣдную литую иконку, съ налетомъ зелени.) Сколько душъ черезъ ея посредство горѣло и летѣло въ высь, слагало на ней молитвы, благодарность, жалобу, смертную тоску!.. Вы только подумайте!..

Бесѣда сплошь соскользнула на эти темы. В. С. говорилъ объ евангеліи, о несимпатичномъ ему пониманіи его Толстымъ, о Кириллѣ Александрійскомъ, нѣкоторые частные взгляды котораго онъ готовъ былъ раздѣлять, о спиритизмѣ, которымъ когда-то сильно интересовался, о таинственномъ въ жизни. Онъ былъ положительно неистощимъ въ иллюстраціяхъ проявленій въ бытіи этого мистическаго начала, — онъ искалъ этого, и его опытъ былъ здѣсь, естественно, чрезвычайно обширенъ. Выяснялось удивительно стройное, красивое и по-своему убѣдительное міровоззрѣніе его, ясно и достаточно просто разрѣшавшее философскій узелъ жизни, удостовѣрявшее въ торжествѣ высшей правды въ судьбѣ человѣка и придавшее одухотворенный смыслъ жизни. Что иногда предносилось уму, какъ поправка къ существующему взгляду, какъ мистическая догадка,—оказывалось давно принятымъ элементомъ его стройной системы, улегшимся въ ней въ соотвѣтственной рамкѣ...

Во время минутной паузы онъ всталъ и, уйдя въ тѣнь отъ освѣщеннаго стола, воскликнулъ:

— Удивительная бесѣда! Вотъ замѣчательно! Лѣтъ двадцать назадъ совершенно былъ бы невозможенъ такой разговоръ! Тогда не говорили о такихъ вопросахъ и даже не было такихъ вопросовъ. Не интересовались. И еще между стариками, какъ я, пожалуй, но вѣдь вы-то молодой!.. Положительно мѣняются времена!..

Въ томъ углу, гдѣ онъ стоялъ, было уже совершенно темно. Шелъ второй часъ ночи. Въ моей сторонѣ кабинета я могъ различать на стѣнѣ очертанія портре-

товъ, до которыхъ едва долеталъ свѣтъ, выбивавшійся изъ-подъ низкаго абажура.

Въ эту ночь я уносилъ съ Стремянной улицы впечатлѣніе одного изъ интереснѣйшихъ вечеровъ моей жизни.

... Новое чтеніе на слѣдующій разъ удалось плохо. Прочитавъ листовъ десять, на этотъ разъ въ присутствіи своихъ родныхъ, В. С. усталъ, изнемогъ и сложилъ рукопись.

— Простите. Обманулъ. Не могу читать.

IV.

И мы снова остались одни въ томъ же кабинетѣ за обычными разговорами и засидѣлись за полночь. Говорили на тѣ же темы,—литературныя и мистическія,— онъ вспоминалъ о Достоевскомъ, отмѣчая въ частности пророчества его о ницшеанскомъ антихристѣ, говорилъ объ отцѣ, о Писемскомъ, Тургеневѣ, котораго не очень любилъ, и какъ человѣка, и какъ писателя, о Леонтьевѣ, котораго считалъ неоцѣненнымъ и напрасно забвеннымъ, о братѣ Владимирѣ, о Горькомъ, о «Мысли» Андреева, въ героѣ которой было нѣчто общее съ героемъ его послѣдняго романа «Цвѣты бездны», о его взглядѣ на русскій историческій романъ и нашъ мистическій разсказъ (Гоголя, Тургенева, Лѣскова), о загадочной мистической рукописи масонскаго происхожденія, которую я принесъ ему и которая его очень заинтересовала, о тайныхъ наукахъ, розенкрейцерствѣ, Эккартсгаузенѣ, Юнгѣ, Элифасѣ Леви, Блаватской и своей книгѣ о ней, о хиромантіи и графологіи, Лурдѣ и вынесенныхъ оттуда впечатлѣніяхъ и, наконецъ, о своемъ больномъ сердцѣ. Онъ и боялся за него и хотѣлъ вѣрить, что жизнь еще не кончается, хотя въ своемъ міровоззрѣніи находилъ утѣшеніе даже и при мысли о концѣ.

— Одна жизнь кончится — начнется другая. А мнѣ ужъ и такъ—«все покинутый грезится домъ»... Помните?

Онъ напоминалъ мнѣ свое осьмистишіе, вписанное въ мой литературный альбомъ.

«Какъ въ краю непріютномъ, чужомъ,
Все покинутый грезится домъ,
Какъ живутъ дорогія черты
Въ отраженіи вѣчномъ мечты,
Такъ средь муки томленья, порой,
Изъ душевной свѣтя глубины,—
Отраженья отчизны иной—
Возвращаются вѣчности сны ...

Вскорѣ Всеволодъ Сергѣевичъ уѣхалъ въ Валдай, гдѣ лѣтомъ едва не умеръ. Заглянувъ на нѣсколько дней въ Петербургъ въ самомъ началѣ августа 1903 года, Соловьевъ вызвалъ меня къ себѣ письмомъ, и я трижды видѣлся съ нимъ въ теченіе недѣли. Онъ страшно похудѣлъ, сталъ какимъ-то другимъ, мало похожимъ на себя, прежняго, и совсѣмъ непохожимъ на свои существующія фотографіи.

— Не правда ли, какъ я страшно похудѣлъ?

Не соглашаться съ нимъ было нельзя, — видѣлъ же онъ себя въ зеркало! — и приходилось напирать на то, что въ немъ явилась какая-то живость, точно легкость и бодрость духа, и оживленіе въ глазахъ. Онъ точно обрадовался.

— Да, да! Это не вы одинъ говорите. Теперь убѣгу отъ вашей осени, и если ее протяну, то, должно-быть, въ самомъ дѣлѣ останусь живъ.

И онъ радостно разсказывалъ, какъ «буквально убѣжалъ» отъ смерти, точно чудомъ, и Валдай его поднялъ. Опять бьется сердце, циркулируетъ кровь, явился интересъ къ жизни...

Онъ былъ опять полонъ планами и замыслами, подсчитывалъ находящіяся въ замыслѣ и начатыя вещи. «Форнарина», потомъ историческій романъ «Шестьсотъ шестьдесятъ шесть» (о Наполеонѣ), изъ котораго уже

написано нѣсколько первыхъ главъ... Онъ говорилъ, что какъ только осядетъ на мѣсто, кончитъ послѣднюю часть «Цвѣтовъ бездны». Потомъ—за большую, листовъ въ пять, неисторическую повѣсть мистическаго характера. Нѣкоторыя частности ея уже созрѣли. Журналъ, ее принимающій, долженъ только не испугаться мистики. «А то,—разсказалъ онъ, — былъ у меня нѣкогда одинъ почтенный издатель, и мы совѣщались съ нимъ о моей вещи. «Только нельзя ли, говоритъ, чтобы тамъ не было... ну, этой вашей мистики»...— Нѣтъ, говорю, тамъ будетъ «эта моя мистика», и потому кончимъ о дѣлѣ и побесѣдуемъ на частныя темы».

При прощаньи онъ вспомнилъ частность одного изъ раннѣйшихъ нашихъ разговоровъ,—мой разсказъ о положительно необыкновенномъ и загадочномъ человѣкѣ, встрѣченномъ мною однажды въ Москвѣ. Вспомнилъ и обрадовался.

— Вотъ хорошо, что вспомнилъ. Непремѣнно дайте мнѣ его адресъ. Я его разыщу и потомъ разскажу вамъ...

... Онъ уже ничего не разскажетъ, если даже и нашелъ и повидалъ необыкновеннаго старика, и не закончитъ «Цвѣтовъ бездны», и съ его смертью погибъ замыселъ его мистической повѣсти.

Это была наша послѣдняя встрѣча. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Москву, и въ двадцатыхъ числахъ октября телеграфъ принесъ оттуда печальную вѣсть о смерти третьяго и меньшаго изъ прекрасной и удивительной семьи Соловьевыхъ.

BINDING SECT. OCT 23 1974

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3011
I9

Izmailov, Aleksandr
Aleksandrovich
Literaturnyi Olimp